

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

Сентябрь — Октябрь

1977

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТОРЖЕСТВО ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Советский народ, все прогрессивное человечество готовятся торжественно отметить славное шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Победа Октября была одержана под боевым знаменем пролетарского интернационализма, она вошла в историю как практическое воплощение интернационалистических идеалов рабочего класса в деятельности революционных масс. **«Пролетарский интернационализм,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— важнейший, проверенный жизнью принцип деятельности коммунистов.** Он пронизывает все содержание теории и практики научного коммунизма»¹.

Неодолимая сила идей марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма как их неотъемлемой составной части была подчеркнута XXV съездом КПСС, сформулировавшим в своих документах интернационалистический курс на дальнейшее укрепление мировой системы социализма, сплочение коммунистических рядов на интернациональной основе, определившим основные направления борьбы против идеологии и политики империализма, за мир, безопасность народов и социальный прогресс.

Пролетарский, социалистический интернационализм есть марксистско-ленинское учение о революционной солидарности, классовом единстве рабочих, трудящихся всех стран и национальностей, учение о дружбе, братстве и взаимопомощи свободных и равноправных народов. Пронизывая собой основные положения марксизма-ленинизма, интернационализм выступает как идеология и политика рабочего класса и всего социалистического общества по национальному вопросу, по важнейшим проблемам международного рабочего, коммунистического и национально-освободительного движения. Это целостная концепция, отражающая философский, политический, социально-экономический, морально-психологический аспекты классового единства трудящихся всего мира. Пролетарский интернационализм выступает как теоретическое обобщение классовой борьбы пролетариата на мировой арене, как философское, диалектико-материалистическое осмысление сложнейших национальных и интернациональных процессов, происходящих в недрах общественных отношений. В своих идеях и принципах интернационализм отражает реальную практику живых интернациональных связей между трудящимися всех стран и национальностей, социальную практику их международного единения.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла в истории человечества новую эпоху перехода общества от капитализма к социализму, эпоху освобождения и подлинного возрождения народов.

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года». М., 1977, с. 22.

Она совершила коренной поворот в исторических судьбах ранее угнетенных народов, вовлекла их в самостоятельное социально-историческое творчество. Раскрыв объективные законы развития общества, марксисты-ленинцы задолго до победы Октябрьской революции предвосхитили историческую необходимость формирования и развития отношений интернационализма между народами. Исторический опыт подтвердил предвидение основоположников научного коммунизма, учивших, что победа социалистического общественного строя откроет путь всестороннему развитию и интернациональному сплочению наций и народностей, подлинному торжеству идей и принципов пролетарского интернационализма, воплощенного в образе жизни миллионов людей.

Победа Великого Октября, революционная практика социалистического и коммунистического строительства в нашей стране, утверждение социализма как мировой системы обогатили содержание и расширили основы пролетарского интернационализма. Развивая идеи Маркса, Энгельса, Ленина о пролетарском интернационализме, партия ныне дает глубокое определение его революционного содержания: «Солидарность рабочего класса, коммунистов всех стран в борьбе за общие цели, поддержка ими борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, добровольное сотрудничество равноправных, независимых братских партий, органичное сочетание ими в своей политике национальных и интернациональных интересов трудящихся — это и есть пролетарский интернационализм в действии. Он был и остается мощным, испытанным оружием коммунистического и рабочего движения»².

Значение интернационализма как важнейшего принципа деятельности коммунистов определяется тем, что в нем со всей полнотой исторической достоверности и научной обоснованности раскрыты: одинаковость социального положения трудящихся во всех странах капитала, невзирая на различия многообразных национальных особенностей и традиций; единство социальных целей и идеалов трудящихся всех национальностей, единство их коренных классовых интересов; интернациональная сущность, международный характер классовой борьбы в современном обществе, единство стратегии и тактики пролетариата в этой борьбе, главные средства и формы защиты им своих классовых интересов; интернациональная сущность, интернациональный характер диктатуры пролетариата и социалистических преобразований, единство основных законов строительства нового общества; интернациональные основы мировоззрения и политических принципов всего международного рабочего и коммунистического движения.

Миропонимание пролетарского интернационализма, вытекающее из краеугольных положений марксизма-ленинизма, основано на признании единства законов мирового развития, которым с одинаковой естественноисторической необходимостью подвластны все страны и народы мира. Исходя из единства критериев общественного прогресса, интернационализм требует признания социально-исторической равноценности народов мира, осуществления свободного развития наций и национальностей на основе их равноправия, добровольного объединения и интернационального единства, дружбы и взаимопомощи.

Жизненность принципов и положений интернационализма подтверждается всем огромным историческим опытом Великой Октябрьской социалистической революции, совершившейся в результате революционного содружества трудящихся масс всех национальностей нашей страны. Эта первая в истории революция, в которой участвовали трудящиеся массы такого числа национальностей. В результате победы этой революции Россия из страны, бывшей, по образному выражению В. И. Ленина, тюрьмой народов, превратилась в страну подлинного равенства,

---

² «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 22.

в страну, где впервые практически испытывались и утверждались идеи марксизма-ленинизма об интернациональном содружестве народов.

Советский опыт показал, что расовые, этнические, языковые различия, как и различия в уровнях развития народов, не являются непреодолимым препятствием для их объединения в рамках единого социалистического государства. Более того, именно государственно-политическое объединение народов, осуществленное на социалистической основе, обеспечило невиданные темпы их всестороннего развития, с наибольшей полной обнаружив историческое преимущество нового общественного строя.

Советский Союз — социалистическое Отечество более ста наций и народностей, национальных и этнических групп, спаянных общностью коренных социально-экономических интересов, единством целей, задач и идеалов. Советское государство стало политической формой укрепления дружбы народов, орудием социального и интернационального сплочения трудящихся в целях строительства социализма и коммунизма. Будучи воплощением марксистско-ленинских принципов национально-государственного строительства, Советское государство обеспечило: полное равенство и равноправие граждан, независимо от их национальной и расовой принадлежности; привлечение трудящихся всех национальностей к государственному управлению; всесторонний учет специфических интересов и особенностей — традиций и обычаев, своеобразия исторического развития отдельных народов; интернациональную дружбу и сотрудничество.

Советское государство на деле обеспечило невиданную, невозможную в условиях капитализма, свободу и демократию для трудящегося большинства. Гарантированные права на труд и отдых, свобода от всех форм угнетения и эксплуатации, равенство и полноправие, единство прав и обязанностей, широкий комплекс гражданских свобод, закрепленных в Конституции СССР и конституциях союзных республик, получили свое воплощение в советском государственном строе, прочно вошли в социалистический образ жизни.

«Опыт показал,— говорил на майском Пленуме ЦК КПСС 1977 года Л. И. Брежнев,— что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя»³.

Братская дружба и взаимопомощь народов СССР стали животворным источником их социально-экономического и культурного роста. Дружба и единство всех наций и народностей, составляющих Советский Союз — одно из важнейших завоеваний социализма. Образование и успешное развитие СССР, подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 60-летию Великого Октября, является триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинно интернационального характера⁴.

Социально-экономические и культурные завоевания многонационального советского народа наглядно демонстрируют созидательную силу и торжество марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма. Если до революции на долю нашей страны приходилось лишь немногим более 4% мировой промышленной продукции, то сегодня — 20%. Навсегда уничтожены социальные язвы капитализма — голод, нищета, безработица, массовая неграмотность, социальный и национальный гнет. Трудящимся открыт широчайший доступ к знаниям, богатствам духовной культуры. Советский народ — самый образованный в мире, каждый третий житель Советского Союза охвачен тем или иным видом обучения. Сорок народностей страны, не имевших в прошлом собствен-

³ Л. И. Брежнев. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. — «Правда», 5 июня 1977 г.

⁴ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 11.

ной письменности, обрели за годы Советской власти научно разработанную письменность и развитые литературные языки. По числу инженеров, врачей и научных работников, по числу библиотек и клубных учреждений на каждые 10 тысяч человек населения, по посещаемости музеев и театров и по многим другим приметам культурного роста советский народ занимает первое место в мире.

Октябрьская революция, открыв путь коренным социалистическим преобразованиям в жизни всех народов страны, дала тем самым мощный толчок также и их социально-этническому развитию. В русло интенсивных социально-экономических процессов были вовлечены не только крупные нации и народности, но и численно малые народности, национальные и этнические группы. Большие и малые народы получили возможность свободного национально-государственного устройства, свободного, всестороннего развития. Динамика социально-этнических процессов, обусловленных стремительным ходом социалистического и коммунистического строительства, получила отражение в прогрессивных изменениях национальной структуры советского общества, совершенствовании конкретно-исторических форм общественного развития всех братских народов СССР.

В недалеком прошлом нации и народности СССР значительно отстояли друг от друга по уровню общественно-экономического и культурного развития, исповедовали разные религии, придерживались самых разных традиций и обычаев, разговаривали на разных, далеких и непонятных друг другу, языках. Прежде, в условиях классово-социальных антагонизмов такие различия отчуждали. В условиях же победившего социализма, в ходе формирования и развития всесторонних нерасторжимых взаимосвязей между нациями и народностями их специфические особенности, традиции и достижения, наиболее ценный опыт их исторического развития взаимно обогащают и дополняют друг друга.

Преодоление межнационального социально-экономического и культурного отчуждения национальностей, вовлечение народов, находившихся в прошлом в стороне от магистральной дороги истории, в грандиозный процесс строительства новой жизни, превращение их в подлинный субъект собственной истории — все это вместе явилось практическим воплощением в жизнь принципов и идеалов интернационализма, направленных на освобождение людей от узких, консервативных рамок национальной отсталости, ограниченности, и тем самым открыло путь к свободному и всестороннему развитию духовных и физических сил человека.

В условиях социализма, торжества принципов интернационализма, воплощенных во всей системе национальных отношений и предполагающих гармоническое сочетание интересов развития наций с их дружбой и взаимопомощью, народы не могут развиваться, одновременно не сближаясь. Всесторонний расцвет и неуклонное сближение являются объективным законом социалистического национального развития, реализуемым в интернационалистической политике КПСС. Сближение наций, выражаясь в преодолении различий тех или иных сторон жизни народов (в первую очередь, различий в уровнях экономического и социально-культурного развития), способствует укреплению и углублению интернационального единства наций на основе общности их интересов, общей жизненной заинтересованности как в расцвете каждой из них, так и во взаимном сближении. Эти процессы создают максимально благоприятные условия для свободного развития людей, роста их культуры и социальной активности. Они расширяют радиус действия идеологии и социальной практики интернационализма, обеспечивают сплочение наций и народностей в составе единого и многонационального советского народа. Подлинно национальные ценности в этих условиях становятся интернациональными, общесоветскими, не утрачивая при этом своих

корней и самобытности. Интернациональное единство народов СССР не отрицает многообразия национальных форм культуры и языков. Многонациональная советская культура развивается в условиях свободного творчества и взаимного духовного обогащения, влияния друг на друга всех наций и народностей. Национальное в культурах народов СССР гармонически сочетается с общечеловеческим и интернациональным. Интернациональное, общесоветское развивается на основе взаимодействия национальных факторов. Синтезируя подлинное богатство и разнообразие национального, интернациональное и общесоветское становятся неотъемлемой частью духовной жизни каждого из народов СССР.

Важнейшим итогом разрешения национального вопроса в СССР явилось формирование новых социалистических наций и народностей и их интернациональное сплочение, создание национальных отношений нового исторического типа. Равенство, воплотившееся в активном и равноправном сотрудничестве социалистических наций и народностей, в их развитии и расцвете, общность, воплотившаяся во всесторонней взаимопомощи, товарищеской взаимовыручке народов, соединивших свои трудовые усилия, материальные ресурсы и духовные ценности в качественно новой интернациональной форме — таковы результаты социалистических преобразований, начало которым положила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Идеология интернационализма ознаменовала коренные социально-экономические преобразования в жизни народов СССР. Возведенный в принцип государственной политики, интернационализм выразил общность коренных интересов и единство великой цели всех народов Советского государства. Он духовно сблизил, сплотил народы, освободив их от различных форм националистической идеологии, национальной ограниченности и предрассудков. Утверждение идей и принципов интернационализма в реальной социальной практике расчистило дорогу всестороннему сотрудничеству и взаимопомощи народов СССР, их братской дружбе и интернациональному единению. Важнейшим проявлением торжества идей и положений социалистического интернационализма явилось образование новой исторической общности людей — советского народа, объединившего все классы, социальные группы, нации и народности советского общества. Формирование новой исторической общности людей является итогом исторических преобразований всей системы общественных отношений в СССР.

Новая историческая общность людей знаменует собой важный этап в дальнейшем разворачивании всемирно-исторических процессов интернационализации общественной жизни на социалистической основе — этап, выражающий высокий уровень зрелости социалистических общественных отношений в условиях многонациональной страны. Развитие советского народа как единого целого ведет к дальнейшему сближению народов СССР, углублению их социального и интернационального единства.

Именно на этой базе сложилось и окрепло чувство советского патриотизма, интернациональное в самой своей основе. Великая Отечественная война с небывалой яркостью продемонстрировала силу и действенность этого чувства. И в то же время вся история нашего государства есть пример тесной взаимосвязи в решении задач национальной и международной политики страны. Всегда и неизменно СССР был на страже мира, демократии и прогресса в любой части земного шара.

«Союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции при ведущей роли рабочего класса стал прочной, нерушимой основой сложившейся в нашей стране новой исторической общности — советского народа»⁵, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й го-

⁵ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 11.

довщине Великой Октябрьской социалистической революции». Монолитной материальной основой интернационального единства советского народа стал сложившийся в пределах всей страны единый народнохозяйственный комплекс. Обеспечен высокий уровень социально-экономического развития всех народов страны, расцвели их экономика и культура — национальная по форме, социалистическая по содержанию, интернационалистическая по духу и характеру. Утвердилось спаянное общностью коренных интересов, цели и образа жизни интернациональное братство людей десятков различных национальностей.

Духовное единство советского народа воплотилось в пролетарском интернационализме и советском патриотизме, диалектико-материалистическом мировоззрении, нормах социалистического образа жизни.

В этом единстве — яркое проявление торжества идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Современный этап развития многонациональной культуры советского народа тесно связан с научно-технической революцией, бурно вторгающейся во все сферы социального бытия. Важнейшей особенностью современного развития многонациональной советской культуры является прогрессирующая интернационализация духовной жизни, тесно связанная с перспективными процессами все большего превращения науки в непосредственную производительную силу. Особое место здесь занимает возрастающее научное сотрудничество республик, все более быстрое развитие межнационального обмена духовными ценностями, знаниями, опытом. На базе общих достижений советской культуры происходит выравнивание уровня культурного развития всех наций и народностей страны.

Главной целью интенсивного развития всех сторон духовной жизни советского народа на завершающем этапе культурной революции является воспитание нового человека, вовлечение его в процесс активного строительства нового общества. Глубоко гуманистический характер марксистско-ленинского понимания сущности культуры заключается в рассмотрении ее как творческой деятельности, которая есть основное свойство всесторонне развитой личности. Коммунизм создается людьми и во имя людей. Человек является главной ценностью советского общества, и основная задача культурного процесса в развитом социалистическом обществе — это создание наиболее благоприятных условий для всестороннего развития личности, для расцвета ее сущностных сил и способностей. Речь при этом идет не о каких-либо исключительных личностях, а о возрастающей роли «обычных», «рядовых» советских людей, граждан развитого социалистического общества. Социально-культурная значимость каждого человека определяется богатством духовного мира, деятельным участием в строительстве коммунистического общества. В нашем обществе он ценен содержанием и размахом своих дел, творческих замыслов и планов, самоотверженным служением многонациональной социалистической Родине. В нем гармонично сочетаются интернациональные и патриотические идеалы трудящихся.

В решении задач всестороннего развития советской культуры, дальнейшего совершенствования условий социального и культурного развития советского человека огромная роль принадлежит идеологии и социальной практике интернационализма. Социалистический интернационализм глубоко вошел в сознание и образ жизни братских народов СССР, стал нормой поведения советских людей всех национальностей. Возникло новое глубокое чувство интернациональной общности наций и народностей СССР — чувство общенациональной гордости советского человека. Это емкое, богатейшее по своему содержанию чувство, вобравшее в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творчеством миллионов советских людей.

Партия всегда рассматривала и рассматривает идеи и положения социалистического интернационализма как мощное духовное, идеологическое средство дальнейшего укрепления единства многонационального советского народа.

Патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся, особенно подрастающего поколения, является одним из важнейших направлений идейно-воспитательной работы, которому партия оказывает неослабное внимание. В материалах XXV съезда КПСС, в речах и выступлениях Л. И. Брежнева глубоко раскрыта решающая роль идей и принципов интернационализма в укреплении единства сил мирового революционного процесса, творчески развиты важнейшие требования интернационализма применительно к современным условиям.

Идеи XXV съезда КПСС о возрастании роли пролетарского, социалистического интернационализма в общественном прогрессе обогащают сокровищницу марксистско-ленинской теории, вооружают коммунистов в их идейно-воспитательной работе.

Партия добивается тесной связи интернационального воспитания с другими направлениями коммунистического воспитания. Это закономерно, ибо в современных условиях рост интернационализации всех сторон общественной жизни, возрастание и усложнение социально-экономических задач коммунистического строительства, расширение и усложнение фронта идеологической борьбы в условиях разрядки международной напряженности выдвигают новые проблемы, которые необходимо решать в ключе интернационального воспитания. Углубление социально-экономических и культурных взаимосвязей между народами СССР настоятельно требует соответствия всех сторон и направлений системы интернационального воспитания специфике зрелого социализма, нынешнего этапа расцвета и сближения социалистических наций. Совершенствование всей системы интернационального воспитания в огромной степени способствует неуклонному проведению в жизнь ленинских принципов национальной политики, сплотившей десятки наций и народностей страны в новую интернациональную, историческую общность — советский народ.

Заботой о расцвете экономики и культуры народов СССР и их интернациональном сплочении проникнута вся многогранная деятельность Коммунистической партии, ее Центрального Комитета. И это само по себе уже является огромным идейно-воспитательным фактором. Дальнейший подъем экономики и культуры советского народа, каждой социалистической нации, укрепление их интернационального единства предусматривается решениями XXV съезда КПСС. Съезд, ставший исторической вехой на пути советского общества к коммунизму, разработал всестороннюю программу дальнейшего развития советского народа. Решение задач, которые определены в принятых съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», будет означать дальнейший рост благосостояния и культуры советских людей, создаст еще более благоприятные условия для дальнейшего интернационального сплочения наций и народностей в составе новой исторической общности людей — советского народа.

Укрепление социально-экономической общности и идейно-политического единства братских народов еще больше расширит сферу действия интернациональных факторов общественного развития, усилит воздействие идеологии интернационализма на все стороны жизни и поведения советских людей.

Накануне 60-летия Великого Октября многонациональный советский народ подводит итоги историческим свершениям, достигнутым на пути социалистического и коммунистического строительства. «Шестидесятилетие Октября,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»,— явля-

ется важной вехой в жизни советского народа, в развитии всего мирового освободительного движения. Наша страна, все прогрессивное человечество встречают эту знаменательную дату под знаком новых побед социализма, учения Маркса, Энгельса, Ленина, идей пролетарского интернационализма, ярко демонстрирующих свою великую революционно-преобразующую силу»⁶.

Историческим событием, которое знаменует 60-ю годовщину Октября, является принятие новой Конституции СССР, что станет важной вехой в политической истории многонационального советского народа, в укреплении его интернационального единства.

Со времени принятия ныне действующей Конституции в жизни нашего общества, всех народов СССР произошли глубокие изменения. Построено развитое, зрелое социалистическое общество; единый, мощный народнохозяйственный организм развивается на основе сочетания достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. Растет социальная однородность советского общества, прочнее стал нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Все больше сближаются самым ходом своей жизни все нации и народности страны. Сформировалась новая историческая общность людей — советский народ. Опираясь на достигнутое, советский народ под руководством Коммунистической партии решает новые грандиозные исторические задачи коммунистического строительства. Как указывалось на майском Пленуме ЦК КПСС 1977 г., все эти перемены нашли свое отражение в проекте новой Конституции СССР. Новая Конституция обеспечит еще больший рост интернациональной сплоченности советского народа, подлинно демократическое сочетание общих интересов многонационального Советского государства и интересов каждой из образующих его республик, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей Советской страны. В проекте указывается, что суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР. Причем республики получают новые суверенные права, например, право участия в решении союзными органами вопросов, отнесенных к ведению Союза ССР; за союзными республиками закрепляется право законодательной инициативы в Верховном Совете СССР. В то же время все большее сближение народов СССР подсказывает необходимость укрепления союзных начал советской социалистической государственности.

Выступая на майском Пленуме ЦК КПСС 1977 г., Л. И. Брежнев подчеркнул, что «принятие новой Конституции СССР, конституции развитого социализма, конституции строящегося коммунизма, будет не только историческим событием для нашей страны, но и событием огромного международного значения. Ее воплощение в жизнь будет оказывать глубокое долговременное влияние далеко за пределами нашей Родины»⁷. Новая Конституция — это конституция общества высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов. Она есть воплощение идей Великого Октября, торжества интернационализма.

---

⁶ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», с. 3.

⁷ Л. И. Брежнев. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Ю. В. Бромлей

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА

За 60 лет, отделяющих нас от Великой Октябрьской социалистической революции, под руководством КПСС во всех сферах социальной жизни сложилось и возрастает единство наций и народностей нашей страны, получившее свое воплощение в новой исторической общности — советском народе. Интернационализация всей хозяйственной, политической и духовной жизни общества является, как известно, закономерностью социализма. Подчеркивая это обстоятельство, вместе с тем важно не упускать из вида, что интернациональное органически связано с национальным; оно, как указывал В. И. Ленин, не существует вне национального. И такого рода взаимосвязь представляет собой в конечном счете одно из проявлений в социальной сфере более широкой закономерности — диалектического единства общего и особенного. Но само это единство, если его рассматривать в динамике, в свою очередь есть не что иное, как две взаимосвязанные тенденции, одна из которых имеет интегрирующий, другая — дифференцирующий характер.

Эти две тенденции прослеживаются на всем протяжении всемирной истории. В первобытнообщинной формации они наглядно проступают, с одной стороны, в отпочковании от племени отдельных частей и перемещении их на новые территории — процессе, в ходе которого была заселена основная часть эйкумены, с другой — в появлении различных межэтнических образований, следы существования которых фиксируются, в частности, в виде так называемых археологических культур, нередко представляющих собой весьма обширные в пространственном отношении культурные общности. В докапиталистических классовых обществах тенденция дифференциации проявилась как в одновременном существовании (вследствие неравномерности социально-экономического развития) этнических общностей, принадлежащих к разным социально-экономическим формациям, усилении хозяйственно-культурных различий между ними, так и в расширении сфер проявления различий между самими основными этническими общностями той эпохи — народностями. Что касается интегрирующей тенденции, то она в то время выражалась и в укрупнении масштабов основных этнических подразделений, и в расширении хозяйственных и культурных связей между ними, и в появлении обширных историко-этнографических ареалов (хозяйственно-культурных, языковых, религиозных), и в образовании крупных государственно-политических единиц и т. п. Притом существенно подчеркнуть, что именно эта интегрирующая тенденция уже на ранних этапах всемирной истории выступает как доминирующая.

Особенно интенсивным действие рассматриваемых тенденций становится, как известно, с наступлением эры капитализма. Оно проявляется, с одной стороны, в формировании и развитии основных социоэтнических подразделений той эпохи — наций, с другой — в усилении их общности,

т. е. в интернационализации. Именно это явление и раскрывает разработанная В. И. Лениным концепция двух тенденций в национальном вопросе, единство которых, как он подчеркивал, «суть — мировой закон капитализма»¹. Первая тенденция, писал он, это «пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и утаивание всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.»².

Рассматривая вторую тенденцию, В. И. Ленин отмечал, что межнациональное сближение характерно в первую очередь для многонациональных государств (например, для России), так как в их пределах нации «связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»³. Усиление межнациональных контактов в таких странах обусловлено развитием экономики, которая сплавливает живущие в одном государстве нации, ломает национальные перегородки, приводит к территориальному смешению различных национальностей в городах и промышленных районах⁴. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что «всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций... с каждым десятилетием проявляется все могущественнее... составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁵.

Очень важна мысль В. И. Ленина о том, что победа социалистической революции должна привести к дальнейшему усилению тенденции межнационального сближения. «...Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества, — отмечал он, — все более интернационализуется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализует ее»⁶. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, всеми силами тянутся к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»⁷.

В последние годы в нашей печати неоднократно поднимался вопрос об исторических рамках действия открытых В. И. Лениным двух тенденций в национальных процессах. При этом справедливо отмечалась ошибочность механического перенесения закономерностей, действующих при капитализме, на социалистическое общество и подчеркивалось, что «нация — категория социально-историческая. Ее экономическая основа... ее классовая структура и социально-исторические устремления, духовный облик, то есть все то, что характеризует данный исторический тип нации, коренным образом изменяются в результате перехода от капитализма к социализму». Что же касается этнических признаков, то они «сохраняются и развиваются в преобразованном виде и в условиях социализма»⁸. И правы, на наш взгляд, те авторы, которые в данной связи пишут, что если «чисто классовые характеристики нации при смене формаций изменяются коренным образом, то присущие ей этнические свойства в значительной мере сохраняются»⁹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 124.

² Там же.

³ Там же, с. 175.

⁴ Там же, с. 134.

⁵ Там же, с. 125.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 36; см. также т. 27, с. 256.

⁸ «Коммунист», 1969, № 13, с. 7. См. также «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974, с. 72—81.

⁹ П. М. Рогачев, М. А. Свердлов. Нации — народ — человечество. М., 1967, с. 72. См. также: А. М. Егизарян. Об основных тенденциях развития социалистических наций СССР. Ереван, 1965; А. Г. Агаев. К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе. — «Строительство коммунизма и проблемы сближения наций». Киев, 1969.

Недопустимость механического перенесения на социалистическое общество отмеченных В. И. Лениным тенденций — совершенно очевидна. Ясно, что формы их проявления в новых условиях неизбежно претерпевают коренные изменения.

Одно из кардинальных различий такого рода связано с тем, что на протяжении многих тысячелетий истории человеческого общества преобладание интегрирующей тенденции его развития не получило адекватного отражения в общественном сознании. Подобное осознание этой закономерности появляется лишь с возникновением марксизма, получив свое выражение в идеях пролетарского интернационализма. В условиях капиталистического строя эти идеи, имея огромное значение для сплочения пролетариата разных наций, не могли, однако, оказывать всеобъемлющего воздействия на отношения между нациями. Только в условиях социализма интернационализм как осознанная закономерность исторического процесса получил возможность всесторонне воздействовать на процессы интернационализации общественной жизни, которые прежде протекали не только стихийно, но и были полны антагонистических противоречий. Уничтожив антагонистические классы и ликвидировав тем самым социальную основу для антагонизма наций, социализм вместе с тем придает развитию двух тенденций в национальном вопросе характер познанной закономерности.

Момент, с которого развитие указанной тенденции приобретает именно такой характер, общеизвестен. Это — Великий Октябрь. Место действия тоже хорошо известно. Это наша страна, где впервые в истории человечества взаимоотношения между нациями стали базироваться на принципах социалистического интернационализма. Вскоре, с образованием Монгольской Народной Республики, это явление выходит за рамки одной страны. А после второй мировой войны, с возникновением содружества социалистических стран, распространение принципов интернационализма на межгосударственные отношения приобретает характер широкой системы, шагнувшей вслед за социалистической революцией на Кубе из восточного полушария в западное.

Идеи, как известно, претворяются в жизнь не сами по себе, а через сознательные действия людей. Это полностью относится и к воплощению идей пролетарского интернационализма в практике социалистического строительства на протяжении 60 лет, отделяющих нас от Великого Октября.

Поскольку идеи интернационализма отражают коренные интересы рабочего класса, основным носителем таковых идей, главным проводником в жизнь с самого начала их возникновения стал именно этот класс. Особая роль в данном отношении, естественно, принадлежит его сознательному авангарду — марксистским партиям. Партии большевиков первой выпала великая миссия реализации принципов интернационализма в практике социалистического строительства. Значение этой миссии тем более важно, что речь шла о строительстве социализма в одной из самых многонациональных стран мира, притом стране, народы которой находились на самых различных уровнях развития. Если у большинства крупных народов Европейской России (русских, украинцев, белорусов, прибалтийских народов и др.) уже развился капитализм и они сложились в нации, то многие народы Средней Азии находились по существу лишь на стадии феодализма, а большинство народов Севера (эвенки, чукчи, ненцы и др.) — на уровне патриархально-родового строя.

Социально-экономическая отсталость царской России, острота национальной ситуации во многих ее районах наряду с пестротой национального состава и многоукладностью хозяйства народов придавали особую значимость национальному вопросу и вместе с тем усложняли его решение. Не случайно поэтому проблемы интернационального сплочения народов страны заняли столь важное место в многогранной деятельности

В. И. Ленина и большевистской партии. Опираясь при этом на выдвинутые основоположниками марксизма принципы пролетарского интернационализма, В. И. Ленин, партия большевиков обогатили и развили их¹⁰.

Занимая важнейшее место в марксизме-ленинизме, пролетарский, социалистический интернационализм представляет собой многогранную и вместе с тем целостную систему взглядов. Не ставя перед собой задачи всесторонней характеристики этой системы, мы считаем, однако, в связи с рассматриваемой проблемой существенным подчеркнуть, что социалистический интернационализм отнюдь не равнозначен национальному нигилизму. Уже сам термин «интернационализм» (inter — между, patio — народ, нация) свидетельствует, что интернациональное немыслимо без национального. Марксизм-ленинизм, а соответственно и пролетарский интернационализм учитывают диалектическое единство интернационального и национального: то, что отдельное (национальное) не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему (интернациональному), а общее (интернациональное) существует лишь в отдельном (национальном), через отдельное¹¹. Единство национального и интернационального не означает, однако, их полное тождество. И было бы, в частности, ошибочно полагать, что национальное и интернациональное взаимодействуют без всяких внутренних противоречий¹². Вместе с тем в диалектическом единстве национального и интернационального есть ведущая сторона, и ее в соответствии со всем ходом всемирно-исторического процесса представляет тенденция интернационализации. Это особенно относится к социализму, при котором в реализации данной тенденции огромную роль играет, как уже говорилось, осознание ее закономерного характера.

Программа КПСС, констатируя, что в «условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет», подчеркивает в то же время, что «развитие наций осуществляется не на путях усиления национальной розни, национальной ограниченности, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы...»¹³.

В разных сферах общественной жизни эти тенденции проявляются далеко не одинаково, но их взаимосвязь обнаруживается повсюду. Весьма наглядно она, в частности, проступает в сфере государственно-правового регламентирования межнациональных отношений. Демократизация этих отношений, будучи важнейшей предпосылкой гармоничного развития интернационального и национального, является первой задачей победившего пролетариата. Еще в канун победы Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин говорил, что чем демократичнее будет национально-государственное устройство страны, «... тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций»¹⁴. Эти идеи получили, как известно, свое последовательное воплощение в практике национально-государственного строительства первых лет Советской власти, завершившейся созданием в 1922 г. Союза ССР. Федеративное устройство Союза обеспечивает государственно-правовое равенство каждой из образующих его республик и вместе с тем его единый многонациональный характер, т. е. диалектическое сочетание отдельного (национального) и общего (интерна-

¹⁰ Этим вопросам посвящено несколько десятков специальных работ В. И. Ленина, в том числе: «Критические заметки по национальному вопросу» (Полн. собр. соч., т. 24), «О праве наций на самоопределение» (с. 25), «О национальной гордости великороссов» (т. 26), «Итоги дискуссии о самоопределении» (т. 30), «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» (т. 45) и др.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

¹² См. С. Т. Калтахчян. Единство, расцвет и сближение наций — закономерность социализма. — «Социализм и наука». М., 1975, с. 262—263.

¹³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, с. 241.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 168.

ционального). «Опыт показал, что основные черты федеративного устройства СССР полностью оправдали себя. Поэтому нет нужды вносить какие-либо принципиальные изменения в формы советской социалистической федерации», — подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе о проекте новой Конституции СССР¹⁵.

Как известно, опыт национально-государственного строительства в СССР явился важнейшим ориентиром в осуществлении национальной политики в других социалистических странах. Показательно, что в конституционных документах, принятых в этих странах после победы народно-демократических революций, воспроизводятся многие заимствованные из Советской Конституции положения, касающиеся национального равноправия¹⁶. Подобно СССР такая многонациональная страна, как Югославия, с самого момента ее провозглашения в 1945 г. республикой избрала федерацию в качестве формы государственного устройства. В 1969 г. в федеративное государство была преобразована и Чехословакия, состоящая ныне из двух национально-государственных образований — Чешской и Словацкой Социалистических Республик¹⁷.

Диалектическая взаимосвязь развития и сближения наций при социализме весьма отчетливо проступает также в сфере экономики. Как известно, сразу же после победы Октября в нашей стране началась борьба за ликвидацию такого тяжелейшего наследия царской России, как огромное неравенство в экономическом развитии народов. В ходе индустриализации и коллективизации, построения основ социализма в стране уже в канун войны это неравенство было фактически ликвидировано. Огромная роль в данном отношении принадлежала братской помощи остававшим в своем развитии народам со стороны более развитых. После образования СССР такая помощь, как отмечал Л. И. Брежнев, «...приняла форму последовательного и всестороннего курса общесоюзной хозяйственной политики. Достаточно сказать, что бюджеты ряда союзных республик в течение многих лет покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотаций из общесоюзного бюджета»¹⁸. В результате этого в предвоенные годы темпы прироста промышленной продукции в республиках, прежде представлявших отсталые в своем развитии национальные окраины страны, превышали соответствующие средние общесоюзные показатели в три-четыре раза. Совершенно очевидно, что перед нами проявление в сфере экономики тенденции развития, расцвета наций. Тенденция же к сближению в этой сфере проявилась особенно отчетливо в развитии единого народнохозяйственного комплекса страны, единого хозяйственного организма, сложившегося на основе общих экономических целей и интересов всех наций и народностей.

В условиях зрелого социализма, когда задача выравнивания экономического уровня республик уже в основном решена, открываются особенно широкие возможности для того, чтобы, как отметил Л. И. Брежнев, «подходить к экономическим вопросам прежде всего с точки зрения интересов государства в целом, повышения эффективности всего народного хозяйства СССР — разумеется, с учетом специфических интересов союзных и автономных республик»¹⁹. На практике

¹⁵ Л. И. Брежнев. О проекте Конституции Союза Советских Социалистических Республик. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 24 мая 1977 г. М., 1977, с. 11.

¹⁶ См. Н. Я. Бромлей, Е. М. Жуков, Л. Н. Лисицына. Мировая социалистическая система. Некоторые проблемы теории и истории становления социализма. М., 1973, с. 298.

¹⁷ См. М. Госиоровский. Советский опыт национально-государственного строительства и его международное значение. — «Социализм и нации». М., 1975, с. 382—386.

¹⁸ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 27.

¹⁹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 93, 94.

это означает прежде всего такое перераспределение сообща произведенного богатства, при котором соблюдаются интересы подъема народного хозяйства Союза ССР и каждой республики. Об этом, в частности, наглядно свидетельствуют годовые бюджеты. Так, в 1976 г. для обеспечения экономических мероприятий общесоюзного значения ряд союзных республик полностью получил в свой бюджет поступления от налога с оборота, а отдельные республики — значительные дополнительные суммы²⁰.

Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что «между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью»²¹.

Уже по одной этой причине успешное экономическое развитие каждой нации в нашей стране невозможно без ее самого активного участия в общесоюзном разделении труда, а соответственно без расширения межреспубликанских экономических связей. В этом отношении весьма показательно, что с начала 60-х годов такого рода связи в нашей стране значительно усилились²².

Углубление специализации и кооперирования в качестве одной из характерных черт экономического сотрудничества между народами в условиях социализма весьма отчетливо проявляется в масштабах мировой социалистической системы. Наличие многообразных специфических черт, присущих каждой социалистической стране, объективно требует увязки частных национальных интересов с общими, интернациональными. Именно благодаря братской взаимопомощи в ряде государств переходный к социализму период занял меньше времени, чем в СССР. Существование мировой системы социализма позволяет приступить к социалистическому строительству даже тем странам, в которых осуществление революционных преобразований начинается в условиях господства докапиталистических производственных отношений. История показала, что строить социализм в содружестве братских стран значительно легче, чем это приходилось делать Советскому Союзу, который был первой и в свое время единственной социалистической страной. Это объективно подтверждает и опыт тех стран мировой социалистической системы, которые в силу тех или иных субъективных причин вступили на путь самоизоляции от социалистического содружества²³.

Наиболее ярким проявлением процесса интернационализации социалистического хозяйства в международном масштабе является осуществление социалистической экономической интеграции в рамках содружества стран, объединенных в Совете Экономической Взаимопомощи. В этом содружестве все возрастающую роль играют устойчивые международные хозяйственные пропорции, все большее число производств начинает развиваться по общему согласованному плану, усиливается роль межгосударственных хозяйственных объединений. В результате развитие международных производственных отношений приобретает все более важное значение как для экономического прогресса отдельных стран СЭВ и выравнивания уровня их экономического развития, так и для ускорения темпов развития всего социалистического содружества²⁴.

В условиях социализма тенденции развития и сближения наций чрезвычайно ярко проявляются в сфере социально-классовых отношений. Здесь на первое место, несомненно, следует поставить уничтожение харак-

²⁰ См. М. И. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 137, 138.

²¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 5.

²² См. М. И. Куличенко. Указ. раб., с. 141, 142.

²³ См. И. В. Дудинский. Действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. — «Общественные науки», 1977, № 2, с. 31, 32.

²⁴ Там же, с. 40, 41. См. также: В. Ладыгин, Ю. Пекшев. Закономерность постепенного сближения социалистических стран. — «Коммунист», 1977, № 5.

терного для буржуазного общества раскола наций на антагонистические классы в результате ликвидации эксплуататорских классов. Октябрьская революция положила начало этому процессу в нашей стране, революционные преобразования в других социалистических странах продолжили его. Вместе с тем ряд народов нашей страны и некоторых зарубежных стран за короткий в историческом плане срок преодолели гигантский социальный скачок из докапиталистических обществ прямо в социализм, минуя одну, а иногда и несколько социально-экономических формаций. Весьма показателен и процесс создания однотипной социальной структуры социалистических наций. В частности, огромное значение для сближения социальной структуры народов нашей страны имело создание национального рабочего класса во всех республиках. За годы Советской власти во всех республиках также сложилась своя национальная интеллигенция, притом, если первоначально это была главным образом творческая, административно-управленческая интеллигенция и интеллигенция массовых профессий (врачи, учителя), то в послевоенные годы наблюдается интенсивный рост производственной и научно-технической интеллигенции. Усиление социальной однородности наций проявилось и в сближении их образовательного уровня. При этом ускоренное развитие образования в ранее отсталых районах продолжается до настоящего времени. Всесоюзная перепись 1970 г. вновь зафиксировала особенно высокие темпы роста уровня образования за последние 10 лет у народов Средней Азии, казахов и молдаван. Если у русских, грузин, армян, эстонцев и латышей число лиц со средним и высшим образованием за этот период увеличилось примерно в 1,5 раза, то у народов Средней Азии, а также казахов и молдаван — в 2 раза²⁵.

Одним словом, нетрудно заметить, что и в социальной сфере при социализме проступают все те же две тенденции, ибо развитие социальной структуры каждой нации одновременно означает создание однородной социальной структуры как в масштабах всей нашей страны, так и всего содружества социалистических стран. И это проявляется не только в сближении образовательного, но и в целом культурного уровня населения всех социалистических стран. Впрочем, данная сторона, т. е. культура как один из показателей сближения социальной структуры социалистических наций, достаточно хорошо известна. Однако вопрос о диалектике интернационального и национального в сфере культуры не сводится лишь к рассмотрению ее в качестве одного из социальных параметров наций. Следует также иметь в виду и само соотношение в культуре национально-особенного и интернационально-общего, этнически-специфического и межэтнического. При этом существенно подчеркнуть, что в разных сферах культуры тенденции изменения этого соотношения проявляются далеко не одинаково.

Особенно наглядно интегрирующая тенденция проступает в сфере материальной культуры. Дело в том, что эта сфера особенно тесно связана с прогрессом производительных сил, сопровождающимся распространением стандартизированных фабрично-заводских изделий. Это явление не представляет какую-то особенность нашей страны; оно наблюдается во многих странах мира и приобрело особенно интенсивный характер по мере развертывания научно-технической революции. Национальные особенности проявляются не столько в самих предметах материальной культуры, сколько в их использовании, связанном с определенными эстетическими традициями и вкусами (например, не в типах жилья, а в их интерьере). Наряду со стандартизацией в сфере материальной культуры идет интенсивный процесс взаимопроникновения ее отдельных традиционных национальных элементов, получающих

---

²⁵ См. «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, с. 127.

широкое распространение по всему Советскому Союзу и шире — по всему миру.

Несколько иным образом рассматриваемые тенденции проявились в такой сфере культуры (в широком смысле данного слова), как язык. Это, в частности, было обусловлено тем, что задача подъема экономики республик, требовавшая ликвидации прежней культурной отсталости, могла быть быстро решена только путем распространения образования на родном языке, использования этого языка средствами массовой информации (пресса, радио, кино) и т. д. Политика равенства национальных языков, использование их в административной сфере, судопроизводстве и т. п., создание письменности и литературы у многих бесписьменных народов, издание литературы на родном языке — все это с первых же лет Советской власти привело к расширению сферы использования языков народов СССР. В свою очередь развитие литературных языков, использование их в школьной практике, в радиовещании, в печати способствовали этнической консолидации наций и народностей, сопровождаясь обычно устранением диалектной пестроты.

Что касается взаимодействия языков народов СССР, то оно выражалось главным образом в изменении их лексического состава за счет заимствования слов из других языков; но такое взаимодействие, разумеется, не могло привести к какому-то их «слиянию». Поэтому действие интегрирующей тенденции в сфере языковых процессов проявляется в основном в форме развития двуязычия, главным образом за счет распространения русского языка как языка межнационального общения. За годы, прошедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, распространение его заметно возросло. В настоящее время на русском языке может свободно объясняться по крайней мере три четверти населения Советского Союза.

Широкий размах приобретает изучение русского языка в странах социалистического содружества. Во многих из них ему обучаются учащиеся абсолютного большинства школ. В ряде соцстран (ГДР, МНР, ПНР, ЧССР) русский язык изучают и во всех вузах.

В области духовной культуры тенденция к межнациональному сближению народов нашей страны проявляется в первую очередь в достижении единства ее социалистического содержания у всех советских людей. Важнейший компонент этого процесса — интернациональная марксистско-ленинская идеология, повсеместно вытесняющая элементы этнорелигиозной и национальной ограниченности. Духовную жизнь народов Страны Советов сближают и нормы социалистической морали, общность идеалов и устремлений, эстетических принципов и взглядов, активных жизненных позиций людей труда.

По всем этим направлениям постепенно идет сближение и духовной жизни народов всего содружества социалистических стран.

Наряду с тенденцией к сближению духовная культура народов при социализме в значительной мере сохраняет свой неповторимый колорит. Отчасти это обусловлено языковой спецификой многих ее компонентов. К тому же исчезновение, вытеснение некоторых элементов прежней культуры (главным образом связанных с религией) подчас сочетается с возрождением и развитием ряда элементов культуры, прежде угасающих или распространенных лишь среди той или иной этнической группы. Такие тенденции, в частности, нашли свое отражение в новом расцвете некоторых видов художественных промыслов. Современные изделия народных художественных промыслов пользуются в нашей стране, как и во всем мире, широким спросом, обусловленным главным образом тем, что они противостоят массовой стандартной промышленной продукции. Они, как правило, сохраняют этническую специфику, связанную с межпоколенной передачей традиций художественного мастерства, сложившегося в рамках соответствующего этноса.

Национальное своеобразие художественной культуры народов СССР, однако, не сводится лишь к наследию прошлого и народному искусству, оно в известной мере пополняется также в процессе нового профессионального творчества. За годы Советской власти художественная литература и искусство стали достоянием широких масс, это привело к небывалому возрастанию объема художественных культур отдельных народов. При этом распространение профессиональной художественной культуры среди различных народов первоначально могло быть достигнуто лишь на основе преимущественного развития ее в национальных формах. Несмотря на активный межнациональный обмен, многие компоненты художественной культуры, приобретая интернациональный характер, одновременно не теряют способности сохранять национальную форму или воплощаться в более или менее выразительных национальных вариантах. В то же время именно в профессиональных формах культуры межнациональное взаимопроникновение происходит в целом наиболее активно и имеет наибольшее значение для дальнейшего развития художественной культуры народов СССР. Это особенно важно иметь в виду, поскольку в общем культурном фонде советских людей, несомненно, основное место занимают профессиональные формы.

Процесс интернационализации охватывает и идейную сферу многонационального советского искусства, и тематико-проблемные аспекты художественного творчества, и его формы.

Огромное значение для взаимодействия культур приобрели бурно развивающиеся в эпоху научно-технической революции средства массовой информации — пресса, радио, телевидение и т. д. Правда, средства массовой информации способствуют этнической консолидации, однако определяющее их воздействие на духовную культуру идет по линии интеграции и интернационализации, которая включает в себя, конечно, и усвоение лучших достижений мировой культуры.

Следует специально подчеркнуть интернационализирующую роль науки, в первую очередь ее технической и естественной областей, уже по своему возникновению и развитию мало связанных с этническими явлениями. Особая роль в интернационалистском воспитании трудящихся принадлежит в нашей стране общественным наукам, методологической основой которых является марксизм-ленинизм.

В ходе взаимовлияния и взаимообогащения духовных культур народов СССР и своеобразного усвоения достижений мировой культуры складывается не просто межнациональная, а общесоветская культура. Она проявляется не только в сфере профессионального искусства, но и, что особенно показательно, в повседневной жизни, начиная от общесоветских революционных и патриотических традиций, праздников, обрядов, обычаев и кончая правилами этикета, общей антропонимикой и т. п. Нельзя не учитывать также и наличия у советских людей общих знаний, представлений и впечатлений, почерпнутых в ходе школьного обучения, из художественной литературы, кинофильмов, теле- и радиопередач, журналов, газет и т. п. Эта общесоветская культура — важный компонент новой исторической общности — советского народа²⁶.

Касаясь вопроса о диалектике соотношения общего и особенного в сфере современной духовной культуры советских людей, следует особо подчеркнуть, что их культура по своим масштабам во много крат превосходит объем культуры, носителями которой в канун Октября были трудящиеся массы нашей страны. Ведь хотя для современности весьма характерно обновление фонда духовной культуры (например, в естественно-технических науках), в разных ее сферах этот процесс идет далеко не одинаково и для многих из них типично его расширение,

²⁶ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. — «Сов. этнография», 1975, № 1.

что является одним из проявлений закона культурной преемственности (например, в сфере художественной культуры). Обусловленное этим неуклонное возрастание фонда духовной культуры советских людей во многом помогает уяснить особенности проявления в ней дифференцирующих и интегрирующих тенденций.

В целом в духовной культуре, несомненно, возрастает удельный вес общего, интернационального. Но это не исключает вместе с тем и определенного развития специфического. В данной связи нельзя не вспомнить слова В. И. Ленина о том, что свержение международной буржуазии «ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных перегородок, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни»²⁷. Представляется важным при этом иметь в виду, что на разных «структурных» уровнях современного общества культурная дифференциация и интеграция протекают не однозначно.

Так, хотя во всей сумме культурных достижений народов нашей страны, как уже говорилось, происходит относительное увеличение удельного веса общесоюзных черт, все же во многих возрастающих по своему объему сферах культуры абсолютные размеры национально-специфического остаются значительными, подчас даже расширяясь (например, в целом возрастают фонды художественной литературы на национальных языках).

В то же время этнокультурная объединительная тенденция проявляется и на региональном уровне, в пределах таких историко-культурных ареалов, как Прибалтика, Поволжье, Кавказ, Средняя Азия и т. д. Впрочем, региональное этнокультурное сближение народов сводится главным образом к распространению некоторых, притом существенно трансформированных традиционных компонентов культуры коренных народов региона: обычаев, одежды, жилища и т. п.²⁸ Выступая в качестве общих черт культуры народов региона, они в свою очередь придают ей определенный специфический колорит.

Рассматриваемые тенденции прослеживаются и внутри отдельных наций. С одной стороны, в их рамках за годы Советской власти культурная межклассовая гомогенность, несомненно, возросла прежде всего в результате уничтожения антагонистических классов, а затем и выравнивания культурного уровня основных классов социалистического общества. Повысилась культурная однородность наций и в результате этноконсолидационных процессов. С другой стороны, внутри наций наблюдается тенденция некоторого увеличения специализации культуры (по крайней мере профессиональной) у различных социально-профессиональных групп.

Но особенно отчетливо проступает разнообразие духовной жизни на уровне личности. Хотя и на этом уровне все более увеличивается интегрированный, общесоветский слой культуры, однако по мере всестороннего развития личности при социализме растут возможности проявления ее своеобразия, ее культурная дифференцированность, и, судя по всему, в масштабах советского народа именно на этот уровень, т. е. на уровень личности, все больше перемещается дифференцированность культуры, именно здесь заложены неограниченные перспективы роста богатства и разнообразия духовной жизни человечества. Усиление единства советского народа отнюдь не исключает, а напротив, предполагает расцвет всех индивидуальных творческих возможностей каждой человеческой личности. Как подчеркивается в проекте новой Конститу-

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 281.

²⁸ См. в этом номере журнала: И. С. Гурвич. Этнокультурное сближение народов СССР.

ции СССР, в нашей стране «складываются все более благоприятные условия для всестороннего развития личности»²⁹.

В целом, однако, все это проявляющееся как бы на разных уровнях культурное многообразие в конечном счете во много раз перекрывается ростом общего фонда культуры советского народа, усилением его единства. Как уже говорилось, для развития современной культуры народов нашей страны несомненен доминирующий характер объединительной, интегрирующей тенденции.

В то же время наблюдается постепенное сближение и духовной жизни народов всего содружества социалистических стран, прежде всего усиление их идейной общности. Наряду с общими социально-экономическими предпосылками важная роль в данном отношении принадлежит многообразным формам совместной идеологической деятельности, интенсивному обмену ценностями культуры, объединению научных потенциалов. В частности, в широких масштабах осуществляется сотрудничество социалистических стран в области просвещения и образования. Существенное место здесь занимает взаимная подготовка кадров. Только в 50-х — начале 70-х годов в СССР окончили высшие учебные заведения свыше 50 тыс. студентов из других социалистических стран³⁰.

Важная роль в сближении духовной жизни социалистических стран принадлежит их расширяющимся внешнекультурным связям. Таковы творческие встречи писателей, художников, искусствоведов, фестивали различных видов искусств, выставки, дни культуры, регулярные радио- и телепередачи, совместная работа представителей творческой интеллигенции различных стран по созданию произведений искусства и т. п.

Все эти растущие контакты немало способствуют как выравниванию культурного уровня, так и укреплению идейной общности духовной жизни стран социалистического содружества. При этом усиливается роль совместного планирования и интернационального разделения труда в области науки, образования, духовной культуры стран социализма, формируется их общее «духовное производство»³¹. В результате складывается новая, социалистическая (коммунистическая) цивилизация³².

Итак, в целом шестидесятилетний опыт нашего многонационального государства, как и более чем тридцатилетний опыт всего социалистического содружества, наглядно свидетельствует, что социализм создает все необходимые предпосылки для гармонического взаимодействия двух тенденций, проявление которых в капиталистическом мире неизбежно имеет антагонистический характер. Но этот же опыт показывает, что единство интернационального и национального не устанавливается автоматически, что для этого требуется последовательный курс коммунистических и рабочих партий. Именно поэтому КПСС уделяет столь большое внимание процессам развития и сближения наций, последовательно отстаивает и развивает принципы пролетарского интернационализма. При этом, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», наша партия «неизменно исходила и исходит из коренных интернациональных интересов социализма»³³.

²⁹ «Проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик, представленный Конституционной комиссией и одобренный Президиумом Верховного Совета СССР для вынесения на всенародное обсуждение». М., 1977, с. 12.

³⁰ «Марксистско-ленинское учение о социализме и современность». М., 1975, с. 349.

³¹ См. М. Т. Иовчук. Интернационализм социалистической культуры. — «Вопросы философии», 1976, № 12, с. 34, 35.

³² См. М. Мчедлов. К вопросу о становлении коммунистической цивилизации. — «Коммунист», 1976, № 14, с. 35, 36.

³³ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г.». — «Коммунист», 1977, № 2, с. 13.

INTERNATIONAL AND NATIONAL TRENDS IN THE BUILDING OF SOCIALISM

The international is integrally linked with the national; as has been pointed out by V. I. Lenin, the former has no existence without the latter. These two trends may be traced throughout world history.

The action of both trends becomes, as is generally known, greatly intensified with the onset of the capitalist era. This is manifested in the rise and development of nations, the principal socioethnic subdivisions of that period, on the one hand; on the other hand, in the steady increase of features held in common, i. e. in internationalization. It is this phenomenon that is elucidated by the concept of two trends in the nationality problem promulgated by V. I. Lenin, the unity of these two opposites constituting, as he emphasized, a universal law of capitalism. V. I. Lenin wrote in this connection that the global historic tendency of capitalism towards breaking up national barriers, towards the effacement of national differences, towards national assimilation becomes more powerful with every decade and constitutes one of the greatest forces transforming capitalism into socialism.

During all the millennia of human history the predominance in the development of the integrating tendency has never been adequately reflected in social consciousness. An awareness of it only becomes perfected with the rise of Marxism and finds its expression in ideas of proletarian internationalism. Under capitalism these ideas, while having an immense value for rallying the working class of different nations, were, however, incapable of exerting a definitive influence on relations between different nations. It is only under socialist conditions that internationalism, as a clearly conceived law of history, has been able to exert a manifold influence on processes of the internationalization of social life, which had formerly only taken place in a spontaneous fashion and had, besides, abounded in antagonistic contradictions. Having done away with antagonistic classes and thus abolished the social foundation of national antagonism, socialism, at the same time, lends the evolution of the two trends in the nationality problem the character of a well understood regularity.

It is well known at what moment this evolution attained this new quality: it was the Great October Revolution of 1917. From then on relations between nations in our country have been based upon principles of socialist internationalism. In after years, the diffusion of principles of internationalism into inter-state relations has embraced the whole community of socialist countries.

И. С. Гурвич

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СБЛИЖЕНИЕ НАРОДОВ СССР

Великая Октябрьская социалистическая революция, коренным образом изменившая ход развития всего человечества, породила новые отношения между многочисленными народами нашей страны. Победа Октября освободила трудящиеся массы России от эксплуатации, социального и национального гнета¹. «Декларация прав народов России», подписанная В. И. Лениным и принятая 15 ноября 1917 г., провозгласила в качестве незыблемого принципа равенство и суверенность всех народов, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп². Перед народами Страны Советов впервые в истории открылись широкие возможности для свободного национального развития. В новых условиях недоверие и вражда между народами, разжигавшиеся господствующими классами, сменились отношениями дружбы и сотрудничества. Это способствовало расцвету наций, укреплению их суверенитета.

За годы Советской власти все народы Советского Союза прошли огромный путь в своем этническом развитии. Буржуазные нации и народности преобразовались в социалистические; на основе ряда разрозненных этнических образований возникли новые социалистические нации и народы³. В ходе социалистического строительства, глубоких социально-экономических и общественно-политических перемен в нашей стране возникла новая историческая общность людей — многомиллионный советский народ⁴.

Процессы бурного национального развития в СССР исследуются учеными многих специальностей. Внимание этнографов за последнее десятилетие привлекли этнические аспекты национальных процессов, т. е. изменения основных специфических элементов этнических общностей — языка, материальной и духовной культуры, а также разнообразные экономические, социальные и демографические факторы, влияющие на эти изменения.

Проведенные исследования показали, что в советский период в нашей стране получили преобладание объединительные этнические процессы. Накопленные значительные материалы, характеризующие этническое развитие отдельных народов, свидетельствуют о том, что в ходе формирования социалистических наций и народностей упрочняется их единство, изменяется внутренняя этническая структура, исчезают этнографические и диалектальные группы, изживаются племенные локальные формы самосознания.

Столь же универсальным является процесс межэтнической интеграции, включающий в свою орбиту все этнические общности Советского

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г.».— «Коммунист», 1977, № 2, с. 3.

² «Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сб. документов». М., 1972, с. 22.

³ «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975.

⁴ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1971, с. 101.

Союза, так как расцвет социалистических наций и народностей способствует их всестороннему сближению, интенсивному обмену материальными и духовными богатствами⁵.

Основные виды этнических процессов, таким образом, происходят, во-первых, в среде отдельных наций и народностей, во-вторых, в целом в пределах всей страны. Но ограничиваются ли этнические изменения этими двумя направлениями? Имеющиеся конкретные материалы показывают, что этнические процессы приобретают значительную специфику в зависимости от особенностей среды, в которой они протекают.

Это обстоятельство позволяет наметить ряд уровней проявления этнических процессов: 1) межэтническая интеграция (ею охвачена вся страна), 2) региональное сближение, 3) этнические процессы, происходящие в различного типа национально-государственных образованиях — от союзных республик до национальных округов; 4) консолидационные процессы в среде отдельных этносов. Остановимся прежде всего на интенсивном процессе межэтнической интеграции.

Политические, социально-экономические факторы, способствующие межэтнической интеграции, детально освещены в целом ряде работ⁶. Поэтому, не вдаваясь в их анализ, отметим лишь, как они сказались на собственно этнической стороне сближения.

Советская национальная государственность, социалистическая по своей сущности, позволила гармонично сочетать интересы всех трудящихся нашей страны с интересами отдельных наций и народов, преодолеть экономическую и культурную отсталость национальных окраин, а в дальнейшем в значительной мере выравнивать социально-экономическое развитие всех народов СССР.

Образование Союза ССР означало укрепление единства советских народов, усиление их сотрудничества. Возникновение общесоветской государственности позволило централизованно направлять развитие экономики, просвещения и культуры, унифицировать законодательство и установить единую законность. Вследствие этого у советских людей утвердилось понимание того, что территории всех союзных республик являются составной частью Советского Союза. В условиях национального равноправия границы между союзными республиками в пределах СССР, как отмечается в программе КПСС, все более теряют свое бывшее значение⁷.

Индустриализация, коренные производственно-технические преобразования, создание новых отраслей промышленности превратили СССР уже в середине 1930-х годов из страны аграрной в страну индустриальную. Всесторонняя помощь отсталым в прошлом народам, ликвидация их фактического неравенства, ускоренное строительство промышленных объектов на бывших национальных окраинах привели к постепенному изживанию унаследованного от прошлого деления страны на индустриальные центральные районы и аграрную периферию. Производственное кооперирование крестьян позволило перейти к крупному социалистическому сельскохозяйственному производству во всех без исключения районах страны. Исчезла былая пестрота хозяйственных форм, характерная для мелкотоварного и натурального укладов.

Централизованное планирование, научно обоснованное межреспубликанское и межобластное разделение труда, прочные хозяйственные связи и сотрудничество между советскими социалистическими нациями и народами превратили Советский Союз в единый экономический организм. На этническое развитие народов нашей страны огромное влияние

⁵ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — «Сов. этнография», 1970, № 1.

⁶ См., например: «Советский народ — новая историческая общность людей». М., 1975; «Современные этнические процессы в СССР».

⁷ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, с. 242.

оказали значительные перемещения населения, вызванные индустриализацией национальных окраин. Так, опытные специалисты были направлены во многие республики из РСФСР, Украины и Белоруссии. В целом промышленное освоение окраин значительно усложнило национальный состав союзных и в особенности автономных республик⁸. Участились смешанные в национальном отношении браки⁹.

После коллективизации окончательно исчезли эксплуататорские классы. Ко второй половине 1930-х годов у всех социалистических наций сложилась однородная классовая структура. Это обстоятельство в значительной степени укрепило единство народов СССР. Интенсивное экономическое и культурное строительство, большие перемещения населения из села в город способствовали социально-культурному росту всех наций и народностей. В послевоенный период заметно сблизились социальные структуры во всех союзных республиках¹⁰.

Утверждение единых всесоюзных систем просвещения, здравоохранения, культурного обслуживания, успехи в распространении среднего, среднего специального и высшего образования способствуют сближению уровней культурного развития, расширению межнациональных контактов¹¹.

Межэтническое сближение наблюдается и в разных областях традиционной культуры. В известной степени нивелировались внешние, бросающиеся в глаза различия между народами в связи с тем, что многие архаические примитивные элементы материальной культуры исчезли, заменились современными стандартизованными, урбанизированными формами. Отдельные явления культуры, характерные в прошлом для одного или нескольких этносов, теперь в связи с упрочением связей между народами используются и в ареале той общности, где они сложились, и на всей территории Советского Союза¹². К сожалению, как уже указывалось в нашей литературе, явления межэтнического характера еще не стали предметом специального этнографического изучения¹³.

Общие черты возникают и в быту, во взаимоотношениях между людьми. Развивается советский образ жизни. На процессы сближения социалистических наций и народностей несомненное влияние оказывает духовное единство, общность идеологии, атеизм, интернациональное мировоззрение.

Проведенные в ряде союзных и автономных республик специальные социологические исследования показывают, что у различных народов СССР возникли общие установки и взгляды. Утвердилось, например, доброжелательное отношение к межэтническим контактам, межнациональным бракам¹⁴.

⁸ С. И. Брук. Этнодемографические процессы в СССР.— «Сов. этнография», 1971, № 4; В. И. Козлов. Национальности СССР. М., 1975, с. 95—129.

⁹ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографическое исследование национальных процессов в Прибалтике.— «Сов. этнография», 1965, № 6; Л. Н. Терентьева. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— «Сов. этнография», 1969, № 3; Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт.— «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)». М., 1968, с. 235—295; «Современные этнические процессы в СССР», с. 458—480.

¹⁰ Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1972; «Современные этнические процессы в СССР», с. 119—134.

¹¹ «Народное образование, наука и культура в СССР». М., 1971; Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— «Сов. этнография», 1972, № 3; Л. М. Дробижева. Усиление общности в культурном развитии советских наций.— «История СССР», 1972, № 4. «Советский народ — новая историческая общность людей», с. 415—432.

¹² «Современные этнические процессы в СССР», с. 233—256.

¹³ Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.— «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 17.

¹⁴ «Социальная и национальная. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР». М., 1973, с. 273—302; Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Советский образ жизни. Общее и национально-особенное.— «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 21.

Тесное сотрудничество и сплочение советских наций и народностей находят отражение и в языковой жизни нашей страны¹⁵. За советский период русский язык превратился в язык межнационального общения, обеспечивающий коммуникативные нужды народного хозяйства, совместную деятельность народов СССР. По существу он стал общим языком советского народа, так как им пользуются в той или иной мере более 180 млн. граждан Советского Союза.

Таким образом, межэтническая интеграция проявляется в политической, экономической, культурной, языковой и бытовой сферах жизни.

Заслуживают внимания и процессы регионального сближения. В этнографической литературе указывалось на то, что сближение социалистических наций и народностей происходит не только в общесоюзном

Таблица 1

Расселение восточнославянских народов по своим республикам и за их пределами *

Народ	В своей республике	В других союзных республиках
Русские	107 747	21 268
	83,5	16,5
Украинцы	35 284	5469
	86,6	13,4
Белорусы	7 289	1762
	80,5	19,5

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, М., 1973, с. 321. В этой и последующих таблицах численность населения указана в тыс. чел. и в процентах.

масштабе, но и в пределах историко-культурных областей. Отмечалось, что в СССР складываются культурные зоны, характеризующиеся распространением среди народов, входящих в них, приспособленных к данной географической среде сходных форм материальной культуры, выдержавших испытание временем, и некоторых общих традиций в духовной культуре¹⁶. Однако это положение не получило соответствующего обоснования. В связи с этим целесообразно остановиться на степени сохранности историко-культурных областей и их роли в этнических процессах.

На факты, свидетельствующие о том, что историко-культурные или историко-этнографические области не утратили своего значения и в настоящее время, обращалось внимание в ряде работ¹⁷. Это подтверждается статистическими данными. Материалы переписи 1970 г. о национальном составе населения союзных и автономных республик, областей и краев говорят о том, что историко-культурные области сохраняют свой этнический облик.

Это видно на примере восточнославянской историко-культурной области, вернее, историко-культурной провинции, так как на ее территории выделяется ряд подобластей и даже этнокультурных областей. Подавляющее большинство русских, украинцев, белорусов живет в ее пределах (см. табл. 1). Вне ее проживает всего 8,7% русских, 4,7% украинцев, 4,1% белорусов.

Четко выделяется среднеазиатско-казахстанская историко-этнографическая область.

Сохраняет свою этническую специфику и северокавказская историко-культурная область (табл. 5).

¹⁵ Ю. Д. Дешериев. Развитие общественных функций литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1976; С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двужычие и сближение наций в СССР (по материалам переписи 1970 г.).— «Сов. этнография», 1975, № 4; *их же*. Факторы распространения двужычия у народов СССР (по материалам этносоциологических исследований).— «Сов. этнография», 1975, № 5.

¹⁶ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР.— «Сов. этнография», 1961, № 4; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР.— «Сов. этнография», 1967, № 5.

¹⁷ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— «Сов. этнография», 1955, № 4; «Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР». М., 1960; «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР». М., 1968; Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском севере СССР.— «Сов. этнография», 1972, № 6.

Таблица 2

Расселение основных народов Средней Азии и Казахстана по своим республикам и за их пределами *

Народ	В своей республике	В республиках Средней Азии и Казахстана	В РСФСР	В других республиках
Узбеки	7725 84,0	1389 15,1	61 0,7	20 0,2
Казахи	4234 79,9	573 11,0	478 9,0	11 0,1
Таджики	1632 76,3	485 22,8	14 0,7	4 0,2
Туркмены	1417 92,9	85 5,6	20 1,3	3 0,2
Киргизы	1285 88,5	154 10,7	9 0,6	4 0,2

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 321—324.

Таблица 3

Расселение основных народов Закавказья по своим республикам и за их пределами *

Народ	В своей республике	В других республиках Закавказья	В РСФСР	В остальных республиках
Армяне	2208 62,0	935 26,3	299 8,4	117 3,3
Грузины	3131 96,5	14 0,4	69 2,1	31 1,0
Азербайджанцы	3777 86,2	366 8,4	96 2,2	141 3,2

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 321—324.

Таблица 4

Расселение основных народов Прибалтики по своим республикам и за их пределами *

Народ	В своей республике	В других республиках Прибалтики	В РСФСР	В остальных республиках
Литовцы	2507 94,1	42 1,6	77 2,9	39 1,4
Латыши	1342 93,8	8 0,6	60 4,2	20 1,4
Эстонцы	925 91,8	5 1,0	63 6,3	14 0,9

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 322—324.

Иная картина вырисовывается в относительно «размытых» историко-культурных областях на территории РСФСР. Как видно из табл. 6, в Поволжско-Приуральской историко-культурной области в своих автономиях проживает от 11 до 70% численности коренных народностей, а в целом в своем регионе от 37 до 80%. Многовековые связи с русскими, широкое распространение русского языка издавна способствовали широкому расселению народов этого региона как на его территории, так и за ее пределами.

Большим своеобразием отличается южносибирская историко-этнографическая область. Огромная территория, значительное численное

Таблица 5

Расселение народов Северного Кавказа по своим республикам и за их пределами*

Народ	В своей республике	В республиках Сев. Кавказа	В Азербайджанской ССР	В РСФСР	В других республиках
Аварцы	343 86,6	4 1,1	31 7,8	7 2,0	11 2,5
Лезгины	163 50,2	14 5,0	137 42,4	8 1,6	3 0,8
Даргинцы	208 90,0	7 3,2	1 0,4	14 5,6	2 0,8
Кумыки	169 89,5	13 7,2	—	1 0,6	6 2,7
Лакцы	72 84,2	3 3,1	1 1,4	4 4,3	6 7,0
Табасараны	53 96,5	—	0,3 0,5	1 1,6	0,7 1,4
Ногайцы	22 42,0	5 11,4	—	30 46,0	0,3 0,6
Рутульцы	12 97,7	—	0,1 0,9	0,2 1,4	—
Цахуры	4 39,0	—	6 56,0	0,4 4,0	0,1 1,0
Агулы	9 98,0	—	0,03 0,4	0,1 1,6	—
Чеченцы	509 83,1	40 6,5	—	23 3,9	40 6,5
Ингуши	113 72,1	18 11,7	—	6 4,2	20 12,0
Осетины	269 55,0	12 3,0	2 0,5	32 8,0	172 33,5
Кабардинцы	264 94,2	2 0,8	—	11 4,0	3 1,0
Балкарцы	51 86,0	—	—	2 4,0	6 10,0

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 321—330.

Таблица 6

Расселение народов Поволжья по своим республикам и за их пределами*

Народ	В своей республике	В других республиках Поволжья	В прочих районах РСФСР	В остальных республиках
Татары **	1536 25,9	1107 18,3	2113 35,6	1174 20,2
Чуваши	856 50,5	288 17,5	491 29,0	59 3,0
Мордва	364 28,9	102 7,4	720 57,0	76 6,7
Башкиры	892 72,0	—	288 23,3	59 4,7
Удмурты	484 68,7	54 7,9	139 13,7	27 9,7
Марийцы	299 50,0	134 22,5	148 24,5	17 3,0

* «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 330.

** В общее число татар вошли также сибирские татары и другие группы, генетически не связанные с поволжскими татарами.

преобладание русского населения привели к тому, что коренные народы — якуты, буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы — на протяжении последних столетий были слабо связаны друг с другом. Это обстоятельство еще в большей мере сказывается в зоне расселения малых народов Севера. В настоящее время малочисленные коренные народы этого региона

вкраплены в состав преобладающего пришлого населения и контактируют между собой лишь в отдельных округах. Все же обширные пространства от Кольского полуострова до Чукотки, а также Дальний Восток (Приморье, Приамурье), если иметь в виду коренное население, могут рассматриваться как особая историко-этнографическая область.

Таблицы 1—6 показывают, что подавляющая часть этносов Советского Союза проживает в пределах своих исконных историко-культурных областей. Из народов, образующих союзные республики, за пределами таких зон живет всего от 0,5 до 9% населения (исключением являются армяне: за пределами Закавказья живет 19% армян). Среди народов, имеющих автономные республики, процент лиц, живущих за пределами своих историко-культурных областей, колеблется от 10 до 30% (исключение составляет мордва — 63% их живет вне Поволжского региона).

Предпочтительное проживание в своем историко-культурном регионе объясняется не только исторической преемственностью, но и совокупностью таких факторов, как привычка к особым климатическим условиям, ориентация на традиционные виды труда и, видимо, главное — желанием находиться в знакомой этнокультурной среде.

В связи с этим миграции за пределы родной республики, как показывают материалы по среднеазиатско-казахстанской историко-культурной области, нередко ограничиваются соседними республиками, районами, населенными народами, близкими по языку, культуре и бытовому укладу. Так, например, 7,2% узбеков живет в Таджикской ССР, 3,6% — в Киргизской ССР, 2,4% — в Казахской ССР. В Узбекистане живут 21% таджиков, 9% казахов, 4,7% туркмен, 7,6% киргизов.

В то же время все этнокультурные области, так же как и союзные и автономные республики, по национальному составу в значительной мере мозаичны¹⁸. Коренное население составляет в союзных республиках от 88 до 32%¹⁹.

В каждой историко-этнографической области в настоящее время имеется определенное культурное единство, выражающееся обычно в общем направлении развития сельскохозяйственного производства, в сходстве планировки сельских поселений, в городской архитектуре, некоторых зональных особенностях жилых и хозяйственных построек, в пище, отчасти в одежде. Это единство объясняется как сходством естественно-географических условий, так и общими историческими судьбами населения.

В некоторых историко-культурных областях наблюдается значительная языковая близость между населяющими их народами. Это явление особенно характерно для самой крупной области нашей страны — славяно-русской, в известной мере для среднеазиатско-казахстанской.

У населения отдельных историко-культурных областей бытуют специфические семейные традиции, обычаи, праздники и нормы поведения. В большинстве таких регионов наличествует общность бытового уклада. Известной спецификой отличаются формы проведения свободного времени в таких историко-культурных областях, как Закавказье, Средняя Азия и Прибалтика, хотя, как показывают социологические исследования, в использовании современных видов массовой информации (чтение газет, просмотр телепередач и т. д.) между грузинами, узбеками, татарами, эстонцами и русскими различия незначительны²⁰.

Имеющиеся, хотя и относительно скудные, материалы свидетельствуют о том, что внутри историко-культурных областей между народами происходит интенсивный взаимообмен культурными ценностями, наблюдается сближение обособленных в прошлом этносов.

¹⁸ Б. М. Экель. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР. — «Сов. этнография», 1976, № 2.

¹⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, с. 12—15.

²⁰ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева. Указ. раб.

В Средней Азии, например, в ходе социалистической реконструкции сельского хозяйства производственные навыки узбеков, таджиков, туркмен, каракалпаков в области ирригационного земледелия, киргизов и таджиков в горном скотоводстве, казахов и киргизов в пустынном животноводстве получили распространение по всей этой этнокультурной области²¹. Как показывают этнографические наблюдения, значительные изменения происходят и в материальной культуре. В советский период здесь исчезли локальные варианты одежды отдельных народов. Одежда стала приобретать облик, характерный для всего региона. Два основных типа тюбетеек вытеснили множество разновидностей этой формы головных уборов. Распространились женские платья из ярких тканей на кокетке со сборками. Характерные особенности узбекского костюма восприняли киргизы, дунгане, уйгуры и каракалпаки Ферганы. На северо-востоке Средней Азии и Казахстана утвердился общий тип жилища — четырехкамерный саманный или срубный дом. В юго-западных районах современное жилище строится по проектам, созданным на основе нескольких местных типов традиционного жилища. Унификационные тенденции обнаруживаются и в интерьере.

Для всего среднеазиатско-казахстанского региона характерно общее направление эволюции семейной обрядности. При сохранении традиционных черт в ней наблюдается вытеснение архаичных моментов. Постепенно складывается новая семейная обрядность²².

Аналогичные процессы сближения культур происходят в северо-кавказском регионе. Здесь в последние десятилетия в связи с созданием крупных хозяйств, освоением новых земель многовековой опыт по ведению высокогорного скотоводства, предгорного земледелия, ценные производственные навыки, выработанные отдельными народами, стали распространяться среди населения всей зоны или части ее. Карачаевские приемы ведения высокогорного отгонного пастбищного скотоводства, например, усвоены черкесами, абазинами, ногайцами. За советский период в северокавказской этнокультурной области утвердились некоторые общие элементы материальной культуры — двухэтажные дома, квадратные в плане с шатровой крышей из шифера, черепицы или железа. Общегородские формы одежды проникли в сельскую местность.

Бытуют и элементы традиционного мужского костюма — круглая шапка с плоским верхом, рубашка со стоячим воротником, у старшего поколения — бешмет, а в качестве обуви — ичиги. Для женского костюма характерны головные платки или косынки, платья и блузки с длинными рукавами.

В области духовной культуры также утверждают некоторые общие черты. Многочисленные в прошлом обряды и праздники родильного цикла сливаются в один семейно-общественный праздник в честь новорожденного. Старые обычаи, связанные с первым укладыванием ребенка в колыбель, с его ростом, превратились в шуточные церемонии. Распространилась практика торжественной регистрации рождений. Новой традицией для народов этого региона является празднование дня рождения ребенка и его совершеннолетия. Изменились отношения между детьми и родителями. Почтительное отношение к родителям и старшим родственникам осталось, но освободилось от культа старших²³.

В результате социалистических преобразований хозяйственной, общественной и в особенности культурной жизни в 1920—1930 гг. начали исчезать многие вредные традиции, связанные с покупным браком (калым), а также такие явления, как умыкание, многоженство, ранние бра-

²¹ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Указ. раб.

²² «Современные этнические процессы в СССР», с. 190—195.

²³ Я. С. Смирнова. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — В кн.: «Кавказский этнографический сборник», VI («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 106), М., 1976, с. 31—69.

ки, браки по выбору родителей и т. д. Свадебная обрядность стала изменяться. Отход широких масс населения от устаревших традиций и работа советских и общественных организаций по распространению новых гражданских обрядов привели к распространению так называемого «полутрадиционного» свадебного обряда с открытым добрачным ухаживанием, гласной помолвкой, свадебным торжеством в доме невесты перед отъездом к жениху, торжественной регистрацией брака и т. д. Жених и невеста стали активными участниками торжества, тогда как в недавнем прошлом они скрывались от гостей или были пассивными зрителями. Сохранение ряда традиционных элементов обряда в сочетании с новыми у каждого народа этой зоны придает свадьбе своеобразный колорит²⁴.

В Поволжье и Приуралье, как отмечается в этнографической литературе, достижения духовной культуры одного народа этой зоны (песенное творчество, танцы, музыка) активно воспринимаются другими народами. Создание профессиональных художественных артелей по ковроткачеству, вышивке, художественной обработке дерева способствовало возрождению ряда ремесел, распространению по всему региону изделий, в прошлом бытовавших лишь у отдельных народов²⁵. Некоторые локальные традиции, связанные с украшением жилища, распространились во многих районах. Так, в селах Поволжья характерные для татар и чувашей полихромная многоцветная окраска фронтонов и наличников, а также округлая форма фронтонов²⁶ стали использоваться и русскими²⁷.

Более широкое бытование по сравнению с прошлым получают отдельные праздничные традиции. Так, старинный татарский праздник сабантуй теперь проводится в татарско-удмуртских, татарско-чувашских, башкирских и даже некоторых русских районах²⁸. Праздничная церемония, состоящая из традиционных и новых элементов, приобрела единую форму²⁹.

В некоторых историко-культурных областях процесс этнокультурного сближения особенно отчетливо проявляется в сфере искусства, в складывании новых праздничных традиций. Так, во всех трех союзных республиках Прибалтики массовое распространение получили певческие праздники. В советский период они стали подлинно народными, привлекающими самые широкие слои населения. На таких праздниках теперь исполняются не только песни своего народа, но и соседних.

Церковный обряд конфирмации у лютеран и день первого причастия у католиков в Прибалтийских республиках были вытеснены праздниками совершеннолетия («Летние дни молодежи», проводимые в масштабах города или поселения)³⁰. Эти специфические явления современной культурной жизни Прибалтийских республик не свойственны населению других этнокультурных областей.

Рядом особенностей отличается процесс культурного сближения народов в зоне Крайнего Севера. В советский период после коллективизации, в особенности после укрупнения колхозов и совхозов в пределах

²⁴ Там же, с. 69—98.

²⁵ Л. Н. Терентьева. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере.— «Сов. этнография», 1972, № 6, с. 48, 49; Г. А. Сепеев. Основные черты этнических процессов у марийцев.— В кн.: «Древние и современные этнокультурные процессы в марийском крае», Йошкар-Ола, 1976.

²⁶ Г. А. Сепеев. Современное жилище марийского сельского населения.— «Труды Марийского НИИ», Йошкар-Ола, 1976, вып. 23.

²⁷ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин. Декоративное оформление русского сельского жилища в Чувашской и Татарской АССР.— «Сов. этнография», 1974, № 3.

²⁸ В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974, с. 141, 142.

²⁹ Р. К. Уразманова. Народный праздник сабантуй у татар.— «Сов. этнография», 1977, № 1.

³⁰ В. Калитс. Изучение новых семейных обрядов в Эстонской ССР.— «Сов. этнография», 1969, № 4.

отдельных северных национальных округов резко усилились связи между обособленными в прошлом группами коренного населения. В Чукотском национальном округе, например, сблизилась чукчи с чуванцами, чукчи с эвенками, на севере Якутии — юкагиры с чукчами и якутами.

Сближение между отдельными группами коренного населения привело к сравнительно быстрому обмену культурным достоянием. Так, эвены-мужчины на Чукотке и на севере Якутской АССР отказались от своего экзотического костюма — узкого фракообразного мехового камзола с нагрудником-передником — и восприняли чукотскую одежду — глухие кухлянки. Напротив, чукчанки стали заменять мешковидные негигиеничные меховые комбинезоны распашной меховой одеждой эвенского покроя. В настоящее время чукотский меховой костюм получил распространение среди тундровых эвенов, юкагиров, северных якутов³¹. В зимнее время этим костюмом пользуются и приезжие русские во время поездок по тундре.

Аналогичные явления наблюдаются на Таймыре. Здесь среди энцев, части нганасан получила распространение более удобная и простая ненецкая одежда³².

Постепенно унифицируется и зимняя обувь. На промысле, во время длительных поездок широко используются камусные сапоги — унты с меховыми чулками. Покрой их упростился, но сохраняет эвенкийские и ненецкие черты.

Известная нивелировка традиционной зимней одежды и обуви привела к тому, что рациональная, несколько модернизированная одежда и обувь стали характерны для отдельных районов этой зоны вне зависимости от национальной принадлежности населения. Однако такая одежда используется главным образом на промысле. В повседневной жизни широко бытует городская одежда, в основном покупная.

Нивелирующие тенденции наблюдаются и в области производства. В советский период в тундровых и лесотундровых районах Крайнего Севера утвердились высокодоходные крупные пастушеские оленеводческие хозяйства. В связи с этим некоторые группы коренного населения, занимавшиеся преимущественно охотой и рыболовством (эвены в Корякском и Чукотском национальных округах, юкагиры в Якутской АССР), перешли к высокодоходному оленеводству, восприняв приемы выпаса оленей у своих соседей чукчей. Некоторые полезные трудовые навыки в этой отрасли хозяйства, характерные в прошлом для отдельных народов, теперь получили широкое распространение по всему Советскому Северу. Так, до коллективизации только ненцы и коми использовали пастушеских собак для выпаса оленей. В настоящее время ненецкие оленегонные лайки используются на севере Якутской АССР, на Чукотке и Камчатке. Это значительно облегчило труд пастухов-оленоводов.

Таким образом, в историко-культурных областях происходит интенсивный обмен культурным достоянием и сближение между этносами, связанными определенным единством территории и исторических судеб. Это обстоятельство, как и увеличившаяся подвижность населения, упрощение культурных контактов между этносами в пределах отдельных регионов, привели к тому, что принадлежность к историко-культурной области, как правило, не осознававшаяся в прошлом³³, стала теперь восприниматься населением в виде земляческой связи. В газетах, в литературе часто используются такие собирательные термины, как кавказцы,

³¹ И. С. Гурвич. Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири. — В кн.: «Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970.

³² В. И. Васильев. Ненцы и энцы Таймырского национального округа. — Там же, с. 157—159.

³³ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 33; Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографические области. — «Сов. этнография», 1973, № 3, с. 18.

сибиряки и т. д. Людям из отдельных историко-культурных областей нередко приписываются общие черты характера.

Не означает ли все это, что в отдельных регионах формируются новые этнические образования? На этот вопрос следует ответить отрицательно.

В пределах историко-культурных областей продолжают интенсивно развиваться социалистические культуры и языки отдельных наций и народностей. Общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР фактически стал русский язык. Им свободно владеют 48,7% нерусского населения. Двужычие с русским языком в качестве второго языка преобладает над двужычием, когда вторым выступает один из языков других народов СССР. У народов, образующих союзные республики (если при этом не считать русских), в среднем владеют русским языком по отношению к общей численности 32,8%, а другими — всего 5%; у народов, образующих автономные республики, автономные области и национальные округа, соответственно 54,3 и 8%³⁴. Межэтническая интеграция явно перекрывает региональное сближение в рамках историко-культурных областей.

Коснемся кратко процессов этнического сближения, протекающих в союзных и автономных республиках, автономных областях и национальных округах. В связи с интенсивным развитием в каждом из этих национально-государственных образований всех сторон культуры основной, численно преобладающей нации или народности, с ней сближаются, а нередко и сливаются небольшие народы, инациональные и этнодисперсные группы. Межнациональные контакты на производстве, в быту, смешанные в национальном отношении браки приводят к культурной, языковой и даже этнической трансформации. На территории РСФСР с русскими сближаются и сливаются как старожильческие группы украинцев и белорусов, так и новые переселенцы с Украины и Белоруссии. В связи с языковой и культурной близостью украинцы и белорусы сравнительно быстро растворяются в массивах преобладающего русского населения. Специальные исследования, произведенные в Сибири, свидетельствуют об интенсивности этого процесса. С русскими на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке сливаются группы мордвы. В западной части РСФСР с русскими слились небольшие финноязычные народности воль и ижора. Растворяются в русской среде вепсы, отдельные группы карелов. Сближение с русскими этнодисперсных групп особенно заметно в городах³⁵.

Аналогичные процессы наблюдаются и в других союзных республиках. В Украинской ССР, например, с украинцами сближаются отдельные группы болгар. Участились браки между представителями болгар, гагаузов и украинцами. В этих этнических группах утвердилось трехязычие. В Литовской ССР с литовцами сближаются крайне обособленные в прошлом старожильческие группы русских и белорусов, карaimы. В советский период ускорилось сближение с грузинами осетин, живущих за пределами своих автономий. С узбеками смешиваются вкрапленные в их массивы арабы, уйгуры, некоторые группы каракалпаков, число примеров этнического сближения и этнической трансформации в союзных республиках можно было бы значительно увеличить.

Объединительные этнические процессы типа этнического слияния имеют место и в автономных республиках. В Бурятской АССР в советское время с бурятами слились так называемые «конные тунгусы» — бурятоязычные эвенки. В Якутии в результате преодоления былой обособленности с якутами стали сливаться якутоязычные группы эвенков и эвенов.

³⁴ С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двужычие и сближение наций в СССР, с. 24—26.

³⁵ «Современные этнические процессы в СССР», с. 499, 500.

Этническая ассимиляция происходит и в национальных округах. Так, в Корякском национальном округе после социалистической реконструкции промыслового хозяйства, образования крупных оленеводческих колхозов и совхозов усилился процесс слияния с коряками небольших групп эвенов. В Чукотском национальном округе с чукчами слились оленные чуванцы.

Следует отметить, что процессы этнического слияния, хотя и имеют широкое распространение, охватывают относительно небольшие по численности группы населения.

В заключение остановимся на процессах этнического сближения, протекающих в среде отдельных этносов. Еще недавно многие нации и народы нашей страны подразделялись на этнографические и локальные обособленные группы, племенные образования, резко различавшиеся характером материальной и духовной культуры. С отходом от элементов натурального хозяйства, социалистическим переустройством экономики, быта, в процессе национальной консолидации культурная обособленность отдельных групп, диалектальные различия стали исчезать.

У русских за советский период в значительной степени были изжиты областные культурные различия, исчезли такие этнографические группы, как мешера, саяны.

На Украине стерлись в основном культурно-бытовые особенности, характерные для специфических в прошлом этнографических регионов — центрального, юго-восточного и юго-западного. Однако в некоторых областях, например в Полесье, этнографические особенности в силу географической обособленности сохраняются. Заслуживает внимания процесс культурного взаимопроникновения между воссоединившимся после 1939 г. населением восточных и западных районов Украины.

Такие же процессы отмечаются и у других народов. Укажем на сближение между локальными группами грузин — картвелами и горами Восточной Грузии. Много примеров этнической консолидации дает Средняя Азия (сближение горных и равнинных таджиков, этнографических групп узбеков — тюрков, кипчаков, курама)³⁶.

Этнокультурное сближение внутри этносов Средней Азии и Сибири происходило и в ходе изживания пережиточной родо-племенной структуры, племенных различий.

Следует указать, что процессы внутреннего этнического сплочения, характерные для периода консолидации социалистических наций и народностей, протекали особенно бурно в 1930—1940-х годах. В настоящее время они в значительной мере завершены.

Приведенные данные позволяют сделать ряд выводов. Процесс постепенного сближения социалистических наций и народностей происходит на разных уровнях — в основном в масштабе всей нашей страны, затем в пределах историко-культурных областей, далее в отдельных союзных и автономных республиках, автономных областях и национальных округах и, наконец, в среде отдельных наций и народностей. Несомненно, основным видом современных этнических процессов в СССР является межэтническая интеграция — постепенное сближение всех этнических общностей в разных сферах жизни, в экономике, в профессиональных сферах культуры и т. д. Единые системы образования, культурно-просветительных учреждений, средств массовой информации способствуют дальнейшему сближению культур.

В историко-культурных областях вследствие специфики природно-географических условий, известной стабильности этнического состава, длительного взаимного общения народов, связанных общностью исторических судеб, наблюдается сближение региональных традиционных культур и постепенно вырабатываются отдельные новые элементы культу-

³⁶ «Современные этнические процессы в СССР», с. 498—529.

ры, приспособленные к окружающей среде и историческим традициям.

Рядом особенностей отличается сближение народов в союзных и автономных республиках, автономных областях и национальных округах. Этнические процессы в них связаны с этническим слиянием отдельных этносов и этнических групп с преобладающей в данном государственном образовании нацией или народностью.

Культурное сплочение имеет место и внутри отдельных наций и народностей в ходе их дальнейшей консолидации.

Таким образом, прогрессивный процесс этнокультурного сближения народов Советского Союза, порожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, — сложное явление, принимающее специфическую форму на разных уровнях этнической иерархии.

ETHNO-CULTURAL RAPPROCHEMENT OF THE PEOPLES OF THE SOVIET UNION

A description of the contemporary ethnic evolution of Soviet peoples is given in the paper. Accumulated data support the assertion that the Soviet period is characterized by predominantly amalgamation processes. Analysis of available information shows that the process by which socialist nations and nationalities are gradually drawing closer to one another takes place at different levels: first and foremost, on a country-wide scale, then within each historical-cultural region, next within Union republics and autonomous republics, oblasts and districts, and lastly, within individual ethnic communities.

Indubitably, the basic process is that of all-Union rapprochement or inter-ethnic integration embracing all nations and nationalities.

Inter-ethnic integration is manifested in the political, economic, cultural, linguistic, and private spheres of life. Within each historical-cultural region traditional regional cultures become closely intertwined; this results from the region's specific geographical environment, a certain stability of its ethnic composition (see tables), protracted contacts between the region's various peoples, united through their common historical destinies. Here new cultural elements adapted to the environment and to historical traditions are gradually developed.

Ethnic processes in Union and autonomous republics, in autonomous regions and districts are manifested in the merging of individual ethnoses and ethnic groups with the nation or nationality that predominates in the autonomy. Specific processes of cultural amalgamation take place within individual nations and nationalities. In the course of their consolidation they become more integrally united, their internal ethnic structure undergoes changes, ethnographic and dialect groups disappear, tribal and local forms of group self-identification are eliminated.

Thus the progressive process of the ethno-cultural rapprochement of Soviet peoples constitutes a complex phenomenon with its specific manifestations at each level of the ethnic hierarchy.

И. А. Кривелев

**СОВРЕМЕННЫЕ ОБРЯДЫ
И РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ИХ ИЗУЧЕНИИ, ФОРМИРОВАНИИ И ВНЕДРЕНИИ¹**

Коренные изменения, преобразившие всю жизнь народов Советского Союза за шестьдесят лет существования нашего государства, коснулись и такой стороны их быта, как праздники, отмечающие те или иные важные события общественной и личной жизни людей, как обряды, совершаемые в праздничном и повседневном быту. В результате преодоления социальных корней религии и в ходе атеистического просвещения масс религиозные обряды стали играть все меньшую роль в жизни и быте разных народов нашей страны. Вместе с тем возникли и распространяются новые обряды, по своему содержанию и форме соответствующие сознанию и достоинству советского человека, члена социалистического общества.

Новые обряды, свободные от религиозно-магического содержания и религиозной формы, стали одним из характерных признаков нашего времени. Они получили широкое распространение в быту всех народов Советского Союза, во всех социальных слоях города и деревни. Прежде чем заняться рассмотрением этого прогрессивного явления и путей его дальнейшего развития, уточним проблематику нашего анализа и содержание тех понятий, которые в нем участвуют.

* * *

Обрядом мы называем запрограммированное установившейся традицией действие (или совокупность действий), имеющее не непосредственно-практическое, а символическое значение². Понятие обряда стоит в одном ряду с такими понятиями, как традиция, обычай, праздник, и по смежности вызывает ассоциации с ними. Связь их, как семантически-смысловая, так и историческая и практически-бытовая, несомненна. Интересы теоретического анализа требуют, однако, выделения каждого этого понятия из общего комплекса и рассмотрения его в некоей относительной абстрагированности от остальных. В данном случае нас интересует именно понятие обряда.

Вне традиции и обычая обряд ни возникнуть, ни существовать не может, ибо он складывается именно в силу установившихся традиций и

---

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного на Всесоюзной конференции по вопросам этнографического изучения современности. В подготовке доклада принимали участие научные сотрудники Ин-та этнографии АН СССР Н. П. Лобачева, Л. А. Тульцева, М. Я. Устинова.

² Термин «церемония» мы считаем возможным применять в качестве синонима «обряда». Термины же «ритуал» или «церемониал» мы трактуем как обозначение порядка обряда или церемонии.

обычаев. Но последние представляют собой явление несравненно более широкого объема и общественно-исторического бытования: есть много традиций и обычаев, не связанных с обрядами. В ином соотношении находятся понятия «обряд» и «праздник». Праздник почти всегда связан с обрядом, между тем, как последний может не иметь отношения к празднику: существует область и повседневной, не праздничной, обрядности.

На всех ступенях общественного развития обряды были широчайшим образом распространены в общественном, семейном и индивидуальном быте людей. Можно сказать, что они пронизывали собой весь быт, во многом внешне оформляя его, придавая ему эмоциональную и идеологическую окраску. С возникновением религии обрядовая сторона быта в значительной мере подпала под ее контроль, а сами обряды стали одним из основных элементов религиозного комплекса.

В условиях советского общества даже и на данном этапе его развития сохранились в качестве бытового и идеологического пережитка религиозные обряды, выполняемые частью населения. Однако, важное и все более растущее значение имеют безрелигиозные обряды. Одни из них древнего происхождения и, существуя наряду с религиозными, сохранили свой мирской характер и независимость от религии. Другие возникли в наше время, как продукт художественного и бытового творчества народных масс, с одной стороны, и планомерной целеустремленной работы партийно-советских учреждений и советской общественности, с другой стороны.

Специфическим признаком, отличающим религиозные обряды от нерелигиозных, является их связь с верой в сверхъестественное: если в сознании выполняющего обряд человека он ассоциирован с религиозными представлениями о сверхъестественном, значит, обряд следует считать религиозным. Далеко не всегда вопрос решается в этом отношении историческим происхождением данного обряда. Известно много случаев, когда в ходе бытования того или иного обряда, несомненно имеющего религиозно-магическое происхождение, религиозное содержание постепенно и окончательно выветрилось, так что сам обряд приобрел более или менее формальный характер. В ряде случаев эта внешняя форма, в свое время религиозная, наполняется новым содержанием, не имеющим отношения к религии. Например — обряд надевания обручального кольца при бракосочетании, совокупность обрядов, связанных с новогодней елкой и др. Но наряду с унаследованными нами и соответствующим образом трансформированными старинными обрядами, в быту советских людей в настоящее время получило распространение большое число новых обрядов, порожденных условиями жизни и быта советского общества.

Тот или иной обряд выполняется, как правило, в ознаменование какого-нибудь события или значительного явления личной, семейной или общественной жизни. В зависимости от смысла и масштаба такого явления или события обряды могут быть разделены на следующие три группы: общественно-гражданские обряды; обряды лично-семейного быта; лично-гражданские обряды.

К первой группе относятся обряды, выполняемые общественными коллективами разных масштабов, начиная от цеха, предприятия, колхоза, города, воинской части, вплоть до населения автономной или союзной республики и всего Советского Союза — в ознаменование событий и явлений, значимых для соответствующих и соизмеримых общественных коллективов. Обряды этой группы могут быть, в свою очередь, разделены на следующие циклы: общенародные; профессионально-трудовые; воинские; детско-юношеские.

В общенародные обряды входят те, которые связаны прежде всего с общественно-политическими праздниками — Первое Мая, День Победы, День Конституции, годовщина Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции. Общепризнанным является и празднование Нового года. К профессионально-трудовым праздникам относятся памятные дни, связанные с производственной жизнью больших коллективов людей, занятых в той или иной области народного хозяйства. Так, широкое распространение среди всего советского народа получил День урожая, хотя он непосредственно касается трудящихся, работающих в сельском хозяйстве. Кроме него можно отметить в этой связи Дни железнодорожника, нефтяника, строителя и т. д.

В жизни Вооруженных Сил имеют огромное значение специально воинские обряды, — парады и смотры, принятие присяги, церемониальные марши по разным поводам, почетный караул у знамени. К циклу детско-юношеских обрядов относятся те, которые исполняются пионерскими и комсомольскими организациями, — почетный караул пионеров и комсомольцев у особо знаменательных, вошедших в историю объектов, пионерские линейки, Летние дни молодежи, Праздник Алого паруса.

В группу обрядов лично-семейного быта входят обряды, озаглавливающие те или иные этапные события в жизни отдельного человека и выполняемые данным человеком при участии коллектива, — семейного или общественного. Перечислим события, по поводу которых обычно совершаются эти обряды: рождение, ежегодный день рождения (теперь он нередко называется именинами, а старый смысл последнего термина все больше забывается), бракосочетание, серебряная и золотая свадьбы, похороны, семейные траурные даты.

К третьей группе, — лично-гражданские обряды, — мы причисляем те, которые сопровождают важнейшие события в гражданской жизни отдельного человека, означающие его приобщение к той или иной социально-возрастной группе, к производственной или иной корпорации или организации, и выполняемые данным человеком при участии общественного коллектива. Сюда можно отнести: первый день в школе, прием в пионеры, вступление в комсомол, получение паспорта, окончание школы, гражданское совершеннолетие, проводы в армию, посвящение в рабочие и хлеборобы, начало и окончание учебы в вузе, трудовые юбилеи, уход на пенсию, общественные дни памяти усопших.

Приведенная классификация условна в ряде отношений. Во-первых, отдельные из фигурирующих в ней обрядов могут быть отнесены и не к той группе, в которой они даны здесь, а к какой-либо иной; например, прием в пионеры может быть перенесен в группу детско-юношеских обрядов. Во-вторых, сам список событий, по поводу которых совершаются обряды, отнюдь не исчерпывающий, что особенно следует иметь в виду, учитывая национальные и местные исторические и иные особенности того или иного региона. Так, например, в Баку в годовщину гибели 26 комиссаров происходит специальный траурный ритуал. Особенно этнически специфичны семейные обряды. У некоторых народов, например, детям не стригут волосы до определенного возраста (до года или даже до трех лет), а первая стрижка оформляется как праздник и сопровождается обрядами. В общем, данная нами классификация призвана лишь помочь ориентироваться в многообразии тех событий общественной и личной жизни, которые могут служить поводом к совершению обрядов.

* * *

Формирование и распространение новых обрядов идет двумя встречными переплетающимися путями. В народных массах более или менее стихийно возникают и оформляются обряды, находящие словесное, музыкальное, декоративное и символически-атрибутивное выражение в ходе своего рода самодеятельности; в них, как правило, силен элемент традиции, иногда весьма старинной. Кроме того система организаций и учреждений советской общественности, направляемая партийными орга-

нами, ведет планомерную работу по руководству массовым обрядотворчеством и разработке новых обрядов, используя все возможности, предоставляемые для этого наукой, в том числе этнографией, и различными жанрами искусства, — поэзией, музыкой, изобразительным искусством.

Формирование и распространение новых обрядов в быту советских людей все больше становится предметом повседневного внимания и заботы нашей общественности, партийных органов, партийных и комсомольских организаций, советских учреждений, специальных учреждений, занимающихся культурной и культурно-просветительной работой. Совет по пропаганде и внедрению социалистических традиций и обрядов создан при ЦК КП Азербайджана. В Украинской ССР комиссия с аналогичными функциями существует при Совете Министров. Такие комиссии и Советы имеются почти во всех союзных, а также автономных республиках, — либо при Советах Министров, либо при министерствах культуры. При исполкомах советов разных уровней, вплоть до сельского, организуются комиссии по гражданским обрядам, цель которых непосредственно руководить их проведением в данном населенном пункте или районе действия данного административного органа. В ряде мест обрядовые комиссии создаются при отдельных крупных предприятиях, в колхозах и совхозах. Руководящими органами отдельных республик проводятся специальные широкие совещания по научным и организационным вопросам, связанным с распространением новых обрядов. Так, в 1974 г. ЦК КП Азербайджана в Баку была проведена научно-практическая конференция на тему «Новые социалистические обряды, ритуалы и праздники — важное средство коммунистического воспитания трудящихся». Руководящие партийные и советские работники выступают в печати с книгами и статьями, посвященными данному вопросу³.

Активную деятельность ведет комиссия по изучению и внедрению новых гражданских праздников и обрядов при Совете Министров Украинской ССР. В своей работе она опирается на областные Дома народного творчества и Дома художественной самодеятельности, оказывает методическую помощь развернувшейся в республике большой сети Домов торжественных событий, службам обрядовых услуг в министерствах бытового обслуживания, коммунального хозяйства и других. Комиссия с помощью других организаций и учреждений разрабатывает и выпускает в свет «Рекомендации» по проведению различных обрядов семейного и общественного быта⁴. Намечен план выпуска серии из 22 разработок по обрядам, относящимся к отдельным праздникам и важным событиям семейной и общественной жизни. Опыт украинской комиссии заслуживает обстоятельного изучения, а выпускаемые ею «Рекомендации» — теоретического и методического анализа.

Аналогичная работа ведется и в Белоруссии. Республиканский Совет по внедрению в быт новых гражданских обрядов, существующий при Совете Министров БССР, направляет деятельность учреждений и организаций, ведущих методическую работу: Методического кабинета Министерства культуры БССР, Республиканского Дома народного творчества и сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Этими учреждениями также разработан ряд сценарно-методических рекомендаций к проведению обрядов, связанных с разными праздниками и другими поводами⁵. Можно отметить работу,

³ В этой связи следует отметить выпущенную Политиздатом содержательную брошюру зав. Отделом пропаганды ЦК КП Украины Ю. Н. Ельченко «Новому человеку — новые обряды» (М., 1976), а также статью зав. Отделом пропаганды ЦК КП Эстонии В. Я. Ранне «Новые обряды и их место в духовной жизни советских людей» («Вопросы научного атеизма», 1972, вып. 13).

⁴ «Рекомендації до обрядів „одруження“ і „народини“» (Комісія по вивченню і впровадженню нових громадянських свят і обрядів Української РСР). Київ, 1976.

⁵ «Посвящение в гражданство. Методические рекомендации» (Республиканский методический кабинет Министерства культуры БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии

проводимую соответствующими советами и комиссиями и в других союзных и автономных республиках, например, в Коми АССР, где в составе республиканской комиссии по обрядам имеются отдельные рабочие группы, разрабатывающие ритуалы конкретных праздников и обрядов и занимающиеся вопросами их внедрения в быт. Аналогичная работа ведется и в Северо-Осетинской АССР, и в Карачаево-Черкесской автономной области⁶.

Задачи материально-технического обеспечения новой обрядности возложены на многие учреждения советского государственного аппарата. В некоторых министерствах бытового обслуживания организованы отделы обрядовых услуг, во многих городских и районных комбинатах бытового обслуживания принимаются заказы, связанные с материальным обеспечением семейных обрядов. На Украине «в настоящее время служба быта предоставляет населению около 20 видов обрядовых услуг: музыкальное сопровождение, прокат свадебных нарядов для жениха и невесты, фотографирование, продажа сувениров и т. д. В ближайшее время планируется упорядочить тарифы и расширить виды услуг, в частности, предоставить молодоженам возможность приобрести путевки для свадебного путешествия»⁷.

Ритуальная служба, связанная с функционированием кладбищ и крематориев, создана в республиканских министерствах коммунального хозяйства.

В последние годы развернулось строительство и функционирование специальных зданий и помещений, предназначенных для проведения обрядов. Помимо давно существующих Дворцов бракосочетания и Дворцов счастья, теперь создаются Дворцы и Дома торжественных событий, Дома траура и траурные площадки, обрядовые салоны, праздничные залы. На Украине в настоящее время насчитывается в городах и селах около восьми с половиной тысяч помещений, специально предназначенных для проведения семейных обрядов⁸. Что касается общественно-гражданских обрядов и праздников, то их проведение обеспечивается существующей у нас разветвленной системой клубов, Дворцов и Домов культуры.

В последние годы развернулась теоретическая разработка проблем, связанных с обрядами. В ней участвуют социологи, философы, искусствоведы, этнографы, в частности фольклористы. В этой работе принимают участие (в ряде случаев — ведущее) республиканские и областные Дома народного творчества, методические кабинеты министерств культуры, Дома художественной самодеятельности. Опубликовано большое количество книг и статей по общим и отдельным аспектам данной темы, защищен ряд кандидатских диссертаций. Из изданий последних лет отметим книги Д. М. Угриновича и И. В. Суханова⁹. Непосредственное практическое значение имеют опубликованные в ряде республик сценарные разработки и методические рекомендации по отдельным обрядам и обрядовым циклам. Особо следует выделить в этой связи публикации Комиссии при Совете Министров Украинской ССР и изданные в Белоруссии методические рекомендации, совместно разработанные Методическим кабинетом Министерства культуры БССР, Республиканским Домом народ-

---

и фольклора АН БССР). Минск, 1976; «Проводы в армию» (Республиканский методический кабинет. Республиканский дом народного творчества). Минск, 1976; «Методические рекомендации по проведению торжественно-траурной церемонии „Дня памяти“» (Республиканский методический кабинет. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР. Республиканский дом народного творчества). Минск, 1976.

⁶ И. Х. Калмыков. О культуре и быте народов советской Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1970, с. 53—60; Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, с. 175—209.

⁷ Ю. Н. Ельченко. Указ. раб., с. 65.

⁸ Там же, с. 63 сл.

⁹ Д. М. Угринович. Обряды: за и против. М., 1975; И. В. Суханов. Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976.

ного творчества и Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР.

Проблематикой, связанной с обрядностью, занимаются и сотрудники Института этнографии АН СССР. Например, сектор народов Зарубежной Европы опубликовал в последние годы под руководством С. А. Токарева две коллективных монографии о зимних и весенних календарных обычаях и обрядах у народов Западной Европы¹⁰, сдана в производство монография В. К. Соколовой о календарных праздниках и обрядах у восточных славян. Такого рода исследования дают историко-этнографический материал для разработки новых обрядов. Ведется работа и по исследованию современной обрядовой проблематики¹¹. Кроме того, во многих монографиях, посвященных преобразованиям быта и культуры, отражается современное состояние обрядности в целом и формирование новой гражданской обрядности¹².

В союзных и автономных республиках этнографы также занимаются обрядами. Белорусские этнографы уже издали три сценарно-методические брошюры по отдельным обрядам и представили в республиканскую комиссию еще около десяти брошюр. Они принимают также участие в подготовке телепередач и постановке кинофильмов, посвященных новым обрядам («Играют свадьбу гармони» — К. А. Цвирка, «Новые обряды» — И. Н. Браим). В 1976 г. А. Мелешко опубликовал по этим вопросам монографию и брошюру¹³. Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рыльского АН УССР подготовил к сдаче в производство коллективную монографию «Советские праздники и обряды в практике коммунистического воспитания» и работу А. В. Курочкина «Новогодние праздники украинцев». В некоторых республиках этой проблематикой занимаются этнографы, работающие в методических кабинетах Министерства культуры (Литва и др.). Запланирована работа по подготовке и выпуску ряда изданий теоретического и методического характера на основе проведенных ранее исследований бытующей обрядности (Татария, Коми АССР и др.). Государственный Музей этнографии народов СССР запроектировал создание специальной экспозиции «Современные праздники и обряды народов СССР» и занимается ее подготовкой.

И все же этнографическая наука и ее кадры должны сделать еще многое для выработки и распространения новой обрядности, активизировать свое участие в этой работе, с тем, чтобы оно соответствовало задачам, которые поставил XXV съезд КПСС перед советскими общественными науками.

¹⁰ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., 1973; «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники». М., 1977.

¹¹ См.: Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности у узбеков. М., 1975; Л. М. Сабурова. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 гг. — «Сов. этнография» (СЭ), 1967, № 5; И. А. Кривенев. К характеристике сущности и значения религиозного поведения. — СЭ, 1967, № 6; З. П. Соколова. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров. — СЭ, 1969, № 5; Г. В. Жирнова. О современном городском свадебном обряде. — СЭ, 1971, № 3; Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения). — СЭ, 1973, № 4; М. Эндзеле. Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (по материалам малых городов Латгале и Курземе). — СЭ, 1973, № 4; Я. С. Смирнова. Традиция и инновация в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа), М., 1973, и др.

¹² Е. А. Алексеев. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967, с. 219—229; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; Л. Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. М., 1972; В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974, с. 98—152; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Быт городского населения Средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977, с. 334—351.

¹³ А. А. Мелешка. Савецкая сямейная абраднасць Беларусі. Мінск, 1976.

В отношении каждого нового обряда, который входит в быт советских людей, перед нами стоят следующие задачи:

1. Сформирование самого обряда, оформление его типового сценария.

2. Распространение обряда в широких массах.

3. Превращение самого церемониала обряда в традицию (его традиционализация).

Только после того, как в «биографии» обряда пройдены все эти ступени, можно считать, что он вошел в жизнь и быт широких кругов советского народа. О некоторых новых обрядах можно сказать, что это уже достигнуто. Это обряды общественно-гражданские, и, в частности, — проведение общенародных революционных праздников Октября, Первого Мая, Дня Победы, Дня Конституции. В отношении же большинства обрядов перечисленных нами групп все три указанных выше задачи остаются полностью актуальными.

В их решение этнографы могут, а, стало быть, и должны внести свой вклад, работая, конечно, в непрестанном сотрудничестве со всеми организациями и учреждениями, занимающимися этими вопросами, с представителями смежных наук, с членами творческих союзов.

Отметим в первую очередь то значение, которое могут иметь в этом отношении этносоциологические исследования в поле, проводимые нашими экспедициями и отдельными научными работниками.

В программе общих этнографических и социологических исследований должны занять более видное, чем это было до сих пор, место вопросы, связанные с новой обрядностью. Работая в поле, каждый этнограф должен помнить, что в сфере его изучения находятся, наряду с другими, нижеследующие вопросы:

1. Какие обряды общественного и семейного быта и по каким поводам выполняет население исследуемого региона?

2. Какое место среди выполняемых обрядов занимают традиционно-религиозные, в каких национальных и социальных группах они больше или меньше распространены, что мешает их изживанию?

3. В каком соотношении среди исполняемых религиозных обрядов общественного и семейного быта находятся элементы традиционно-национальной и общесоветской обрядности?

4. Какое место занимают в быту обряды, целиком созданные в наше время и лишенные традиционной основы?

5. Какое отражение находят в быту разрабатываемые нашими организациями сценарно-методические материалы, какие предложения можно сделать для их совершенствования и приближения к жизни?

Все эти исследования должны вестись традиционными этнографическими и современными социологическими методами, включая приемы количественного анализа и современные технические способы фиксации при помощи фото- и киносъемки, магнитофонной и видеоманитофонной записи.

Полевая исследовательская работа основывается на ряде методологических и методических принципов, вытекающих из общих целей коммунистического воспитания и из задач создания форм быта, соответствующих нормам коммунистической морали. Здесь возникают некоторые теоретические вопросы, требующие своего решения. В связи с этими вопросами следует высказать некоторые общие соображения.

* * *

Разрабатывая сценарно-методические рекомендации по отдельным обрядам и их циклам, мы сталкиваемся с вопросом о соотношении общесоветских и региональных, общенародных и национальных, традиционных и новых начал. При его решении чрезвычайно важны те материа-

лы, которыми располагают этнография и этнографы. Надо иметь в виду, что именно в обрядовой области этническая специфика быта держится особенно устойчиво, так что здесь без хорошего владения этнографическим материалом трудно ориентироваться.

В вопросе о соотношении общесоветского и национально-специфического, как в фокусе, сплетаются многие аспекты проблемы соотношения старого и нового в обряде. Все традиционное, как правило, этнически окрашено, то же в значительной мере относится и к региональному. Таким образом, мы имеем дело со значительно более широким кругом явлений и проблем, чем просто этническая специфика. К сказанному следует добавить, что в ряде случаев здесь примешивается и религиозно-пережиточный фактор. Там, где этническому делению в какой-то мере сопутствуют и конфессиональные различия, оба эти вида специфики сплетаются, а иногда даже сливаются.

Правда, перед нами особый аспект вопроса: религиозно-магическое содержание и религиозная форма, содержащиеся в некоторых традиционных обрядах, отвергаются нами полностью. Со всем же остальным необходимо считаться, как с возможным материалом, могущим в той или иной степени и форме служить ингредиентом нового.

Ясно, что даже самый «новый» обряд не может быть построен на совершенно пустом месте, — в какой-то мере он все равно будет связан с традицией. Это значит, что здесь обязателен учет элемента национальной специфики. И разрабатывая новый обряд, мы относимся к этому элементу не как к неизбежному злу, а как к важной и ценной его характеристике, в большой мере обуславливающей «приживаемость» нового обряда, успешность его распространения и последующую живучесть. Мы вовсе не стремимся к некоей космополитически-стерилизованной, безнациональной обрядности, лишенной этнического своеобразия. Общесоветским, социалистическим должно быть ее содержание, а форма может и должна быть национально-специфической, во всем богатстве и многообразии исторически складывавшихся национальных культур.

Этническое своеобразие обряда находит свое выражение во многих его сторонах и элементах: и в языке, и в репертуаре словесного оформления обряда, и в костюмах его участников и исполнителей, и в национальной характеристике музыкально-вокальной части, и в соответствии всех элементов обряда исторически сложившимся особенностям духовной культуры и быта данного народа, его нравам и обычаям. Все эти материалы и в их теоретическом, и в формально-описательном плане являются достоянием этнографической науки, что накладывает на ее представителей особую ответственность за обеспечение этой важной стороны разработки новых обрядов.

В ходе прогрессирующей интеграции национальных культур различных народов нашей страны неизбежно и постоянное взаимовлияние различных национальных форм бытующей у разных народов обрядности. Это в общем прогрессивный процесс, связанный со взаимным обогащением национальных культур в целом и той их стороны, которая выражается в обрядности, в частности. Его, однако, не следует форсировать, так что организации, занимающиеся сценарно-методической разработкой новых обрядов, должны не столько делать акцент на общем с обрядами других народов, сколько использовать этнически окрашенные, национально-своеобразные формы. Ясно, какая большая работа здесь должна выполняться этнографами. Необходимо подчеркнуть вместе с тем, что в конечном счете все стороны национальной формы любого обряда должны быть подчинены интересам его общесоветского, социалистического идейного содержания.

В деле распространения новых обрядов в массах главная роль принадлежит местным организациям и учреждениям, но и в него этнографы должны вносить свой вклад. Там, где они ведут полевую исследователь-

скую работу, они участвуют и в практической общественной жизни, помогая местным организациям. А собранные ими материалы, отражая процесс внедрения новых обрядов в быт людей, помогают раскрывать ход этого процесса, выяснять причины, тормозящие его, и устранять их.

Следует внести некоторую ясность в вопрос о соотношении элементов стереотипа и импровизации во вводимых новых обрядах.

Иногда приходится слышать жалобы на то, что новые обряды через некоторое время после начала их распространения в той или иной местности перестают пользоваться успехом у населения из-за своего однообразия и даже шаблонности. В таких заявлениях есть доля истины, но есть и другая сторона, выражающая недостаточно ясное понимание сущности обряда.

Если обряды, относящиеся к различным областям общественного и семейного быта, проводятся по одному и тому же образцу, то это, несомненно, является препятствием к их закреплению в нашей жизни. Наиболее распространенный штамп этого рода — собрания типа митинга. Будучи вполне уместными при проведении некоторых обрядов общественно-гражданского цикла, словесно-митинговые формы неприемлемы в лично-семейных обрядах и лишь частично приемлемы в семейно-гражданском цикле. Когда, например, на свадьбе или родине один за другим «выступают» ораторы и произносят более или менее длинные речи, как правило, одинаковые по содержанию, то это гасит эмоционально-приподнятый тон всего семейного праздника и может даже вызвать тягостное ощущение скуки.

Особняком в лично-семейном цикле стоит обряд похорон. Его важным составным элементом является гражданская панихида и речи, произносимые в ходе этого обряда. Гражданская панихида представляет собой именно собрание, — по своему смыслу и назначению траурное, — здесь неизбежны соответствующие формы и приемы; следует только пожелать по возможности большей насыщенности всего церемониала музыкой.

Что же касается обрядов, ознаменовывающих лично-семейные праздники, будь то свадьба или родине, то основными их компонентами должны быть чтение стихов, музыка и пение, произнесение кратких ритуального типа формул. Можно представить себе и специально-обрядовые танцы, по своему характеру соответствующие смыслу данного обряда, но пока что этот тип обрядового действия у нас не разработан.

Каковы бы, однако, ни были элементы, составляющие различные обряды, они должны быть специфичны именно для каждого из них. Отдельные обряды должны иметь свое индивидуальное лицо, и в этом смысле шаблон недопустим.

Мы упомянули выше другую сторону вопроса об однообразии и различии в обрядах. Если дело касается порядка выполнения одного и того же обряда, то тут никаких протестов против «шаблона» не должно быть. Обряд заключает в себе традиционно закрепленную форму действий, некий стереотип, специфический для данного случая и в общем не подлежащий произвольным изменениям. Перед нами пример религиозных обрядов, на протяжении столетий не подвергавшихся изменениям и тем не менее не вызывавших у их участников никаких недовольств по поводу однообразия или шаблонности. Наоборот, именно в привычности и «накатанности» соответствующего образа действий и состоит одна из основ его устойчивости и живучести. Наша задача заключается в том, чтобы по каждому обряду разработать такие качественно высокие образцы, которые могли бы стать своего рода эталоном для постепенной традиционализации.

Сложившийся обрядовый стереотип не исключает и импровизации в ходе его выполнения. Многие обряды самим церемониалом предусматривают несколько интермедий в ходе своего выполнения, предназначен-

ных для импровизаций словесно-речевого или музыкально-вокального порядка. Тем не менее, обряд должен проводиться по твердому церемониалу, иначе он перестает быть обрядом.

И все же жизнь постепенно вносит свои коррективы и в установившийся традиционный церемониал существующих обрядов, и в их количество и назначение. Недавно, например, в Ленинграде стал практиковаться обряд встречи родственников с матерью-роженицей и новорожденным младенцем в родильном доме. Тепло описанный в «Известиях», он производит впечатление эмоционально насыщенного и этически ценного, — надо полагать, что он имеет все шансы привиться и получить распространение в нашем быту. Возможно и даже вероятно появление и других новых праздников общественного и семейного быта, связанных с соответствующими обрядами.

Этнографам необходимо внимательно присматриваться к новым явлениям в жизни советских народов, тщательно изучать их с тем, чтобы помогать укореняться всему прогрессивному, способствующему развитию в образе жизни советского общества всего этически и эстетически ценного и прекрасного.

MODERN RITUALS AND THE ROLE OF ETHNOGRAPHY IN THEIR STUDY ELABORATION AND PROPAGATION

The concept of ritual is examined as distinct from such associated concepts as «custom», «festival», etc. The author proceeds from the definition of ritual as a complex of actions shaped by tradition, having no directly practical, utilitarian purpose, but bearing a symbolical significance. The paper deals with new non-religious rituals that are taking shape and becoming widespread in Soviet society. They are classified by the author into several categories: social-civil, personal-civil, and personal-family rituals. An over-all survey is given of the way new rituals come into being and become disseminated in the different Soviet republics and of the way this process is studied by institutions of ethnographical research. Certain urgent problems faced by ethnography in this field are formulated.

М. Н. Губогло

**К ИЗУЧЕНИЮ ДВУЯЗЫЧИЯ
В ИСТОРИИ НАРОДОВ МИРА ***

Вместе со всем прогрессивным человечеством советские люди торжественно отмечают 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Важнейшие итоги социального развития страны состоят в построении общества развитого социализма и в формировании новой исторической общности людей — советского народа. Сегодня, как никогда и нигде в мире, крепки братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великое многонациональное сообщество — Советский Союз. «Его образование и успешное развитие, — подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», — являются триумфом ленинской национальной политики КПСС, ярким свидетельством ее подлинного интернационалистского характера, великим завоеванием социализма»¹.

Среди важнейших вопросов марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений в эпоху зрелого социализма и коммунистического строительства особую актуальность приобретает изучение взаимосвязи социального и национального, в том числе исследование языковых аспектов общественных процессов. Немаловажную роль призвана сыграть и этнография, в предметной области которой всесторонний анализ языка занимает видное место². При этом раскрытие взаимосвязи языка с остальными компонентами этноса актуально не только применительно к современности, но и для понимания прошлого и предвидения будущего всех народов. «Стирание классовых различий внутри новой исторической общности, — отмечал П. Н. Федосеев, — произойдет раньше, чем преодоление национальных различий, которые останутся еще долго, вплоть до победы коммунизма в мировом масштабе»³. Следовательно, пока сохраняются национальные различия и полнокровная жизнь национальных языков, в многонациональном обществе, естественно, будет существовать необходимость в едином языке межнациональных общений и потому закономерно будут развиваться процессы двуязычия. Таким образом, массовое приобщение народов к инонациональному языку, если подходить к этому с учетом дальнейшего развития советского народа, представляет длительный исторический процесс. Отсюда вытекает необходимость всестороннего изучения двуязычия не только в синхронном,

---

* В статье рассматриваются основные факторы распространения двуязычия и способы его существования. Функциональная сторона и, в частности, роль двуязычия в культурной истории человечества требуют специального рассмотрения.

¹ «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». — «Коммунист», 1977, № 2, с. 7.

² Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 11, 12.

³ П. Н. Федосеев. Теоретические проблемы развитого социализма и коммунистического строительства. — «Коммунист», 1976, № 15, с. 50.

но и в диахронном (ретроспективном) плане. Как показывает опыт, языковые аспекты общественных процессов современности приобретают исключительно важное значение и остроту⁴ и разобраться в них, адекватно оценить их социальное и политическое значение нельзя, не имея общего представления о том, *где, когда, как и при каких условиях и ситуациях*, под влиянием каких конкретных факторов (объективных и субъективных) возникало и развивалось двуязычие как важнейшая составная часть и закономерный итог этнических контактов и языковых процессов. При этом встает задача всестороннего сопоставления условий формирования и развития двуязычия в советском обществе и в странах социалистического содружества с многообразными фактами приобщения населения ко второму языку или любому другому языковому образованию (диалекту, говору) и т. п. во все прошлые времена: от первобытности до наших дней. Лишь рассматривая в диахронии одни и те же аспекты двуязычия, например факторы распространения, формы и способы его существования, функции и роль в сближении народов на пути к культурному единству человечества, можно по достоинству оценить всемирно-историческое значение советского опыта решения языковой проблемы, выявить коренные преимущества социализма перед классово-антагонистическими общественно-политическими системами.

В двуязычии можно выделить два аспекта: исторический (генетический) и структурно-функциональный. Оно всегда может рассматриваться, с одной стороны, как процесс, с другой — как результат общественных изменений. В первом случае двуязычие охватывает не только явления, события, факты развития каждого из контактирующих языков и их носителей, но такие процессы формирования двуязычия, которые связаны с внутриспоколенной и межпоколенной передачей языка. Во втором случае на передний план выдвигаются задачи изучения механизма существования самого двуязычия, понимаемого в обобщенном виде как приобретение лицами или группой лиц, пользующихся языком А, языка В. При этом развитие двуязычия может привести к следующим результатам: 1) если язык А уступает место языку В, то перед нами языковой сдвиг, или языковая ассимиляция; 2) если языки А и В употребляются попеременно в зависимости от различных внеязыковых условий, можно говорить о переключении с языка А на язык В и обратно, т. е. об адекватном способе существования двуязычия; 3) если языки А и В сливаются в одну языковую систему, это свидетельствует о скрещивании языков.

Анализ основных закономерностей языковых процессов и двуязычия в историческом развитии человечества требует принять в качестве методологических принципов такие важнейшие предпосылки: 1) *общесоциологическую*⁵, в которой языковые процессы, происходящие во всеобщей истории языков народов мира и в развитии межязыковых контактов, рассматриваются в контексте и в понятиях более широких общественных процессов, сквозь надежную призму марксистского подхода, учитывающего при характеристике языковых ситуаций детерминирующую роль общественно-экономических отношений, а также роль хозяйственно-культурных типов; 2) *историческую* (хронологическую), в которой на переднем плане стоят задачи сопоставления языковых процессов современности с языковой жизнью народов прошлых эпох; 3) *географическую* (пространственную), в которой внимание акцентируется на синхронной стороне дела, т. е. на языковых процессах, протекающих среди различных народов, разделенных не временем, а пространством; 4) *социально-психологическую*, рассматривающую двуязычие через призму субъектив-

⁴ Э. А. Баграмов. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977, с. 9.

⁵ Подробнее см., например: Ф. П. Филин. Современное общественное развитие и проблема двуязычия. — «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., 1972, с. 13—25.

ных категорий добровольного или насильственного, целенаправленного или стихийного приобщения ко второму языку; 5) *графическую*, в которой степень развитости контактирующих языков определяется наличием письменной традиции. В целом этот критерий служит важнейшей границей, определяющей историю и доисторию процессов двуязычия; 6) *лингвистическую*, в которой встают вопросы описания и сопоставления структурных единиц (фонем, морфем, лексем) контактирующих языков. При этом лингвистическое (внутриструктурное) изучение языковых процессов принципиально является единым, независимо от того, имеется ли в виду протекание их в настоящем (интерференция) или в прошлом (конвергенция).

К сожалению, наука не располагает какими-либо конкретными данными о процессах развития двуязычия в условиях первобытного общества. Однако в соответствии с установившейся в этнографии традицией ссылаться на опыт народов, живущих в условиях первобытно-общинного строя, когда речь идет об изучении тех или иных закономерностей, относящихся к первобытности, обратимся к народам, сохраняющим многие элементы первобытного уклада: это австралийцы, отдельные народности и племена Индонезии и Юго-Восточной Азии (кубу на Суматре, пунаны на Борнео, аэта на Филиппинах, семанги на Малаккском п-ве, ведды на Шри-Ланке), Южной Америки (ботокуды, сирионо, шаванты, гуайяки), пигмеи центральноафриканских лесов и другие. Понятно, что языковые аспекты первобытной жизни также исследованы весьма слабо и изучение двуязычия на австралийском примере чрезвычайно интересно само по себе, так как перед нами предстает образец наиболее ранних стадий истории человеческой речи и языковых контактов. Кроме того, имеет смысл еще раз напомнить, что до сих пор нельзя считать завершенным спор о начальных этапах развития языка и о взаимодействии языков между собой. Согласно традиционной точке зрения представителей классической индоевропейистики, динамика этноязыковой ситуации выражается в постоянном ответвлении языков от одного праязыка (пирамида, стоящая на вершине). Против этой концепции, как известно, активно выступал Н. Я. Марр, заявивший в 1923 г., что «единный праязык есть сослужившая свою службу научная фикция» и что «вначале был не единый, а множество племенных языков»⁶. Согласно теории «первобытной лингвистической непрерывности», разработанной С. П. Толстовым⁷, все начинается с бесчисленного множества языков, которые укрупняются и в перспективе движутся к единству (пирамида, стоящая на основании).

Основой для такой гипотезы послужила идея о сохранении единства языка только в тех границах, в рамках которых имеется общность экономической жизни определенного этнического коллектива.

В условиях замкнутой жизни каждое племя имело свой язык. Общаясь с другими племенами, люди нуждались в известном минимуме взаимопонимания. Это достигалось благодаря отсутствию резко очерченных языковых барьеров между соседними родовыми и племенными коллективами. Вот как писал об этом Н. Н. Миклухо-Маклай: «Почти в

---

⁶ Н. Я. Марр. Индоевропейские языки Средиземноморья.— «Избранные работы», т. I. М., 1933. Цит. по: И. М. Тронский. Сравнительно-исторические исследования.— «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, с. 7.

⁷ Положения, выдвинутые С. П. Толстовым (см. «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 18), в известной мере углубляли «теорию контактов», предложенную Д. В. Бубрихом (см. его статью «Советское финно-угорское языкознание». — «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та», вып. 2, 1948, с. 30). Дискуссию между Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым см.: «Сов. этнография», 1948, № 3, с. 176 сл.; 1949, № 2, с. 189 сл., 197 сл.; дискуссию между С. А. Арутюновым и С. Е. Яхонтовым по поводу концепции первобытной языковой непрерывности см.: «Труды VII МКАЭН», т. IX. М., 1970, с. 265, 273, и др.

каждой деревне Берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга.

Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»⁸.

Своеобразный характер диалектного дробления в языке сельского населения на территории Литвы отмечали Ф. Ф. Фортунатов и В. Миллер в конце XIX в. Здесь было такое множество диалектов, что, переезжая из одной деревни в другую на расстояние лишь нескольких километров, исследователь обычно попадал уже в зону другого диалекта. При удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость между максимально отдаленными диалектами последовательно исчезала. Собственно литовские (аукшайтские) диалекты незаметно переходили в жемайтские, имеющие много общих черт с диалектами латышского языка. Литовцы-аукшайты с трудом понимали жемайтов, говорящих на своем диалекте, и совсем плохо — латышей⁹.

Согласно С. П. Толстову, на стадии первобытнообщинного строя «языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседних локально-родовых языков оказывается допускающей взаимное понимание». И далее: «Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает»¹⁰.

Первобытной языковой ситуации, характеризваемой «непрерывностью», по-видимому, соответствовал свой «первобытный» тип двуязычия. Действительно, «перерыв непрерывности» мог осуществляться с помощью двуязычия, которое можно определить как «скользящее» двуязычие, наиболее эффективно «работающее» лишь в узкой зоне, ограниченной контактами главным образом двух соседних родовых и племенных коллективов. Состав такого двуязычия заключается в том, что люди понимали не только сходную, но и часть несхожей лексики соседнего племени.

«...Новообразование племен и диалектов путем разделения, — читаем у Ф. Энгельса, — происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось теперь. Там, где два численно ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух весьма родственных диалектах»¹¹.

История первобытности наполнена индивидуальными и коллективными отселениями, расселениями и переселениями народов. В ходе этих движений, а также под влиянием иных факторов имело место как дробление, так и соединение и сплочение племен в союзы. Понятно, что при столкновении и контактах движущихся коллективов не обходилось без промежуточного этапа двуязычия. Напомним несколько общеизвестных фактов. Среди австралийцев существовал обычай отдавать детей на воспитание в соседнее племя, чтобы, овладев вторым языком, они могли

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия, т. I. М. — Л., 1940, с. 243.

⁹ Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, с. 172, 173.

¹⁰ См.: «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 17, 18.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 93.

стать посредниками-переводчиками. И хотя в каждом племени обычно находились люди, знающие диалект соседнего племени¹², в целом двуязычная прослойка была чрезвычайно узкой. У североамериканских индейцев род мог усыновлять посторонних¹³ и таким путем принимать их в члены своего племени. «Военнопленные, которых не убивали, становились, таким образом, в силу усыновления в одном из родов, членами племени сенека и приобретали тем самым все права рода и племени»¹⁴. Уникальная разновидность двуязычия известна среди южноамериканских индейцев карибу, обитавших накануне испанского завоевания на о. Доминика и на других Малых Антильских островах¹⁵. Согласно преданиям, эти острова были завоеваны континентальными карибоязычными галиби, которые пощадили лишь местных араваканских женщин. Так возникло карибско-араваканское двуязычие, при котором мужчины говорили в основном по-карибски, а женщины — по аравакански¹⁶.

Таким путем, вероятнее всего, возникали случаи двуязычия в первобытности, хотя в целом для этой эпохи они не были характерным явлением. Что касается тех случаев, когда отдельные «численно ослабевшие» роды «вновь количественно укреплялись путем массового усыновления членов другого рода»¹⁷, то подобные явления не всегда вели к образованию двуязычия, так как в пределах одного племени, как правило, был распространен общий диалект, или, если иметь в виду североамериканских ирокезов, то у них «во всех пяти племенах было несколько общих родов; они говорили на весьма родственных диалектах одного и того же языка»¹⁸. В целом же случаи усыновления встречались довольно редко. Отдельные факты двуязычия появлялись в ходе возникновения союзов племен, которое осуществлялось или путем покорения одного племени другим, например в ходе покорения части араваков воинственными карибскими племенами непосредственно перед испанским завоеванием¹⁹, что свойственно эпохе позднего первобытнообщинного строя, или путем заключения добровольных союзов. В каждом случае возникали контакты и языковые взаимодействия не только между родственными, но иногда и между неродственными языками. Однако возникавшее в их ходе двуязычие имело кратковременный, узколокальный, бесписьменный и функционально чрезвычайно ограниченный характер.

Поскольку в конце первобытности одно из племен всегда получало преобладание над другими, процессы развития двуязычия вели к тому, что либо побеждал один язык и отмирал другой, либо формировался третий язык, который сохранял в качестве основы морфологический строй одного из контактирующих языков. В итоге, как отмечал С. П. Толстов, языков становилось меньше, но различия между ними становились больше, чем в предыдущий (доконтактный) период²⁰. Кроме того, при отсутствии государственности и письменных традиций скрещивание языков и образование такого языка, который не являлся ни первым, ни вторым, можно считать существенной особенностью языковых контактов и следствием двуязычия при первобытнообщинном строе. Согласно словам Страбона, римляне, которые подчинили своему владычеству множество племен, «не только заставили народы, до сих пор

---

¹² «Народы Австралии и Океании» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1956, с. 82.

¹³ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1935, с. 48—49.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 89.

¹⁵ Э. Г. Александренков. Индейцы Антильских островов. М., 1976, с. 89.

¹⁶ Подробнее см.: «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 491.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 89.

¹⁸ Там же, с. 95.

¹⁹ См. подробнее: «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. 1. М., 1959, с. 35, 36; т. 2. М., 1959, с. 313, 400 и др.

²⁰ См. «Сов. этнография», 1950, № 4, с. 20.

разобщенные, вступить в общение друг с другом, но и научили даже более диких цивилизованной жизни»²¹.

В рабовладельческой эпохе берет свое начало тенденция увеличения мозаичности и этнической пестроты поселений, в том числе городов. Стоит ли удивляться, что один из наиболее смешанных в этническом отношении городов — Вавилон — стал символом языкового хаоса в мире. Рабский труд, как известно, подразумевал совместную работу больших групп разноязычных лиц, что делало необходимым усвоение ими второго языка.

Сейчас трудно сказать что-либо определенное о количественной стороне дела, а также о степени владения вторым языком. Известно, например, что при строительстве монументальной пирамиды в связи с погребением египетского фараона в Древнем царстве долгие годы трудились десятки тысяч рабов. Чаще всего ко второму языку приобщались военнопленные, составляющие в рабовладельческих государствах основной контингент двуязычного населения. Несколько реже двуязычие распространялось среди греческих и прочих наемников, которые, поселившись в различных районах Малой Азии, в Иране и в Египте, находили себе жен среди местного населения или оказывались в плотном иноэтническом окружении.

В рабовладельческом мире известны две категории коренного населения, которых насильственно склоняли к овладению вторым языком, соответственно и два способа становления группового двуязычия, под которым понимается приобщение более или менее значительных групп населения к другому языку и употребление его в устном общении. В одном случае двуязычными становились военнопленные, оторванные от своих соплеменников и насильственно переведенные в иноязычную среду. Приобщение к языку победителей в этом случае неизбежно сопровождалось утратой своего родного языка. Достаточно было жизни одного поколения, чтобы языковая ассимиляция завершилась переходом на язык победителей. Следовательно, процесс двуязычия был чрезвычайно кратковременным и в передаче культурного опыта особой роли не играл. В другом случае второй язык как язык победителей внедрялся среди населения завоеванных районов. Здесь, наоборот, социальные функции второго языка оставались крайне ограниченными, что вело к его неполноценному развитию. Живой греческий язык папирусов III в. до н. э. был постепенно вытеснен варварским греческим языком местного египетского населения. «По всем странам бассейна Средиземного моря, — писал Ф. Энгельс, — в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами»²². Здесь, как видно, двуязычие сменилось одноязычием, на основе второго языка. Хотя в дальнейшем, по мере национального возрождения народов, утеревших свой первоначальный язык, «латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собой»²³. И хотя оба способа существования группового двуязычия, вероятно, имели место гораздо чаще, чем в первобытности, не существовало объективных основ для сколько-нибудь продолжительного (во времени) его бытования, так как не было факторов, которые в органическом единстве стимулировали бы развитие общественных функций как одного, так и второго языка, «закрепляя» тем самым двуязычие.

²¹ Страбон, География в 17 книгах. М., 1964, с. 127.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 146.

²³ Там же, с. 147.

Не будет преувеличением сказать, что рабовладельческому миру мы обязаны плодотворной идеей необходимости общего языка межэтнических отношений. Две объективные тенденции в развитии языковых и культурных контактов натолкнули людей на эту мысль. В связи с общим расширением и изменением эллинского мира зарождается стремление к преодолению диалектных различий. Постепенно потребность в общем языке начинает удовлетворяться новой формой греческого языка, так называемой «койнэ», общей речью, которая вырастает из аттического диалекта путем постепенного перехода к нему сначала образованных людей, а затем и более широких масс населения. Местные диалекты исчезают по мере того, как «общая речь» становится средством связи между людьми, говорящими на разных диалектах, а позднее — средством межэтнических связей. Александр Македонский не только открыл греческому языку доступ в земли, простиравшиеся от Эгейского моря до Гиндукуша, от Каспийского моря до порогов Нила, но, насильственно сплотив разноязычное население, создал тем самым определенные предпосылки для развития такой формы двуязычия, когда многие народы вынуждены были для общения избрать один язык.

Важное значение в развитии и углублении процессов двуязычия в рабовладельческую эпоху сыграло возникновение письменности, что, во-первых, послужило рубежом между доисторией и подлинной историей двуязычия, а во-вторых, положило начало существованию новых и чрезвычайно прогрессивных форм и способов существования письменного двуязычия, например в виде, хотя и немногочисленных, сначала двух- или даже трехязычных надписей и текстов. Источники изобилуют свидетельствами о тяжелом и напряженном психологическом климате, в котором проходили языковые контакты. В частности, имеется много сведений о презрительном отношении господствующих классов рабовладельческих империй ко всем варварским языкам.

В то же время очень мало сведений о лингвистических аспектах двуязычия древних эпох, в том числе о степени владения вторым языком, о масштабах и способах его употребления. Но даже имеющийся скудный материал говорит о том, что случаи интерференции были нередкими.

В процессе контактов древнегреческого населения с соседними племенами, как об этом пишет Страбон, слова родного греческого языка часто произносились неправильно: «...как варвары, которые только начинают учиться по-гречески и еще не умеют правильно на нем изъясняться, что бывает и с нами, когда мы говорим на их языках»²⁴.

Расширение путей и каналов распространения второго языка в феодальную эпоху, а также появление новых форм и способов существования двуязычия, в том числе проникновения двуязычия в сравнительно новые сферы жизни, объясняются, во-первых, тем, что переход от рабовладельческого способа производства к феодальному явился прогрессивным шагом не только в экономическом, но и в социальном развитии человеческого общества, во-вторых, тем, что феодализму, вероятно, больше, чем любой другой общественно-экономической формации, свойственны многообразие конкретных проявлений, определенная подвижность и текучесть самих характеризующих его категорий²⁵. По хронологической протяженности, конкретным явлениям и частично по функциональной развернутости процессы двуязычия при феодализме стали более многовариантными и разнообразными, чем в античную эпоху. В развитии языковых контактов и двуязычия в эпоху феодализма можно выделить три момента. 1. Сосуществование двух языков (победителей и побежденных) в течение различного времени; классическим примером могут служить народностно-турецкие виды двуязычия на Балка-

²⁴ Страбон. География, с. 619.

²⁵ Подробнее см.: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964.

нах в Османской империи (болгарско-турецкое, греко-турецкое, румыно-турецкое и т. д.). 2. Победа завоевателей сопровождалась победой их языка над языком побежденных. 3. Победа завоевателей приводила к поражению их языка в борьбе с местным языком. Из бесчисленного множества примеров достаточно вспомнить исчезновение тюркского языка аспаруховых протоболгар, переселившихся в середине VII в. сначала в южную Бессарабию, а затем создавших на Балканах объединенное государство на основе семи покоренных славяноязычных племен Добруджи и прилегающих к ней районов. В феодальных государствах средневековья получило развитие так называемое элитарное двуязычие, связанное с дипломатическими, административными и прочими нуждами двора и господствующего класса феодалов. Профессиональные переводчики начинают переводить не только устную речь, но и письменные тексты. Этому способствует развитие культуры, в том числе рост количества письменных текстов. Однако произведений светского характера еще мало, гораздо меньше, чем религиозной литературы.

Важно отметить в средневековом населении целые сословия, охваченные двуязычием: духовенство, купцы и др. Последние, как правило, были не только грамотны, но и умели объясняться на языках стран, лежащих на их пути. Устные разновидности средневекового двуязычия, складывавшиеся главным образом в тех случаях, когда отдельные люди попадали в иноэтническую среду, были недолговечными, в том числе из-за того, что человек начинал забывать свой родной язык. В необыкновенно красочном по языку произведении XV в. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина²⁶ отчетливо видно, как русские слова перемешивались с иноземными.

Вместе с тем феодальная эпоха явила миру совершенно новые сферы распространения двуязычия, которые не были известны раньше. Одна из таких разновидностей двуязычия, в частности, выросла на религиозной почве в связи с распространением культовых языков. Это двуязычие имело уже две основные формы своего существования. В целом это было связано с распространением трех так называемых «мировых» религий: буддизма среди народов Азии, христианства в Европе и ислама на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Перешагнув политические, этнические и языковые границы, эти религии способствовали расширению двуязычия на основе родных языков и какого-нибудь основного языка каждой из указанных религий: латыни и старославянского — среди христиан Западной и Восточной Европы, арабского — среди мусульман, санскрита, китайского, тибетского и кхмерского — среди отдельных групп населения, исповадовавших буддизм. Кхмерский язык, в частности, не играл особой роли среди буддистов за пределами Камбоджи. Языком же буддизма в Юго-Восточной Азии был скорее пали, чем санскрит.

Особое место в языковых процессах феодального периода занимает славяно-греческое двуязычие Киевской Руси. Согласно летописным данным, среди феодальной верхушки, духовенства, купцов, а также некоторых других слоев населения было сравнительно широко распространено знание иностранных языков и прежде всего греческого.

В успешном развитии славяно-греческого двуязычия на Руси известную роль сыграло то, что славянская письменность развивалась на основе кириллицы, имеющей близкое сходство с греческой азбукой. Во-первых, это облегчало усвоение русского письма тем греческим выходцам, которые в XI—XII вв. составляли значительную часть высшего русского духовенства, а во-вторых, для самого населения Древней Руси эта близость алфавитов облегчала возможность овладения греческим языком²⁶. Относительно широкие масштабы славяно-греческого двуязычия в

²⁶ М. Н. Тихомиров. Просвещение в Киевской Руси. — «Религия и церковь в истории России», М., 1975, с. 54.

Древней Руси, а также хронологическая продолжительность его бытования подтверждаются тем заметным влиянием, которое оказал греческий язык на лексику древнерусского языка. Об этом, в частности, свидетельствуют многие греческие по своему происхождению слова современного русского языка: огурец, свекла (или свекла), кирка, известь, плит (т. е. кирпич) и др.²⁷ В соответствии с двумя основными способами существования двуязычия — устным и письменным — греческая лексика проникала и через книжные переводы. В славянском переводе «Александрии», например, остались непереведенными греческие слова, вошедшие в современный русский язык: палаты, стихия, икона, кадило и др.²⁸

Однако в целом сферы бытования этого вида двуязычия были, во-первых, очень узкими с функциональной точки зрения, во-вторых, масштабы его распространения были ограничены узким привилегированным слоем духовенства, господствующих классов и незначительного числа лиц творческих профессий и, в-третьих, были непонятны широким слоям населения.

Еще одну разновидность двуязычия в феодальную эпоху представляло двуязычие, при котором знание живого народного языка сочеталось со знанием книжного архаичного. Эта форма представляла разновидность сосуществования культурных языков с общенародными языками, поэтому ее сферы также были чрезвычайно ограниченными. И наконец, следует выделить в общей картине средневекового двуязычия преобладание таких его форм, которые возникли не добровольно, а скорее на почве насилия.

Большую роль в расширении межкультурных и меязыковых контактов и диффузий во всемирно-историческом масштабе сыграли социальные революции²⁹, обратившие феодальный мир в капиталистический, а по времени совпавшие с глобальным «землетрясением» человечества, как иногда называют серию великих географических открытий (с конца XV до конца XVIII в.). Проблемы двуязычия при капитализме, в особенности в современную эпоху, имеют не только научное, но и важное практическое значение, так как до сих пор капитализмом не найдено и вряд ли когда-нибудь будет найдено удовлетворительное решение многих проблем языкового сосуществования в различных многонациональных регионах мира, в реальной повседневной жизни многих современных народов. Более того, события последних лет в Канаде, в Бельгии, Индии и многих других странах показывают, какую остроту и накал получают языковые проблемы, в том числе проблемы двуязычия в современном мире. Следует подчеркнуть, что зарождение капитализма принесло с собой значительные прогрессивные сдвиги в развитии языковой жизни человечества. Несмотря на некоторое сокращение двуязычия по сравнению с феодализмом, связанное прежде всего с резким падением его народностно-культурных разновидностей и сокращением масштабов и сфер функционирования со вторым (религиозным по основной сфере употребления) языком, капитализм значительно продвинул вперед развитие языковых процессов. Это произошло прежде всего за счет национального возрождения многих народов и за счет формирования национальных языков. При этом в зависимости от контактов разноразноязычного населения, находящегося к тому же на разных уровнях социально-экономического и культурного развития, можно по масштабам распро-

²⁷ С. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси.— «Религия и церковь в истории России». М., 1975, с. 25, 26.

²⁸ См. М. Н. Тихомиров. Указ. раб., с. 61.

²⁹ Б. Ф. Поршнев. Роль социальных революций в смене формаций.— «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования». М., 1975, с. 25—39.

странения выделить три основных типа двуязычия в эпоху капитализма. Они имеют «национально-межнациональный» характер: основной сферой их формирования и бытования служат непосредственные межнациональные контакты и рост потребностей в средстве общений. К первому типу относятся все те случаи, когда в контакт оказывались вовлеченными таксономически сходные (по уровню функционального развития) языки. Именно здесь, среди носителей этих языков, начались поиски «нейтральных» языков-посредников, пригодных для разнообразных, чрезвычайно разветвившихся контактов (экономических, дипломатических, торговых, научных, культурных, спортивных и т. п.) между группами людей, народами, государствами, континентами. Особенное значение в роли живых языков, обслуживающих в капиталистическом мире сферы межнациональных и международных общений, приобрели, как известно, сначала французский, затем немецкий, а в последнее время английский языки. Однако социальная база распространения указанных языков в качестве второго языка была узкой, и развитие «национально-межнационального» типа двуязычия не получило широкого размаха, ограничившись незначительной частью господствующих классов и сравнительно малочисленной в количественном отношении прослойкой интеллигенции. Однако, рассматривая генезис и сферы существования указанного типа двуязычия, следует подчеркнуть такие его прогрессивные черты, как добровольное приобщение ко второму языку и возникновение его в ряде случаев неконтактным путем (например, приобщение к французскому языку определенной части русского дворянства).

Ко второму случаю двуязычия при капитализме относится различные его разновидности, при которых сочетались родные языки покоренных народов в Азии, Африке и регионах Центральной и Южной Америки с языком той или иной колониальной державы, расширяющей свою колониальную экспансию. В целом представляется возможность все подобные разновидности двуязычия объединить в две существенно отличающиеся по масштабам распространения среди местного населения подгруппы: 1) широкое двуязычие, при котором местное население через промежуточный этап массового двуязычия переходило на язык колонизаторов; 2) узкое двуязычие, когда поработанные народы сохраняли свои родные языки, а двуязычием охватывалась лишь незначительная по количеству административная верхушка. В первом случае языки местного населения обрекались на медленное исчезновение, во втором усвоение языка колонизаторов происходило в чрезвычайно примитивных формах.

Между этими полярно отстоящими друг от друга тенденциями встречаются разнообразные промежуточные варианты. Необходимость попеременного использования то одного, то другого языка, актуальная для многих двуязычных людей, иногда действует в направлении сокращения расстояния между лексикой и другими системами контактирующих языков. В итоге язык двуязычных групп населения иногда оказывается в таком состоянии, когда целые словосочетания или предложения бывает трудно с грамматической точки зрения соотнести с одним из контактирующих языков. Более того, при благоприятных социокультурных условиях эти языковые разновидности могут превратиться в самостоятельные языки. Именно так возникает пиджин, представляющий собой результат языкового компромисса, употребляемый двумя или несколькими языковыми коллективами, когда они находятся в общении. Трансформация английского языка в тихоокеанский пиджин (из которого сформировались новомеланезийский, новосоломоновский и ряд других пиджинов Океании) произошла меньше чем за столетия — с конца XIX века; трансформация английского языка в китайский пиджин происходила с 60-х годов XVII в. до первой половины XVIII в. Пиджины французского, голландского сформировались за столь же короткое

время. В ряде случаев происходит развитие креольских языков, превратившихся в родной язык какой-либо группы населения. Такова, в частности, история французского языка, который под значительным влиянием местных африканских языков превратился в современный карибский (креольский) язык в некоторых его разновидностях³⁰. Новейшие социолингвистические исследования показывают, что пиджины и креольские языки оказываются более жизнеспособными, чем это казалось многим специалистам-языковедам.

Совсем в иных условиях и в иной таксономической плоскости возникало «национально-межнациональное» двуязычие в государствах с национально-смешанным составом. В России, Османской империи, Австро-Венгрии и в некоторых подобных образованиях среди малочисленных народов возникало двуязычие с языком господствующей нации в качестве второго языка. И хотя масштабы такого типа двуязычия значительно варьируют в разных государствах и среди разных народов, можно сказать, что для него в целом свойственно более или менее длительное (во времени) функционирование, которое сочетается с далеко неравным и глубоко неравноправным партнерством языков в различных сферах жизнедеятельности. Следует указать, что основной способ возникновения этого типа двуязычия — насилие одного народа над другим. Лишь в отдельных случаях оно возникает естественным, добровольным путем. Сфера действия «своих» языков замыкается в основном домашним бытом, в то время как второй язык получает монопольные права на все остальное. В недрах рассматриваемого типа двуязычия не возникает проблема выбора (естественного или искусственного) языка как средства межнациональных общений. Язык для такой роли подсказывается самой жизнью, однако из-за трудностей гармонического сочетания общественных функций языка господствующей нации с развитием национальных языков угнетенных народов решение проблемы языка межнациональных общений неизмеримо осложняется.

В эпоху капитализма в ряде районов мира имеют место случаи массового двуязычия. По хронологической продолжительности бытования их можно сгруппировать в две основные формы: 1) *стабильное* двуязычие, охватывающее относительно продолжительные периоды сосуществования двух или более контактирующих языков (франко-немецко-итальянское в Швейцарии, финско-шведское в Финляндии и т. д.), и 2) *слабоустойчивые* формы двуязычия, имеющие временной (преходящий) характер и тенденцию к обращению в свою противоположность, т. е. в одноязычие на основе второго языка. Классическим примером в этом отношении могут служить США. Там судьба родных языков иммигрантов обречена на постепенное (в течение жизни двух-трех поколений) исчезновение.

Эпоха социалистических революций, расширившая всевозможные контакты человечества, в том числе и языковые, и поднявшая их на качественно новую, более высокую по сравнению с капитализмом и прочими классово-антагонистическими обществами ступень развития, гигантски ускорила процессы интернационализации, сближения народов, стран, континентов, культур.

Опыт всемирной истории свидетельствует, что у различных народов в различные времена существовали неодинаковые условия и факторы приобщения к инонациональному языку, разные уровни знания и частота употребления второго языка, а также разные реальные потребности в нем. Более того, по степени распространения двуязычия, по формам и способам его существования, по сферам жизнедеятельности, в которых оно практически реализовалось, по хронологической продолжительности его функционирования, а также по социально-этническим и культурным последствиям этого явления обнаруживаются серьезные

³⁰ «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 50, 192, 202, 495, 496, 508 и др.

различия не только между разными народами, но и внутри одного и того же народа — между сельским и городским населением, между людьми разного пола и возраста, между различными социально-профессиональными, территориальными, кастовыми, религиозными и прочими группами. Для того чтобы двуязычие развивалось как непрерывный исторический процесс, необходимо, чтобы оно постоянно воспроизводилось. Иными словами, необходимо, чтобы постоянно и гармонично «работали» обе группы факторов: и те, что благоприятствуют развитию общественных функций родных языков, и те, которые детерминируют широкое распространение второго (инонационального) языка.

Согласованное действие указанных двух групп факторов в диалектическом единстве характерно только для социалистического общества и не имеет аналогов в мировой истории. Развитие этой тенденции, в ходе которой двуязычие приобретает устойчивые черты длительного исторического процесса, стало возможным лишь в условиях неукоснительного соблюдения интернациональных принципов ленинской национально-языковой политики, обеспечивающей равноправие народов, оптимальное развитие и сближение всех наций и народностей СССР, в том числе свободное развитие национальных языков при одновременном приобщении населения к инонациональному языку. С этим связана другая особенность советского опыта развития двуязычия. Она заключается в стабильности и в устойчивости таких языковых процессов, в ходе которых оба языка (и родной и инонациональный) служат населению важными средствами общения в разнообразных сферах жизнедеятельности. Эта стабильность, в частности, достигается благодаря осознанному и целенаправленному приобщению многих нерусских народов к русскому языку через широко разветвленную систему школ, в которых преподавание ведется на русском языке или же русский язык преподается как предмет. О том, какое влияние оказывает советская школа (средняя и частично высшая) на развитие процессов двуязычия, можно судить по возрастной группе 11—19 лет. Как показала перепись 1970 г., доля двуязычных здесь в среднем увеличивается (по сравнению с предыдущей — до 10 лет — возрастной группой) более чем в 5 раз и охватывает почти половину юношей и девушек среди нерусских народов союзных республик. Среди группы нерусских народов, образующих автономные республики и автономные области, удельный вес двуязычных между теми же возрастными группами повышается от 30,7 до 75,3%. Эти данные свидетельствуют о все расширяющемся двуязычии и о том, что в эпоху зрелого социализма одна лишь школа дает возможность глубоко и устойчиво приобщиться ко второму языку такому же числу людей, которые два-три десятилетия тому назад приобщались под воздействием всех факторов, вместе взятых³¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что в 1974 г. советская школа начала учебный год по букварям, изданным для первоклассников, на 90 языках народов СССР. Это свидетельствует не только об интернациональном характере процессов двуязычия, но и об оптимальном развитии языковых процессов. Иными словами, интернационализм языковой политики и языковой практики в эпоху зрелого социализма проявляется в виде взаимосвязанного процесса развития родных языков в сочетании с распространением языка межнациональных общений. Интернационализм советского двуязычия³², сохраняя свою прямую связь с национальным развитием народов и всячески благоприятствуя этому развитию, одновременно ослабляет национальные перегородки между народами, никоим образом не ущемляя при этом их национальных интересов, а наоборот, усиливая дружбу советских народов, кото-

³¹ С. И. Брук, М. Н. Губогло. Двуязычие и сближение наций в СССР. (По материалам переписи населения 1970 г.). — «Сов. этнография», 1975, № 4, с. 31.

³² М. И. Куличенко. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 345—354.

рая, по словам Л. И. Брежнева, является бесценным достоянием, одним из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма³³. В связи с этим нельзя не указать на принципиальное отличие путей становления двуязычия в советском обществе от аналогичных процессов в капиталистическом мире. Обучение второму языку при капитализме ставит задачу подготовить человека к выполнению какой-либо социальной функции, в то время как при социализме оно служит всестороннему развитию личности.

За полноценное двуязычие мы принимаем такие его проявления, когда оно возникает в условиях фактического равноправия языков, на добровольной основе, по доброму согласию носителей каждого языка, контактным и даже неконтактным путем (в том числе включая массовое приобщение ко второму языку через систему школьного образования), когда оно достигает всенародного характера, охватывая все половозрастные, социальные и иные слои населения, и существует как в устной, так и в письменной форме. При таком подходе, учитывающем не один, а одновременно несколько показателей двуязычия, можно сказать, что ни одна досоциалистическая разновидность двуязычия не «набирает» перечисленного комплекса признаков.

Опыт всемирной истории помогает преодолеть широко распространенное заблуждение относительно того, что для народов мира одноязычие является правилом, а многоязычие, в частности в такой его разновидности, как двуязычие, — исключением. Справедливо полагают, что в основе подобной ошибки лежит экстраполяция опыта нескольких европейских и американских стран, в течение сравнительно непродолжительного исторического периода стремившихся к полной стандартизации языка как символу и орудия своего национального бытия³⁴.

При всем разнообразии конкретных форм и способов существования двуязычия как явления со значимым общественным резонансом оно развивалось (с точки зрения хода всемирной истории) от отдельных индивидуальных проявлений и ограниченных форм бытования в первобытности к полному двуязычию и его всенародному бытованию в зрелом социалистическом обществе. При этом по мере прохождения народов мира через одни и те же ступени общественного и социально-экономического развития последовательно расширялись и масштабы двуязычия. Если для феодализма, например, не было характерно массовое двуязычие, а для капитализма оно в отдельных случаях характерно, то с победой социализма в нашей многонациональной стране были созданы благоприятные условия для становления и развития всенародного двуязычия.

Суть еще одной всемирно-исторической закономерности в развитии процессов двуязычия заключается в последовательном — от формации к формации — ускорении и углублении процессов приобщения людей ко второму языку посредством использования современных методов обучения, углубления его знания, расширения сфер употребления при одновременном свободном владении языком своего народа и устойчивого психологического сохранения его как своего родного языка. С этой тенденцией в свою очередь связана еще одна важная закономерность в развитии двуязычия, сущность которой состоит в последовательном выравнивании вплоть до слияния при социализме двух разделенных в прошлом и разных — элитарных и массовых — форм существования двуязычия. Процессы выравнивания между этими двумя формами происходят двояким путем: с одной стороны, углубляется знание второго языка у широких масс населения; с другой — расширяется сфера про-

³³ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1975, с. 50.

³⁴ У. Вайнрайх. Одноязычие и многоязычие. — «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, с. 26.

явления и бытования двуязычия, охватывая, например, в культуре не только процессы потребления, передачи культурных ценностей, но и производство их, в том числе творчество на каждом языке при двуязычии. Все разновидности устного двуязычия в досоциалистические времена от первобытности до капитализма возникали преимущественно контактным путем и служили главным образом целям устных межнациональных общений. И только при социализме широкое распространение получила тенденция развития массового (всенародного) двуязычия неконтактным путем, в частности через систему школьного образования. Таким образом, по мере смены одной общественно-экономической формации другой имело место последовательное расширение неконтактных способов приобщения ко второму языку, а также постепенный синтез двух основных — контактного и неконтактного путей возникновения двуязычия. В целом факторы, способствующие развитию процессов двуязычия в классово-антагонистических обществах, имеют принципиальное отличие от факторов, детерминирующих социалистические типы двуязычия.

В антагонистических формациях факторы двуязычия, как правило, обладают внутренней противоречивостью, которая ведет в конечном счете к непримиримости контактирующих языков. В каждом случае факторы развития общественных функций одного языка (например, языка своей национальности) обнаруживают перевес или уступают факторам распространения второго языка. Конечная судьба двуязычия сводится к одноязычию, что достигается альтернативным путем: или за счет сохранения устойчивости языка своего народа, при крайне незначительном распространении второго языка, или, наоборот, победу одерживает (через два-три поколения) второй язык. Если согласиться с этой точкой зрения, то историю двуязычия в каждой из трех антагонистических формаций можно представить в виде противоборства факторов развития первого и второго языков. Иными словами, каждая группа факторов выступает по отношению друг к другу как силы динамики и силы торможения. Лишь социализм, обеспечивая полное равноправие народов и языков во всех областях жизни, уравнивает силу каждой группы факторов и делает их оптимальными средствами активизации каждого языка и языковых контактов в целом, стимулируя тем самым длительное бытование и широкое распространение процессов двуязычия.

CERTAIN PROBLEMS OF THE STUDY OF BILINGUALISM IN THE HISTORY OF THE PEOPLES OF THE WORLD

An historical-sociological outline of the evolution of bilingualism processes in human history is elaborated in the paper. The main factors leading to the diffusion of bilingualism are analyzed, as well as actual facts of its occurrence at different periods of history from primitive times to our own days. This makes it possible to indicate the major typological features of ethno-linguistic contacts in Soviet society. It has been established that the origin and the mode of existence of bilingualism under socialism differ basically from those of preceding periods, since a prominent part here belongs to deliberate Party and State guidance of ethnic and linguistic processes.

С. Талбот

«СВОБОДНЫЙ АЛЬКАТРАС» *

«Мы — индейцы всех племен; мы занимаем эту скалу!» Под этим лозунгом 14 индейских студентов ночью 9 ноября 1969 г. заняли о. Алькатрас в бухте Сан-Франциско. Это была попытка привлечь внимание общественности к положению коренных американцев — угнетенного и дискриминируемого меньшинства в США. Захвату Алькатраса предшествовала блокада моста на о. Мохаук Интернейшнл. Многие участники событий на Алькатрасе видели документальный фильм об этом — «Вы стоите на Индейской земле». Один из основных организаторов высадки на Алькатрасе Ричар Оукс — по происхождению мохаук.

Вынужденные на следующий день под давлением полиции покинуть остров, студенты поклялись вернуться, чтобы создать независимую индейскую коммуну. Американские индейцы горячо поддержали эту акцию, так как увидели в ней признак духовного возрождения индейского народа, а также первый шаг к возвращению индейцам земель, вопрос о которых остается открытым со времен вторжения европейских колонизаторов и продвижения «белых» американцев в глубь «Америки красных».

Во второйной высадке, состоявшейся 20 ноября, участвовали уже более 80 мужчин, женщин и детей. На этот раз они решили закрепиться здесь и организовать свою коммуну. В течение 19 месяцев индейцы сопротивлялись попыткам властей изгнать их с острова всеми средствами: голодом, холодом, угрозой лишения работы и возможности учиться, а также поступать на государственную службу. На протяжении этого времени на Алькатрасе жило до 100 индейцев, представлявших 50 племен; среди них были индейцы Аляски, Канады и даже Южной Америки. Освободители Алькатраса называли себя «индейцы всех племен». Более 12 000 человек, индейцев и неиндейцев, посетило в этот период «свободную землю Алькатраса». Они выразили свою солидарность с восставшими, оказали им помощь деньгами, продовольствием, своим трудом.

Индейцев Алькатраса поддерживали отдельные лица и организованные группы, простые граждане и кинозвезды, индейские общественные организации и профсоюзы.

Захват Алькатраса стимулировал и ряд других индейских выступлений, главным требованием которых был возврат индейцам их земель —

---

* Автор настоящей статьи, доктор философии Стивен Талбот, в 1969 г. окончил отделение антропологии Калифорнийского университета в Беркли. В том же году, после забастовки студентов-представителей «третьего мира», в этом университете был создан Факультет этнических исследований, на котором Талбот читал курс истории индейского освободительного движения. В течение осеннего семестра около 20 его слушателей отбыло на Алькатрас. Периодически возвращаясь в Университет, они знакомили студентов с событиями, происходившими на острове, показывали сделанные там фотографии и диапозитивы. Талбот, сочувствовавший индейскому движению, стал прямым очевидцем событий на Алькатрасе.

в Форте Лоутон в штате Вашингтон; на о. Эллис в штате Нью-Йорк, у горы Рашмор в Южной Дакоте — и менее известные выступления, например, индейцев помо у Клир Лэйк в Калифорнии. В 1970 г. отмечалось немало случаев занятия индейцами их исконных земель. Этот год ознаменовался также усилением борьбы индейцев за экономическую независимость, культурные права, самоуправление и социальное равноправие.

События на Алякатрасе выдвинули на первый план вопрос о необходимости пересмотра политики федерального правительства Соединенных Штатов Америки по отношению к индейцам.

Алякатрас оказался также социальной лабораторией, способствующей изучению политических и социологических проблем, связанных с жизнью и борьбой индейцев в настоящее время. Правда, насколько мне известно, ни один социолог и политолог пока еще не обратился к изучению борьбы индейцев за землю. Что же касается этнографов, то на примере событий в Алякатрасе они могут исследовать процессы формирования культуры, ее модификации в движениях подобного типа. События на Алякатрасе поставили под сомнение теорию аккультурации, развиваемую в этнографии США, и показали тесную взаимосвязь культурных и социальных аспектов движения¹.

Я считаю, что внутри общей системы индейской культуры США возникает субкультура. Это значит, что в связи с активизацией движения американских индейцев появляются определенные особенности в нормах их поведения, речевых формах, стиле одежды, возрастает сознание общности интересов. Сейчас еще трудно глубоко проанализировать все стороны этого явления. Я постараюсь в данной статье дать лишь самую общую характеристику индейской культуры, формирующейся в процессе освободительного движения индейцев, и затем показать, как проявились эти новые черты во время оккупации Алякатраса. Что же касается моего подхода к материалу, то он хорошо определен В. Дж. Филстедом как «подход к анализу эмпирического социального мира, требующий от исследователя интерпретации реального мира с позиций изучаемого им социального слоя»², или, как говорит Г. Беккер, «вопрос состоит не в том, становиться ли нам на чью-то сторону, ибо мы неизбежно делаем это, но, скорее, на чьей стороне мы находимся»³.

* * *

Не следует думать, что культура современных индейцев архаична. Она развивается в настоящее время по восходящей линии благодаря главным образом активизации индейского освободительного движения. Верно, однако, и то, что современная индейская культура (в широком смысле слова) включает в себя разнообразные элементы и традиции, содержит аборигенное ядро — общие черты традиционных племенных культур. В ней проявляются также тенденции, свойственные культурам народов «третьего мира», формы поведения, характерные для рабочего класса, элементы культуры молодежного и студенческого движения, а также других массовых социальных движений. Но в целом современная индейская культура — нечто более сложное, нежели просто механическая сумма составляющих ее частей; она имеет определенно индейский облик.

---

¹ R. O. Clemer. The maladjustment of acculturation theory to American Indian political behavior. Boston, 1974, p. 221.

² W. J. Filstead (ed.). «Qualitative methodology. Chicago». 1970.

³ H. Becker. Whose side are we on? — «Qualitative methodology».

Важно выделить те основные факторы, под влиянием которых возникает новая культура. Думается, что это успешно делает Е. Хьюз, занимавшийся студенческим движением. Он считает, что особая культура рождается там, где существует несколько изолированная группа людей, обладающая общим образом жизни, сходным положением в обществе, имеющая общие проблемы и, возможно, общих врагов⁴. Точка зрения Хьюза применима к описываемой в данной статье субкультуре индейского освободительного движения, в которое входят главным образом молодые люди, относящиеся к небелому населению; они либо студенты, либо безработные (исключая традиционных старейшин). В большинстве случаев они являются членами различных племенных общин и страдают от расизма, экономической эксплуатации и политического угнетения, которые в течение 200 лет давили и унижали индейское национальное меньшинство в американском обществе. Таким образом, в субкультуре индейского освободительного движения новые культурные черты, рождаемая из политического протеста, прививаются к традиционной индейской культуре, в свою очередь способствуя ее изменению.

Для того чтобы лучше понять природу политических выступлений американских индейцев, уместно определить особенности культуры тех, кто вовлечен в современное движение протеста. Мы можем говорить, следовательно, об ориентациях, особенностях поведения и установках участников индейского освободительного движения, о механизмах социальной и культурной интеграции, культурных заимствованиях, об изменяющихся и более устойчивых частях новой субкультуры.

Важнейшее значение для понимания основ современного индейского освободительного движения, с моей точки зрения, имеет анализ политико-экономической сферы, разумеется, в исторической перспективе⁵. Однако в данной статье я коснусь главным образом идеологии движения.

Сначала кратко остановимся на национальных аспектах развития индейского освободительного движения, которое возникло несмотря на многоплеменную или в некоторых случаях (как на Аляске или среди пуэбло Рио-Гранде) многообщинную природу коренного населения США.

Политическую историю коренных американцев еще предстоит написать. В настоящее время мы располагаем лишь несколькими весьма посредственными монографиями, в которых, правда, не без симпатии излагается история отдельных племен. Имеется также ряд научно-популярных книг о наиболее известных индейских лидерах прошлого, например, о Понтиаке, Текумсе, Черном Ястребе, Неистойой Лошади, Вожде Джозефе, Джеронимо. Чаще всего эти работы не способствуют глубокому проникновению во внутренние экономические и политические процессы, которые помогли бы понять описываемые события.

Стремление к социальному и религиозному возрождению было характерной особенностью многих индейских движений прошлого, возникших чаще всего после поражения индейских племен и народов, лишения их земли и, в некоторых случаях, распада самой племенной общности. Можно упомянуть движение «Прекрасного Озера» среди сенека или движения «Пророка шауни», «Пляску Духов» на равнинах Запада и образование «Церкви коренных американцев» (пейотизм).

Имели место также организованные массовые выступления индейцев против европейско-американского завоевания и колонизации. К ним относятся такие военно-политические союзы, как конфедерации ирокезов

---

⁴ E. C. Hughes. Students culture and perspectives. University of Kansas Law School, 1961.

⁵ Об этом пишет Дж. Йоргенсен. См., например, его работу: J. G. Jorgensen. Indians and the Metropolies.— «The American Indian in urban society». Boston, 1971.

и криков, а также союзы племен, образованные «королем» Филиппом, Понтиаком, Текумсе, Попе и военными вождями сиу и чейеннов⁶.

Современные индейцы унаследовали обе эти традиции — стремление к возрождению и сопротивление угнетателям (первая — социорелигиозная, вторая — военно-политическая). Обе они нередко переплетаются; даже в светских движениях сопротивления религия в форме пророческих откровений порой играла весьма важную роль.

Историкам не удавалось увидеть преемственность в освободительной борьбе прошлого и настоящего. В. Дилориа, писатель индейцев сиу, верно сказал об этом: «На протяжении поколений вся историческая литература об индейцах по традиции являлась пересказом истории племен от доевропейских времен и первых контактов с белыми примерно до 1890 г. Затем племя словно незаметно растворяется в истории вместе с его знаменитым военным вождем, скачущим в глубь каньона в сторону заката... Мистический Гайавата, опечаленный Вождь Джозеф, мрачный Сидящий Бык, угрюмый Джеронимо — все они символизируют не живой народ, а историческую судьбу нации, сломленной неизбежностью истории»⁷. Между тем в действительности существует преемственность между борьбой прошлого и настоящего. Конечно, в XX в. формы организации, стратегия и тактика освободительного движения изменились. Цели, однако, в основном остались теми же: борьба за землю, самоуправление и культурные права.

Эту непрерывность можно проиллюстрировать примерами из новейшей истории⁸. Так, в 1911 г. индейцы сенека (ирокезы) выступили с требованиями выплаты им ренты, которую задолжали им белые жители г. Саламанки штата Нью-Йорк за всю историю города, который «просто сам по себе вырос» на их резервационной земле.

В том же году было основано «Общество американских индейцев» (ОАИ), потребовавшее признания индейцев американскими гражданами (гражданство было получено индейцами лишь в 1924 г.).

Два последующие десятилетия явились свидетелями «войн» навахо в Нью-Мексико пайутов в Колорадо. Возникло множество политических организаций: «Братство коренных жителей Аляски», «Федерация индейцев миссий», «Общендейский совет пуэбло» и «Лига защиты индейцев». В 1937 г. навахо организовали «Ассоциацию Восточной границы», чтобы приобрести землю для 7000 безземельных соплеменников, живущих на «общественной территории»; в 1939 г. пайюты Пирамид Лэйк предприняли новые усилия в защиту своих прав, добиваясь «очистки» своих земель от белых скваттеров, а сенека в Тонаванде направили «Декларацию независимости» штату Нью-Йорк.

Во время второй мировой войны индейские традиционалисты, стремясь сохранить политический статус независимости индейцев, активно сопротивлялись мобилизации их в вооруженные силы. Значительное число индейцев попаго, юта, семинолов, хопи и ирокезов попало в тюрьму за отказ от службы в армии.

В 1942 г. «Шесть наций» (ирокезов) самостоятельно объявили войну державам оси. Двумя годами позже индейцами, связанными с деятельностью «Бюро по делам индейцев» был основан «Национальный конгресс американских индейцев» (НКАИ). Но вскоре эта организация стала ширмой для подкупаемых федеральными властями индейских племенных советов.

В течение 1950-х годов многие индейские группы, как либеральные, так и консервативные, активно сопротивлялись проводимой федераль-

⁶ S. H. Witt. Nationalistic trends among American Indians.— «The American Indian today». Baltimore, 1970, p. 93—98.

⁷ V. J. Deloria. God is red. N. Y., 1973, p. 41.

⁸ J. D. Forbes. The new Indian resistance.— «Akwasasne Notes», vol. 4, № 3, 1972, p. 20—23.

ным правительством «Программе терминации», т. е. плану, который был призван покончить с племенным или резервационным статусом индейцев и подчинить племенные ресурсы интересам частного бизнеса.

В 40-х годах группы индейских традиционалистов, требовавших независимого племенного статуса, организовали ряд важных выступлений. Тускарора боролись против притязаний властей штата Нью-Йорк на их земли, сенека противились сооружению дамбы Кинцуа, миккосуки Флориды оказали сопротивление «Проекту отчуждения Эверглейдс», «Империя индейцев хопи» отказалась сдать в аренду свою землю для добычи нефти, а маленький народ Питт Ривер, защищая свои права на землю, вступил в борьбу с крупнейшей в мире частной компанией коммунальных предприятий. Традиционные индейские «нации» признали новое революционное правительство Кубы и просили его обратиться в Совет Объединенных Наций с просьбой о признании племен как независимых индейских государств. Лидеры традиционалистов устроили демонстрацию в Вашингтоне, а лидеры хопи проводили совещания с официальными представителями Организации Объединенных Наций.

Таким образом, говорить о том, что движение политического протеста индейцев, движение «новых индейцев» или возникновение лозунга — «Власть краснокожим» — новые явления, просто неверно.

Начиная с 1960-х годов отчетливо наметился подъем политической организации индейцев, активизировались протесты против захвата их земель, движение за культурные права и национальную справедливость. Понятно, что события на международной арене (особенно борьба угнетенных народов против колониальной системы), так же как и общественные движения внутри страны (например, движение за гражданские права в США), не говоря уже о собственно индейской истории движения сопротивления, способствовали этому подъему.

«Национальный совет индейской молодежи», первая всеиндейская молодежная организация протеста, был создан в 1961 г.⁹ Спор о правах индейцев на рыболовство в штате Вашингтон повел к образованию в 1964 г. «Ассоциации по выживанию американских индейцев». В 1966 г. была организована «Федерация коренных жителей Аляски» для борьбы с земельными захватами, проводимыми представителями власти нового штата Аляска и «нефтяными баронами» после открытия нефтяных месторождений в Бухте Прадо. В 1968 г. в Твин Сити (города Миннеаполис и Сент-Пол), штат Миннесота, была основана организация «Движение американских индейцев» (ДАИ). Первоначально созданная для сопротивления расизму в городах и для борьбы за образование «отсевшихся» индейских школьников, она вскоре создала отделения во многих западных штатах и стала организацией протеста¹⁰.

В 1969 г., накануне захвата Аляктраса, в Канаде вышла книга Г. Кардинала «Несправедливое общество», а в США — бестселлер В. Дилории «Кастер заплатил за ваши грехи». Третья книга — «Опекун брата нашего» Е. Кана, содержащая публичное разоблачение действий Бюро по делам индейцев США, была опубликована в том же году. Эти книги были адресованы неиндейцам, но они оказали влияние также на политическое сознание коренных американцев, особенно студентов. Однако нельзя сказать, что они, как и посещения в том же году территорий колледжей странствующей группой индейских традиционалистов, предприняли высадку индейцев на о. Аляктрас.

⁹ S. Steiner. The New Indians. N. Y., 1968.

¹⁰ Организация «Движение американских индейцев» играла ведущую роль в двух крупнейших на настоящий день акциях: поход по «Тропе нарушенных договоров» в Вашингтон в 1972 г. и 71-дневный протест в 1973 г. у Вундед Ни, Южная Дакота, в поддержку гражданских прав индейцев оглала сиу. Но эти события остаются за рамками данной статьи, поскольку они происходили позже захвата Аляктраса.

Культура любого социального движения, в том числе индейского движения за освобождение, включает элементы, которые можно определить и описать. Некоторые культурные аспекты индейского освободительного движения все еще формируются; в других содержатся противоречивые черты. Мои сведения недостаточны, чтобы охарактеризовать весь комплекс культуры, но я все же осмелюсь поделиться некоторыми наблюдениями и сформулировать следующее теоретическое положение: существует система культуры освободительного движения, так же как и его социальная и политическая системы.

Описывая элементы культурной системы, характерной для индейского освободительного движения, можно сказать, что языком ее является английский язык средних школ-пансионатов, включающий бесчисленные «индианизмы» в качестве аргю. Индейцы избегают употребления высокопарных слов из опасения обнаружить тенденцию к элитарности; они ориентируются на изучение племенных языков.

Для деятелей культуры освободительного движения характерны частые ссылки на индейскую историю и древность. Обращение к истории вообще свойственно национальным движениям вновь образовавшихся независимых стран. Для индейских племен и народов, которые не имеют письменной истории и чьи традиции устного творчества были подавлены, а в некоторых случаях совершенно уничтожены, установление древности культуры — важная задача. Ее решению мешает и засилье неиндейских историков и этнографов, занимающихся индейским наследием. (Независимо от того, насколько добросовестен ученый-неиндеец, его работу часто портят произвольный англо-американский шовинизм, предвзятость мировоззрения.) Индейцы все еще не имеют голоса в работе учреждений, сохраняющих и интерпретирующих их культурное наследие. Индейское искусство, танец, поэзия, художественное ремесло, костюм, песня и ритм барабана — вот области культуры, с которыми лучше всего знакомо большинство неиндейцев. Я коснусь их только для того, чтобы подчеркнуть возрождение индейской культуры в результате освободительного движения. Наиболее ярко это проявилось в Алькатрасе.

Интересно было отметить особенности внешнего вида индейцев на Алькатрасе. Длинные волосы у мужчин стали модой, символом объединения с предками. Некоторые носили шляпы с высокими тульями и расшитыми бисером лентами. Широко распространились повязки на голове. Многие стремились носить мокасины, но не все могли приобрести их. Одежда, обернутые вокруг плеч, не только согласовывались с традицией, но оказались весьма практичными для жизни в неотапливавшихся помещениях бывшей тюрьмы. В моде были пуговицы того или иного фасона с эмблемами. Те, кто должен был нести службу охраны Алькатраса, надевали куртки, на которых от руки были написаны слова «Защита Алькатраса» и нанесен рисунок типи красной краской. В моде были расшитые бисером кожаные украшения, а также перья. Посещавшие остров традиционалисты и пожилые индейцы появлялись порой в церемониальных регалиях, которые, однако, не стали элементом повседневной одежды. Молодые женщины ходили главным образом в джинсах, более практичных и считавшихся признаком их готовности переносить все тяготы наравне с мужчинами.

На Алькатрасе установились довольно жесткие нормы поведения, хотя в некоторых случаях возникали противоборствующие направления и порой серьезные межгрупповые конфликты по поводу тактики, стратегии и методов управления. Каждый должен был принять участие в общем труде. Праздношатающихся было очень мало. Примечательно, что большинство жителей острова с ответственностью относилось к своим

обязанностям по кухне, больнице, школе, охране порядка, связи, общественным отношениям и т. д. Среди них господствовала атмосфера коммуны. Нередкие вечерние пау-вау¹¹ являлись одновременно праздничными и церемониальными мероприятиями.

К людям, нарушавшим правила поведения, относились порой довольно мягко. Алкоголизм, например, не поощрялся (виски было официально запрещено на острове), но тех, кто был «подвержен» его действию, обычно не изгоняли. Лучше на острове среди братьев и сестер, чем на улицах во власти полиции — таково было общее суждение.

Установились отношения равноправия между рядовыми членами и их лидерами. Люди делили все — и радость, и горе, и богатство, и бедность. «Правящий совет всех племен», стоявший во главе острова, по характеру напоминая городской совет, строго следовал этому принципу, не отменяя его даже во время самых жестких споров.

Конфликты возникали как раз там, где лидеры не подчинялись стандартам равноправия. Про таких лиц говорили, что они ведут себя, как белые. Часто можно было слышать советы думать и поступать по-индейски.

Главными факторами, которые связывали протестующих воедино, были физические опасности и лишения, общий враг. Символами же единства служили раздел табака, пищи, денег, платья и остального; ношение модифицированной индейской одежды и украшений; юмор и внутригрупповой язык и другие формы символического взаимодействия.

Конечно, изложенные выше факты относятся скорее к субъективным впечатлениям. В то же время теперь с большей объективностью можно говорить об идеологии индейского освобождения. Вопросу о том, как она проявилась в 1969 г. на Аляске, и посвящена заключительная часть настоящей статьи.

Идеологические аспекты освободительного движения

В официальном обращении к Федеральному правительству «Индейцы всех племен» объясняли значение занятия Аляски:

«Мы пришли на Аляску потому, что нам надоело по горло бесконечные преследования, эксплуатация и издевательства повсюду, где бы мы ни находились в своей собственной стране. Мы выбрали Аляску потому, что это — наша собственность...»

Мы можем бить в барабаны всю ночь напролет, если пожелаем, и полиция и неиндейцы не смогут помешать нам. Мы можем почитать бога, мы можем петь и строить планы о нашей жизни и будущем нашего индейского народа и Аляски.

Следует выделить следующие идеологические и поведенческие принципы освободительного движения: 1) самоопределение, 2) связи с общественностью — ознакомление широкой публики с современным положением индейцев, 3) индейская концепция мирного сосуществования, 4) создание всеиндейского единства, 5) право на образование, 6) культурное возрождение, 7) признание своего единства с теми, кто находится в резервациях, и помощь им, 8) реорганизация «Бюро по делам индейцев» и изменение отношений индейцев с правительством, 9) восстановление индейской земельной базы¹².

Самоопределение. В Аляске самоопределение понималось как право на местное самоуправление и автономию. По определению

¹¹ Пау-вау — современные индейские пляски.

¹² Два года спустя, в 1972 г., во время похода по «Тропе нарушенных договоров» к Вашингтону была выпущена «Программа двадцати пунктов», единственный глубоко разработанный документ движения, направленный на решение так называемой «индейской» проблемы, составленный восемью национальными индейскими организациями и одобренный еще четырьмя.

В. Дилории, лозунг «Власть краснокожим» означает «право индейцев распоряжаться собственной судьбой». Один из студентов Калифорнийского университета, находившийся на Алякатрасе, писал, что «индейское освобождение есть именно то, что оно значит: освобождение от колониального угнетения». Индейская молодежь в Калифорнии пришла к заключению, что самостоятельная политическая деятельность, ведущая к большей степени самоопределения индейцев,— верный путь к решению проблем. «Единственный правильный путь к достижению самоопределения — это добиваться его,— говорили они.— Алякатрас был нашим первым шагом как нации... Если мы потерпим неудачу, мы будем по-прежнему подопечными Федерального правительства и должны будем отказаться от собственной судьбы...».

Связи с общественностью. Ознакомить общественность с положением индейцев означало прорваться через официальные каналы к средствам массовой информации и сказать правду власть имущим. Впервые индейские дикторы «Радио Свободного Алякатраса» рассказали всей нации, что думают сами индейцы о состоянии своих дел. Эти передачи также способствовали развитию культурного и политического самосознания индейского народа.

Дело информирования общественности продолжала и газета «Алякатрас Ньюслеттер». В ней «Индейцы всех племен» писали: «До того, как мы заняли Алякатрас, жители Сан-Франциско даже не знали, что индейцы существуют. Это означает, что по всей стране есть люди, которые никогда не слышали о том, что индейцы живы, и никогда не знали о наших проблемах. Они не слыхали о числе самоубийств среди нас, в десять раз превышающем национальный уровень, или о нашем образовательном уровне, который в пять раз ниже, чем в среднем по стране. Алякатрас сфокусировал внимание широкой общественности на проблемах индейского народа. Теперь мы получили возможность впервые высказать все, что хотим, и сами решать свою судьбу, чего никогда не было прежде».

Мирное сосуществование. Мирное сосуществование понимается как сосуществование человека и природы и как сосуществование человека с человеком.

Первый аспект вытекает из традиционного индейского отношения к окружающей среде. В информационном бюллетене, выпущенном вскоре после занятия Алякатраса, говорилось о плане создания индейского экологического центра как одном из способов использования острова. Вот в чем индейцы видели значение такого центра: «Индейский экологический центр будет воспитывать и поддерживать нашу молодежь в научных исследованиях и практической деятельности, направленных на восстановление наших земель и вод в их истинном и естественном состоянии. Мы будем стремиться очистить воздух и воды по всей бухте. Мы будем стремиться возродить рыбные и животные ресурсы этого района и оживить жизнь моря, которая находится под угрозой из-за деятельности белого человека. Мы будем искать средства для опреснения морской воды на пользу человеку».

Второй аспект идеологии мирного сосуществования направлен против войны, порабощения и расизма. Освободители Алякатраса были потрясены тем, что они увидели на острове-тюрьме, многочисленными свидетельствами бесчеловечного отношения человека к человеку.

Тема мира имеет корни в традиционных индейских религиях. В. Дилория в письме в «Сэтердей Ревью» показал присущее индейцам сенека понимание равенства людей при сохранении права отличаться друг от друга. Один из обитателей Алякатраса выразил это так: «Мы, коренные американцы, строим, а не уничтожаем. Мы хотим жить в единении с природой и творить, а не подавлять окружающее, не поощрять ра-

систские страсти, ведущие в конечном счете к уничтожению человечества»¹³.

Но не следует отождествлять индейское мирное сосуществование с пацифизмом. Боевые традиции сильны среди коренных американцев. Индейцы не видят в этом противоречия идеям мирного сосуществования. Те, кто знаком с традиционным индейским правлением, поймут это равновесие власти мирных и военных вождей. Мир для них — всегда нормальное и желаемое состояние. (В военных речах индейцев папаго воины отмечают: «Война — не желание наше, а судьба».) Первая группа индейцев, высадившаяся на Алякатрасе, решила не бороться с представителями властей в случае ареста, однако спрятаться на острове так, чтобы пришлось брать их насильственным путем поодиночке. Те же, кто участвовал в первой акции по захвату Форта Лоутон в Сиэтле, напротив, стали силой отражать нападение армейской военной полиции.

Единство. Единение индейцев в течение двух столетий было политической целью коренных американцев. Взятое освободителями Алякатраса название «Индейцы всех племен» выражало их стремление к единству.

Впервые в районе бухты Сан-Франциско индейские организации, представлявшие более 40 000 индейцев, объединились и образовали «Совет коренных американцев района залива», чтобы вынудить правительство вступить в переговоры с Алякатрасом. Первой акцией совета было объявить мораторий на все деловые сношения с федеральными службами до тех пор, пока правительство не начнет серьезные переговоры с алякатрасцами.

Пожалуй, здесь следует отметить, что подавление правительством индейского Алякатраса ослабило единство индейцев. Урок состоит в том, что объединение политических сил куется в ходе борьбы. Об этом говорит опыт Алякатраса, который привел к фактическому объединению всех индейских групп в районе залива Сан-Франциско.

Образование индейцев. Из идеологии индейского освобождения следует, что индейцы должны сами организовывать свое обучение: «Затруднения, которые испытывали студенты в университетах и колледжах, были одной из причин занятия нами Алякатраса. Лишь начиная с 1968—1969 гг. индейцы начали активно добиваться права получить образование в университетах и колледжах. Чтобы положить конец „обелению“ индейцев не только на университетском, но и на школьном уровне, которое происходило во всех учебных заведениях, организованных федеральным правительством, нам нужен наш собственный индейский университет».

Культурное возрождение тесно связано с проблемой образования и намерением прекратить культурный геноцид. Коренные американцы поставили задачу сохранить и даже возродить свои племенные языки, историю, искусства, религиозный и социальный опыт повсюду, где это возможно. Добровольные индейские учителя с энтузиазмом преподавали детям в дошкольных группах в начальной школе на Алякатрасе историю их племен, рассказывали об индейских искусствах и традициях, стремясь привить им с детства идеалы индейского возрождения.

Стимулом для занятия Алякатраса, как и Форта Лоутон, было, в частности, стремление к созданию городских центров культуры. Требование индейцев организовать новый индейский центр в Сан-Франциско (старый был уничтожен во время пожара) не получило отклика у федеральных и городских властей. Повстанцы решили создать такой центр на Алякатрасе. Культурные центры являются не только местом общественной деятельности индейцев, но и хранилищами индейского наследия. Они могут стать центрами духовной культуры, где специалисты по

¹³ «Saturday Review», January, 24, 1970.

народной медицине и традиционной культуре индейцев смогут передавать свои знания молодому поколению, не подвергаясь преследованиям,— так думали повстанцы.

Помощь своему народу. Городское индейское население стремится помогать жителям резерваций и индейским студентам колледжей и университетов. Их совершенно не удовлетворяет современное положение индейских дел.

Алькатрас выслал «гонцов» в районы обитания племен для сбора информации о местных проблемах, разъяснения целей освободительного движения тем, кто живет в резервациях и в сельской местности, и для помощи им.

Смена Бюро по делам индейцев. Общим врагом для всех индейцев является Бюро по делам индейцев. Соппротивление его деятельности парадоксальным образом создает социальную солидарность коренных американцев, способствует всеиндейскому единству. Индейцы на Алькатрасе не пришли к единому мнению, должно ли Бюро быть перестроено или упразднено; однако все считали необходимым передать исполнение его функций коренным представителям индейского народа. Конфликт интересов, выражающийся в том, что Бюро находится в составе Министерства внутренних дел, был отражен в книге Е. Кана «Опекун брата нашего». К 1969 г. стало ясно, что решение всех индейских проблем должно начаться со смены их «опекуна».

Воссоздание земельного фонда. Наиболее важный вопрос, пронизывающий все индейское освободительное движение,— возвращение индейцам их земель. В. Дилория отметил, что «сохранение индейских земель — жгучий вопрос наших дней»¹⁴.

Мало кому известно, что в 1969 г., кроме многочисленных исков на землю, отведенную индейцам по договорам, коренные американцы все еще требовали признания их права на три четверти Невады, одну треть Калифорнии, часть Северо-Запада и большую часть Аляски.

Значение Алькатраса состояло в том, что он как бы стал символом возвращения индейцам их земель и позволил им вынести свои законные территориальные требования на суд общественного мнения. Прежде единственным доступным путем удовлетворения исков индейцев была долгая сложная юридическая процедура рассмотрения их требований в «Судебной комиссии по рассмотрению индейских исков правительству США». Фактически индейцы никогда не выигрывали этих процессов. Они получали лишь символическую финансовую компенсацию за отнятые у них земли. Для них была навсегда закрыта возможность приобретения федеральных земель. Следует помнить, что земельная база индейцев постоянно уменьшается, поэтому земля представляет для них не только родину, но и необходимое условие экономического существования.

* * *

В данной статье я коснулся нескольких культурных аспектов индейского освободительного движения в США, причем анализировалась скорее социология движения, чем его история или место в политико-экономической структуре страны.

Участники индейского освободительного движения несомненно захотели бы поправить меня и дополнить мои наблюдения, возможно, придать им иной акцент. Те, кого я знаю лично, дали мне понять, что они не слишком заинтересованы в том, чтобы убеждать в чем-то этнографов, не говоря уже об оглашении докладов на их ежегодных заседаниях. Тем не менее они знают, что я предпринял эту попытку.

¹⁴ «Saturday Review», January, 24, 1970.

Мой вывод таков: движение вызвало к жизни новые черты культуры индейцев. Ее формирование является важным оружием в борьбе за освобождение, справедливые права коренных американцев, в той степени, в какой специальный внутригрупповой язык, поведение и идеология сохраняют единство группы, придают ее членам чувство собственной истории и этническую стойкость.

Свободный Алькатрас был одним из первых опытов занятия индейцами своих земель. Индейские студенты-активисты, подобно Мартину Лютеру Кингу, мечтают о том, что индейский народ разрубит узы угнетения и сможет самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Хотя в конце концов индейцев изгнали с острова, моральная победа осталась за ними.

Алькатрас явился масштабным экспериментом индейского самоуправления, в ходе которого сформировались боевые кадры. Из нескольких сотен людей, связанных с этой акцией, несколько десятков я знаю лично. Думается, что читателю было бы интересно узнать, что случилось с тех пор с ветеранами Алькатраса. Из первых 14 участников акции по крайней мере двое погибли. Ричард Оукс (мохаук), один из главных организаторов ее, был застрелен в упор охранником-расистом из лагеря Ассоциации молодых христиан близ Санта-Росы (Калифорния) за то, что добивался предоставления охотничьих прав индейцам Калифорнии. Другой погиб в автомобильной катастрофе, а еще один попал в тюрьму. Я не буду касаться обстоятельств этих трагедий, скажу только, что оба молодых человека не были в состоянии психологически избежать «клейма угнетения», которое общество Соединенных Штатов выжгло в их душах в ранние годы.

В то же время несколько человек теперь окончили колледжи, некоторые получили высокие ученые звания. Все они сознательно пытались соединить свои личные достижения со стремлением помочь индейскому народу. Несколько человек занялись юриспруденцией, историей и этнографией, другие стали учителями, библиотекарями, работниками сферы информации, общественного здравоохранения. По крайней мере четверо читают в колледжах курсы истории коренных американцев, а один преподает по индейской программе в высшей школе. Алькатрас породил несколько превосходных поэтов и художников или же способствовал развитию их талантов.

Многие из них теперь вернулись в резервации после окончания колледжей. Фактически возвращение в резервацию рассматривается большинством как конечная цель даже их научных трудов.

Некоторые участники движения еще пока в школе, многие занимаются по учебным планам, составленным индейцами. Несколько человек находится без работы. Были и такие, в том числе студенты, кто участвовал в индейском восстании Вундед Ни в 1973 г. и вступил в члены «Современного общества индейских воинов». Бывший диктор радио на Алькатрасе стал одним из национальных организаторов «Движения американских индейцев» и в 1975 г. предстал перед судом своего штата по обвинению в политической активности.

Питомцы Алькатраса расходятся в своих политических взглядах и в вопросе о том, какой должна быть стратегия индейского освободительного движения. Однако нельзя не отметить огромное влияние на его участников этого эксперимента в борьбе за индейское освобождение.

«FREE ALCATRAZ»

The author examines the events associated with the occupation of Alcatraz Island by Indians in 1969 and with the commune that existed there for 19 months. Attention is centered upon the cultural aspects of the liberation movement, upon its ideology. The author denotes the new cultural phenomena that originated in the Alcatraz commune «the Indian liberation subculture».

В. К. Малькова

ПРИМЕНЕНИЕ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СОВЕТСКИХ НАРОДОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГАЗЕТ)

Известно, что взаимопомощь и сотрудничество народов — это проявление на практике одного из важнейших принципов пролетарского интернационализма. Способствуя развитию народов и межэтнической интеграции, эти факторы играют довольно значимую роль в этнических процессах. За 60 лет советской власти в нашей стране накоплен богатый и разнообразный опыт сотрудничества народов во всех сферах человеческой деятельности: обмен материальными и духовными ценностями, взаимопомощь кадрами, разделение труда, осуществление совместных межнациональных мероприятий и др. В первые десятилетия существования Советского государства основной формой сотрудничества была помощь отстававшим в прошлом народам, что вызывалось необходимостью ликвидации их бывшего экономического и культурного неравенства. Позднее, когда эта задача была решена, был поставлен вопрос о дальнейшем сближении уровней социально-экономического и культурного развития различных районов и республик.

Экономическое сотрудничество и взаимопомощь связаны в значительной степени с развившейся специализацией и разделением труда между республиками, разделением, основанным, как отмечалось в литературе, «не на этнической, а на порайонной специфике хозяйства»¹. Сотрудничество между народами прямо предусматривается нашими народно-хозяйственными планами².

Добровольное и разностороннее сотрудничество советских наций, направляемое политикой КПСС, имеет большое политико-воспитательное значение. Оно способствует формированию дружественных межнациональных ориентаций и интернационального мировоззрения советских людей. Таким образом, изучение особенностей и закономерностей межнациональных связей и межреспубликанского сотрудничества имеет не только научное, но и практическое значение, в том числе и для решения задач идеологической работы.

Одним из источников для изучения межнациональных взаимодействий могут служить материалы средств массовой информации. Наиболее доступной и удобной для анализа представляется периодическая печать, не утратившая своего значения в эпоху широкого распространения радио и телевидения. Так, в 1970 г. на 1000 человек населения в СССР приходилось 536,2 радиотрансляционных точек, радиоприемников и те-

¹ Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов. Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР. — «Сов. этнография», 1970, № 1, с. 9.

² «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях». М., 1974, с. 243.

левизоров, вместе взятых, и 582,2 экземпляра газет³. И хотя радио и телевидение постоянно расширяют свою аудиторию, тем не менее газеты остаются одним из самых распространенных источников информации населения. Общий тираж выходящих в стране 8694 газетных изданий составляет 140,7 млн. экз.⁴ При этом 3145 газет, издаваемых в союзных республиках (не считая РСФСР), выходят на национальных языках⁵. Читаемость газет в стране высока. В результате социологических опросов установлено, что в среднем не менее 89% взрослого населения СССР в свободное время читают газеты⁶. Близкие к этому показателю были получены и в отдельных союзных республиках⁷, в Татарской АССР⁸ и др.

В нашем исследовании использованы республиканские ежедневные газеты, день за днем освещающие жизнь национальной республики, в том числе и случаи взаимодействия ее жителей с представителями других национальных регионов. Путем сравнительного анализа материалов республиканских газет можно проследить общие для всей страны тенденции и закономерности межнациональных контактов и их региональные особенности, связанные со своеобразием каждой национальной республики. Стоит отметить, однако, что в прессе невозможно осветить все формы сотрудничества народов.

В последние десятилетия роль средств массовой информации в общественной жизни постоянно увеличивается. Пресса, радио, телевидение и т. д. все шире используются для идейно-политического воздействия и социального управления, формирования общественного мнения и его регулирования⁹. Уже появились исследования, посвященные пропаганде идей дружбы и сотрудничества, идей интернационализма, в частности работы, основанные на материалах республиканской прессы¹⁰. Проведенные журналистами, историками, философами исследования были направлены главным образом на то, чтобы обобщить опыт пропагандистской деятельности центральной и республиканской прессы, определить основные направления, по которым ведется пропаганда интернационализма, и в конечном итоге сделать ее более эффективной.

Для этих целей применялся так называемый «обзорный», или «интуитивный», анализ, позволяющий увидеть в газете отражение различных форм и направлений межнационального сотрудничества. Однако определить качественно-количественные характеристики этих материалов, необходимые для их объективного изучения, с помощью этого метода нельзя. Эти задачи решаются в той или иной степени благодаря применению контент-анализа, строго формализованного метода изучения массовых документов. Этот метод не исключает, а наоборот, предпола-

³ Подсчитано по сб.: «Народное хозяйство СССР в 1972 г.». М., 1972.

⁴ Там же, с. 453.

⁵ Сб. «Народное образование, наука и культура в СССР». М., 1971.

⁶ Б. Грушин. Свободное время. М., 1967, с. 81.

⁷ Ю. Какх. Черты сходства. Таллин, 1974, с. 54, 55.

⁸ «Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР». М., 1973, с. 83 и 92.

⁹ См. об этом подробнее: А. Н. Алексеев. О массовой коммуникации и ее социальных средствах.— В сб.: «Журналист, пресса, читатель». Л., 1969, с. 65.

¹⁰ К. В. Цкитишвили. Пропаганда ленинских идей дружбы народов в печати Грузии. Тбилиси, 1963; Р. П. Овсепян. Интернационализм — историческая традиция партийно-советской печати. М., 1966; его же. Советская многонациональная печать. М., 1968; А. Абакиров. Роль партийной печати в воспитании советских людей в духе социалистического интернационализма. Фрунзе, 1966; Р. Сафаров. Печать и вопросы пропаганды идей дружбы народов. Ташкент, 1967; его же. Пресса Узбекистана в коммунистическом строительстве. Ташкент, 1973; В. Д. Трунцайте-Шалугене. Роль печати в воспитании трудящихся Советской Литвы в духе социалистического интернационализма. Вильнюс, 1971; Ф. Агзамов. Интернациональное воспитание трудящихся и пропаганда идей дружбы народов в советской печати (1966—1970 гг.). М., 1971; И. Самедов. Роль печати Азербайджана в пропаганде идей дружбы народов в период строительства коммунизма. Баку, 1969; И. Маковийчук. Летопись дружбы и единения. Киев, 1974.

гает предварительное использование обзорного анализа, который помогает найти наиболее яркие и значительные материалы, выявить существенные единицы изучения текста. Однако обзорный анализ не дает возможности проследить частоту и выяснить закономерность появления в газете тех или иных материалов, оценить их соотношение и удельный вес в общем объеме газетной информации, рассмотреть количественное соотношение жанров интересующих нас материалов, проследить отношение авторов текста к излагаемым фактам.

Суть самого контент-анализа или качественно-количественного анализа содержания заключается в «выделении в тексте документа (например, в газете) некоторых ключевых понятий (или иных смысловых единиц) с последующим подсчетом частоты употребления этих единиц, соотношении различных элементов текста друг с другом, а также с общим объемом информации»¹¹.

Контент-анализ применяется у нас в стране сравнительно недавно. Экономисты, журналисты, историки использовали его для изучения различных социальных проблем¹². Однако этот метод пока очень мало применяется для исследования национальных отношений, хотя массовые документы, касающиеся национальных проблем, имеются. В Секторе конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР в рамках проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР»¹³ Л. М. Дробизева в Татарской АССР изучала деятельность газет, радио и телевидения, направленную на формирование национальных установок. В этой работе применялся контент-анализ. Это был первый опыт¹⁴. Наша статья также основана на результатах контент-анализа.

Проведению контент-анализа в нашем исследовании предшествовала большая подготовительная работа. Прежде всего, с учетом поставленных нами целей и задач, был подготовлен формуляр (карточка), приспособленный для того, чтобы формализовать и фиксировать весь анализируемый материал. Здесь стоит отметить, что изучение проблем взаимосвязей народов не было единственной целью исследования. Формуляр готовился для анализа всех публиковавшихся в газетах материалов, направленных на формирование интернационалистического мировоззрения и национальных установок. Однако задача данной статьи — показать возможности применения контент-анализа на примере изучения сотрудничества народов.

При поиске единицы анализа или единицы измерения текста для формуляра мы рассматривали каждый случай дружественных контактов между представителями различных наций или различных национальных регионов, о котором упоминается в тексте газеты, как сотрудничество. Предварительное знакомство с материалами республиканских газет показало, что информация о контактах советских народов содержится во всех видах публикаций: в специальном сообщении, репортаже, в выступлении или статье, объявлении и т. д. Информация может быть прямой и косвенной, она может содержаться в материалах о жизни своей республики и в сообщениях о событиях в братских республиках. Изуче-

¹¹ «Лекции по методике конкретно-социальных исследований». М., 1972, с. 80.

¹² А. В. Баранов. Опыт текстового анализа газеты. — «Информ. бюллетень Советской социологической ассоциации», М., 1968, № 9; Ю. Вооглайдт. Методы, использованные при исследовании аудитории газеты «Эдази» и деятельности редакции. — «Сб. Тартуского ун-та. Труды по социологии», 1972, № 2; В. Гельбрас, Г. Зарубин и др. О методах количественного анализа китайской прессы (в связи с изучением рабочего класса). — В кн.: «Проблемы изучения положения рабочего класса в Китае», М., 1972; Б. Грушин. 47 пятниц. М., 1968; И. Фомичева. Городская аудитория средств массовой информации и пропаганды. Автореф. канд. дис. М., 1971; Л. Федотова. Анализ содержания местных прессы, радио и телевидения как источников информации. Автореф. канд. дис. М., 1969.

¹³ Проект разработан под руководством Ю. В. Арутюняна.

¹⁴ См. «Социальное и национальное».

ние газет обзорным методом показало также, что встречаются случаи «двустороннего» взаимодействия, в котором участвуют два партнера, и «многостороннего», где контактируют не менее трех. Все это было учтено при составлении формуляра.

При рассмотрении материалов о двусторонних связях учитывались направления этих связей. Для этого в формуляре были выделены четыре направления сотрудничества: 1) участие братских народов в развитии данной республики (или «нам помогают»); 2) участие данной республики в развитии других национальных районов (или «мы помогаем»). В данном случае «мы» — это республика, чья газета изучается. Предположим, анализируется газета «Советская Молдавия». В этом случае сообщение о том, что в Молдавию приехали строители из любой другой республики или пришли станки для местных заводов, будет относиться к группе «нам помогают». В третью группу вошли сообщения, где говорилось о контактах других народов, но республика, чья газета анализируется, здесь не упоминалась. Четвертая группа объединяла информацию о многосторонних связях, в которых участвовали три и более партнеров, в том числе и данная республика.

В формуляре была предусмотрена фиксация материалов о помощи другим народам и взаимопомощи в различных сферах: в области промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки, спорта. Отдельно фиксировались сообщения о связях республик и страны в целом с зарубежными странами. Таким образом, понятие «сотрудничество народов», рассмотренное с разных точек зрения, позволило при составлении формуляра избрать наиболее точную единицу анализа — сообщение или упоминание о любом случае дружественного контакта, т. е. охватить весь фактический материал. Но кроме него в рамках контент-анализа проводился и так называемый лингвосociологический анализ, при котором рассматривалась частота употребления отдельных словосочетаний, отражающих интернациональные связи, взаимопомощь, сотрудничество, дружбу... Кроме информации о сотрудничестве мы фиксировали и материал о современной жизни республик и историческом прошлом народов, о наших современниках, рассматривалась «пропаганда» национального и русского языков, национальной музыки. Отдельно фиксировались так называемые «выходные» данные сообщений — жанр, авторство, отношение автора к излагаемому факту, источник информации и др.¹⁵

Один из недостатков контент-анализа как исследовательского метода — в огромной трудоемкости. Мы взяли для анализа газеты трех республик за один год — 1970 — «Советскую Молдавию», «Зарю Востока» (ГССР) и «Правду Востока» (УзССР), выходящие на русском языке.

Газеты Молдавии, Грузии и Узбекистана были выбраны потому, что в этих республиках в последние пять лет в рамках проекта «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» Сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР совместно с республиканскими научными учреждениями проводилось этносociологическое исследование. В числе прочих проблем изучались культурные запросы и национальные ориентации различных групп населения. В дальнейшем будет сделана попытка уловить связь между мнениями опрашиваемых людей и материалами, передаваемыми через все средства массовой информации республик.

Республики, газеты которых анализировались, различны по своим природным и экономическим условиям, по историческому прошлому, по этническому и социально-профессиональному составу населения. УзССР и ГССР — республики, типичные для Средней Азии и Закавказья, и они в определенной мере отражают общую ситуацию в этих регионах. МССР сложилась в нынешних границах лишь в 1940 г., поэтому экономика и

¹⁵ Формуляр был составлен под руководством Л. М. Дробичевой.

культура республик развивались ускоренными темпами с помощью всех народов СССР. Сравнительное изучение по единой методике газет таких отличных друг от друга республик представляло большой интерес, хотя заранее можно было ожидать, что различные направления сотрудничества народов отразятся в газетах этих республик неодинаково.

Как уже упоминалось, большинство газет в республиках выходит на национальных языках. Однако данные Центрального подписного агентства (ЦПА) показывают, что в некоторых республиках, например в Белоруссии, Казахстане, Киргизии, тираж ежедневных республиканских газет на русском языке выше тиража газет на языке коренной национальности. В столицах отдельных республик — Минске, Ташкенте, Алма-Ате, Кишиневе (по другим нет сведений) — значительно большим спросом пользуются газеты, выходящие на русском языке¹⁶. В национальных республиках газеты на русском языке читаются не только русскими, но и представителями коренных национальностей, владеющими русским языком. Это подтверждается и материалами этносоциологических опросов жителей Молдавии, Грузии, Узбекистана, проведенных Сектором конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР. Эти же данные показывают, что городское население, имеющее в целом более высокое образование и больше возможностей для культурного и языкового общения, чаще читает газеты на русском языке. Это дало нам основание выбрать в качестве источника анализа республиканские газеты на русском языке.

Для анализа были отобраны по 92 номера каждой газеты (30%-ная случайная выборка). Второй этап — отбор материалов в самом газетном номере. Анализировались публикации, в тексте которых упоминается название любой республики (например, «в Молдавии», «в Литовской ССР», «в нашей республике»...), столицы республики («Кишиневский завод», «студенты Вильнюса») или какая-либо национальность («эстонские ученые», «молдавские врачи», «грузинские артисты»...). Кроме того, учитывались все публикации, содержащие такие словосочетания, как «сотрудничество и взаимопомощь народов», «дружба народов», «равенство национальностей», «интернациональная солидарность» и др. В результате в каждом номере анализу подвергалось в среднем от 18 до 25 публикаций любого вида¹⁷.

Изучение прессы показало, что республиканские газеты, выполняя задачи, поставленные XXIV съездом КПСС, проводили большую работу по интернациональному воспитанию читателей. Много внимания уделялось освещению дружбы, взаимопомощи и сотрудничества советских народов.

Благосостояние каждой республики, каждого района определяется в первую очередь уровнем экономического развития. Важность экономики в жизни республик и вызывает повышенное внимание к ней прессы: более 80% информации об экономике в газетах касается своих республик. Материалы, рассказывающие об успехах республики в экономическом развитии за годы Советской власти, способствуют формированию национальной гордости, национального самосознания читателей. Около половины изученной информации касается развития экономики данной республики: в «Советской Молдавии» — 49%, в «Правде Востока» — 51%, в «Заре Востока» — 45%.

Все газеты постоянно упоминают об экономической помощи их республике, оказываемой братскими советскими народами. В публикациях неоднократно встречаются утверждения: «...все, что мы имеем, все, чем мы богаты, — плод коллективных усилий народов нашей Родины, всех

¹⁶ Данные 1970 и 1975 гг. Архив ЦПА, текущий.

¹⁷ Зарубежная информация учитывалась лишь в плане контактов советских народов с другими странами.

братских республик...» («Советская Молдавия», № 74). Узбекская «Правда Востока» в передовой статье писала, например: «Вся страна помогает Узбекистану оснастить сельское хозяйство современной техникой, снабжает удобрениями, средствами для защиты урожая от сельскохозяйственных вредителей и болезней» (№ 258). Много места в газетах уделяется конкретным фактам экономической помощи братских народов, особенно большой помощи русского народа союзным республикам. Среди сообщений, посвященных экономическому взаимодействию советских народов, материалы, объединенные в группу «участие других республик и народов в экономическом развитии данной республики» («нам помогают»), составили в «Советской Молдавии» 29%, в «Заре Востока» 15, в «Правде Востока» 49%. Сравнительно высокий процент подобных материалов в узбекской «Правде Востока» объясняется прежде всего тем, что здесь регулярно появлялась информация о бескорыстной помощи всех советских народов Ташкенту после землетрясения. Как показал анализ, она составляла почти половину всех сообщений о помощи Узбекистану в целом. К 1970 г. город уже почти полностью был отстроен заново. Прошло четыре года после землетрясения, но газета все еще обращалась к этой теме, рассказывала о работе интернациональных бригад, о подарках ташкентцам из разных республик страны.

Проведенный в рамках контент-анализа лингвосоциологический анализ показал, что в текстах сообщений газеты употребляют термин «республиканская» экономика в пять раз чаще, чем «национальная». Таким образом, говоря об экономическом развитии своей республики, газеты подчеркивают не национальный (молдавский, грузинский или узбекский) характер местной экономики, а республиканский, что определяется, видимо, не только многонациональным составом трудящегося населения в республике, но и осознанием единства экономики каждой республики.

Показывая экономические успехи своей республики, ее достижения за годы Советской власти, газеты писали: «...Много получая, мы теперь можем и много дать стране» («Советская Молдавия», № 74). На их страницах публиковался конкретный материал, рассказывавший о поставках в братские республики промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства, о консультациях квалифицированных специалистов, выезжавших за пределы республики. Такие материалы были объединены нами, как упоминалось выше, в группу, условно названную «участие данной республики в экономическом развитии других народов» («мы помогаем»). Доля их среди всей информации об экономическом сотрудничестве составила в «Советской Молдавии» 38%, в «Заре Востока» 67, в «Правде Востока» 35%.

Была проанализирована также группа материалов, объединенных нами под названием «Экономические связи братских республик и народов между собой»¹⁸. Анализ показал, что в «Советской Молдавии» и «Заре Востока» такие материалы публиковались чаще, чем в узбекской газете, хотя доля их в информации о сотрудничестве советских народов сравнительно невелика: в «Советской Молдавии» 15%, в «Заре Востока» 10%, в «Правде Востока» 4%.

В большинстве газетных сообщений, посвященных экономическому сотрудничеству советских народов, речь идет о двусторонних контактах, в которых участвует данная республика (в «Советской Молдавии» эта информация составила 82%, в «Заре Востока» 92% и в «Правде Востока» 87%). Эти материалы показывают, что сотрудничество республик и народов осуществляется не столько в плане односторонней помощи, сколько в плане обмена взаимными поставками.

---

¹⁸ В данном случае речь шла о двустороннем сотрудничестве, в котором республика, чья газета анализировалась, не упоминается.

За последнее время в нашей стране все чаще осуществляются экономические мероприятия, в которых принимают участие представители многих республик и национальностей. В освоении новых земель, строительстве промышленных объектов и железных дорог всесоюзной значимости, прокладке газо- и нефтепроводов участвует вся страна, каждый народ вносит свой вклад в общее дело. Вполне естественно, что республиканские газеты рассказывали о своих земляках, работающих на общесоюзных стройках, об отправке туда материалов и оборудования. Информация, объединенная нами в группу «Многостороннее экономическое сотрудничество», нередко посвящалась и участию республик в общесоюзных и региональных выставках, ярмарках, общих трудовых подвигах и т. д. Освещению экономического сотрудничества между несколькими республиками в «Советской Молдавии» было посвящено 18% всех сообщений о контактах республик в области экономики вообще, в «Заре Востока» — 8%, в «Правде Востока» — 13%. Эти материалы помогают яснее представить, как происходит сближение советских народов в сфере экономики, выявить основные направления и формы сотрудничества.

Ниже представлена диаграмма, на которой показано соотношение групп материалов о различных направлениях межреспубликанского и межнационального сотрудничества в области экономики.

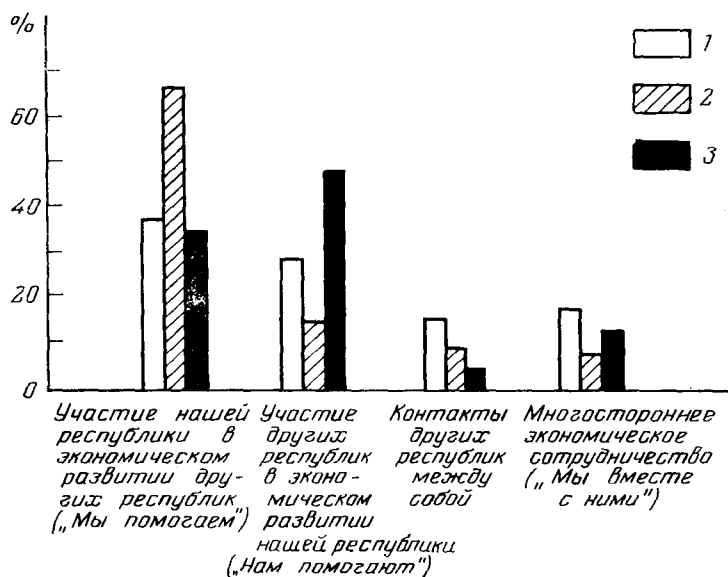

Рис. 1. Соотношение материалов о различных направлениях экономического сотрудничества: 1 — «Советская Молдавия»; 2 — «Заря Востока» (ГССР); 3 — «Правда Востока» (УзССР)

Контент-анализ выявил особенности в освещении различных направлений экономического сотрудничества в каждой из взятых для анализа газет. Молдавская и грузинская газеты чаще показывают читателям, как их республика участвует в экономическом развитии братских народов, в создании единой государственной экономики (группа материалов «мы помогаем», «мы отдаем», «мы отправляем»). Узбекская «Правда Востока», наоборот, чаще рассказывает о том, как братские республики и народы помогают Узбекистану в экономическом развитии.

Большая часть информации о сотрудничестве в области экономики во всех проанализированных газетах посвящается двусторонним контактам. Именно эта форма сотрудничества, видимо, является в настоящее время наиболее распространенной.

Довольно значительная часть материалов посвящена сотрудничеству народов в области культуры. Эта информация как наиболее эмоциональная в большей степени, чем любая другая, может воздействовать на формирование интернационального мировоззрения. Ведь известно, что в культуре наиболее ярко проявляется национальная специфика.

Газеты печатали сообщения о культурных событиях и о деятелях культуры советских республик. При этом большая часть такой информации касалась, естественно, своей республики: 73% — в «Советской Молдавии», 71% — в «Заре Востока», 67% — в «Правде Востока»¹⁹.

Все республики гордятся расцветом своей культуры. «Советская Молдавия», например, говорит о своей республике как о «самой танцевальной республике страны» (№ 62), «Заря Востока» рассказывает о богатой национальной культуре грузинского народа (№ 12). Причем гораздо чаще, чем в экономических материалах, подчеркивается национальная принадлежность культуры. Однако проведенный анализ показывает, что культура, несмотря на ее более выраженную «национальную» форму, так же как и экономика, чаще характеризовалась как республиканская. В сообщениях термин «национальная культура» встречался в два раза реже, чем «республиканская». Это объясняется прежде всего тем, что во всех советских республиках живут представители нескольких национальностей, поэтому в республиканской газете не всегда речь идет о культуре коренной национальности. В данном случае термин «республиканская» употребляется как собирательный. В то же время не исключено, что понятие «республиканская» воспринимается в отдельных случаях как синоним понятия «национальная».

Несомненный интерес представляет соотношение материалов о различных направлениях сотрудничества в области культуры, науки, спорта. Рассматривая культурное сотрудничество советских республик, мы, так же как и при анализе экономической информации, фиксировали четыре направления. Однако, говоря о развитии национальной культуры молдаван, грузин и узбеков, мы не можем на основании газетных материалов судить, как в случае с экономикой, о влиянии на нее культур других народов, тем более, что на страницах газет речь идет главным образом об обмене культурными ценностями между республиками: о гастролях артистов и о выступлениях других деятелей культуры из братских республик. Так, в группе материалов «участие других республик в культурной жизни данной республики» («мы получаем») фиксировалась информация о пропаганде инонациональной (инореспубликанской) культуры в Молдавии, Грузии, Узбекистане. В следующую группу «участие нашей республики в культурном развитии других республик» («мы отдаем») попадали сообщения о пропаганде молдавской, грузинской и узбекской культур в других республиках. Частота публикации материалов этих групп в газетах неодинакова. В «Советской Молдавии» и «Правде Востока» информация о пропаганде инонациональной культуры в этих республиках помещалась чаще, чем о пропаганде своей культуры в других республиках: в «Советской Молдавии» это соотношение выглядело как один к двум, в «Правде Востока» — как один к трем. В «Заре Востока» разница между этими группами материалов незначительна.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет информация о многостороннем культурном сотрудничестве республик. Эта группа материалов во всех газетах оказалась самой многочисленной²⁰. Чаще всего здесь рассказывалось о региональных и межреспубликанских художественных выставках, фестивалях, форумах и встречах деятелей куль-

¹⁹ В «культурную» информацию включены также материалы о научной и спортивной жизни республик.

²⁰ Напомним, что сюда мы относили информацию о мероприятиях, в которых принимали участие не менее трех партнеров, в том числе и республика, чья газета подвергается анализу.

туры, о смотрах и конкурсах. Если речь шла о науке, то сообщалось о симпозиумах и конференциях, об обмене научной информацией и о совместных исследованиях. Газеты много писали о спортивных мероприятиях: в «Правде Востока» им было посвящено 46,4%, в «Советской Молдавии» 24, в «Заре Востока» 50% сообщений о культурном сотрудничестве. Материалы о контактах в этой последней группе количественно превышают объем всех прочих видов информации о культурном сотрудничестве народов. Это можно объяснить тем, что в газетах довольно часто публикуется спортивная информация. Однако даже если ее не учитывать, то материалы о многостороннем культурном сотрудничестве все же будут представлены в газетах шире других. Таким образом, наш анализ позволяет сделать вывод, что в области культуры многостороннему сотрудничеству уделяется наибольшее внимание.

Газеты отражают и культурное сотрудничество других республик между собой, причем информация такого рода в грузинской и узбекской республиканских газетах появляется чаще, чем аналогичная информация об экономическом сотрудничестве. Количественный анализ показал, что на страницах газет довольно часто появляются материалы о двусторонних культурных связях. Среди всех упоминаний о культурном сотрудничестве народов 36% сообщений в молдавской, 38% в грузинской и 58% в узбекской газетах посвящалось именно двусторонним контактам.

Ниже мы приводим диаграмму, позволяющую увидеть различия в освещении республиканскими газетами отдельных направлений культурного сотрудничества.

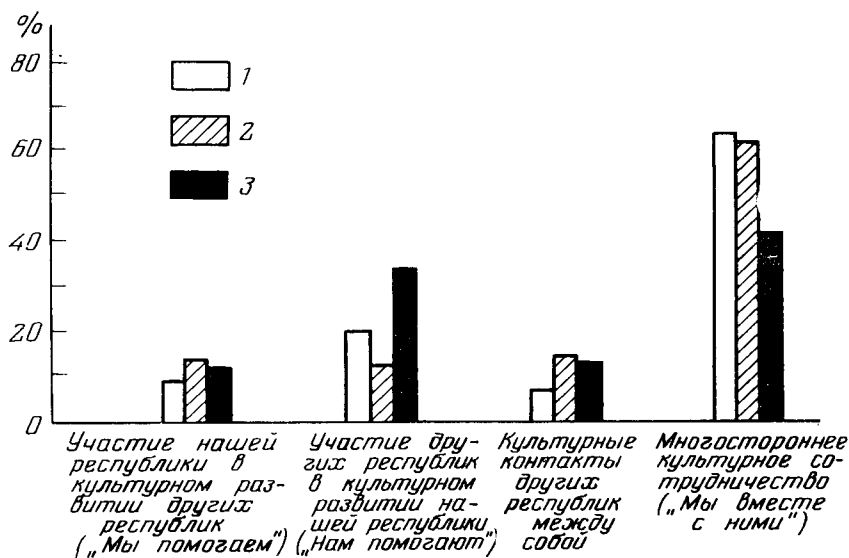

Рис. 2. Соотношение материалов о различных направлениях культурного сотрудничества: 1 — «Советская Молдавия»; 2 — «Заря Востока» (ГССР); 3 — «Правда Востока» (УзССР)

Итак, рассмотренные с помощью контент-анализа материалы позволяют сделать некоторые общие выводы. Контент-анализ помогает, во-первых, установить количественное соотношение материалов об основных направлениях взаимодействия народов; во-вторых, выявить, в каких сферах общественной жизни контакты советских народов более активны. Знание и учет этих факторов имеют значение для воспитания

интернационализма, формирования правильных национальных установок и ориентаций у населения различных республик.

В целом в газетах широко и разнообразно представлен фактический материал, раскрывающий дружбу, взаимопомощь и сотрудничество советских республик и народов. Опираясь на реальные факты, газеты показывают, что высокий уровень развития советских республик обусловлен прежде всего социалистическим строем и дружеской взаимопомощью братских народов. В подтверждение этого тезиса газеты показывают достижения своих республик как результат деятельности не одной нации, а всех советских народов. В связи с этим в публикациях чаще подчеркивается не национальный, а республиканский характер местной экономики и культуры.

По данным анализа видно, что больше внимания газеты уделяют культурному сотрудничеству, количество сообщений о нем в два с лишним раза выше, чем об экономических связях республик.

В экономической информации материалы о двусторонних контактах встречаются чаще, чем о многостороннем сотрудничестве (в 5 раз — по материалам молдавской, в 11 раз — по материалам грузинской и в 7 раз — по материалам узбекской газет).

Наоборот, в области культуры превалирует материал о многостороннем сотрудничестве.

Данная статья — лишь начало работы, посвященной исследованию деятельности республиканских средств массовой информации по пропаганде интернационального сотрудничества, по интернациональному воспитанию в целом. В дальнейшем мы предполагаем провести контент-анализ республиканских газет, выходящих на национальных языках. Кроме того, намечается рассмотреть помещаемые в газетах материалы о сотрудничестве народов в динамике.

Я. С. Смирнова

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СЕМЬЯ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Разработка общей теории этноса показала, что семья является важной микрочаекой этнических процессов¹. Это тем более относится к такой их составляющей как культурные процессы. При этом семья не только своего рода зерло культурного взаимодействия — она и сама влияет на культурно-бытовые процессы, ускоряя или замедляя их ход.

У народов Северного Кавказа культурное взаимодействие на протяжении длительного времени протекало и протекает в двух направлениях. Первое из них — взаимодействие культур коренных народов края, результатом которого явилась их известная культурная общность в рамках Северокавказского историко-этнографического региона. Это взаимодействие облегчилось близким родством части местных народов (кабардинцы, адыгейцы, черкесы и абазы; карачаевцы и балкарцы; чеченцы и ингуши), сходными условиями их хозяйства и быта, общей для всех, кроме осетин-христиан, мусульманской религией. Второе направление — взаимодействие этих культур с русской и украинской культурой, начавшееся еще в дореволюционном прошлом и значительно усилившееся в советскую эпоху в результате упрочившихся межнациональных контактов и культурно-бытового сближения всех народов СССР.

Разумеется, существовали и другие направления культурного взаимодействия, прежде всего коренных народов Кавказа в целом, но по сравнению с двумя рассматриваемыми здесь оно было значительно слабее. В то время как народы Северного Кавказа тесно соседят между собой и с русским и украинским населением края, от народов Закавказья они отделены Главным Кавказским хребтом, в большой мере затрудняющим непосредственное общение.

Характерные для Северного Кавказа процессы и механизмы культурного взаимодействия нашли свое отражение в развитии семьи и семейного быта. В частности, они хорошо прослеживаются в области внутрисемейных отношений и во многих обычаях и обрядах брачно-свадебного, детского и погребально-поминального циклов.

В предреволюционное время, хотя большая семья с ее патриархальным укладом уже в основном уступила место малой, внутрисемейные отношения (или, как отмечают их некоторые социологи, структура семьи) сохраняли авторитарный характер, освященный адатом, шариатом и в определенной мере законами Российской империи. Безраздельно

¹ См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 53, 119, 253; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973, с. 140 сл.; «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, с. 430 сл.

господствовал патриархальный порядок подчинения женщины мужчине, детей родителям, младших старшим. Стей мужчине был хозяином почти всего семейного имущества, от него всецело зависели раздел и выдел, брачный выбор и расторжение брака. По адату женщина вообще не обладала наследственными правами; по шариату ее доля была значительно меньше доли мужчины. обладала она и правом опеки. Внутрисемейные отношения характеризовались не только беспрекословным повиновением младших старшим, оказанием им различных подчеркнутых знаков уважения (своего рода «ультиматум старших» и «культу мужчине»²), но и патриархально-транормированными архаическими обычаями избегания во взаимоотношениях между супругами, родителями и детьми, каждым из супругов и старшими родственниками другого. На воспитании детей отрицательно сказывались не только обычай избегания, но и предписанная шариатом ранняя сегрегация полов³.

Будучи обусловлен спецификой патриархально-феодалного строя народов Северного Кавказа, семейный уклад вместе с тем в значительной мере определялся и процессами культурных взаимодействий. Это положение хорошо видно на примере распространения некоторых семейно-бытовых обычаев и норм исламского права — шариата.

Еще в конце 1920-х годов М. Сигорским было высказано предположение, что распространенная у народов Кавказа «свадьба со скрыванием» жениха, а отчасти и невесты в основном совпадает с расселением народов кавказской языковой семьи и для многих из них особенно типична. Наиболее полно она сохранилась у народов адыго-абхазской группы; у чеченцев, ингушей и большинства народов Дагестана лишь отчасти стерлась под влиянием шариата; у абхазов, правда, исчезла совсем вследствие вытеснения ее византийским свадебным обрядом. В то же время она в несколько менее выраженной форме фиксируется у ближайших соседей адыгов — индоевропейцев-осетин и центрально-кавказских тюрков — карачаевцев и балкарцев. Эта точка зрения, видимо, верна и может быть подтверждена также другими фактами. Так, полевые этнографические данные свидетельствуют, что у ставропольских ногайцев «свадьба со скрыванием» вытеснила их прежнюю «открытую свадьбу» сравнительно недавно — в конце XIX — начале XX в. Более того, этот тезис может быть расширен. гипотеза М. Сигорского верна не только в отношении свадебного скрывания, но и в отношении некоторых вырастающих из него обычаев избегания.

Однако указанная выше точка зрения не объясняет, почему на Северном Кавказе рассматриваемые обычаи надолго законсервировались именно у адыгов и почему они распространялись от них к соседним с ними народам. Между тем для понимания некоторых механизмов культурного взаимодействия этот вопрос представляет немалый интерес. Думается, здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что среди патриархально-феодалных обществ Северокавказского региона адыгское, в особенности кабардинское, общество было самым феодализированным. Это влекло за собой два последствия. Во-первых, среди адыгов имелось немало людей, условия жизни которых позволяли им дольше

² К. И. Чомаев. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа. — В кн.: «Вопросы национальной психологии». Черкесск, 1972, с. 130.

³ Подробнее см.: Я. С. Смирнова. Семья и семейный быт. — В кн.: «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)». М., 1968, с. 185 сл.; *ея же*. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа. — «Кавказский этнографический сборник», VI («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 106), М., 1976, с. 47 сл.

⁴ М. Сигорский. Брак и брачные обычаи на Кавказе. — «Этнография», 1930. № 3, с. 49 сл.; см. также: Ш. Д. Инал-Ипа. Об абхазо-адыгских этнографических параллелях. — «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», т. IV — «История и этнография». Майкоп, 1965, с. 235, 236.

и полнее придерживать неудобных в быту традиционных запретов в общении с живущими бо бок родственниками по крови, браку и свойству. Недаром К. Фгаль писал о тех же адыгах: «...Видеть жену днем, входить к ней в с/ю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда»⁵. Во-рых, в патриархально-феодальном обществе с присущим ему слабо кристаллизовавшимся классовым самосознанием обычай, которым довала социальная верхушка, считались образцом поведения. Нас/ько это было возможно, им старались следовать и адыгское крестство, и соседние неадыгские народы, тем более что некоторые из/следних, в частности карачаевцы, балкарцы, часть осетин, чеченцев ингушей, находились в зависимости от кабардинских князей. Перед ми, таким образом, одно из семейно-бытовых проявлений распространяя элитарных элементов адыгской культуры, очагом которой был сев-западный Кавказ.

Не менее показател/ другое проявление этого же процесса — заимствование правил поения, в том числе поведения в семье. Известно, например, что еще в начале нашего века балкарские князья и дворяне посылали своих дей в семьи кабардинской знати учиться здесь тонкостям этикета⁶. Распространение элитарных элементов адыгской культуры было подмечено некоторыми дореволюционными бытописателями и исследователям Северного Кавказа. Так, в середине прошлого века один из наиболее введомленных авторов, А. Л. Зиссерман, писал, что Кабарда «искони сталась на всем Севере Кавказа образцом, достойным подражания. Кардинцы были в некотором роде кавказскими французами, как за Каазом персияне; отсюда распространялась мода на платье, на вооружен, на седловку, на манеру джигитовки; тамошние обычаи, родившиеся при условии существования высшей и низшей аристократии (князей узденей) и холопов (рабов), прельщали и в других обществах люд/е, занимавших видное положение между своими, и побуждали перенять и утверждать у себя такие же порядки»⁷. По его мнению, многие сычаи и нравы осетин явились следствием «сближения с Кабардой»⁸. Аалогичны данные Н. Н. Харузина: он говорит, что появлению у чеченц/ и ингушей некоторых новых традиций способствовали «кабардинцы, долго властвовавшие над обоими народами и привившие им многие извоих обычаев...»⁹.

Однако распространились не только элементы элитарной культуры. Как показывают наши злевые материалы, практиковавшийся в широких слоях черкесского кестьянства брак уходом (т. е. фиктивное похищение), обходившийся ешевле, чем брак по сговору, в предреволюционное время стал заимсвоваться у черкесов карачаевской беднотой.

В то же время с востка, из Дагестана и Чечни, на семейный быт народов края воздействовала религиозная, исламская традиция. В XIX — начале XX в. по сущесву еще продолжался процесс исламизации народов центральной и ападной части Северного Кавказа, и предписания шариата постепенно вытесняли нормы адата или же тесно с ними переплетались. Так, хон древний обычай требовал, чтобы брачный выкуп поступал в пользу семьи невесты, в 1902 г. сход доверенных от сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских (т. е. балкарских) обществ Нальчикского округа постановил, что калым должен

⁵ К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. — «Кавказский сборник», вып. 21. Тифлис, 1900, с. 28.

⁶ Архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского ин-та, ф. 10, оп. 1, д. 3, л. 40.

⁷ А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867), ч. 2. СПб., 1879, с. 382.

⁸ Там же.

⁹ Н. Н. Харузин. Заметки об юридическом быте чеченцев и ингушей. — «Сборник материалов по этнографии», вып. 3, М., 1888, с. 118.

переходить в собственность самой невесты, которая по своему желанию может выделить часть отцу, но не более половины и только для покупок приданого¹⁰. В 1906 и 1908 гг. представители мусульманских сельских обществ Северной Осетии также приняли постановление о замене калыма кебином, т. е. предусмотренным шариатом обеспечением жене на случай развода или смерти мужа¹¹. Распространялись и другие предписания шариата, в том числе и такие откровенно реакционные, как стремление искоренить последние остатки бывшего равноправия полов. В 1915 г. народный кадий Нальчикского округа провел на сходе решение о «воспрещении всем от десятилетнего возраста женщинам появляться на улицах, а также танцах с обнаженными головами, а также воспрещении девушкам во время танцев брать мужчин за ладонь руки»¹².

Как уже отмечалось выше, еще в дореволюционное время семья и семейный быт народов Северного Кавказа стали испытывать определенное воздействие русской и украинской культуры вследствие как непосредственных контактов с тесно соседящими выходцами из Центральной России и с Украины, так и начавшегося втягивания коренных народов края в сферу действия российского законодательства. Появились (пока еще, впрочем, редкие) смешанные браки представителей коренных народов с русскими, в особенности кубанскими и терскими казаками, и украинцами¹³. Делались попытки распространить на умыкание уголовное законодательство Российской империи¹⁴ или же бороться с ним при помощи маслагата — инноваций в адате. Например, в 1890 г. доверенные от девяти сельских обществ Малой Кабарды под влиянием русской администрации постановили: «Подвергать денежному штрафу... жениха (похитителя) в размере двухсот руб. и удалению из общества на три года, сообщников похитителя — штрафу в сто руб. каждого с удалением всех их из общества на один год»¹⁵. В 1911 г. этот же вопрос рассматривался в Екатеринодарском горском словесном суде¹⁶. С конца XIX — начала XX в. стали известны случаи отхода от традиционного порядка наследования и опеки и применения в этой области российского законодательства. В частности, Екатеринодарский горский словесный суд удовлетворил просьбы нескольких женщин-адыгеек о наделении их имуществом после смерти отцов и мужей и о поручении им опеки над детьми¹⁷.

Вместе с тем в дореволюционном прошлом народов Северного Кавказа культурное взаимодействие вообще, влияние русской и украинской культуры в особенности, в сильнейшей степени тормозилось национальной, а в отношении почти всего некоренного населения — также и религиозной рознью. Это особенно хорошо видно на примере национально-смешанных браков. Повсюду за исключением некоторых районов, где были сильны ассимиляционные процессы (в особенности черкесско-абазинские районы нынешней Карачаево-Черкесии), население неодобрительно смотрело на смешанные браки даже между мусульманами. Родители невесты порой предлагали жениху-иноплеменнику заплатить

¹⁰ Газ. «Северный Кавказ», 1902, № 2.

¹¹ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР (далее — ЦГА СОАССР), ф. 11, оп. 10, д. 6950, л. 2.

¹² Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР (далее — ЦГА КБАССР), ф. 159, оп. 1, д. 312, л. 23.

¹³ См. Я. С. Смирнова. Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии. — «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 137, 138.

¹⁴ П. Агшешев, В. Бушен. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912; газ. «Терек», 11 декабря 1914 г.

¹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 22, оп. 1, д. 2175, л. 103, 104.

¹⁶ «Очерки истории Адыгеи»: Майкоп, 1957, с. 414.

¹⁷ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК), ф. 660, оп. 1, д. 182, 436, 438, 443, оп. 2, д. 1436, 1582, 1622, 2105, 2214, 2221, 2222, 2241, 2272, 2274, 2305, 2323.

повышенный брачный выкуп; в других случаях такой брак мог быть заключен только при условии фиктивного или полуфиктивного (без согласия родителей невесты) умыкания. Выход замуж за иноплеменника считался еще более нежелательным, чем женитьба на иноплеменнице (эта распространенная у многих народов традиция, видимо, связана с тем, что при патрилокальном поселении смешанный брак ведет к утрате данным этносом как самой женщины, так и рожденных ею детей). Нередко сюда добавлялись и другие национальные предрассудки, в частности предубеждение против ухода женщин к якобы худшим народам. Так, черкесы или адыгейцы-бесленевцы старались не выдавать дочерей за абазин, так как те некогда были подвластны их князьям¹⁸. Еще сложнее обстояло дело в тех случаях, когда заключению брака препятствовали одновременно и национальные, и религиозные предрассудки. Шариат запрещал брак мусульманки с иноверцем, а законы Российской империи допускали браки между мусульманами и православными только тогда, когда один из будущих супругов принимал христианство. Отмечены случаи, когда родственники убивали девушек, бежавших с «неверным»¹⁹.

Приведенные факты интересны и в том отношении, что показывают не только влияние общей социально-культурной атмосферы на развитие семьи и семейного быта, в данном случае частоты межнациональных браков, но и обратное влияние внутрисемейных отношений на этнокультурные процессы. Ведь именно деспотическая, авторитарная структура семьи была тем непосредственным «запретительным» механизмом, при помощи которого консервативное общественное мнение препятствовало межнациональным бракам и тем самым тормозило процессы культурных взаимовлияний.

Советская эпоха принесла с собой принципиально новые формы и масштабы культурного взаимодействия. Коллективизация и индустриализация в автономных республиках и областях Северного Кавказа, рост городов и значительное увеличение в них доли населения из числа коренных народов края, возрастающая урбанизация сельских районов, преобразования во всех областях культуры и рост кадров местной интеллигенции, преодоление национальной розни — все это повело к небывалому расширению межнациональных контактов и сближению национальных культур. Этот процесс особенно интенсивно шел и идет в разноэтничной городской среде и в сельских районах со смешанным населением, где, как правило, прежде всего возникают новые культурные, в том числе и семейно-бытовые, традиции, впитывающие в себя лучшее, что есть в традициях народов нашей страны.

В этих условиях у народов Северного Кавказа складываются единый тип структуры семьи и единообразные формы семейных обычаев и обрядов. Большую роль здесь играет также влияние передовой русской культуры. Это и понятно. В Центральной России остатки патриархального быта в семье были изжиты раньше, и ее исторически более развитой уклад не мог не оказать воздействия на семейный уклад отстававших в прошлом народов Советского Востока.

Положительное воздействие русской культуры на развитие семьи и семейного быта северокавказских народов стало заметно сказываться еще в начальный период существования Советской власти. Необходимой предпосылкой формирования новой семьи было раскрепощение женщины, и Центральный исполнительный комитет Горской республики, объединявшей тогда значительную часть нынешних автономных республик и областей Северного Кавказа, распространил на ее территорию

¹⁸ Л. И. Лавров. Абазины (историко-этнографический очерк). — «Кавказский этнографический сборник», 1, М., 1955, с. 22.

¹⁹ Газ. «Горская беднота», 25 августа 1920 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Горского Центрального Исполнительного Комитета

Среди Горских народов с давних пор существует обычай похищения девиц, большую часть против их воли; находя такой обычай вредным пережитком старины, не соответствующим не только новым условиям свободной жизни, но и правилам Шариата, считая, что такой обычай является грубым насилием и издевательством над личностью свободной горянки, Горский Центральный Исполнительный Комитет ПОСТАНОВИЛ:

1. На территории Горской Республики безусловно воспретить похищение женщин, как акт гнусного глумления над личностью свободного человека.

2. Виновные в нарушении настоящего постановления привлекаются к ответственности и подвергаются заключению до 5 лет в местах лишения свободы и конфискации имущества.

3. Сумма, вырученная от продажи конфискованного имущества обращается 50 проц. в доход Республики и 50 проц. в пользу местного заинтересованного общества на восстановление сельского хозяйства бедняцкого населения.

4. Местные Исполкомы, Милиция и Судебные власти, получившие уведомление о совершенном похищении женщины, обязаны немедленно принять меры к задержанию виновных и освобождению похищенных.

Представители власти, не исполнившие этого подлежат судебной ответственности, как за преступление по должности.

5. Родители, опекуны и родственники горянок принуждающие их к выходу замуж против воли, или препятствующие выходу замуж по желанию, привлекаются к судебной ответственности по заявлению заинтересованной стороны.

Рис. 1. Постановление ЦИК Горской республики о запрещении умыкания. 1922 г.

действие всех законов и декретов РСФСР о равноправии женщины с мужчиной. Горянка получила не только политические и гражданские, но и брачно-семейные права, в том числе права на владение недвижимым и движимым имуществом, его наследование, на развод и на детей при разводе. Была введена гражданская регистрация брака и повышен минимальный брачный возраст, в прошлом для женщины составлявший по шариату 9, а по адатам 12—14 лет. Были запрещены как «вредные пережитки старины» и объявлены уголовно наказуемыми браки с несовершеннолетними, принуждение или воспрепятствование к вступлению в брак, требование брачного выкупа и умыкание²⁰. Постановлением ВЦИК РСФСР в 1924 г. были предусмотрены единообразные санкции за преступления, составляющие пережитки родового быта (иначе бытовые преступления) на всей территории Российской Федерации²¹. В 1928 г. они вошли в гл. X первого уголовного кодекса РСФСР.

Но все эти законодательные меры могли обеспечить лишь юридическое равноправие женщины у северокавказских народов. Между тем необходимо было, как писал В. И. Ленин, равенство «не только по закону, но и в жизни»²². А для этого нужно было научить широкие слои

²⁰ ЦГА СОАССР, ф. Р-41, оп. 1, д. 32, л. 250, 250 об.; д. 117, л. 27, 28; д. 141, л. 6 об.

²¹ «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства, издаваемое Народным комиссариатом юстиции», 1924, № 47, с. 353.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 157.

горянок пользоваться их ыми правами, помочь им приобщиться к общественному производств общественно-политической жизни и только таким образом в корне енить прежний патриархальный семейный уклад. В этой большой рте, проводившейся партийными, государственными и общественнымв том числе специальными женскими организациями, застрельщиц были не только немногочисленные поначалу коммунистки и комсоики из среды коренных народов края, но и местные и приезжие русе активистки. Они помогали в создании женотделов в партийных комитетах, комиссий по улучшению труда и быта горянок и нацменолоднее «Комитетов по улучшению труда и быта работниц и крестьян»), бытовых секций сельсоветов, в организации женских собранийонференций и съездов. Они же работали в культурно-просветительн кружках, уголках и клубах горянки, пунктах ликбеза и санитарнопросвещения, детских учреждениях, учебных заведениях и юридическ консультациях. Здесь горянка приобщалась к более развитой культ, отсюда она несла в семью осознание не только своих новых право и возможностей их реализации. Не случайно при открытии ликбези других культурно-просветительных учреждений кулаки и реакцион настроенное духовенство пытались запугать мужей слухами о том, члущащихся женщин будут увозить в Центральную Россию и переводитам в «русскую веру»²³.

Одновременно меняль положение молодежи в семье. Этому также способствовали как нов несравненно более прогрессивное законодательство, так и создаваиенся для его осуществления возможности — рост народного образования и профессионального обучения, приобщение к общественному прзводству в сельском хозяйстве и промышленности. В то же время учные заведения были теми каналами, по которым шло приобщение кередовой культуре. Характерно, что и в этом случае антисоветские эменты пытались запугать отцов семейств превращением детей в шкох и даже в дошкольных учреждениях в «гяуров», не признающих роительского авторитета²⁴.

Процессы культурно взаимодействия еще более активизировались в последующие десятилетия, когда утратили свое значение такие тормозящие факторы, как национальная и религиозная рознь, и стала складываться новая историческая общность — советский народ с присущим ему единым социалистическим образом жизни. В семейно-бытовой области одним из важнейших результатов этих процессов явилась коренная перестройка структуры семьи, все более демократизирующей по мере роста социальной ктивности женщин и молодежи. В свою очередь демократизация структуры семьи делает семейный уклад все более открытым для культурных взаимодействий. Яркий, хотя и косвенный показатель этого — быстрый рост национально-смешанных браков. За сорокалетие с 1928 по 1967 г. частота их возросла у адыгейцев в 1,5, у осетин в 2, у карачаевев в 2,5, у чеченцев и ингушей более чем в 3 раза. Еще более разительный пример — межнациональные браки женщин, участвовавшие за тт же период времени: у карачаевек в 3, у адыгеек в 4, у осетинок и инушек в 6, а у чеченок в 8 раз²⁵.

Количественные показатели дают возможность и более непосредственно судить о происходящих в семье изменениях в отношении к нега-

²³ Ф. *Перебийнос*. Советская Ингушетия — расцветающая страна. — «Революция и горец», 1931, № 8, с. 36.

²⁴ Государственный архив Адыгейской автономной области, ф. Р-1, оп. 1, д. 288, л. 144, д. 302, л. 7, 12; Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР, ф. Р-264, оп. 1, д. 336, л. 43.

²⁵ Рассчитано по данным: Государственный архив народного хозяйства СССР, ф. 8449, оп. 56, л. 56, л. 38, эп. 63, д. 15, л. 122, 143, 150 и архивы загсов Адыгейской а. о., Карачаево-Черкесской а. о., СОАССР и ЧИАССР. Сведения за 1928 г. взяты в пределах Северо-Кавказского края суммарно по национальностям, за 1967 г. — в пределах республик и областей.

тивными традициям семейного быта, иногда еще рассматриваемым в качестве национальных. Как видно из приводимой таблицы, у сельских жителей-кабардинцев и осетин младшие возрастные группы (в большинстве случаев кроме самой младшей, ответы которой, по-видимому, не всегда компетентны), как правило, привержены к таким традициям меньше, чем старшие. Следовательно, они больше открыты для культурных взаимодействий. Характерно, что в среде городского населения в значительной мере открыты для таких взаимодействий и самые старшие возрастные категории. Например, у осетин в возрастной группе 60

Отношение сельских жителей — кабардинцев и осетин к традиционным обычаям и обрядам
(% к числу опрошенных семейных)

Комплексы положительно оцениваемых традиций	Возраст, лет						
	18—19	20—24	25—29	30—39	40—49	50—59	60 и выше
Традиционная свадебная обрядность кабардинцы	0,0	37,0	10,1	20,1	17,1	18,4	32,5
осетины	100,0	48,3	39,1	49,2	48,5	45,9	65,2
Обычаи избегания кабардинцы	0,0	24,2	13,7	23,1	24,5	21,2	27,4
осетины	0,0	8,5	9,7	14,7	13,8	14,7	32,7
Традиционная погребально-поминальная обрядность кабардинцы	Сведений нет						
осетины	100,0	14,1	22,0	22,8	22,8	19,4	19,7

и более лет горожане одобрительно относятся к традиционной свадебной обрядности в полтора, а к обычаям избегания в два раза реже, чем сельские жители (соответственно 42,5 и 65,2% в первом случае и 16,0 и 32,7% — во втором) ²⁶.

Результаты таких взаимодействий сейчас сказываются в нескольких направлениях. Одно из них — продолжающееся взаимовлияние элементов семейного быта коренных народов Северного Кавказа, в ходе которого региональная специфика, постепенно освобождаясь от несовместимых с советским образом жизни негативных черт, сохраняет и развивает свои положительные черты. Это хорошо видно, например, в Карачаево-Черкесии, где процесс культурного взаимодействия охватил четыре тесно соседствующих коренных народа. Наблюдаемое сейчас у них вытеснение брака уходом (фиктивного похищения) браком по сговору еще до Великой Октябрьской социалистической революции началось у черкесов и абазин и только в самые последние годы стало охватывать и ту часть карачаевцев, которая в прошлом под влиянием тех же черкесов переходила от брака по сговору к браку уходом. В свою очередь примерная рекомендация сценария современной национальной свадьбы впервые была создана (в 1964 г.) на основе и для свадебного обряда карачаевцев, и только ее известный успех стимулировал в дальнейшем работу над примерным сценарием современной черкесской свадьбы. Учитывая национальную специфику, эти теперь уже в определенной мере реализованные сценарии вместе с тем предлагают и много сходного или общего для свадебной обрядности обоих народов. Наконец, насколько можно судить по нашим полевым данным, начавшие в последнее время распространяться черты полутрадиционной-полугражданской

²⁶ Эти и последующие количественные показатели получены в результате этносоциологического обследования, проведенного в 1973—1974 гг. Северо-Осетинским и Кабардино-Балкарским научно-исследовательскими институтами. Материалы — в архивах Северо-Осетинского НИИ и Кабардино-Балкарского НИИ.

данской погребальной обрядности сперва появились в ногайских селениях и только затем стали проникать к черкесам и абазинам. Важно отметить, что взаимодействие прогрессивных черт семейной обрядности — одновременно и естественный стихийный процесс, и процесс, сознательно направляемый такими государственно-общественными организациями, как республиканские и областные комиссии по выработке и внедрению в быт новых обрядов. Эти комиссии, представители которых встречаются для обмена опытом на межреспубликанских и межобластных совещаниях, своей работой также способствуют взаимодействию прогрессивных черт семейного быта народов региона.

Другое направление — общее культурное взаимовлияние всех народов СССР, в ходе которого складываются общесоветские черты семейных обычаев и обрядов. Таковы, например, широко распространяющиеся у всех народов Северного Кавказа торжественные регистрации бракосочетаний и рождений, свадьба без скрывания жениха и невесты, свадебное одаривание не родни, а самих виновников торжества, празднование родин независимо от пола младенца, празднование дня рождения детей, начавшееся замещение традиционной религиозной погребальной обрядности гражданскими похоронами. Таково же наблюдающееся у всех народов региона, как и у других народов нашей страны, общее постепенное упрощение обрядности путем слияния многочисленных в прошлом обрядов свадебного или родильного циклов в одно празднество, а погребальных ритуалов — в одну торжественно-траурную церемонию²⁷.

Немалый вклад в формирование общесоветских семейных обычаев и обрядов продолжает делать самый крупный из народов СССР — русский народ. На Северном Кавказе ряд современных особенностей семейного быта и элементов обрядности стал распространяться под непосредственным культурным влиянием соседнего русского населения. Это, например, свадебное одаривание молодоженов товарищами по работе, празднование дня рождения детей, устройство новогодней елки, захоронение в гробу, цветы на похоронах. Однако и сами народы Северного Кавказа, как и другие народы СССР, участвуют своими лучшими традициями в складывании общесоветских обычаев и обрядов. Примером могут служить некоторые повсеместно входящие в быт черты кавказского этикета застольных тостов. Еще более яркий пример — широко распространившийся ныне и среди русских старинный обычай адыгских народов сажать в честь рождения ребенка фруктовое дерево (некогда преимущественно грецкий орех или грушу, считавшиеся священными²⁸). Наблюдаются и такие семейно-бытовые влияния коренных народов региона на соседнее русское население, как заимствование в некоторых смешанных по своему национальному составу селениях Северной Осетии обычая помогать деньгами семье покойного в устройстве похорон и поминок.

Недавно привлечено внимание еще к одному направлению культурного взаимодействия — планетарному²⁹, в процессе которого складываются некоторые общечеловеческие черты современного семейного быта. По существу это проблема изучения современного так называемого городского или, говоря шире, урбанизированного быта. В семейно-бытовых традициях народов Северного Кавказа некоторые общесоветские черты, по-видимому, в то же время могут рассматриваться и как планетарные или же по крайней мере имеющие тенденцию к планетар-

²⁷ Ср.: Н. П. Лобачева. О формировании новой обрядности у народов СССР (опыт этнографического обобщения). — «Сов. этнография», 1973, № 4, с. 14 сл.

²⁸ Т. Т. Шикова. Семья и семейный быт кабардинцев в прошлом и настоящем. Автореф. канд. дис. М., 1956.

²⁹ Ю. В. Бромлей. К вопросу об этнографическом изучении современности. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

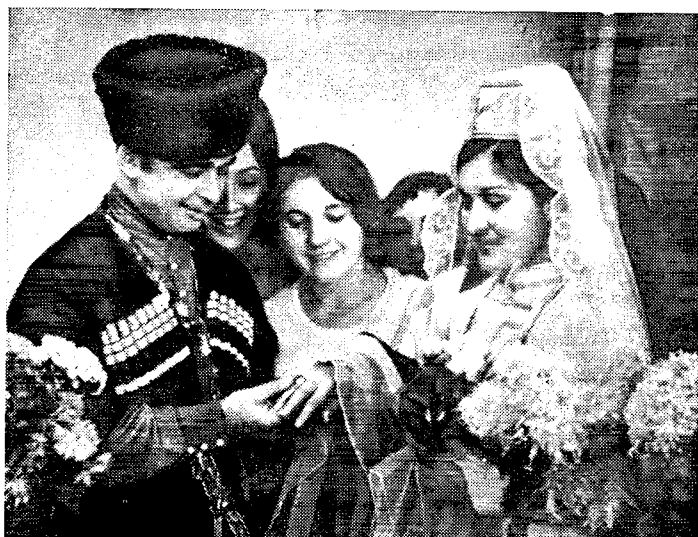

Рис. 2. Общесоветские семейные обряды: а) Обмен кольцами во время торжественной регистрации бракосочетания. Майкоп, 1974 г.; б) торжественное вручение свидетельства о рождении. Черкесск, 1974 г.

ности. Таковы, в частности, подарки молодоженам к свадьбе, а детям ко дню рождения, обмен обручальными кольцами, общий процесс сокращения и упрощения обрядовых циклов.

Разумеется, культурное взаимодействие на всех его направлениях и сегодня проходит не без помех, оставшихся в наследство от бывлой этнокультурной ограниченности. «Проявления национализма и национальной ограниченности,— указывается в программе КПСС,— не исчезают автоматически с установлением социалистического строя. Националистические предрассудки и остатки бывлой национальной розни — это та область, где сопротивление социальному прогрессу может быть наиболее длительным и упорным, ожесточенным и изворотливым»³⁰.

³⁰ «Программа и устав Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, с. 43.

Рис. 3. Уходящие традиции: а) Невеста под покрывалом на ингушской свадьбе. Сел. Плиево, 1965 г.; б) похоронная процессия в балкарском сел. Бабугент. На кладбище идут одни мужчины. 1965 г.

В каждую историческую эпоху культурно-бытовые традиции становятся частью этнокультурной специфики и воспринимаются как традиции этнические, национальные. К тому же в обыденном сознании связанные с этим представления обладают своей инерцией. Поэтому и сейчас в отсталых слоях населения не изжиты тенденция рассматривать в качестве современных этнических традиций такие негативные пережитки прошлого, как своего рода культ мужчин и стариков, свадебное скрывание и обычаи избегания, брачный выкуп и обрезание мальчиков, религиозные праздники и религиозный ритуал похорон, а в отдельных случаях даже похищение невест и семейную вражду³¹. Как исключение, поборники этнокультурной ограниченности встречаются и среди молодежи: несколько лет назад «Комсомольская правда» цитировала письмо

³¹ См.: М. Г. Абдуллаев. О характере и формах проявления некоторых этнических предрассудков в быту (на материалах Северного Кавказа). — «Ученые записки Ставропольского гос. педагогического ин-та, вып. 1. «Некоторые вопросы кавказоведения». Ставрополь, 1971, с. 299 сл.

нальчикского студента, советовавшего «развестись всем, кто состоит в смешанных браках»³². Эти и им подобные этнокультурные предрассудки — яркая иллюстрация к известному положению К. Маркса о том, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»³³. Понятно, что отношение ко всему, что донесено традицией как к неперемennomу достоянию народов и их культур не может не замедлять процессы культурных взаимодействий.

Однако объективные условия советской действительности таковы, что эти процессы с каждым десятилетием становятся все более интенсивными, причем их ведущим направлением является складывание общесоветских форм. Как говорилось выше, это в большой степени облегчается возникновением у народов СССР единообразной демократической структуры семьи. Последнее время, в условиях развитого социализма, народы региона быстро изживают последние реминисценции патриархальщины, такие, как сохраняющаяся кое-где авторитарность глав семей или еще нередкое благоговение перед мнением престарелых родственников и соседей. Их полное и окончательное преодоление еще более ускорит процессы культурно-бытового сближения советских народов.

---

³² «Комсомольская правда», 6 января, 1971 г.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 119.

В. М. Мельник

**УКРАИНСКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В УКРАИНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КАРПАТСКОГО РЕГИОНА**

Изучение отражений реальных исторических событий в фольклоре сопряжено со значительными методическими трудностями. Это связано прежде всего с тем, что стабильность фольклорной традиции сочетается с непрерывным варьированием, в процессе которого отдельные детали и факты претерпевают значительные изменения. Поэтому историк, обращающийся к фольклору, встречается как с реальными фактами, так и с поэтическими наслоениями на них. Народным певцам и рассказчикам всегда важен был смысл событий, общее отношение к ним, в большей мере, чем детали, связанные с их изображением. Кроме того, на протяжении веков фольклорная традиция испытывала воздействие письменности, позже — школы, книжности, и в самые последние десятилетия — технических средств массовой информации. Это создает подчас почти непреодолимые трудности для исследователя, желающего опираться на «чистую» фольклорную традицию. И наконец, приходится всегда помнить о различной природе отражения действительности в разных жанрах фольклора. Поэтому требуется тщательная текстологическая работа, изучение судьбы отдельных текстов, циклов и исторических слоев фольклора. Понимая все это, мы ставим перед собой ограниченную задачу — дать общий обзор отражения венгерской истории и украинско-венгерских взаимоотношений в украинско-карпатском фольклоре с целью привлечь внимание исследователей к этому малоизученному вопросу. При этом мы будем опираться на тексты, документированные собирателями.

Украинский фольклор, записанный в Карпатах, содержит отклики на многие события истории венгерского народа. Так, о переселении в Среднее Подунавье повествуется в легендах, исторических песнях и народных преданиях. Из многочисленных легенд об этом событии выделяются две — «Загибель Боржавського замку»¹ и «Про Мукачівський замок»², дожившие до наших дней в устной передаче.

В первой из них говорится о пребывании венгерских племен в Южной Руси, о столкновении их с печенегами, под ударами которых кочевники вынуждены были переселиться в центр Европы. Это произошло в 896 г.³ В легенде рисуется переход венгров через Карпаты, приход в Мукачево, сражение возле Ужгорода с местным князем Лаборцем, празднование победы и т. д. Упоминаются многие географические названия, связанные с переселением, и имена венгерских вождей (Арпада, Альмоша и Кальмана и пр.). Почти все эти реалии находят аналогии в венгерской

¹ «Легенди Карпат». Ужгород, 1968, с. 124—126.

² «Легенди нашого краю». Ужгород, 1972, с. 74—86.

³ См. В. Гаджега. Додатки к історії русинів і руських церков в Ужанській жупі.— «Науковий збірник т-ва „Просвіта“», т. 2, Ужгород, 1923, с. 14.

письменной традиции средневековья, в частности в хронике анонимного летописца Белы III⁴.

Вторая легенда дополняет первую. Она сообщает о том, что венгры встретили за Карпатами «болгарского правителя» короля Салана, державшего в своих руках всю восточную часть Дуная и территорию на север к Иполю⁵, что подтверждается историческими материалами. На основе их М. М. Лелекач сделал вывод, что «княжество Салана распространялось вплоть до центральной части современной Венгрии»⁶. Одним из «верховных вождей короля Залана» (Салана), согласно легенде, был упомянутый князь Лаборец, погибший в неравном бою. Это событие породило песню «Ой в городі та в Ужгороді»⁷ и несколько преданий⁸. Гибель Лаборца изображается в них как большое общенародное несчастье.

На запад от владений Салана, по народным преданиям, находилось моравское государство Святоплука и земли немецкого «володаря Арнульфа»⁹, что подтверждается венгерскими хрониками второй половины XI в. Венгерская традиция размещает венгров на территории бывших моравских владений Паннонии¹⁰, откуда они начинают угрожать империи Арнульфа¹¹.

Наконец, легенда о Мукачевском замке привлекает материалами об обретении венграми их нынешних земель. В Тиссо-Дунайской низменности, кроме княжеств Салана и Лаборца, согласно легенде, было много других «менших володарів, які в міцних (т. е. крепких.— В. М.) замках вершили долю свого люду».

Связывая воедино устные и письменные данные о переселении венгерских племен в Центральную Европу и о приобретении ими земель в Среднем Подунавье, мы не должны придавать им силу окончательных доказательств, но не можем и игнорировать их близость даже в деталях.

Существует, как было сказано, народное представление, что населенная славянами территория Затисья и Трансильвании в X в. контролировалась Болгарским царством. Это мнение подтверждается ранним венгерским хронистом, которого условно называем Анонимом¹². Имеются сведения, что в 892 г. район соляных шахт Мараморошины принадлежал болгарскому царю Владимиру, сыну Бориса¹³, а с 893 г. — Симеону¹⁴. Можно предположить, что князь Салан мог быть соправителем Симеона, а Лаборец — Салана. Но как бы там ни было, исполнители преданий бережно относятся к историческим известиям, связанным с приходом венгров в Среднее Подунавье. Давно замечено, что предания и легенды особенно хорошо сохраняют свою достоверность в тех случаях, когда являются подтверждением народных прав на занимаемую ими территорию¹⁵. Анализируемые легенды — яркое подтверждение этого факта.

В легенде о гибели Боржавской крепости можно обнаружить историко-бытовые подробности, опущенные средневековыми хронистами. В ле-

⁴ «Anonymi Gesta Hungarorum». Cassovia, 1747, cap. XII, p. 29; cap. XIII, p. 30—31; cap. XIV.

⁵ «Легенди нашого краю», с. 75.

⁶ М. М. Лелекач. Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. ст.— «Наукові записки Ужгородського ун-ту, історично-філологічна серія», т. II, 1949, с. 30.

⁷ Песня «Ой в городі та в Ужгороді» записана нами в с. Заричеве Перечинского р-на Закарпатской обл. от В. И. Ситар.

⁸ См. К. Заклинский. Переказ про князя Лаборця.— «Подкарпатська Русь», ч. 1, Ужгород, 1923, с. 17, 18.

⁹ «Легенди нашого краю», с. 75.

¹⁰ «Annales Fuldenses» (828—902).— «Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte», T. III. Berlin, 1957, S. 174.

¹¹ Там же, с. 168.

¹² «Anonymi Gesta Hungarorum», cap. XII, p. 29; М. М. Лелекач. Указ. раб., с. 30.

¹³ П. Яцко. Володимири, король Болгарії і руського Підкарпаття в 892 р.— «Подкарпатська Русь», річник IV. ч. 7. Ужгород, 1927, с. 153—159.

¹⁴ W. Slatarski. Geschichte der Bulgaren, T. I. Leipzig, 1918, S. 48—49.

¹⁵ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962, с. 132.

гендарный сюжет вклинивается мотив мирных отношений венгров-кочевников с Галицким княжеством, упоминаются младший сын Арпада Кальман и его невеста — галицкая княжна Милота, овдовевший боржавский князь Черногор и др. Последний, воспользовавшись отсутствием Кальмана, ушедшего на войну с печенегами, и переселением венгров из причерноморских степей в Европу, женится на Милоте. Возникает конфликтная ситуация, в результате которой трагически погибают и Кальман и Милота.

Эпизод в Боржавской крепости, когда Кальман убил переодетую в одежду воина Милоту, а затем и себя, не имеет исторических аналогий, но он не безынтересен для выяснения фольклорных контактов предков закарпатских украинцев и венгров.

С именем «галицкой княжны» Милоты связано с Милота в бывшей Сатмарской жупе¹⁶, где в настоящее время живет главным образом венгерское население. Здесь долгое время бытовало предание, согласно которому Милота была невестой князя Теребоша, память о нем сохранилась «в том же селе... в названии межи»¹⁷.

В другом, более полно сохранившемся предании сказано, что в этом селе жила девушка-красавица, которую полюбил сын князя Теребоша Жонгора. Сын Арпада Белый тоже влюбился в Милоту, когда она была уже обручена с Жонгорой. Последнему посчастливилось в бою захватить в плен Белого, Милота, переодевшись в военную одежду, дала Белому возможность бежать. Но когда Белый почувствовал себя свободным, он убил Милоту, думая, что перед ним настоящий воин¹⁸.

В нашем распоряжении есть и ряд других преданий, связанных с переходом венгерских племен в Центральную Европу. Это предания о князе Народе, Руськине, Бодроге и др.¹⁹ Они создавались и бытовали на пути продвижения венгров с северо-востока на юго-запад в тех местах, где жило коренное славянское население.

Большой интерес представляют и топонимы, позволяющие определить маршруты походов и места кочевий венгерских племен от Киева до Карпат. Это реки Угорский Тикич, Угр, Угер, поселения Угруйск, Угруйская Воля, Угорце, Угринов, Угор²⁰, урочище Угорская гора между Киевом и Житомиром²¹, Угорское возле Киева²² и др. Часть этих топонимов находит аналогии в древнерусской летописи, другие совпадают с достоверным маршрутом переселения венгров, зафиксированным Анонимом, третьи, возможно, связаны с какой-то частью протоугров, оставшихся на территории Юго-Западной Руси после того, как основная масса переселенцев ушла в Среднее Подунавье. В Прикарпатье и в Закарпатье встречаются также фамилии Угрин, Венгрин, Мадьяр и т. п.

Представляется, что и древнерусский летописец в рассказе о переселении венгров опирался на устную традицию. Венгры, по словам летописца, «почаща воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту пржеже словени, и волохове приша землю ту, и седоша со словены, покоровше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорська»²³.

Этнический состав славян Тиссо-Дунайской низменности был неоднороден. На основании устных и топонимических данных закарпатский исследователь П. Яцко еще в 1927 г. пришел к выводу, что коренные жители Трансильвании во время прихода венгров «были русинами», ибо

¹⁶ *Жупа*, или *комитат* — административная единица.

¹⁷ Н. А. Бескид. Карпаторусская древность. Ужгород, 1928, с. 103.

¹⁸ Там же, с. 103, 104.

¹⁹ Там же, с. 104.

²⁰ J. L. Pič. Zur rumänisch-ungarische Streitfrage. Leipzig, 1886, S. 400—404.

²¹ В. Б. Антонович. Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. СПб., 1893, с. 39, 40.

²² А. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875, с. 187.

²³ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. II. М., 1962, с. 18.

целый край Залесский (современная Трансильвания.— В. М.) переполнен такими топонимическими названиями, как русин, русь»²⁴.

Отдельные моменты истории Венгрии XII—XIII вв. отразились в исторических песнях и эпических колядках. Одна из основных тем фольклорных произведений того времени — попытка венгерских феодалов захватить галицкий престол. Так, в песне «Ой сів сокіл на грушку»²⁵, которую записал, опубликовал и прокомментировал Ф. Повхан в 1930 г., отражены события того времени, когда венгерский король Андрей II силой оружия посадил на галицкий престол своего сына Кальмана. Но восставший народ, возглавляемый князьями Данилом Романовичем и Мстиславом Удалым, изгнал захватчиков²⁶.

Историческая основа песни почти забыта. Не сказано даже, какой король пришел на Галицкую Русь, забыто его имя. Только по некоторым деталям и названиям городов можно установить, что это песня о попытке Андрея II посадить младшего сына Кальмана на галицкий престол.

Сокол садится «на суху галузку», т. е. ветку, которая сломалась и «соколика скламала» (подвела.— В. М.). Известно, что Кальман сел на галицкий престол в 1215 г., а в 1219 г. был свергнут²⁷.

Упавший с сухой ветки сокол «летив в Краков», где он так громко запел, что «аж ся Краков разлягав». В этом можно усмотреть намек на совместные действия венгерских и польских феодалов против Юго-Западной Руси и тот факт, что обратный путь «короля Галиции» в Венгрию (когда отец забрал его домой) лежал через Краков. Финальная строка песни рисует полет сокола в Киев («Над Києвом крила стряс»), напоминающая события 1238 г., когда союзник венгерского короля черниговский князь Михаил Всеволодович вместе с Кальманом захватил Киев. Разумеется, наша интерпретация песни весьма условна. С не меньшим основанием ее можно связывать с черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, которого постигла та же участь при попытке занять галицкий престол. Черниговско-северский князь вступил в союз с венгерским королем Андреем II и сумел захватить Киев и Галицко-Волынское княжество. Однако в 1238 г. галичане выгнали его и пригласили к себе Даниила, Михаил Всеволодович бежал в Краков, а затем в Венгрию.

Несомненно только, что песня возникла под воздействием исторических событий в Венгрии первой половины XIII в. Может быть, она обобщает попытки венгерских королей и их союзников захватить галицкий престол. Подобные обобщения хорошо известны в фольклоре многих народов.

В середине XIII в. между Венгрией и Галицко-Волинским княжеством устанавливаются дружественные, более того, родственные связи. Уже в 1250 г. Даниил Галицкий просит Митрополита Кирилла, едущего в Константинополь, посетить венгерского короля Белу IV и установить с ним добрососедские отношения. Правитель Венгрии хорошо принял Кирилла. Он тоже был уверен в необходимости восстановления мира²⁸. Даниил вскоре отправляется к венгерскому королю «возьмь сына своего Лва и митрополита» и «поя дщерь его сын си жени... и створи с ним мирь и воротися в землю свою»²⁹. Несколько позже Бела IV посылает к Даниилу посольство с предложением прислать сына Романа, который должен стать мужем сестры венгерского короля³⁰.

Закарпатские украинцы, входившие в состав Венгрии, по случаю помолвки галицкого княжича и молодой венгерской герцогини сложили

²⁴ П. Яцко. Указ. раб., с. 157.

²⁵ Ф. Повхан. Історія у народних піснях.— «Подкарпатська Русь», ч. 7—8. Ужгород, 1930, с. 159, 160.

²⁶ Там же, с. 159.

²⁷ «История Венгрии в 3-х тт.», т. I. М., 1971, с. 143.

²⁸ ПСРЛ, т. II, с. 820.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 821.

колядку бытового характера, в центре внимания которой подготовка к свадьбе. Колядовщики обращаются к птицам с просьбой не клевать виноград, так как родителям невесты «вина треба много», ибо она «зарученая, аж до Галича, за княжевича»³¹.

О поездке галицкого вельможи в венгерскую землю за невестой говорится в колядке «Ой у садочку черешневім»³². Сходные мотивы находим и в свадебных песнях³³. Во всех этих песнях изображаются сватовство, обычаи и обряды, связанные со свадьбой. Вообще говоря, все это может быть отнесено к любой поездке галицких княжичей-женихов в соседнюю Венгрию. А. А. Потенбя был прав, когда писал, что упоминание об уграх «в песнях подолян, подгорян и горцев «...несомненно свидетельствует о давних сношениях с этой страной...». Колядки с такими сюжетами, по его мнению, не указывают на какой-нибудь «отдельный случай этих сношений»³⁴.

Современный исследователь Э. Балецкий, касаясь «некоторых венгерских заимствований в украинском языке», заметил, что «упоминание Венгрии и венгров в галицком фольклоре свидетельствует, что галицко-венгерские связи начались еще в период княжеской Руси»³⁵. Особый интерес представляет колядка о пане Перемисльном³⁶, содержащая некоторые датирующие признаки. В ней речь идет о свадьбе «пана Перемисльного», вернувшегося «панойка» «з Вгорської сторонойки»³⁷, которого собравшиеся спрашивают, что «там чувати в Угорской землі?». Он отвечает: «Там добре слыхано», объясняя там мир как поле, «огороженное мечами (мечом) от злой тучи». Касаясь этого эпического выражения, А. А. Потенбя писал, что оно служит косвенным доказательством отношения образа к миру и счастью, а равно и его древности³⁸.

Толчком для возникновения этой песни, вероятно, послужила свадьба Юрия Львовича и возвращение его отца Льва Даниловича из венгерского похода. Об этом свидетельствует запись на полях Холмского евангелия: «Коли ся женило Георгий княже, а отець ему Угры ходило, тогда скончашася книга ся (15.Х.1283)»³⁹.

Таково историческое зерно колядки о пане Перемисльном. Специфика обряда колядования должна была сказаться в усилении романтического элемента в ней. Забылось имя Льва. Он превратился в «панойко», жених вошел в колядку «паном Перемисльным», а невеста «молода паня» или «молода княгиня». В таком виде песня-колядка о свадьбе и завершившемся успешном походе галицкого «панойка» в Венгрию⁴⁰ осталась в памяти народа.

Следующий слой песенных и прозаических произведений Карпат связан с татаро-монгольским нашествием 40-х годов XIII в. Одни из них сообщают, что во время перехода «татарів на Угорщину» одна орда шла

³¹ *І. Панькевич*. Рецензія на зб. «Народні оповідання про давнину. (Історія Подкарпатської Русі в переказах)». — «Подкарпатська Русь», ч. 6. Ужгород, 1925, с. 103.

³² «Колядки та щедрівки». Київ, 1965, с. 225, 226.

³³ *Я. Головацкий*. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, ч. III. М., 1878, с. 223, 224.

³⁴ А. А. Потенбя. Объяснения малорусских и сродных народных песен, т. I. Варшава, 1883, с. 125.

³⁵ Э. Балецкий. О некоторых венгерских заимствованиях в украинском языке. — «Studia Slavica», t. IX. Budapest, 1963, с. 339.

³⁶ *Я. Головацкий*. Указ. раб., ч. II. М., 1878, с. 71, 72.

³⁷ Более подробно см.: В. М. Мельник. Народ про свою історію. Київ, 1966, с. 58, 59; его же. Історія Закарпаття в усних народних переказах та історичних піснях. Львів, 1970, с. 34, 35.

³⁸ А. А. Потенбя. Указ. раб., т. II. Варшава, 1887, с. 129.

³⁹ «Отчет Румянцевского музея за 1892—1894 гг.» — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. XIV, Львів, с. 40 (библиография).

⁴⁰ Косвенным свидетельством в пользу того, что поход был успешным, может быть грамота от 1299 г., где наджупан Берегской жупы Григорий называет себя «урядником Льва князя руського». — «Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis». (Ed. G. Fejer), t. 6, p. II. Buda, 1830, p. 216, 217.

через Галицию, а другая — «на Ардале»⁴¹, т. е. Семиградье. На их пути происходили столкновения и отдельные сражения, в которых гибли целые отряды татар, как, например, в районе с. Вышкова по дороге из Молдавии⁴², в окрестностях с. Драгова⁴³ и в других местностях Карпат и за Карпатами.

К этому времени относится и «Повесть об убиении Батия», согласно которой татарский хан Батый был убит где-то на территории Угорской или Карпатской Руси⁴⁴. Об этом же говорит и топонимика Закарпатья и Восточной Венгрии. Название местности Батю и с. Батьево в Береговском районе, где были найдены остатки средневекового оружия, свидетельствуют о происходившем здесь сражении. В с. Краснобелелек бывшего Сатмарского комитата Венгрии есть межа, называемая Батагалма, где, согласно преданию, похоронены воины Батия⁴⁵.

Интересно отметить, что как раз на территории Сатмарской жупы обнаружено множество татарских археологических памятников. Например, около Баян Лаза, вблизи Биксада, где, по преданию, когда-то существовал Белоград, были найдены мечи, копыя, стрелы, остатки щитов, свидетельствующие об отшумевшей здесь некогда битве⁴⁶. В с. Микола той же жупы одна межа называется Татарбомб — Татарский холм. Дальше расположено Татарфолво (Татарское село), владельцем которого в XIV в. был некий Татар. По преданию, бой между татаро-монголами и местными жителями происходил в районе Великой Бани (Нодьбани). Татарским предводителем был Субугетай, известный и по другим преданиям. В бою погибло много татар⁴⁷.

Украинские народные предания о Федоре Корятовиче дают представление о взаимоотношениях между подольским князем и венгерским королем Жигмундом (Сигизмундом). Первый, не желая подчиниться литовскому князю Витовту, в 1394 г. перешел Карпаты, правитель Венгрии подарил ему крепость в Мукачеве, а также крупные имения в Земплинской и Мараморошской жупах. Рассказчики преданий положительно оценивают деятельность этого князя в Венгрии и его роль в борьбе сторонников с противниками Жигмунда. Легенды и предания изображают противников короля в виде семиглавого змея-дракона, который появлялся в Токае, в Маковице и везде на «землі руській»⁴⁸.

В легенде о Мукачевском замке говорится о восстановлении его после Никопольской битвы 1396 г., в которой турецкий султан Баязид разгромил королевские войска Жигмунда, после чего турки в любое время могли напасть на Венгрию⁴⁹.

Борьба против турецких завоевателей в XV в. нашла отражение в известной украинско-карпатской песне «Смерть королевича в битві з турками»⁵⁰. Ей посвящена довольно обширная литература, но обоснованных выводов очень мало⁵¹. И. Я. Франко предложил наиболее вероятную интерпретацию этой песни. По его мнению, в ней воспевается битва под Варной в ноябре 1444 г. «История, — писал И. Франко, — знает один такой факт, случившийся за Дунаем, возле Варны в Болгарии, где в 1444 г. погибли польский королевич и венгерский король, прозванный

⁴¹ К. Заклинський. Народні оповідання про давнину. Кошице, 1925, с. 12.

⁴² Там же, с. 18, 19.

⁴³ См. «Наш рідний край», річник VII. Тячів, 1936, № 2, с. 46—48.

⁴⁴ Н. А. Бескид. Указ. раб., с. 105.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, с. 105, 106.

⁴⁷ Там же, с. 106.

⁴⁸ «Легенди нашого краю», с. 87.

⁴⁹ Там же, с. 81, 82.

⁵⁰ І. Франко. Студії над українськими народними піснями. Львів, 1913, с. 85.

⁵¹ Обзор их см.: В. М. Мельник. Історична правдивість фольклору. Львів, 1968, с. 127—132.

Варненьчиком, и его тело было рассечено турками»⁵². Действительно, в большинстве вариантов этой песни известие о трагической гибели «крілецького» или «кравлевского» сына, которому «головоньку порубано на четверо, а серденько на шестеро», приходит из-за Дуная. Поэтому не исключено, что прав И. Франко, утверждавший, что «эта песня не может относиться ни к какому другому факту, как только к битве под Варной в ноябре 1444 г.»⁵³.

Особый интерес для истории украинско-венгерских взаимоотношений представляют предания закарпатских украинцев о короле Матьяше — герое венгерского, сербского, хорватского, словацкого, румынского и польского фольклора, справедливого, хитрого, великодушного защитника крепостного крестьянства⁵⁴. Он стал «справедливым государем» и для закарпатских украинцев, в фольклоре которых показан «как защитник трудового народа от произвола знати»⁵⁵.

Цикл исторических преданий Закарпатья о Матьяше распадается на три тематические группы: одна повествует о происхождении короля, другая содержит антифеодальные мотивы и, наконец, третья рассказывает о его борьбе против турецких завоевателей. В ряде известных записей эти три темы переплетаются.

Устная традиция рисует Матьяша выходцем из трудящихся масс, упорно называя с. Ореховицу около Невицкой крепости его родиной и Галайду — хозяином, у которого он был батраком⁵⁶. Таким образом, у исполнителей преданий было свое мнение относительно социального и национального происхождения Матьяша Корвина.

Следующим звеном первой группы преданий является мотив чудесной коронации «руського хлопця» Матвея венгерским королем. Народная фантазия, не считаясь с историческими фактами, по-видимому, решительно переосмыслила действительные события. Согласно письменной традиции, Матвея Корвина короновала правящая верхушка. В народных же преданиях он — король из крестьян, избранный вопреки воле господ, старающихся всячески помешать этому.

Став королем (это произошло на государственном собрании 29 марта 1464 г. в Секешфехерваре⁵⁷), Матьяш повел борьбу с феодальными группами, так называемыми баронскими лигами. Видимо, эта борьба и повлияла на создание и распространение преданий о короле Матьяше и Поган-дивче⁵⁸, в которых народ по-своему изобразил разгром владелицы Невицкой крепости, своей жестокостью наводившей страх на жителей Ужанской долины. Долгие годы после изгнания Поган-дивче «народ, идя на базар... в Ужгород», боялся и «взглянуть на проклятые крепостные стены»⁵⁹.

Историческая основа преданий о борьбе Матьяша с Поган-дивче выветрилась, хотя и сохранилось главное — Матьяшу Корвину действительно пришлось вести длительную борьбу против баронских лиг (1458—1481 гг.). Есть основание считать, что предания о разгроме Матьяшем таких крепостей, как Хустская, Киральгельненская, Середнянская и Невицкая⁶⁰ основываются на реальных впечатлениях от акций «справед-

⁵² *И. Франко*. Указ. раб., с. 85, 86.

⁵³ Там же, с. 84.

⁵⁴ *П. Линтур*. Король Матвей-Корвин в угро-русской народной традиции. — «Народна школа», № 7, 1940—1941, с. 124.

⁵⁵ *В. К. Соколова*. Русские исторические предания. М., 1962, с. 50.

⁵⁶ *П. Линтур*. Указ. раб., с. 127—128.

⁵⁷ «Magyar Diplomáciai Emlékek Mátyás Király Korából (1458—1490)». Szerk. Nagy Iván, Nyári Albert. Budapest, k. I, 1875, 3 old.

⁵⁸ См.: «Замок у Невицьким і король Матяш». — «Етнографічний збірник», т. IV. Львів, 1898; *К. Заклинський*. Народні оповідання..., с. 32—34; «Легенди Карпат», с. 118—123; «Легенди нашого краю», с. 103—105, и др.

⁵⁹ *П. Яцко*. Історія Невічанського замку. Календар «Пчілка» на 1930. Ужгород, 1929, с. 14.

⁶⁰ *К. Заклинський*. Народні оповідання..., с. 34; «Легенди нашого краю», с. 105.

ливого» короля против магнатов. Народ изобразил его находчивым и храбрым⁶¹.

Стали создаваться также народные предания о борьбе Матьяша против турецких завоевателей. В некоторых вариантах антитурецкие мотивы вплетаются и в предания о Поган-дивче и Матьяше, о которых мы уже говорили. В некоторых записях упоминается, что Поган-дивче «була із Туреччини», в других с ее гибелью связывают начало войн с этой страной⁶¹.

Подлинной жемчужиной народных преданий Закарпатья о борьбе Матьяша с турками являются легенды, объясняющие уникальный в истории Венгрии случай предоставления Шандровских соляных источников населению Мараморошского комитата. Матьяш воюет с турками, но ни одна из сторон не может добиться успеха. Тогда венгерский король и султан договариваются, что исход войны должен решить поединок двух богатырей — венгерского и турецкого. По всей Венгрии начали искать самого сильного человека. Выбор пал на закарпатского горца Павла Ки-ниша, и тот побеждает турецкого великана. В награду за богатырский поступок «справедливый» король Матьяш дает право жителям Марамороша бесплатно брать соленую воду из Шандровского колодца⁶².

Исторические памятники подтверждают, что украинское население Закарпатья принимало активное участие в антитурецкой борьбе венгерского народа во второй половине XV в.⁶³

В заключение укажем на некоторые социальные мотивы в народных преданиях о Матьяше. Он тайно ходит по Венгрии, заходит к пастухам, крестьянам, лесорубам, углежогам, школьному учителю, старается помочь народу, защитить его от произвола знати⁶⁴. Эти предания в интерпретации П. В. Линтура «характеризуются отсутствием фантастического элемента и сравнительной реальностью. Исторические факты в них представлены так, как они в действительности были, не замаскированы... Вследствие чего эти предания представляют живую картину нашей народной жизни в прошлых веках»⁶⁵. В. К. Соколова пишет об этих преданиях осторожнее — события, о которых говорит П. В. Линтур, различны по своему происхождению, однако в большинстве из них обнаруживаются вполне реальные штрихи⁶⁶.

Соглашаясь с этими двумя авторами, мы хотели бы добавить, что подобные штрихи в преданиях о Матьяше сочетаются с явным вымыслом. К последнему относятся все приключения «справедливого» правителя Венгрии. В то же время в обрисовке социально-экономического положения венгерского и закарпатского крестьянства находим обилие конкретных, правдоподобных деталей, взаимно подкрепляющих друг друга.

Следующей темой венгерской истории, нашедшей отражение в украинском фольклоре Закарпатья, является национально-освободительная борьба куруцев против лабанцев, составившая целую эпоху в истории Венгрии последней четверти XVII — начала XVIII в. Участие в этом движении закарпатских украинцев оставило глубокий след в исторических песнях и народных преданиях. О событиях 70—80-х годов XVII в. повествуют «Песнь об образе Клоковевском»⁶⁷ и «Песнь о Будині военска»⁶⁸.

⁶¹ «Легенди нашого краю», с. 103.

⁶² П. Линтур. Указ. раб., с. 129, 130, 150, 151.

⁶³ См.: J. Dušanek. Chust v Marmaroši. Chust, 1937, s. 56.

⁶⁴ См.: В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі, т. VI.— «Етнограф. збірник», т. XXX, Львів, 1911, с. 88, 89; П. Линтур. Указ. раб., с. 131, 132, 151—153.

⁶⁵ П. Линтур. Указ. раб., с. 132.

⁶⁶ В. К. Соколова. Указ. раб., с. 90.

⁶⁷ А. С. Петрушевич. Историческая песнь карпаторуссов из 1683 года.— «Литературный сборник, издаваемый «Галицко-русскою матицею», вып. II, Львов, 1886, с. 190—198.

⁶⁸ І. Панькевич. Новонайдені світські пісні в Підкарпатським пісеннику І. Сабова.— «Подкарпатська Русь», ч. 1—10. Ужгород, 1934, с. 50—52.

Они не только фиксируют ход борьбы, но и отражают сущность того, что происходило.

В первой гесне говорится о борьбе двух враждебных лагерей — куруцев⁶⁹ и лабанцев⁷⁰, за которыми стояли Турция и Семиградское княжество, с одной стороны, и Габсбургская империя — с другой. Отношение народных певцов к куруцам враждебное, к лабанцам доброжелательное. Куруцы осуждаются за то, что по их вине «в Клокочеві церква спалена», а «угорська вшитка (т. е. вся. — В. М.) земля опустошена».

В песне рассказано, как феодалы, увидев, что «синове своей воли», т. е. куруцы Текели только «на цісаря свої... руки підняли», начали переходить на их сторону. Они

Від цісаря відступають,
А туркові присягають.

Известно, что предводитель куруцев граф Эмерик Текели в 1682 г. принес в Будапеште присягу на верность турецкому султану. В песне текелиевцы «Ідуть до Будину приклад брати і хочуть ся туркові приятельми стати»:

Турок їх до себе приймає,
А під Відень ся стягає.

Последняя строка переносит нас к событиям конца 1682 — начала 1683 г., когда «табори турецькі стали під Відень» (т. е. под Веной. — В. М.), вследствие чего вся Европа находилась в большой опасности.

Противники Габсбургов, подойдя к Братиславе и, позднее, к Вене, еще не знали, что им «прийде гірка обідень». Император же «на то нічого не дбає», ибо имеет надежду, что

Ізбереса християнство
Віджене в нас те поганство.

Это явный намек на предстоящие бои между «священной лигой» европейских государств и турецкими захватчиками, тем более интересный, что битва под Веной не изображается в песнях. В следующих строках речь идет о сражениях, главным образом на территории Венгрии. Жаркая битва «в Будині», где христиане «великую кров розляли, а турков всіх мечем постинали», действительно произошла. В таком же духе описывается и наступление войск союзников от Будина к Нандорфеервару и далее на Егер и Феервар. После освобождения этих городов войска «священной лиги» переправляются через Тиссу и подходят к Вараду, где «Варадский баша тому был барзо не рад». Из песни узнаем, как под Варадом «при холоді турци сиділи» и «от стрілянія гранатов світа не виділи». Здесь же и указание на день сдачи турками города:

В одну среду скоро рано
Ганзерові город здано.

Народные певцы обращают внимание на то, что турки сдали Варад без боя, «бо ся смерті в нім боячи». Финал песни оптимистический. В нем звучит желание освободить от басурман и сам Царьград, чтобы в бывшей византийской столице «ніснь воспівати».

Вторая «Песня о Будині военска» повествует о военных событиях 1683—1686 гг. Начинается она вестью «от Будина», где турки уничтоже-

⁶⁹ Куруцы в разные периоды представляли бедноту, в 70—80-х годах XVII в. — это политические противники Габсбургской империи.

⁷⁰ Лабанцы — сторонники Габсбургского двора.

ны, «мечем посічені, побиті як свині». Поэтому «турческое горе чути аж за море», и народные певцы призывают «веселиться». Среди празднующих победу венгров «веселиться и Барковций», тот самый королевский советник Франц Барковций, который сначала был в лагере Текели, но после битвы под Веной 1683 г. перешел на сторону союзников Австрии и принял участие в сражении под Будинном. В песне он, как и все венгры, радуется тому, что «меч християнський на народ поганський mocno ся нагоняет».

Неизвестные создатели песни противопоставляют смышленому Барковцию недалновидного Текели, который осуждается за союз с турками и за то, что он загнал людей «много в неволю». Поражения Текели воспринимаются радостно, его беды вызывают восторг. Следовательно, в Закарпатье существовала радикальная куруцкая среда, в которой деятельность Текели открыто осуждалась. Видимо, это те куруцкие силы, которые в начале антигабсбургской борьбы (1672 г.) составляли ядро освободительной армии. Сближение Эмерика Текели, ставшего во главе куруцкого движения, с турками разочаровало народные массы, что и отразилось в фольклоре.

О Текели упоминает и легенда «Куруци в Хустському замку»⁷¹, где он назван «предводителем восставших — куруцев». Он отдает приказ полковнику Рославецкому овладеть крепостью, но сам захват замка осуществляется без его участия. Исполнители преданий припоминают, что тогда на престоле Габсбургской империи сидел «прадід Марії Терезії Імператор Леопольд», знают, что в Хустской крепости находились лабанцы, помнят их коменданта капитана Таллоша, представляют себе состав куруцкого войска, называют современный венгерский город Дебрецен Добровичом и т. д. Все это интересные и малоизвестные детали из истории Венгрии конца 70—начала 80-х годов XVII в., в том числе и воспоминание о том, что Дебрецен был когда-то славянским городом.

Таким образом, в первый период движения куруцев (до 1697 г.), пока турецкие порабителі не были изгнаны из Венгрии, в украинском фольклоре Закарпатье сочетаются антитурецкие и антителиевские мотивы. С началом национально-освободительной войны венгерского народа 1703—1711 гг. фольклор закарпатских украинцев приобретает антифеодальную и антигабсбургскую направленность. В народных преданиях того времени преобладает тема борьбы куруцев за свое социальное и национальное освобождение и рисуется героический образ их вождя Ференца Ракоци II.

Из многочисленных преданий этого времени выделяется предание «Змова Ракоція»⁷² (т. е. заговор Ракоци.— В. М.), отразившее заговор Ференца Ракоци II против Габсбургов. Народная память сохранила сведения о социальном происхождении Ракоци, его антигабсбургском заговоре, аресте, заключении в тюрьму, побеге в Польшу, формировании вспомогательного отряда, переходе в Закарпатье и руководстве национально-освободительным движением. Отдельные факты предстают в искаженном виде, но важно, что в этом цикле преданий утверждается преемственность традиций антигабсбургской борьбы семьи Ракоци.

С началом освободительной войны связано предание «На Лемацькім»⁷³, отразившее Должанскую битву куруцев с лабанцами 6 июня 1703 г. Поле сражения до сих пор в народе называют «Лемачка», в память о том, что здесь бились «лемки» (т. е. лемки — украинские крестьяне.— В. М.) с лабанцами. Здесь стоит скромный памятник с надписью: «З богом за Вітчизну і свободу... На пам'ять першої битви (??) 6 червня

⁷¹ «Легенди нашого краю», с. 68—71.

⁷² Предание «Змова Ракоція» записано нами в с. Заречье Иршавского р-на Закарпатской обл. от Д. А. Булецы.

⁷³ П. Линтур. Франц Ракоци II в угро-русской устной традиции.— «Народна школа», Ужгород, 1940, № 9, с. 188.

1703 г. загинулих куруців Франца Ракоці»⁷⁴. Правдиво обрисовав сражение и национальный состав куруцев, предание показывает, что лемки в начале XVIII в. жили не только на запад от р. Уж, но и в Бережском комитате, в состав которого входили современные Свалявский, Мукачевский, Иршавский и Береговский районы. Это подтверждается и другими источниками.

Другие предания на ту же тему интересны тем, что показывают совместную борьбу украинских и венгерских куруцев Закарпатья⁷⁵. «Між куруцями, — сказано в одном предании, — були як наші руські лемаки, так угорські селяни. І тому, що більше було лемаків поле битви і нині називається «Лемачкою»⁷⁶. В предании «Прихід Ракоці»⁷⁷ упомянуты места важнейших событий, особо выделены маршрут похода князя из Польши в Закарпатье и места столкновений куруцев с лабанцами (в частности, под Мукачевым).

Неоднократные посещения Закарпатья Ракоци послужили поводом для возникновения преданий о пребывании князя в Билках, возле Виноградова на Шаланецкой горе, в Хустском замке, в Бывцари, Драгове, Вильхивцах и других населенных пунктах края⁷⁸. Эти предания, как и предыдущие, дополняли легендарную биографию Ракоци новыми эпизодами, придающими ему черты добродушного человека, справедливого борца за свободу, вождя трудящихся. Даже уход князя в Польшу (в 1710 г.) рисуется вынужденным. Поражение куруцев народ воспринял как большое общее несчастье.

Среди всех известных нам преданий только в одном «Ракоці і нямеші»⁷⁹ отдельные действия князя изображаются критически. Ракоци заменяет командиров из народа дворянами, которые подорвали внутреннее единство движения. Ракоци впоследствии сам писал о том, что среди этих дворянских командиров «не было ни одного, который не заслужил бы самого сурового наказания за неисполнение» его приказов⁸⁰.

Рассматривая отражение истории Венгрии в украинском фольклоре Закарпатья, мы не можем пройти мимо преданий об императоре Иосифе II⁸¹. Объясняется это тем, что во время правления этого императора были проведены реформы, направленные на ограничение власти помещиков и в известной мере облегчившие положение крестьян⁸².

Иосиф II много ездил по Венгрии, Словакии, Буковине и Закарпатья, вступал в непосредственные сношения с крестьянами и рабочими людьми и это создавало ему определенную популярность в народе⁸³. Среди крестьян, например, распространилась молва, что по велению Иосифа II должно быть сокращено время работы на панов, что было отзвуком манифеста об «урбариальной регуляции» от 26 апреля 1768 г.⁸⁴

Иосифу II во время посещения им Трансильвании в 1773 г. были вручены многочисленные петиции от различных социальных групп, главным образом от крестьян. Свои впечатления от этих документов престолонаследник изложил государственному совету и императрице Марии Те-

⁷⁴ Там же, с. 185.

⁷⁵ См. П. Линтур. Франц Ракоци II..., с. 188; В. В. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 71.

⁷⁶ В. М. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 71.

⁷⁷ Предание «Прихід Ракоці» записано нами в с. Завадка Воловецкого р-на Закарпатской обл. от Д. И. Чекеты.

⁷⁸ См. П. Линтур. Франц Ракоци II..., с. 185—190.

⁷⁹ К. Заклинський. Народні оповідання, с. 94; В. М. Мельник. Історія Закарпаття..., с. 79.

резин⁸⁵, что способствовало популяризации его имени. Естественно, что со вступлением Иосифа II на престол в 1780 г. крестьяне связывали надежды на свое освобождение от крепостной зависимости. Они усилились после января 1784 г., когда Иосиф II издал распоряжение о переписи крестьян в деревнях близ границы⁸⁶. Восставшие в Трансильвании в отдельных местах ссылались на императорский указ об улучшении участи крестьян⁸⁷. Предания продолжили эту идеализацию императора. В одних преданиях он становится батраком и убеждается в помещицьем произволе⁸⁸, в других как хороший правитель требует строго придерживаться закона, который должен быть «однакий як для пана, так для простака»⁸⁹, в третьих издает распоряжение об уничтожении монастыря⁹⁰, в четвертых добивается ликвидации зависимости крестьян от помещиков⁹¹.

В одном из подобных преданий странствующий престолонаследник купил три лошади: толстую, слепую и худую и отправился к отцу. Удивленный император спрашивает сына, что означает эта тройка. Тот ответил: «Это, папа, твое государство! Толстая лошадь — это шляхтичи и феодалы. Как она, ест только овес и ничего не делает... Слепая лошадь — это ты!... Худая лошадь — это простой народ. Как она, тяжело работая, ест солому, так и крепостные на овсяном хлебе трудятся с утра до ночи»⁹².

Фольклорный образ Иосифа II заметно приукрашен. Это типичный идеализированный образ «добротого правителя», известный в фольклоре многих народов. В действительности же Иосиф II вовсе не был ни прогрессивным, ни демократически настроенным. В конце 1780-х годов Иосиф II даже был против проекта ограничения крепостного права. Его преимущество перед предшественниками заключалось только в том, что он долгое время не правил страной, а был наследником, и как таковой — носителем некоторых надежд. Народное воображение поэтому могло награждать его чертами потенциального «заступника».

В фольклоре украинского населения Карпат отразились также события буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. В устной традиции карпатских горцев прослеживается двойственное отношение к венгерской революции и ее руководителю Лайошу Кошуту. В наиболее ранних произведениях положительно оцениваются все свершения, позже певцы и исполнители преданий отразили противоречия, которые обнаружились в поступках Л. Кошута, игнорировавшего при создании национального венгерского государства интересы других народов⁹³.

В 1894 г. И. Я. Франко писал: «Кошут и его диктаторская деятельность не находят в нашем народе симпатии, и песни ими не очень подробно занимаются, обращая вместо того главное внимание на само подавление венгерского восстания с помощью русских войск»⁹⁴. С этим можно согласиться лишь частично. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает возможность утверждать, что в некоторых фольклорных произведениях отразилось и положительное отношение к венгерской революции и Кошуту.

⁸⁵ «История Венгрии в 3-х тт.», т. I, с. 421, 422.

⁸⁶ Там же, с. 415.

⁸⁷ Там же, с. 416.

⁸⁸ П. Линтур. Император Иосиф II...

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, с. 211, 212.

⁹¹ Там же, с. 212.

⁹² Там же.

⁹³ В. М. Мельник. Украинский фольклор периода феодализма как исторический источник. Автореф. докт. дис. М., 1973, с. 35.

⁹⁴ И. Франко. Кошут і Кошутська війна.— «Житте і слово», т. I, 1894, с. 462.

Известны песни, в которых народ восторженно воспеваает мартовские события 1848 г. в столице Венгрии⁹⁵.

В некоторых песнях высказывается сочувствие борющимся венграм и, в частности, Кошуту, который формировал отряды для борьбы с контр-революцией⁹⁶.

Особый интерес представляет народное предание «Війна в році 1848». В нем рассказывается о том, что в 1848 г. «была война, званная Кошута революция», которой руководил «Кошут Лайош, тогдашний венгерский вождь. Продолжалась она 18 месяцев»⁹⁷.

Предание, сохранившее материалы о вербовке украинской молодежи («брали і наших русинів») в революционную гвардию Кошута, свидетельствует об участии в революции закарпатских горцев. Революция, как следует из преданий, закончилась не так, как хотели ее руководители. Но положение народа все же несколько улучшилось. Барщина была ликвидирована и началась «комасация», т. е. отделение крестьянских земель от помещичьих. Крестьяне получили от своих панов общие пастбища и леса, но за это должны были платить. Наделение землей длилось до 1870 г.⁹⁸ Разочарование в реформах наступило довольно скоро

Отдельные предания отличаются большой исторической точностью и легко соотносятся с действительными и порой малоизученными событиями. Таково, например, предание «Л. Кошут і 1848 рік»⁹⁹, записанное В. Гнатюком. В нем повествуется о Кошуте и его борьбе против феодальных порядков, упоминаются император Фердинанд и наследник Франц-Иосиф, приход к власти которого способствовал началу революции, так как Венгрия не хотела признавать нового правителя. Рассказывается здесь и о генералах Гегее, сложившем оружие под Вильягошем, что вызвало замешательство в революционном лагере, и Клапке, не сдавшем крепости Комарно до тех пор, пока противники не гарантировали ему, офицерам и солдатам свободу. Гарнизон этой крепости сопротивлялся до 5 декабря 1849 г.¹⁰⁰ Он был последним очагом революции.

Осенью 1849 г. Кошут покидает Венгрию. В одном из преданий рассказывается, как возле Дуная он «межи штирми тополями закопав мадярську корону і втік в Туреччину». Узнав об этом, император Австрии потребовал выдачи Кошута, но «турок не согласился»¹⁰¹. Трагическая судьба вождя венгерской революции 1848—1849 гг. изображается здесь с сочувствием¹⁰².

Однако существовали предания и песни, в которых отразилось недоброжелательное отношение к венгерской революции и самому Кошуту¹⁰³, что видимо, объяснялось отказом руководителей венгерской революции во главе с Кошутотом от решений многих социальных и национальных вопросов, волновавших украинское население Карпат.

Итак, многовековые украинско-венгерские отношения, вхождение Закарпатья в состав Венгерского государства и длительное пребывание в нем довольно широко отразились в украинском фольклоре Карпат. Его дальнейшее изучение могло бы много дать для истории как венгерского, так и украинского населения Карпат.

⁹⁵ Г. А. де Воллан. Угро-русские народные песни. СПб., 1885, с. 158.

⁹⁶ М. Драгоманов. Нові українські пісні про громадські справи. Женева, 1881, с. 61.

⁹⁷ К. Заклинський. Народні оповідання..., с. 118.

⁹⁸ Там же, с. 120.

⁹⁹ В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі.— «Етнографічний збірник», т. XXV. Львів, 1909, с. 217, 218.

¹⁰⁰ «История Венгрии в 3-х тт.», т. II, М., 1972.

¹⁰¹ В. Гнатюк. Етнографічні матеріали з Угорської Русі, «Етнографічний збірник», т. XXV, с. 218.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: «Життя і слово», 1894, т. I, с. 466; К. Заклинський. Народні оповідання..., с. 122, 123; В. Микитась. Маловідомі пісні про «Кошутоту війну». — «Народна творчість та етнографія», 1970, № 5, с. 53.

С. И. Вайнштейн, Д. Трайде

**НАУЧНАЯ РАБОТА ЭТНОГРАФОВ
УНИВЕРСИТЕТА им. КАРЛА МАРКСА (ГДР)**

Ученые Германской Демократической Республики достигли значительных успехов в развитии различных направлений как естественных, так и гуманитарных наук. Несомненны их достижения и в области этнографии. Ее проблематику исследуют в Академии наук ГДР, ряде университетов и музеев республики. Одним из ведущих центров этнографической науки в ГДР является Лейпциг. Исследования сосредоточены здесь в крупнейшем в стране Этнографическом музее¹ и университете им. Карла Маркса, имеющим давние традиции в изучении этнографии.

Лейпцигский университет, основанный в 1409 г., еще в XVIII в. стал центром немецкого просвещения и литературы. Здесь получили образование многие виднейшие немецкие гуманисты. В этом университете учился великий русский революционер, основоположник русской революционной литературы, философ-материалист А. Н. Радищев. Нацисты в период своего господства пытались превратить Лейпцигский университет, как и другие университеты, в опору оголтелой реакции и расизма. Конец этому был положен лишь разгромом гитлеризма.

Этнографические исследования в Лейпцигском университете ныне ведутся главным образом в Отделе этнографии им. Юлиуса Липса, где проводится также большая педагогическая работа. Этот отдел создан в 1969 г. в рамках секции Африки и Ближнего Востока Лейпцигского университета на базе Этнологического института, основанного в 1914 г. при Лейпцигском университете. Когда после разгрома нацизма Этнологический институт возглавил вернувшийся из эмиграции выдающийся немецкий этнограф и антифашист Юлиус Липс, перед ним встали чрезвычайно сложные задачи фундаментальной перестройки работы Института, и прежде всего преодоления господствовавших здесь концепций и взглядов, враждебных науке. Юлиус Липс ориентировал новый коллектив Института на изучение подлинно научных проблем. Одной из них было исследование истории хозяйства и некоторых сторон социальных отношений в первобытном и раннеклассовом обществах. Сам Юлиус Липс преимущественно на этнографическом материале успешно занимался экономикой и правом у народов с различными формами хозяйства. Исследуя в этом аспекте охотников субарктической зоны Америки и индейцев оджибвеев, принадлежавших к хозяйственно-культурному типу «собирателей урожая», он стремился выявить у них связь между развитием хозяйства и нормами обычного права. После смерти Юлиуса Липса в 1950 г. эти исследования продолжила его жена и ближайший научный

¹ См. Л. М. Демин. Знакомство с тремя музеями ГДР.— «Сов. этнография», 1976, № 5.

соратник — Ева Липс², возглавившая институт, которому в честь Юлиуса Липса было присвоено его имя. Значительное внимание она уделяла изучению проблем развития хозяйства у народов первобытного общества, и в частности вопросу об отношении отдельных народов к диким и культурным растениям; эти работы внесли важный вклад в развитие этноботаники³. Другие сотрудники института, его аспиранты и студенты также участвовали в разработке проблем истории хозяйства преимущественно у народов, живших в условиях доклассового общества. Этим проблемам был посвящен ряд статей, диссертаций и дипломных работ⁴. В отдельных исследованиях на этнографических материалах рассматривалась взаимосвязь развития производительных сил и производственных отношений. Работы 60-х и начала 70-х годов отразили стремление сосредоточить главное внимание именно на последних вопросах, причем как на конкретной стороне, так и на их теории и методологии⁵.

Ряд новых направлений в работе института возник в 1960 г., объявленном «Годом Африки». Существенную роль в разработке этих направлений сыграли труды видных советских ученых-африканистов — И. И. Потехина, Д. А. Ольдерогге и других. Эти труды ориентировали на изучение прежде всего проблем социально-экономических отношений, политической организации, идеологии и культуры африканских народов доколониального времени, разрушительного влияния колониального господства на развитие народов Африки, а также на задачи марксистско-ленинской науки в создании научных основ современного национального развития молодых прогрессивных государств Африки, борющихся с колониализмом, неоколониализмом и расизмом. Следует отметить, что уже к началу 60-х годов в институте при участии студентов-этнографов были подготовлены обширные научные, в том числе картографические, материалы, характеризующие историю, культуру и социально-экономическое развитие различных районов Восточной Африки⁶. В 1960 г. в институте

² См., например: *E. Lips. Die Reisernte der Ojibwa-Indianer: Wirtschaft und Recht eines Erntevolkes.* — «Völkerkundliche Forschungen», B. 1. Berlin, 1956.

³ См., например: *E. Lips. Ethnobotanisches zum Zuckerahorn.* — «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig» (далее — «Veröffentlichungen...»), H. 11. Berlin 1961; *ее же. Ethnologie und Kulturpflanzenforschung.* — «Die Kulturpflanze. Rudolf Mansfeld zum Gedächtnis» («Berichte und Mitteilungen des Instituts für Kulturpflanzenforschung», Beiheft 3). Berlin, 1962.

⁴ См., например: *H. Reim. Die Insektennahrung der australischen Ureinwohner: Eine Studie zur Frühgeschichte menschlicher Wirtschaft und Ernährung.* — «Veröffentlichungen...», H. 13. Berlin, 1962; *ее же. Zur Wasserversorgung der Australier.* — «Jahrbuch des Museum für Völkerkunde zu Leipzig» (далее — «Jahrbuch...»), B. XIX. Leipzig, 1962; *D. Treide. Das Abtrennen der Vegetation bei nicht-bodenbauenden Stämmen des westlichen Nordamerika.* — «Jahrbuch...», B. XIX, Leipzig, 1962, и др.

⁵ *Д. Трайде. Временные производственные коллективы в рыбачьих и охотничьих группах Северной Евразии и Северной Америки.* — «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 10. М., 1970; *ее же. Prinzipien einer Analyse der Ökonomie der kombinierten Fischerei, Jagd- und Sammelwirtschaft in der gemäßigten und subarktischen Zone.* — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 13 Jg., H. 2. Leipzig, 1964; *W. Liedtke. Prinzipien einer Analyse der Ökonomie des tropischen Feldbaus.* — Там же; *H.-G. Schinkel und W. Liedtke. Prinzipien einer Analyse der Ökonomie des afrikanischen Grossviehnomadismus.* — Там же; *D. Treide. Die Organisierung des indianschen Lachsanges im westlichen Nordamerika.* — «Veröffentlichungen...», H. 14. Berlin, 1965; *H.-G. Schinkel. Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den Nomaden Ost- und Nordostafrikas.* — «Veröffentlichungen...», H. 21. Berlin, 1970; *W. Liedtke. Die Bedeutung des Studiums sozialökonomischer Prozesse in ländlichen Grossiedlungen in Afrika.* — «Jahrbuch...», B. XXVIII. Berlin, 1972; *H. Reim. Zur Klassensituation und zur Land Rights-Bewegung der Ureinwohner Nord- und Nordwestaustraliens.* — Там же, и др.

⁶ «Картографические Darstellungungen zur Wirtschaft, Gesellschaft und Geschichte der Bevölkerung von Uganda (Von einem Kollektiv des Julius-Lips-Instituts)». — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 9 Jg., H. 5. Leipzig, 1959/60; «Картографische Darstellung der Wirtschaftsethnographie Ostafrikas (Von einem Kollektiv des Julius-Lips-Instituts, Leiter: W. Liedtke)». — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 13 Jg., H. 2, Leipzig, 1964, S. 281—343.

начал учиться первый африканский студент, а вскоре здесь уже занимались многие студенты и аспиранты из Ганы, Мали, Нигера, Судана, Сомали, Сирии, Перу, Боливии и других государств. Многоукладность социально-экономических условий в странах третьего мира, откуда главным образом приезжали иностранные студенты, занимавшиеся в институте, сделала весьма целесообразным исследование этих условий. В их изучении принимали активное участие сами студенты, которые по заданию института проводили у себя на родине экспедиционные полевые работы. В них наряду с методами этнографических исследований использовались социологические методы собирания материала⁷.

Институтом (ныне отделом им. Юлиуса Липса) ведется большая работа по систематизации и учету всех имеющихся источников характеризующих этническую, культурную, социально-экономическую и политическую историю народов Африки южнее Сахары в условиях колониального господства. Использование и учет этих источников проходит в двух формах. Во-первых, частично уже подготовлены и будут готовиться в дальнейшем аннотированные библиографии о ряде народов этого обширного региона. Во-вторых, на основе указанных источников готовятся и публикуются этнографические исследования об этих народах, в том числе монографические.

Отдел им. Юлиуса Липса, возглавляемый ныне д-ром Дитрихом Трайде, ведет свои этнографические исследования в тесной связи с другими этнографическими учреждениями ГДР, прежде всего с Лейпцигским этнографическим музеем, руководимым д-ром Вольфгангом Кёнигом.

Для подъема уровня теоретических исследований в Институте, а позднее в отделе им. Юлиуса Липса особенно важное значение имело творческое освоение немецкими учеными достижений советской этнографии. В частности, успешно разрабатывается созданная советскими учеными концепция хозяйственно-культурных типов, имеющая принципиально важное значение для дальнейшего развития марксистской этнографии. Следует отметить, что освоение этой концепции имело существенное значение не только для развития научных исследований, но и для подготовки кадров этнографов в ГДР.

Важную роль в развитии этнографических работ на основе марксистско-ленинской методологии в университете имени Карла Маркса сыграли дружественные контакты с научными учреждениями и отдельными учеными Советского Союза. Еще в 1951—1952 гг. проф. С. А. Токарев, находившийся в командировке в ГДР, заложил предпосылки развития научных контактов немецких и советских этнографов. Позднее эти контакты постоянно углублялись и расширялись. Особенно тесные связи у этнографических учреждений Лейпцига установились с Институтом этнографии АН СССР, руководимым акад. Ю. В. Бромлеем, и кафедрой этнографии МГУ, возглавляемой проф. Г. Е. Марковым. Интересные и содержательные лекционные курсы студентам и научным сотрудникам отдела им. Юлиуса Липса прочитали советские ученые С. А. Токарев и Г. Е. Марков. Они же участвовали в обсуждении педагогической и учебной работы отдела. Отдельные лекции читали здесь также В. Н. Басилов, С. И. Вайнштейн, Р. Ф. Итс, Д. Д. Тумаркин и др. В их лекциях были раскрыты основные направления работ советской этнографии и смежных с ней научных дисциплин. В свою очередь преподаватели и научные сотрудники отдела им. Юлиуса Липса, а также сотрудники Лейпцигского этнографического музея во время командировок в СССР знакомили советских этнографов с достижениями науки в ГДР.

---

⁷ А. Asamoah. Die gesellschaftlichen Verhältnisse der Ewe-Bevölkerung in Südost-Ghana.— «Veröffentlichungen...», Н. 22. Berlin, 1971; К. Ismail. Die sozialökonomischen Verhältnisse der bauerlichen Bevölkerung im Küstengebirge der Syrischen Arabischen Republik.— «Veröffentlichungen...», Н. 26. Berlin, 1975, и др.

Одним из выражений постоянно углубляющейся и весьма плодотворной совместной работы с советскими учеными явилось активное участие представительной делегации Института этнографии АН СССР в работе теоретической конференции по случаю 80-й годовщины со дня рождения Юлиуса Липса, проведенной в Лейпциге в октябре 1975 г. На этой конференции был подведен итог научно-исследовательской и педагогической деятельности в отделе. Были намечены основные направления исследований в области истории первобытного и раннеклассовых обществ, а также подчеркнута необходимость дальнейшей углубленной разработки теоретических и методологических проблем этнографической науки, в частности в связи с изучением хозяйственно-культурных типов и их модификаций в условиях воздействия на них капиталистического способа производства⁸. Было также намечено усилить работы, связанные с установлением принципов и критериев этнографической классификации народов мира и периодизации социально-экономических формаций (включая отдельные периоды внутри формаций) в рамках этнографических исследований. На конференции было высказано пожелание уже в ближайшее время значительно расширить работы по проблематике происхождения частной собственности, классов и государства. Последнее имеет особенно важное значение в связи со столетием со дня смерти К. Маркса в 1983 г. и с исполняющимся в 1984 г. столетием со дня выхода в свет фундаментального труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Характерным для этой конференции было участие в ней не только этнографов, но и историков и экономистов.

Начиная с 1973 г. на основе опыта советских этнографов сотрудники отдела им. Юлиуса Липса сосредоточили свои усилия также на изучении актуальных проблем современных этнических процессов. Ежемесячно проводятся colloquia по вопросам современных этнических процессов в СССР, странах Африки, Переднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в США и Австралии. Большое значение для исследования проблем в этой важной области этнографической науки имел выход в свет капитального коллективного труда «Современные этнические процессы в СССР», подготовленного сотрудниками Института этнографии АН СССР, а также фундаментального исследования Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография». Итоги работ в этой области будут обобщены в сборнике «Этнические процессы в современном мире», подготавливаемом университетом им. Карла Маркса совместно с Институтом этнографии АН СССР. В плане координации научных работ с советскими учеными отдел им. Юлиуса Липса сосредоточит внимание на проблеме этнической истории народов Африки, живущих южнее Сахары. Руководство университета им. Карла Маркса придает этим исследованиям особенно важное значение.

Несомненно существенным вкладом в науку являются намеченные отделом совместно с кафедрой этнографии МГУ исследования по социальной и хозяйственной истории народов мира.

Сотрудники отдела занимаются также критическим анализом современной буржуазной этнологии, в частности культурной и социальной антропологии, с позиций марксистско-ленинской науки.

Ученые отдела Юлиуса Липса считают также крайне важным популяризацию этнографической науки, которой отдавал столь много энергии и сил Юлиус Липс. Достаточно вспомнить его широко известную книгу «О происхождении вещей»⁹, выдержавшую ряд изданий и пере-

⁸ По этой проблематике в отделе им. Юлиуса Липса уже выполнен ряд работ. См., например: D. Treide. Zur Mitverantwortung der Ethnographie für die Auseinandersetzung mit neokolonialistischen Konzeptionen.— «Jahrbuch...», B. XXVIII. Berlin, 1972, S. 69—88.

⁹ J. E. Lips. Vom Ursprung der Dinge, Eine kulturgeschichte des Menschen. Leipzig, 1952.

веденную на русский язык¹⁰. Много сделала в этом направлении и Ева Липс, опубликовавшая ряд ценных научно-популярных работ об американских индейцах¹¹. Существенным вкладом в популяризацию этнографической науки явился и выход в свет в 1966 г. книги «Этнография для каждого»¹² — первого в ГДР научно-популярного этнографического издания, охватывающего все народы мира.

В заключение необходимо отметить, что и в других гуманитарных подразделениях университета им. Карла Маркса ведется работа, в той или иной мере затрагивающая этнографическую проблематику, а отдельные преподаватели и научные сотрудники этих подразделений выполнили в последние годы ряд важных этнографических исследований. Укажем в этой связи хотя бы на труды недавно скончавшегося известного ученого профессора-филолога И. Шуберта, выполнившего ряд работ, представляющих значительную ценность для этнографического изучения монголов. Несколько очень интересных статей по этнографии тувинцев, населяющих Монгольскую Народную Республику, опубликовала Э. Таубе¹³.

Работы этнографов университета им. Карла Маркса, как и других научных учреждений ГДР, отражают большие успехи в развитии марксистской исторической науки в немецком социалистическом государстве.

---

¹⁰ Ю. Липс. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М., 1954.

¹¹ «Dreissig Jahre unter den Indianern. Leben und Abenteuer des John Tanner». (Aus dem Amerikanischen übersetzt, mit Anmerkungen und Nachwort von Eva Lips). Weimar, 1953; E. Lips. Das Indianerbuch, 1. Auflage. Leipzig, 1956; Wood, B. Norman. Die grossen Häuptlinge der Indianer (Aus dem Amerikanischen übertragen, bearbeitet und mit einem Nachwort versehen von E. Lips). Weimar, 1974; E. Lips. Nicht nur in der Prärie... Leipzig, 1974; *ее же*. Sie alle heissen Indianer. Berlin, 1975, и др.

¹² «Völkerkunde für Jederman». Leipzig, 1966.

¹³ См., например: J. Schubert. Paralipomena Mongolia. Wissenschaftliche Notizen über Land, Leute und Lebensweise in der Mongolischen Volksrepublik. — «Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», H. 19, Berlin, 1971; E. Taube. Mutter und Kind im Brauchtum der Tuwiner der Westmongolei. — «Jahrbuch...», B. XXVI, Berlin, 1970; *ее же*. Изучение фольклора у тувинцев Монгольской Народной Республики. — «Сов. этнография», 1975, № 5.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Е. Гусев

ПУТЯМИ ПЕСЕН НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

Во второй половине 1976 г. в Югославии повсеместно отмечалось 35-летие антифашистского восстания. Осенью мне довелось участвовать в XXIII конгрессе фольклористов Югославии, посвященном этому знаменательному событию. Впрочем, фольклор народно-освободительной борьбы и революции не впервые обсуждался в среде югославских коллег — эта проблема была центральной еще на VIII конгрессе в 1961 г., позже она так или иначе возникала и на других конгрессах фольклористов Югославии.

Начиная с 1962 г., во время поездок по Югославии, я собирал материалы по истории антифашистского фольклора, слушал и записывал партизанские песни. Мне удалось проехать дорогами маршей народно-освободительной армии, посетить многие места сражений, встретиться с ветеранами войны. На земле, обильно политой кровью отважных югославских воинов, немало могил и советских солдат, и память о нашей совместной борьбе против фашизма здесь священна. Это отразилось и в народном песенном творчестве того времени.

Являясь замечательным сплавом национальных фольклорных традиций, интернациональных традиций рабочей поэзии и творчества современных поэтов и композиторов, массовые песни народно-освободительной борьбы донесли до наших дней мысли и чувства тех, кто сражался и умирал за свободу, память о всех героических и трагических событиях тех лет. Эти песни и сейчас составляют неотъемлемую часть многонациональной культуры народов Югославии, бытуют не только в среде ветеранов войны, но и переходят по наследию к молодому поколению строителей социалистического общества, подчас трансформируясь в новых видах художественной культуры, характерной для современной Югославии — в массовой художественной самодеятельности, в исполнительских коллективах «культурно-художественных обществ» («культурно-уметничка друштва», или КУД), в эстрадных ансамблях, на «саборах» (массовых культурных манифестациях), фестивалях и тематических праздниках песен. Большую роль в сохранении живой песенной традиции военных лет играют средства массовой информации — радио и телевидение, практикующие специальные передачи. Эти песни непременно включаются и в многочисленные югославские фильмы на сюжеты из народно-освободительной борьбы — фильмы, которые до сих пор составляют основную часть отечественной кинопродукции.

Основываясь главным образом на личных наблюдениях и впечатлениях, расскажу о некоторых фактах, характерных для современного бытования и исполнения песен народно-освободительной борьбы, о не-

которых неопубликованных материалах и редких изданиях, отсылая одновременно читателя к другим источникам¹.

1

Антифашистское восстание в Югославии вспыхнуло по призыву коммунистов в июле 1941 г. Первыми очагами борьбы оказались районы, известные своими давними повстанческими традициями — центральная Сербия и Черногория².

Героическими усилиями партизан постепенно была освобождена большая часть западной и центральной Сербии, вошедшая в историю под названием Ужичкой республики. Здесь мне привелось бывать неоднократно. Проезжая перелесками холмистой Шумадии и вдоль берегов Дуная, Великой и Западной Моравы, невольно живешь как бы в двух временных измерениях. На полях и в садах работают крестьяне, по проселочным дорогам медленно движутся волы, запряженные в телеги с кукурузой и тыквами, за воротами, украшенными цветами и лентами, играют свадьбы, вечерами в маленьких городках на улицах толпится молодежь, а в «кафанах» сидят и шумно обсуждают свои дела за рюмкой сливовицы мужчины, и все это свидетельствует о том, что люди здесь живут радостями и заботами сегодняшнего дня. Но везде — и на стенах домов, и при въездах в деревню, и на площадях городов, и на всех дорогах, и просто на холмах — бесчисленные мемориальные доски и обелиски с длинными списками героев и жертв, цветы на могилах и у подножий памятников, фотографии в черных рамках... Вслушиваясь в рассказы местных жителей, в объяснения работников музеев, вчитываясь в документы архивов, в пожелтевшие подшивки партизанских газет, листая старые тетради с карандашными записями песен, убеждаешься, что в народной памяти не стерлись события тридцатилетней давности, что революционные традиции антифашистской борьбы помогают этим людям и сегодня в их борьбе со всем, что мешает успешному социалистическому строительству... Это особенно ощущаешь, когда оказываешься на встрече ветеранов войны или на всенародном празднике в день годовщины того или иного памятного события тех лет, или на траурном митинге памяти павших героев. А это происходит здесь часто в каждом городе, в каждом селе, в лесах и в горах. И при этом неизменно звучит старая революционная и партизанская песня.

Всегда хочется узнать, когда и где возникли эти песни, по какому поводу их сложили, как они воспринимаются молодым поколением.

Первые песни — призывы к борьбе прозвучали в Сербии летом 1941 г.

Песня привела меня туда, где началось восстание, где раздался первый выстрел из партизанской винтовки в с. Белая Церковь, что на дороге между Валево и Лозницей:

Четрдесет прве седмог јула
Жикина се пушка чула
У питомој Рађевини,
Белој Цркве на ледини.

В сорок первом году седьмого июля
Жикину винтовку услышали
В благодатной Раджевине,
На пустыре у Белой Церкви.

¹ В настоящей статье сообщаются только сведения, которые непосредственно связаны с научными командировками автора статьи в Югославию. Другая научная информация и анализ материалов содержатся также в моих статьях: «Изучение антифашистского фольклора в Югославии». — «Сов. этнография», 1962, № 5; «Партизанская поэзия у славян в годы второй мировой войны». — «История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963; «Типизация действительности в партизанском фольклоре». — «Труды VII МКАЭН», т. 6, М., 1969; «Освободительная борьба славянских народов в партизанских песнях». — «Славянский фольклор и историческая действительность», М., 1965; «Символика партизанской песни...» — «Рад XIII конгресса Савеза фолклориста Југославије», Скопје, 1968; «Интернациональные элементы в антифашистских песнях народов Югославии». — «Рад XV конгресса Савеза фолклориста Југославије», Београд, 1974.

² «Zbornik dokumenata Narodno-Oslobodilačkog rata», t. I. Beograd, 1949. Все исторические сведения даются по этому изданию.

В этой песне с хроникальной точностью указано время и место от-
важного почина Раджевинской группы («четы») Вавевского партизан-
ского отряда. Упоминаемый в песне Жика — Жикица Иованович-Шпа-
нац, комиссар, получивший свою партизанскую кличку «Шпанац» в
честь того, что был борцом-интернационалистом в Испании³. В Радже-
винской группе родилась и другая знаменитая песня — «Пошо Хитлер
на Руса» («Пошел Гитлер на русских»).

Особенно популярной стала песня «Шумадия», которую сербские
партизаны пронесли через всю войну и которую местные жители поют
здесь и поныне:

Пшеница је класала,
Шумадија устала.
Шумадија наша нана —
Пуна партизана.
Шумадија наша дика
Биће република!

Пшеница колосилась,
Шумадия восстала.
Шумадия — наша матушка,
Полна партизан.
Шумадия — наша слава,
Она будет республикой!⁴

Последние слова песни оказались пророческими — в Сербии вскоре
действительно образовалась «Ужицкая республика», просуществовав-
шая 67 дней.

Городок Титово Ужице со всех сторон окружают лесистые горы, на
юге — Златибор, укрывший повстанцев в тяжелые дни отступления 26—
27 ноября 1941 г. Недалеко от застроенного высотными зданиями цен-
тра — Исторический архив и Музей восстания. Здесь хранятся докумен-
ты и фотографии, запечатлевшие жизнь города и всего края осенью
1941 г. В Ужице тогда размещались ЦК КПЮ и Верховный штаб. Ук-
рытый под землей работал оружейный завод. Шли занятия в школах,
были открыты магазины и кафе, в базарные дни из окрестных сел съез-
жались крестьяне. С песнями проезжали на машинах партизаны. Под
конвоем проводили первых пленных фашистов. Выходили газеты «Бор-
ба», «Вести», «Новости» и «Омладинска борба», где печатали стихи и
песни.

В «Вестях» штаба Ужицкого отряда от 13.X.1941 г. опубликована
одна из ранних партизанских песен «Подигла се Ужичка нахија» («Под-
нялась Ужицкая область»).

Здесь, в Ужице, увидел свет первый сборник революционных и пар-
тизанских песен. Изданный тиражом в тысячу экземпляров и сразу же
разошедшийся по рукам, он стал большой библиографической редко-
стью⁵. Его подарил мне бывший член редколлегии газеты «Борба» и
составитель сборника, ныне академик Душан Неделькович. На алой
обложке — пятиконечная звезда. Предисловие датировано 7 ноября
1941 г. — книжечка вышла в честь годовщины Великой Октябрьской со-
циалистической революции. Сборник открывается «Интернационалом»,
за ним следует «Сербская партизанская», которая как бы отвечала на
боевой рефрен «Интернационала» («Это есть наш последний...»): «И
последнего тяжелого боя рассветает день». За этой песней — «Черногор-
ская партизанская» («На Москву направился Гитлер») и еще несколько

³ Жикица Иованович-Шпанац погиб в 28 лет 12 марта 1942 г. О нем см.: *М. Је-
ремић*. Жикица Јовановић Шпанац. Београд, 1961.

⁴ Р. Чолакович в своих «Записках» неоднократно вспоминает, что эту песню парти-
заны пели не только в Сербии, но и в Боснии. Он же свидетельствует, что в начале
июля на освобожденной территории Сербии «свободно пели и русские песни» (*Р. Чо-
лаковић*. Записки из рата, кн. 1. Београд, 1946, с. 23). Иногда партизаны пели:

Шумадија наша дика —
Пуна болшевика!

Шумадия — наша слава,
Полна большевиков!

⁵ «Антифашистичке песме». Посебно издање. «Борбе» Свеска 1 [Ужице, 1941].
В 1966 г. в Титово Ужице вышло в свет фототипическое издание с послесловием Д. Не-
дельковича.

песен той первой боевой осени. Среди них ставшая популярной в разных местах Югославии «Партизан сам — тим се дичим» («Я партизан, и этим горжусь...»). Особенностью сборника является то, что в него включены и югославские довоенные революционные песни, сыгравшие большую роль в рабочем движении страны — «Билечанка», «Поднимайся, рабочий народ», «Пробуждайся, Восток и Запад...», «Гимн труду», «Знамя свободы» и другие, а также знаменитая «Хей, славяне», которая исполнялась в Югославии в годы войны в торжественных случаях как второй гимн партизан (после «Интернационала»). Особый раздел песенника составили русские советские песни: «По долинам и по взгорьям...», «От Москвы до самых до окраин...», «Если завтра война», «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», «Марш советских парашютистов» («Над родною страной...»), «Конармейская» («По военной дороге...») — все на русском языке, но в сербскохорватской транскрипции, а в переводе на сербскохорватский язык — траурный марш «Вы жертвою пали» и песня из фильма «Путевка в жизнь». В сборник вошли также хорватская песня (о вожде крестьянского восстания 1473 г. Матие Губце), болгарская «Работницы, рабочие». Сборник «Антифашистские песни» имел огромное значение в пропагандистской работе среди партизан, он определил основные идейные истоки партизанской песенности — революционную рабочую поэзию, свободолюбивые традиции национального фольклора, интернационализм. Современник свидетельствует: «Эту малую красную книжечку можно было встретить позднее в течение всей борьбы во многих сражениях в повстанческих краях, а ее песни — в программах всех партизанских культурных групп»⁶.

Эти и другие песни исполнялись на улицах Ужице 7 ноября 1941 г. — во время первой свободной демонстрации в поработенной гитлеровцами Европе. Фотографии запечатлели эту единственную в своем роде демонстрацию; очевидцы рассказывали мне, с каким воодушевлением пели партизаны и жители города, и песни эти были слышны далеко в окрестностях. Годовщина Октябрьской революции была отмечена и в других местах Ужичкой республики, пели «Интернационал», русскую «Широка страна моя родная», сербские «Падай, сила и неволя», «По всему миру» и другие песни, а также возникшие в те дни сатирические куплеты «Врабац» («Воробей») ⁷. Поныне ужичане любят рассказывать об этом и петь песни той боевой осени, особенно гордятся они тем, что именно тогда завязалась боевая дружба югославских партизан и советских воинов (в газете «Борба» от 22 ноября 1941 г. было опубликовано «Приветствие русских партизан» югославским братьям по оружию). Не случайно Титово Ужице был избран местом упоминавшегося VIII конгресса фольклористов Югославии. Неудивительно, что здесь так хорошо помнят партизанские песни. Их можно услышать не только на традиционных встречах ветеранов войны. В праздничный день я зашел в «кафану», что находится недалеко от базара, и мне не нужно было упрашивать собравшихся здесь из окрестных сел крестьян спеть партизанские песни. Они сами их пели и, увлекшись, стали вспоминать и импровизировать местные («златиборские») песенки-двустушия ⁸.

Одновременно с восстанием в Сербии ширилось восстание в Черногории, с поразительной быстротой охватившее весь этот свободолюбивый край. С 13 по 23 июля 1941 г. было освобождено полностью шесть районов, а остальные частично, заняты многие районные центры. Осво-

⁶ Н. Живковић. Ужичка република прославља Октобарску револуцију. Титово Ужице, 1967, с. 49.

⁷ Там же, с. 67—69.

⁸ См. также в кн. «Рад VIII конгреса Савеза фолклориста Југославије». Београд, 1961 (Статьи: Л. Жунџ. Песме ужичког партизанског одреда; Д. Антонијевић. Народне песме позива на Устанах, и др.).

божденная территория составила три четверти Черногории⁹. Освободительная борьба черногорцев под руководством коммунистов — одна из самых героических страниц в истории второй мировой войны.

Черногорцы издавна славятся свободолюбием и героическими песнями. Я. Лопичич и С. Орович в своих мемуарах неоднократно вспоминают и цитируют песни, сопровождавшие черногорских партизан¹⁰.

Городок Колашин с его двумя тысячами жителей расположен в долине Тары и со всех сторон окружен густыми лесами и отрогами гор Беласице и Синявины, которые возвышаются более чем на 2000 м над уровнем моря. Во время войны он свыше 20 раз переходил из рук в руки и был до основания разрушен. Здесь в 1943 г. состоялось собрание Антифашистского веча — высшего органа новой власти, проходили конгрессы народной молодежи и Антифашистского фронта женщин. Сейчас город заново отстроен, и на центральной площади воздвигнут величественный монумент борцам. Ветераны войны с гордостью рассказывали мне, что именно в Колашине, когда собирались массы партизан, особенно громко звучали антифашистские песни. Одна из них впервые прозвучала здесь 21 июля 1941 г., на следующий день после освобождения Колашина (привожу вариант, который можно услышать теперь):

На Москву је Хитлер крено
Ал' је тамо нашо гроб;
И ни један народ више
Неће њему бити роб.
Малена је Црна гора
Ал' се храбро дигла сва —
Са свог крша непобјебног
Гони окупатора.
Црногорци партизани,
Смјело сви у окршај!
Ропству, глади, сиромаштву
Ево најзад стиже крај¹¹.

На Москву двинулся Гитлер,
Но там нашел могилу;
И больше ни один народ
Не будет ему рабом.
Невелика Черногория
Но вся храбро поднялась —
Со своих непобедимых скал
Гонит оккупантов.
Черногорские партизаны,
Смело все в схватку!
Рабству, голоду, бедности
Уже приходит конец.

Едва ли не самой популярной была бодрая песня черногорских партизан, звучавшая и на других дорогах освободительной войны, которую я слышал неоднократно:

Листај, горо, цвјетај, цвјеће,
Црна Гора у бој креће.

Зеленей, лес, расцветайте, цветы,—
Черногория идет в бой.

Черногорские партизаны-коммунисты часто называли себя большевиками, что отразилось в песне, сложенной в районе Дурмитора — самой высокой горы в Черногории, не раз спасавшей партизан в трудные дни:

У логору болшевика
Кажу да је моја дика...

В большевистском лагере,
Говорят, моя милая...

⁹ Б. Јовановић. Црна Гора у НОР и социјалистичкој револуцији. Београд, 1961, с. 258. См. также: «Народноослободилачка борба у Црној Гори. 1941—1945». Хронологија догађаја. Титоград, 1963.

¹⁰ Ј. Лопичић. Записки из рата. Београд, 1964; С. Оровић. Ратни дневник. 1941—1945. Београд, 1972.

¹¹ В упоминавшемся сборнике «Антифашистичке песме» песня состоит из шести куплетов, а второй куплет ее звучит так:

СССР је сад у рату,
Побједе му брз је ход,
Он фашизма крвавога
Ослабађа људски род.

СССР сейчас на войне
Победа скоро придет,
От кровавого фашизма
Он освободит род людской.

Позднее в Черногории были сложены стихи и песни о победе Советской Армии под Москвой. См. С. Оровић. Указ. раб., с. 116, 117.

Песня сложена в традиционном стиле, как диалог между девушкой, давно не имеющей вестей от своего милого — партизана, и «белой вилой» (феей), которая рассказывает, что она видела на Дурмиторе партизан и среди них того, о ком спрашивает девушка. Основную часть песни составляет рассказ вилы о «большевиках-партизанах», которые дружно живут, воюют и в свободное время учатся:

Слушала сам час читања,
Лениновог васпитања.

Слушала я урок чтения —
Ленинское воспитание.

Излюбленным героем черногорских партизанских песен был Сава Ковачевич, погибший 4 июля 1943 г. при отступлении с Дурмитора через Сутеску в Боснию и уже при жизни ставший легендарной личностью, о нем складывали легенды и песни. Их можно услышать и сейчас, особенно песни о смерти Ковачевича.

При встречах с ветеранами войны часто можно услышать особенно бережно хранимые ими песни о тех отрядах, батальонах и бригадах, в составе которых они воевали. В этих песнях обычно отражен весь путь боевой славы черногорских партизан, сражавшихся в Сербии, Боснии и Герцеговине, в Хорватии. Общаясь с братьями по оружию, черногорцы усваивали, а затем и приносили в свой край песни, сложенные в других частях Югославии. От ветеранов войны эти песни переходили к младшему поколению. Характерен в этом отношении песенный репертуар Бранислава Ивановича — учителя истории в Титограде, напевшего мне на магнитофонную пленку многие общенародные революционные песни и песни партизан Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины. Небезынтересно отметить, что хотя Б. Иванович — из династии черногорских гусяров, в его песенном репертуаре нет ни одной эпической песни.

Отец Б. Ивановича — Новак Иванович, участник войны с первого дня восстания в Черногории, командир первой партизанской четы в батальоне, носившем имя воеводы и писателя XIX в. Марко Милянова, был известным народным певцом-гусяром довоенных лет (его упоминает в своей книге «Дорогой сербскохорватской эпике» М. Мурко) и воодушевлял на подвиги своих земляков-однополчан эпическими героическими песнями. И хотя память о партизанском командире-гусяре его земляки чтят, но песни, которые он пел, никто, даже его сын, не смог воспроизвести.

Среди партизан-черногорцев было немало гусяров, которые импровизировали в годы войны песни-хроники, отразившие с поразительной конкретностью и достоверностью ход военных событий, отдельные сражения и подвиги участников борьбы с оккупантами. Гусяры выступали перед партизанами и перед населением на освобожденной территории Черногории. После войны эти песни передавались лишь немногим гусярам младшего поколения. С одним из таких гусяров, 37-летним Миловое Петровичем, я познакомился в с. Медуне — в месте, прославленном подвигами воеводы Марко Милянова и его земляков и подвигами черногорских партизан. М. Петрович, хранитель дома-музея Марко Милянова, наряду с песнями о Косовской битве и песнями XVIII—XIX вв. о борьбе черногорцев с турками исполняет и песни о событиях народно-освободительной борьбы. В его репертуаре интересна песня-хроника, перечисляющая все наиболее значительные победы черногорского народа¹².

¹² О М. Петровиче и других югославских гусярах см. в статье: В. Е. Гусев. У гусяров Боснии и Черногории. — «Сов. этнография», 1973, № 5. Записи песен хранятся в Фольклорном кабинете Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Ср. песню «Черногорским партизанам», сложенную в январе 1942 г. народным гусяром Филиппом Булаичем (см. С. Оровић. Указ. раб., с. 143); там же см. эпическую песню того же гусяра (с. 230) и его фотографию (снимок 52).

Пожалуй, самым уникальным жанром песенного творчества военных лет, встречающимся преимущественно в Черногории, является «тужбалица» (причитание). Созданные на основе традиционных народных причитаний, песни-«тужбалицы» с потрясающей силой выражали боль по погибшим героям, прославляли их подвиги, звали к отпущению. «Тужбалицы» создавались главным образом женщинами-партизанками, а также родственницами погибших партизан. В отрядах были плакальщицы, провожавшие «тужбалицами» в последний путь погибших героев; они исполнялись от имени боевых товарищей героя, его матери или сестры. И теперь в годовщины смерти партизан над их могилами можно услышать горестные импровизации, восходящие к «тужбалицам» военных лет...

Однажды осенью 1972 г. вместе с ветераном революционного движения, академиком Нико Мартиновичем, я ехал из Цетине, древней столицы Черногории, в Титоград — ее нынешнюю столицу. По сторонам петлявшей с горы на гору дороги громоздились белые, поросшие кустарником скалы, далеко внизу медленно текла затянута зелеными водорослями Риека Црноевича. В рассказах Н. Мартиновича оживало недавнее героическое прошлое. Каждая затерянная в горах белокаменная деревенька, каждая тропинка, каждый разрушенный бункер напоминали о войне, и Мартинович не удержался, чтобы не напеть вполголоса несколько боевых партизанских песен. Затем он познакомил меня с местными ветеранами войны, и они хором пели песни, которые обычно звучат на всех их дружеских застольных встречах¹³.

2

В истории освободительной борьбы народов Югославии особое место принадлежит Боснии и Герцеговине. Этот высокогорный, поросший непроходимыми лесами и изрезанный бурными реками край был плацдармом наиболее длительных и ожесточенных сражений, здесь в самые трудные периоды борьбы находили убежище партизаны соседних Сербии и Черногории, через эту территорию не раз совершала легендарные марши освободительная армия во главе с Верховным штабом и главнокомандующим И. Броз Тито. Здесь в 1942 г. в Бихаче и в 1943 г. в Яйце состоялись исторические заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЈ), заложившие основы нового государственного устройства страны. Романия и Козара стали символом стойкости партизан, переправы через Неретву и Сутеску были самыми драматическими и вместе с тем переломными моментами в борьбе, решившими ее исход.

Романия — поросший еловыми лесами горный массив, примерно в 12 км по прямой на восток от Сараево, протянувшийся с севера на юг на несколько десятков километров. Вместе с другим параллельно расположенным массивом, Гласинцем, Романия служит естественным восточным рубежом Боснии, господствуя над основными путями сообще-

¹³ О черногорских партизанских песнях см.: сб. «Из борбе за слободу». Цетинье, 1949; Нико С. Мартиновић. Седми новембар 1941 г. у Црној Гори. — «Стварање», 1947, № 10, с. 603—618, *его же*. Место тужбалице у фолклору народне револуције и Ослободилачког рата. — «Зборник радова САН», XVII, Етнографски институт, књ. 3. Београд, 1960, с. 463—475; *его же*. Народно стваралаштво у устанку Црне Горе. — «Рад VIII конгреса Савеза фолклориста Југославије», Београд, 1961, с. 207—220; В. Дражковић. О савременој народној поезији у области Никшић — Жабљак — Плевља. — «Зборник радова САН», XIV, Етнографски институт, књ. 2. Београд, 1951, с. 279—300; «Партизанске народне тужбалице». Антологија. Скупио и приредио В. Цаковић [Крушевац], 1964. Характерную партизанскую тужбалицу — «жалопойку» патриотического и политического содержания приводит в своем дневнике С. Орович (см. Указ. раб., с. 180—182). После смерти Н. Мартиновича в его личном архиве осталось много записей песен народно-освободительной борьбы. Хочется надеяться, что хотя бы часть их увидит свет.

ния с Сараевом. В прошлом она являлась неприступным гнездом вольнолюбивых хайдуков, в годы войны стала центром восстания в Восточной Боснии. Здесь с 20 августа 1941 г. находился Сараевский областной штаб, позже — Главный штаб партизанских отрядов Боснии и Герцеговины. 30 августа сформирован знаменитый Романийский отряд — 2,5 тыс. бойцов, а к концу 1941 г. здесь действовало шесть отрядов общей численностью 6 тыс. человек¹⁴.

На Романию я ездил в обществе двух ветеранов войны — майора в отставке Т. Джукича и капитана в отставке Дж. Вучевича. Мокро — село, давшее немало героев. Местный крестьянин Божо Югович был заместителем командира романийского отряда, а с весны 1942 г. его командиром. Мы приехали в Мокро по пустынной грунтовой дороге, связывающей Сараево с Сокоцем на Гласинце. Первое, что мне бросилось в глаза на улице села, это скромный обелиск с мемориальной доской: «9 августа 1941 г. в этом месте выстрелила первая повстанческая винтовка романийских партизан во время нападения на жандармерию».

Отсюда совсем близко до отвесных, как крепостные стены, скал Романии. Они, кстати, так и называются «стенами» («Новакова стена» — в честь легендарного хайдука Новака, «Орлова стена» и т. п.). Ближайшая скала, куда мы взобрались крутой дорогой, носит гордое название «Красные стены». Во время войны эта скала, откуда контролировалась вся дорога, справедливо считалась «каменными воротами» восточной Боснии. На ней сейчас установлена высокая мачта с металлическим красным листом в форме знамени — в память того алого стяга, о котором партизаны осенью 1941 г. сложили песню, вскоре в различных вариантах распространившуюся по всей восставшей Югославии:

Црвени се барјак вије,
Он је дошао из Русије.
На барјаку златно слово,
То је име Љениново.

Красный флаг развевается,
Он пришел из России.
На флаге — золотое слово,
То — ленинское имя.

Мне рассказали, как возникла песня. Когда партизаны закрепились на скале, один молодой боец сорвал с себя шарф, повязал его на шест и, размахивая им, полез на самый верх. Вражеская пуля скосила смельчака, и кровь обагрила шарф. Товарищи подхватили шест и установили на скале. Потом нашлось и настоящее красное знамя, которое, как передавали из уст в уста, доставили из осажденной Москвы. Возможно, это легенда, но в ней глубокий символический смысл. Песня жива до сих пор. Крестьянские парни из с. Мокрое, когда мы снова спустились туда, спели мне такой вариант песни, повторяя и растягивая, по местной традиции, слова:

На пла — планини Рома — Романији
Црвен' црвени се барјак ви — је,
Дош'о-дошао намје из Ру — Русије...

На горе Романии
Красный флаг развевается,
Он пришел к нам из России.

Песни о восстании на Романии — это и хроника событий, и гимн героям. Особенно много пели и поют о бесстрашном и любимом командире Романийского отряда — сараевском инженерере, родом из Хорватии, Славише Вейнере, прозванном партизанами Чичей (Чича — буквально «дядя»; уважительное обращение в народе). Первая песня, которую спели мне местные парни (запевал Янко Гаврилович), была о нем:

Романијо, Романијо, високога виса
Гдјено Чича војника пописа...

Романия, высокая вершина,
Где Чича заносит в списки бойцов...

¹⁴ Р. Чолаковић. Записки из Ослободилачког рата, књ. 2, Београд, 1948, с. 213.

Погиб Вейнер 21 января 1942 г., обороняясь на железнодорожной станции Пеновци. И песня тут же отозвалась на эту смерть:

С Романије вила кличе:
«Нема више друга Чиче.
Убише га издајнице
У Пјеновци код станице»¹⁵.

С Романи вила кричит:
«Нет больше товарища Чича,
Убили его предатели
Возле станции Пеновци».

В Мокром мне спели другой дошедший до наших дней плач:

Романију мори туга —
Ни стало је Чиче друга,
Ни стало је друга Чиче,
Пролетере с ним се диче.

Романију гнетет печаль —
Не стало товарища Чича,
Не стало товарища Чича,
Рабочие им гордятся.

До сих пор поют на Романии о Перо Косориче. Он был заместителем командира Калиновичского отряда (с опорной базой на Яхорине — горах, расположенных южнее Романии), с января 1942 г. стал членом Оперативного штаба Боснии и Герцеговины (в Горажде), а весной 1942 г., в самую трудную пору, после наступления фашистов в Восточной Боснии, пришел на Романию и снова активизировал здесь партизанскую борьбу; впоследствии он участвовал в освобождении Сараева. В Мокром мне спели:

Романију шарац коси,
Косарић га Перо носи.
Удри, Перо, удри боље —
Романија сва изгоре.

Романију пулемет косит,
Касарић Перо его (на себе) носит.
Ударь, Перо, ударь лучше —
Романия вся выгорит.

Вспоминают здесь и «Илью» — Павла Горанина, командира Романийского отряда, и «Селё» («Селянина») — Слободана Принципа (племянника знаменитого Гаврила Принципа, произведшего в 1914 г. известный «выстрел в Сараево») и других героев.

Песни о Романии — это не только хроники, но и своеобразные закликания, обращения к горе-защитнице, к непроходимой еловой чаще; их помнят и сейчас:

Романијске вите јеле,
Чувајте нам пролетере.
И од снега, и од кише,
Од фашиста понајвише!¹⁶

Романийские стройные ели,
Храните нам пролетариев
И от снега, и от дождя,
Больше всего — от фашистов.

Партизанские песни, сохранившиеся на Романии, по форме и напеву, по манере исполнения трех типов: одни — песни-хроники, в которых обстоятельно описываются все события, все перипетии сражения; они исполняются солистом в сопровождении «гусле»; другие — «дугачки», т. е. протяжные двуступишия, с большим распевом не только стихов, но и отдельных слов, исполняемые хором, но с запевадой; наконец, так называемые «сјецкалице» — более быстрые по темпу, живые по мелодии, веселые, озорные или боевые, публицистические по содержанию, исполняемые как в одиночку, так и хором. В с. Сумбуловац, под Романией, удалось записать на магнитофонную пленку и те, и другие, и третьи. От местного 40-летнего гусляра Миловое Лопатича я услышал большую эпическую песню о восстании на Романии, отличающуюся от уже опубли-

¹⁵ Р. Чолаковић. Указ. раб., т. II, изд. 2. Београд, 1956, с. 605.

¹⁶ Пролетарии здесь — бойцы Первой ударной пролетарской бригады, сформированной в Боснии (в горняцком поселке Рудо).

кованных вариантов¹⁷. От него же и от двух молодых крестьян из с. Си няво — братьев Вуковичей — я записал целый «веночек» партизанских двустий, в которых отразились не только боевые действия против германских фашистов, но и классовая борьба с националистическими предателями-устамими:

Сви јунаци млади партизани
Да свој народ од фашиста бране.

То усташе примише за шаљу,
Ал' их много оста у каналу.

Од Соколца па до Требевића
Оста много усташких младића.

Око цесте с обадвије стране
Мртве леже фашистичке банде.

Все герои — молодые партизаны
От фашистов обороняют свой народ.

Это усташе принимали не всерьез
Но их много осталось в канале.

От Соколца и до Требевица
Осталось много усташских юнцов.

Близ дороги, по обеим ее сторонам
Лежат мертвые фашистские банды.

Такая поразительная сохранность партизанских двустий среди поколения, в сущности не принимавшего участия в войне, свидетельствует о стойкости боевых традиций в народном сознании, о восприятии классовых критериев в оценке событий военных лет.

Случилось так, что на Козару — горный массив в западной Боснии — я поднялся в дождливый день. Буковые леса грозно шумели, сильный ветер срывал на землю красные листья. Мокрые от дождя, они казались пятнами крови. Мой случайный спутник — местный пожилой крестьянин из-под Козарца, сражавшийся в этих местах, горько улынувшись, вспомнил песню:

Ој, Козаро, не треба ти кише
Партизани крвљу напоише...

Ой, Козара, не нужно тебе дождя
Тебя партизаны напоили кровью...

Козара прославилась в июне 1942 г., когда три тысячи партизан, окруженные со всех сторон 40-тысячной армией неприятеля, не только выдержали осаду, но и сумели прорваться из вражеского кольца и вывести из окружения десятки тысяч беженцев — стариков, женщин и детей. Это стало возможным благодаря самоотверженной помощи партизанам всех местных жителей.

Одна из самых популярных песен, сложенных здесь, хорошо передает чувства самих козарчан:

Ми смо браћа испод Козарице
Где не рађа мајка издајце.
Нас два брата, оба ратујемо
Не плач', мајко, ако погинемо!

Мы — братья из-под Козары,
Где матери не рожают предателей.
Нас два брата, оба мы воюем,
Не плачь, мама, если погибнем.

Позже, когда Козару оставили основные силы партизан, борьба на ней не прекратилась, мужчин заменили женщины, и характерно, что это сейчас же отразилось в новом варианте песни:

Ми смо секе испод Козарице...

Мы — сестренки из-под Козары...

Козарчане были настроены очень революционно, решительно боролись против королевского правительства в эмиграции. Местный крестьянин Драго Вуянович — делегат Антифашистского веча Боснии и Гер-

¹⁷ О М. Лопатиче см. указ. выше мою статью («Сов. этнография», 1973, № 5). Подобные песни-хроники создавались боснийскими гуслеями в годы войны. Р. Чолакович в своих записках вспоминает партизана-гуслея Павла Вуковича, крестьянина с Романи, который сам сочинял песни. Он пишет: «Борцы любили его слушать, так как Вукович хорошо играл и пел о поражении старой Югославии, о Гитлере и Павеличе, об усташском терроре и страданиях народа, о Коммунистической партии и начале восстания, о борцах Романи...» (Р. Чолаковић. Указ. раб., т. II. Београд, 1956, с. 48).

цеговины — выступил в 1943 г. на заседании в поддержку нового строя и свою речь закончил песней, произведшей сильное впечатление:

Од Козара па до Баља
Цио народ неће краља¹⁸.

От Козары и до Баля
Весь народ не хочет короля.

Позже можно было услышать перефразировку песни:

Ми нећемо ни цара, ни краља,
Ми хоћемо нашег Маршала!

Мы не хотим ни царя, ни короля,
Мы хотим нашего маршала (Тито.— В. Г.)

Среди героев, которые воспеваются в песнях козарских партизан, особенно часто встречаются имена Шоши — командира Козарского отряда Иосипа Мажара и Перы — командира батальона Петра Мечавы, погибших 20 октября 1944 г. при освобождении Травника (родины Иво Андрича, автора «Травницкой хроники»). Народ посвятил им песню:

Плачу горе, плачу вите желе
Нема Шоше, ни Мећаве Пере.

Плачут горы и высокие ели,
Не стало Шоши и Мечавы Перы.

Другая песня, заключительные строки из которой в ином варианте я привел выше, поется так:

Кад је Шоша на Козару дош'о
Сав народ с њим у борбу пош'о.
Сад нам Шоша у гробници лежи,
Сва Козара за осветом тежи.
Друже Шоша — повенуло цв'јеће
Козара те заборавит' неће.
Ој, Козаро, не треба ти кише.
Хероји те крвљу натопише.

Когда Шоша пришел на Козару,
Весь народ пошел с ним на борьбу.
Теперь Шоша лежит в могиле.
Вся Козара рвется к отмщению.
Товарищ Шоша — увядший цветок
Тебя Козара не забудет.
Ой, Козара, не нужно тебе дождя
Герои тебя пропитали кровью.

Однако среди козарских песен преобладают веселые, боевые двустийшия, которые импровизируются во время хоровой пляски, известной под названием «Козарачко коло». Этот массовый танец отличается динамичностью и простотой хореографического рисунка. От козарских партизан он широко распространился среди бойцов освободительной армии, вышел далеко за пределы Боснии и Герцеговины и поныне пользуется широкой популярностью.

Среди двустийший, исполнявшихся в «Козарачком коло», до сих пор сохранились сатирические, с издевкой над Гитлером и над предателями, особенно над Павеличем:

Синоћ ми се отелила крава,
На телету — Павелића глава.

Вчера вечером отелилась корова —
У теленка — голова Павелича.

Павелићу, ујела те змија,
Шта се твоја застава не вије?

Павелич, чтоб тебя ужалила змея,
Что ж не развевается твой флаг?

Отважные, всегда готовые сражаться, а в редкие часы отдыха — петь и плясать, козарчане имели основание заявить о себе в песне:

Познају се борци козарчани
По пјевању и по јуришању.

Узнают борцов-козарчан
По их пению и по их атакам.

Однако были такие периоды в ходе борьбы, когда смолкала песня (при отступлении с боями и переправе через Неретву в середине марта 1943 г. и при прорыве из окружения на Дурмиторе и переправе через Сулеску в начале июня 1943 г.). Но как только миновал критический момент, об этих походах и боях, о погибших товарищах складывались

¹⁸ Газ. «Ослобођење», декабрь 1943, № 4.

новые песни (например, «Сву Сутјеску тама крије...» — «Всю Сутеску покрывает тьма...»).

Теперь в этих местах многое переменялось. На быстрой Неретве, не-подалеку от места прорыва, построена гидроцентральный, а там, где каньон Сутески расширяется, в районе Тьентиште, на склонах Зелен-горы воз-двигнут белобетонный символический памятник героям прорыва. Еже-годно в широкой долине Сутески собираются тысячи участников боев, и тогда окрестные горы оглашаются песнями. Мне привелось здесь быть не в юбилейный год, а в один из ничем не примечательных осенних дней. Но даже и тогда я был свидетелем встречи ветеранов с молодежью — строителями мемориального комплекса, которая завершилась совмест-ным пением песен борьбы.

В Боснии и Герцеговине до сих пор сохраняются и часто исполня-ются героические песни о разных событиях народно-освободительной борьбы. Характерным отражением репертуара певцов послевоенных лет является хранящийся в архиве Земальского музея в Сараево неиздан-ный рукописный сборник партизанских песен, составленный В. Палаве-строй, Л. Симич и Дж. Чустович¹⁹. Характерно, что большая часть тек-стов — гусларские песни-хроники, созданные на территории Боснии и Герцеговины, а также песни, исполняющиеся в молодежных рабочих бригадах на различных стройках. Гусларские песни насчитывают по 120 и более стихов. Это подлинная хроника всей войны, с обзором меж-дународных событий тех лет и военных действий на территории всей Югославии, а также песни о разных сражениях, с детальным описанием позиций и действий отдельных партизанских отрядов и частей: «Почуј, добро, мој соколе сиви» (о прорыве через Неретву), «Чујте, браћо, на све четри стране» (о битве на Санском мосту в декабре 1942 г.), «У хи-љаду деветој стотини» (о сражении под Врбицей 30 декабря 1943 г.), «Чуј народе наше домовине» (о бое за Баню Луку 31 декабря 1943 г.), «Браћо мила, напустите шал» (о битве на Босанском Граховце и в с. Угарци 12 февраля 1944 г.), «У Сутјесци, у гранама» (о героях, по-гибших при прорыве Сутески 6 июля 1943 г.) и др. Ряд песен посвящен героям — Чиче Романийскому, Гнато Милорадовичу (подвиг в районе Билеча при столкновении партизан с итальянскими фашистами), Раде Кондичу, погибшему на Козаре, и другим, в том числе и безымянным героям. В сборнике есть также несколько прекрасных агитационных и лирических песен, призывающих к борьбе («Партизани, журно хајте», «Другарице, ајмо на планину»), воспевающих подвиги партизан («Ој горо, горо разлистана», «Вјетар шири, јаблани се вију»), о девушках-партизанках («Рујна зора заблистала», «Под планином тамо на лива-ди», «Немаш, мајко, нег' мене једину»). Многие из этих песен не опу-бликованы или являются оригинальными вариантами песен, встречаю-щихся в других сборниках. Рукописное собрание Земальского музея содержит также сотни и других текстов и, несомненно, представляет огромный интерес для исследователя²⁰.

¹⁹ «Narodne pjesme in NOB». Rukopisna zbirka. Odsjek za folklor. Inventarni broj Ms 115. Записи фольклористики Л. Симич, студента Л. Зандрича, а также аноним-ных собирателей. Послесловие В. Палавестры.

²⁰ См. также сборники, изданные в Боснии и Герцеговине: «Slavne godine...». Izbor i redakcija S. Nazečić. Sarajevo, 1949; «Крајишке народне pjesme из Народно-ослободи-лачке борбе и социјалистичке изградње». Бања Лука, 1949; «Велики дани. Народне pjesme». Избор и редакција Бранко В. Радичевић. Сарајево, 1950; В. Милошевић. Бо-санске народне pjesme. књ. I. Бања Лука, 1954, №№ 38—52; «Крајишке Борбене pjesme», књ. I. Бања Лука, 1959 (Друго издање — 1961), књ. II. Бања Лука, 1961; «Народ-не pjesme из борбе и изградње». Избор и редакција Мак Диздар. Сарајево, 1952 (изд. 3 — Сарајево, 1958); «Savremene narodne pjesme». Izbor i redakciju izvršio Sait Orahovac. Sarajevo, 1955; Sait Orahovac. Narodne pjesme bunta i otpora. Sarajevo, 1971.

В Хорватии освободительная борьба протекала в специфических условиях: стремясь разобщить народы Югославии, Гитлер объявил Хорватию «независимым» государством. Несмотря на предательство националистов-ушастей во главе с Павеличем, разжигавших шовинистические настроения среди хорватского народа и проводивших политику геноцида по отношению к сербскому населению, трудящиеся массы — хорваты и сербы, верные интернационалистическим идеям Коммунистической партии Югославии, выступили единым фронтом против оккупантов и националистов. Восстание, начавшееся в районах с поработленным сербским населением (Лика, Кордун, Бания), было поддержано хорватскими партизанами в Горском Которе, в Далмации и в Хорватском приморье, а к осени 1942 г. Хорватия была охвачена всенародным восстанием. К единству и братству народов звала партизанская песня:

Сви Срби и Хрвати, сви братски народи
Здружимо се у савезној Југославији!

Все сербы и хорваты, все братские народы,
Объединимся в союзной Югославии!

Патриотические чувства партизан сочетались с любовью к Советскому Союзу, с которым связывались идеалы социалистической революции. В архиве Загребского института народного искусства я нашел партизанскую песню, в которой есть такие стихи:

Ој, Русијо, наша мила мати,
Тебе воле Срби и Хрвати ²¹.

Ой, Россия, наша милая мать,
Тебя любят сербы и хорваты.

Первый выстрел прозвучал 23 июля 1941 г. на Кордуне (северо-восточная часть Хорватии), на Дебелой косе, а через несколько дней, 27 июля, в Лике (между хребтом Велебит и Крайной), в с. Срб начал боевые действия отряд «Огнен Прица». В первые же дни борьбы возникла песня — призыв к восстанию, которую можно услышать от ветеранов войны и теперь («Ој народе Лике и Кордуна»).

В этой песне говорилось об общности целей борьбы братских народов:

Донијесемо срећу и слободу
Хрватскому и српскому народу.

Принесем счастье и свободу
Хорватскому и сербскому народу.

В другой лирической песне по-своему выражалось чувство братской любви:

Партизана волим као брата
Како Срба, тако и Хрвата.

Партизана люблю, как брата —
Будь то серб или хорват.

Так партизанские песни, выражавшие интернационалистическую идеологию трудящихся, противостояли фашистской пропаганде.

Шесть партизанских отрядов, насчитывающих свыше двух тысяч бойцов, в декабре 1941 г. освободили большую часть восточной Хорватии. Среди повстанцев широко распространялись революционные сербские, русские, испанские, итальянские песни, а на популярные мелодии стали создаваться новые песни. Так, наиболее популярную песню о Петровой горе «Петрова гора мне мать...», созданную партизаном-врачом В. Златичем, пели на мелодию из советского кинофильма «Путевка в жизнь» ²². Популярности этой песни способствовало и то, что Петрова

²¹ Institut za narodnu umjetnost. Arhiv. M. Špiler. Partizanske iz Like (Narodne pjesme iz NOB). Signatura D. 112, str. 35, № 188. В архиве хранится много песен, записанных сотрудниками института. К печати подготовлена книга старейшего хорватского фольклориста-музыковеда В. Жганца.

²² «Народне pjesme Кордуна». Скупно и уредио С. Опачић — Баница. Загреб, 1971, с. 40, 41.

гора, надежное укрытие партизан, воспевалась и в старых «граничарских» песнях. С Петровой горой связана и волнующая песня о раненом партизане, призывающем в свой смертный час к мести («У Петровой горы боевой огонь горит»).

Условия борьбы в восточной Хорватии осложнились весной 1942 г., когда началось наступление усташей и весь край оказался в окружении. Тогда была создана одна из самых трагических и прекрасных песен, которая живет до сих пор и исполняется в дни горестных годовщин:

Но Кордуну гроб до гроба
Тражи мајка сина свога.
Нашла га је на гроб клекла
И овако сину рекла:
«О мој сине, рано моја,
Ту ми лежи младост твоја,
Ој мој сине, туго моја,
Је л' ти тешка земља ова?»
«Тежа ми је суза твоја
Него црна земља моја.
Кажу, мајко, нашем роду,
Да сам пао за слободу.
У борби сам, мајко, пао
За слободу живот дао.
За то 'ајде кажу роду —
Да се бори за слободу»²³.

На Кордуне — могила к могиле,
Ищет мать своего сына.
Нашла его, на холмик упала
И так сыну сказала:
«О мой сын, рана моя,
Здесь лежит юность твоя,
Ой, мой сын, тоска моя,
Тяжела ли тебе эта земля?»
«Тяжелей мне твоя слеза,
Чем черная моя земля.
Скажи, мать, нашему роду,
Что я пал за свободу
В борьбе, мама, пал,
За свободу жизнь отдал.
Пойди же, скажи роду —
Пусть борется за свободу».

Сила обобщения и мужественный тон этой песни, ее грозно-печальная мелодия способствовали тому, что ее поют не только в Хорватии, но и по всей Югославии (при этом часто в первом стихе Кордун заменяется на местное название).

Несмотря на тяжелые потери, особенно в 1943 г., партизаны продолжали борьбу, возникали все новые и новые ее очаги, и сохранению боевого духа немало способствовала пропагандистская деятельность коммунистов, составной частью которой была революционная, боевая песня. Так, в городке Оточац, который дольше всех городов Югославии находился в руках партизан, в 1943 г. Агитпроп Хорватии подготовил и издал сборник «Наше пјесме», куда вошли переработанные традиционные вольнолюбивые песни, песни, созданные партизанами, а также написанные Б. Чопичем и другими поэтами. Этому сборнику предшествовал другой, изданный тоже ЦК КП Хорватии в 1942 г. («Пјесме борбе», 1942).

Мне не раз приводилось пересекать Хорватию с севера на юг разными дорогами — через белокаменный кряж Велебита, эту природную крепость партизан, через лесной массив Горского Котора, где местные рудокопы подняли восстание в августе 1941 г. и где в буковых лесах скрывался ЦК Компартии Хорватии и Главный штаб. Бывал я и в районе Плитвицких озер, куда в 1942 г. переместилось руководство восстания и где в июне 1943 г. проходило первое заседание Хорватского антифашистского веча. И повсюду я слышал от моих спутников партизанские песни или в моей памяти оживали стихи, опубликованные в одном из лучших песенных сборников, который составлен участницей освободительной борьбы ныне известной загребской фольклористкой Майей Бошкович-Стулли²⁴.

²³ «Народне пјесме Кордуна», с. 252. Песня известна в многочисленных вариантах. Ср. трагическую песню о Лике, часто исполнявшуюся в годы войны (С. Оровић. Указ. раб., с. 323).

²⁴ «Petokraka zašto si crvena. Narodne pjesme iz Ustanka». Priredila Maja Bošković-Stulli. Zagreb, 1954.

Особенно сильное впечатление на меня всегда производила Далмация. Многочисленных туристов ныне привлекает сюда Адриатика, ее курорты и пляжи, памятники античности и Ренессанса. Но есть и другая, не менее прекрасная Далмация — край оливковых рощ и пастбищ, виноградарей и рыбаков, искусных мастеров-судостроителей и моряков. Именно эта трудовая Далмация поднялась летом 1942 г. на борьбу. Газета «Борба» в октябре 1942 г. писала: «Народное восстание в Далмации — пример и путеводитель всему хорватскому народу»²⁵. Тогда, на виду у итальянских оккупантов, здесь, недалеко от устья р. Неретвы, возник первый партизанский флот, которым командовал уроженец г. Макарской корнет Велимир Шкорник. Над Подгорицей, первой свободной бухтой на Адриатике, реют беломраморные крылья чайки — символический памятник отважным морякам. Городки Макарску и Подгорицу прикрывает с севера громада хребта Биоково, где действовал партизанский отряд. В с. Тучепи, на склонах Биокова, мне удалось познакомиться с ветераном войны — бывшим председателем местного Народно-освободительного одбора (органа власти на освобожденной территории) Иваном Лукетининой, который рассказал мне о деятельности Биоковского отряда, созданного в июне 1942 г. и начавшего военные действия в августе того же года. Небольшой по численности, он постоянно держал оккупантов в страхе, совершая дерзкие налеты с гор на побережье (кстати, осенью 1972 г. здесь воздвигнут новый бронзовый памятник работы одного из лучших современных скульпторов А. Августинича — фигура партизана в стремительном порыве). Морской отряд тоже базировался не на прибрежную Подгорицу, а на верхнюю, горную, которая теперь совершенно опустела. У въезда в Тучепи, на дороге, соединяющей это село и верхнюю Подгорицу, стоит каменная плита с надписью: «Вам, которые не жалели жизни за свободу и лучшую будущность, вам, чье дело является источником нашей силы и наших побед в строительстве социализма, воздвигнуло этот памятник Тучепи». На мраморной доске высечены имена 74 павших партизан и 15 жертв фашистского террора. И. Лукетиния рассказал мне, что в дни праздников у памятника собираются крестьяне из окрестных сел и жители Макарской и Подгорицы и поминают героев песней. Он сообщил мне много песен, любимых биоковскими партизанами: «Пушко моја, настави борбу» («Винтовка моя, продолжай борьбу»), «На Чилашу пушка пуче» («На Чилаше стреляет винтовка»), «Мислила је Павелича ката» («Думала любовница Павелича»), «Партизане наше свијет већ знаде» («Наших партизан уже знает мир»), «Биоково, Биоково зове нас» («Биоково, Биоково зовет нас»), «Прва наша Далматинска, хеј, бригада ударна» («Первая наша Далматинская ударная бригада») и другие, общегославские.

Село Тучепи с сентября 1943 г. было базой и Макарского батальона, сформированного из жителей города Макарской — одного из самых уютных и тихих на Адриатическом море. В одном из домов на набережной разместился Музей народной революции Биоковского района. Директор музея Любо Лалич рассказал мне об истории революционного движения в Далмации, в частности о деятельности рабочего спортивного клуба «Змай», возникшего в Макарской в 1921 г. Революционные традиции местных рабочих, ремесленников, моряков, рыбаков и определили успех освободительной борьбы в этом районе Адриатики. Характерно, что наряду с международными и общегославскими революционными песнями здесь пели и свои, местные — созданный в 1936 г. «Змаев гимн» («Кроз живота буре љуте...» — «Сквозь жестокие жизненные бури») и созданный в 1938 г. марш «Корачица», который впоследствии был переработан партизанами. В архиве музея хранится неопубликованный

²⁵ «Istorijski arhiv CK KPJ», t. I, knj. 2. Beograd, 1949, s. 113.

рукописный материал — песни и стихотворения местных партизан, написанные на клочках бумаги, на листовках, на обложках ученических тетрадей.

Биоковские партизанские песни сложены на местном архаическом диалекте и представляют интерес не только своим содержанием, но и языком. Характерна песня, рассказывающая о боевых действиях партизан:

Ево има две године дана
Биоково пуно партизана.

Вот уже два года
Как Биоково полно партизанами.

В другой песне саркастически описываются неудачи Павелича и заключения усташей.

Воспевається в песнях и Подгорица, и партизанский флот:

У Подгори, селу напредноме
Од старине мисту поносноме

В Подгоре, селе передовом,
В месте, исстари горделивом

.....
Зачела се наша морнарица —
Нашег бисер — мора чуvariца,
Наших жала и обала
Прадиедових наших идеала.

.....
Возник наш морской флот —
Хранитель нашего жемчужного моря,
Наших отмелей и берегов,
Наших прадедовских идеалов.

В архиве Макарского музея хранятся записанные партизанами революционные песни, а также местная рабочая песня — «Гимн Биоковской механической мастерской оружия» (мастерская работала с августа 1942 г. вплоть до освобождения Приморья). Привожу первый куплет ее и припев:

Високо над морем плавим
Међ' камењем пустим, сурим
Чекића се одјек чује
Заједно са спјевом бурним.
Лупа струже, туче, бије,
Са пјесмом се скупа слије.

Высоко над синим морем
Между голыми, серыми камнями
Слышатся отзвуки молота
Заодно с могучим пением.
Грохот гремит, ударяет, бьет,
Сливается вместе с песней.

Привлекают внимание песни, обращенные к Советскому Союзу («Ој, Русијо, зоро бајна» — «Ой, Россия, волшебная заря»), песни, в которых упоминаются Москва, Ленинград, выражается любовь к большевикам. На обороте листов с хорватскими песнями можно встретить и записи популярных советских песен 1930-х годов (в латинской транскрипции). Когда читаешь эти песни здесь, далеко от родины, дружба между нашими народами перестает быть отвлеченным понятием, она обретает силу непосредственного чувства²⁶.

И так бывало со мною в Югославии много раз — и во время поездок по Словении, где сплетались словенские и русские песни, и во время поездок по македонской земле, пропитанной кровью героев Илинденского восстания, где поныне гордо возвышается холм, поросший дубовой рощей — «Мачкин камень», символизирующий бессмертие защитников Крушевской республики... И в Македонии, и в Словении я с волнением

²⁶ Антологией песен народно-освободительной борьбы, изданной в Хорватии, является книга профессора Загребского университета Т. Чубелича «Ustanak i revolucija u riječi narodnog pjesnika». Izbor, predgovor i komentari Tvrtko Čubelić. Zagreb, 1966. Особого внимания заслуживают песни, созданные советскими людьми, сражавшимися в составе югославских партизанских отрядов. См. сб. «Советские люди в освободительной борьбе югославского народа». М., 1973, с. 72.

слушал столь различные по национальному стилю, но поразительно схожие по духу партизанские песни.

Самое удивительное то, что спустя много лет после войны здесь удастся услышать и записать песни народно-освободительной борьбы, до сих пор неизвестные собирателям и не вошедшие в опубликованные сборники. В архиве Института фольклора в Скопле меня поразила прекрасная песня о песне, записанная в г. Ораховец в 1969 г.:

» «Спой, Славче, песню погромче!»
Братья, петь не могу я:
Мать моя умирает,
Отец мой — в мрачной темнице
«Братья, петь не могу я:
«Спой, Славче, песню погромче —
И мать твоя исцелится,
Отец придет из темницы,
Твой брат живым возвратится»²⁷.

Несколько лет назад я был свидетелем массовой манифестации интернационализма — «Праздника революционной песни», проходившего в рабочем городке Билеча (Герцеговина), где в свое время возникла знаменитая революционная песня «Билечанка». Осенью 1972 г. на празднике, при огромном стечении слушателей, прозвучали массовые антифашистские песни всех народов Югославии в исполнении хоров и оркестров из разных мест страны. Этот праздник можно рассматривать как типичный образец исполнения и функционирования песен народно-освободительной борьбы в условиях современной Югославии, где эти песни становятся одним из средств идеологического воспитания масс. Осенью 1976 г. в Загребе проходил другой Всеюгославский фестиваль революционной и патриотической песни с участием не только народных ансамблей, но и популярных исполнителей эстрадной музыки. В отличие от упоминавшегося праздника песен в Билече, для которого была характерна традиционная манера, своеобразие последнего фестиваля состояло в том, что песни народно-освободительной борьбы, а также массовые песни о социалистической родине и молодежные песни строительных бригад звучали в стилистических обработках, свойственных современной югославской эстрадной музыке. Это — характерная для современной культуры Югославии трансформация песен с целью приблизить их к эстетическим вкусам современной молодежи. Этот и аналогичные факты в культурной жизни Югославии нуждаются в научном анализе специалистов.

Массовые антифашистские и революционные песни народов Югославии были созданы в условиях всенародной борьбы против захватчиков и гражданской войны против сторонников монархо-буржуазного строя и являются прежде всего значительным памятником духовной культуры народных масс той эпохи. Естественно, что югославские фольклористы собирают и исследуют эти песни как определенный и неповторимый исторический феномен. Вместе с тем, думается, научный интерес представ-

---

²⁷ Институт за фолклор (Скопје). Архив. Лента 1281, с. 2. В подлиннике — неоднократные повторы и варианты отдельных стихов, сокращенные в нашем переводе. В Македонии издано много сборников с песнями народно-освободительной борьбы. См. антологию: *К. Пенушлиски*. Црвен се бајрак развева. Скопје, 1965. Показателем интереса современной общественности к этим песням является академическое переиздание первых македонских песенных сборников: *Б. Ристовски*. Македонски народноослободителни песни. Скопје, 1974. В настоящее время сотрудниками Института фольклора в Скопле подготовлена к печати новая антология.

ляет и проблема наследования этих песен, включения их в систему социалистической культуры, исследование процесса отбора песен, их трансформации и функционирования в современных условиях. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть исследованием такого рода — она лишь ставит проблему, причем как советский фольклорист я пытался рассмотреть ее под определенным углом зрения — в аспекте братского боевого сотрудничества и интернациональных связей между советским и югославским народами, в аспекте общих идеалов Великой Октябрьской социалистической революции. Во всей же полноте проблема может быть исследована на многообразном по содержанию и форме материале, а такая задача под силу лишь коллективу специалистов.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1976 ГОДУ

В 1976 г. коллектив Института этнографии АН СССР провел большую исследовательскую и научно-организационную работу. Особое внимание было обращено на исследования, зафиксированные в пятилетнем плане. Как и было намечено, из 33-х тем государственного плана 7 были завершены. В 1976 г. выпущено 36 книг общим объемом 623 п. л. (в том числе 3 книги общим объемом 48 п. л. вне плана) — больше, чем в предшествующие годы.

В отчетном году, озаглавленном историческими решениями XXV съезда КПСС, в научной деятельности Института большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки, в частности, связанных с исследованиями современных культурно-бытовых и этнических процессов у народов мира. По этой проблематике было опубликовано несколько работ.

В книге «Этнические процессы в странах Южной Азии» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров, 20 п. л.) рассматриваются особенности этнических процессов в Индии, Пакистане, Непале, Бутане, Шри Ланке и Мальдивской республике и анализируются явления, обуславливающие специфику национального строительства и межнациональных отношений.

Ряд статей сборника «Расы и народы», вып. 6 (отв. ред. И. Р. Григулевич, 22 п. л.) характеризует этническую ситуацию и национальные проблемы в Западной Европе, Азии, Океании и других районах современного мира.

В книге Ш. А. Богиной «Иммигрантское население США (последняя треть XIX в.)» (20 п. л.) показана сложная картина межэтнических отношений в США, в значительной степени сохраняющаяся и теперь.

Кроме того, подготовлена к переизданию обобщающая коллективная монография «Современные этнические процессы в СССР» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 40 п. л.), текст которой дополнен новейшими данными.

В авторском варианте завершены коллективные монографии «Национальные процессы в странах Южной Америки» (отв. ред. И. Ф. Хорошаева), «Современные национальные проблемы в странах Европы» (отв. ред. С. А. Токарев), «Малые народы Юго-Восточной Азии» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров).

Выпущенные в 1976 г. труды отражают работу и над одной из важнейших тем Института — изучение традиционных культур народов мира. Пять книг посвящены разным народам Советского Союза.

В сборнике «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.)» (отв. ред. И. С. Вдовин, 23 п. л.) принята попытка сравнительно-типологического анализа религиозных воззрений народов региона.

В книгах «Карпатский этнографический сборник», вып. II (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 12 п. л.), «Материальная культура народов Сибири и Севера» (отв. ред. И. С. Вдовин, 18 п. л.) и «Кавказский этнографический сборник», вып. VI (отв. ред. В. К. Гарданов, 30 п. л.) помещены статьи, посвященные разным вопросам изучения традиционной культуры народов трех регионов.

Проблеме происхождения традиционной культуры русских при заселении определенных территорий посвящено исследование И. В. Власовой «Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX в.» (15 п. л.).

Пять книг посвящены изучению традиционных культур зарубежных народов.

Сборник «Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Весенние праздники» (отв. ред. С. А. Токарев, 30 п. л.) — вторая из четырех подготовленных Институтом книг о календарных западноевропейских праздниках и обрядах — представляет итоги сравнительно-типологического исследования.

В монографии Э. Г. Александренкова «Индийцы Антильских островов до европейского завоевания» (13 п. л.) дана общая картина развития культуры аборигенов Вест-Индии ко времени появления европейцев.

В книге В. П. Курылева «Очерки хозяйства и материальной культуры турецкого крестьянства (новейшее время)» (10 п. л.) предпринят детальный анализ самых существенных сфер народной жизни; автор выявляет масштабы и характер перемен в традиционных занятиях.

В работе Б. Р. Логашовой «Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование)» (10 п. л.) дана всесторонняя характеристика традиционной культуры и общественной жизни зарубежных туркмен в районах их наиболее компактного расселения.

В очередном «Сборнике Музея антропологии и этнографии» (т. XXXII — «Одежда народов Зарубежной Азии», отв. ред. Р. Ф. Итс, А. М. Решетов, 22 п. л.) продолжена публикация уникальных коллекций Музея, отражающих специфику культуры народов Северо-Восточной Индии, Непала, Шри Ланки, Таиланда, Вьетнама, Лаоса, Китая, Монголии, Японии.

В авторской части завершены коллективная монография «Типология жилища народов Зарубежной Азии» (отв. ред. Н. Н. Чебоксаров) и сборник «Семья и семейная обрядность у народов Средней Азии» (отв. ред. Г. П. Снесарев).

Две книги, увидевшие свет в отчетном году, посвящены задачам реконструкции древних, уже исчезнувших форм культуры, послуживших основой для возникновения традиционных культур народов нашей страны. Это монография Е. Е. Неразик «Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки» («Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IX, 30 п. л.), в которой процесс развития сельского жилища рассматривается в связи с эволюцией земледельческой общины и семьи, и книга Ю. Б. Симченко «Культура охотников на дикого оленя» (22 п. л.), в которой предпринята попытка воссоздать культуру древнего населения высоких широт, заселявшего зону Старого света в мезолите — начале неолита.

Изучение традиционных культур неразрывно связано с другой важной проблемой — изысканиями в области этногенеза и этнической истории разных народов. В ряде книг, опубликованных в 1976 г., специфика традиционной культуры народа рассматривается как источник, отражающий различные исторические этапы формирования этноса.

Такова, в частности, монография Б. Х. Кармышевой «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)» (23 п. л.).

В книге Л. В. Хомич «Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев» (14 п. л.) также рассматривается процесс формирования традиционного комплекса культуры, происходивший одновременно с формированием ненцев как этнической общности.

В монографии Э. А. Рикмана «Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры» (25 п. л.) значительное место занимает анализ культурных особенностей разных племен региона, отражающих их этническую специфику.

В книге Я. В. Чеснова «Историческая этнография стран Индокитая» (21 п. л.) проблемы этногенеза народов региона исследуются на археологическом, этноботаническом, лингвистическом и этнографическом материалах.

А. Н. Седловская в книге «Малые народы Бихара (историко-этнографический очерк)» (8 п. л.) выявляет отразившиеся в специфике традиционной культуры основные этапы этнической истории народов края.

В. И. Кочнев в работе «Шри Ланка (этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в.)» (20 п. л.) исследует важнейшие этапы этнической истории населения страны в тесной связи с социально-экономическими изменениями, происходившими на острове с начала колонизации его сингалами.

В исследовании М. А. Членова «Народы Молуккских островов (этнический состав и его формирование)» (15 п. л.) этническая история населения архипелага представлена как процесс, обусловленный естественной средой, развитием хозяйства, внешнеполитическими событиями.

Широкий круг проблем происхождения и формирования разных народов рассматривается в сборнике «Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира» (отв. ред. А. А. Зубов, П. И. Пучков, Г. В. Рыкушина) (10 п. л.).

Кроме того, в авторской части завершены монографии С. И. Вайнштейна «Очерки истории культуры тувицев» (завершена досрочно), В. А. Туголукова «Этническая история эвенков» и коллективный труд «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (отв. ред. Л. С. Переломов, Н. Н. Чебоксаров).

В Институте продолжается работа по изучению ранних этапов социальной истории человечества. Разработка этой проблематики имеет важное мировоззренческое значение.

Вышел из печати сборник «Становление классов и государства» (отв. ред. А. И. Першиц, 20 п. л.), в котором на конкретном историко-этнографическом материале рассматривается механизм образования классов и государства в различных обществах Азии, Африки, Америки.

В авторском варианте завершены коллективные монографии «Первобытная периферия докапиталистических обществ — проблема исторических контактов» (отв. ред. А. И. Першиц, А. М. Хазанов) и «Городище Топрак-Кала и его окрестности» (отв. ред. Ю. А. Рапопорт).

В четырех опубликованных книгах анализируются судьбы архаических социальных институтов в развитых обществах.

В. А. Александров в монографии «Сельская община в России (XVII — начало XIX в.)» (23 п. л.) прослеживает историю сельской общины русского крепостного крестьянства позднефеодальной России.

О. А. Сухарева в монографии «Квартальная община позднефеодального города Бухары» (25 п. л.) освещает внутреннюю жизнь Бухары XIX — начала XX в. Автор показывает, что в общественной структуре квартала переплетались общинные традиции и классовые отношения.

Книга С. Я. Козлова «Фульбе Фута-Джаллона» (12 п. л.) посвящена этнической, политической и социальной истории самого крупного из народов Гвинеи. Автор прослеживает изменения функций древних социальных институтов.

К. П. Калиновская в работе «Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции» (8,5 п. л.) исследовала исторические судьбы института возрастных групп в период разложения первобытнообщинного строя.

Три публикации 1976 г. отражают работу фольклористов Института.

В монографии Б. Н. Путилова «Методология сравнительно-исторического изучения фольклора» (18 п. л.) основное внимание уделено методологическим и теоретическим проблемам историко-типологического изучения фольклора. Книга обобщает теоретический опыт советской фольклористики, накопленный за последние десятилетия.

Книга «Фольклор русского населения Прибалтики» (отв. ред. Э. В. Померанцева, 18,5 п. л.) дает богатый материал для изучения культурного взаимодействия русских с коренными народами Прибалтики.

В сборнике «Мифологические сказки и исторические предания нганасан» (отв. ред. Э. В. Померанцева, 20 п. л.) опубликованы образцы фольклора, собранные Б. О. Долгих за сорок лет его полевой работы. Мифы, сказки, легенды и бытовые рассказы нганасан являются уникальным памятником культуры и ценным историко-этнографическим источником.

В авторском варианте закончены и две работы о современном развитии народного искусства в нашей стране: С. Б. Рождественской — «Русская народная художественная традиция в современном обществе», М. Я. Жорницкой — «Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири».

В Институте продолжалась разработка тем, тесно связанных с задачами идеологической борьбы, критики буржуазной науки.

Вышел из печати сборник «Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, 13,5 п. л.), который вносит существенный вклад в разработку

проблем истории этнографии. В сборнике рассматриваются широко распространенные в Западной Европе диффузионизм и французская социологическая школа, анализируются проводимые на западе региональные этнографические исследования и их методология.

Среди книг, отражающих позицию марксистско-ленинской науки по важным мировоззренческим проблемам, необходимо назвать опубликованный совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС труд И. А. Крывлева «История религии. Очерки в 2-х томах» (II том, 25 п. л.). Значительная часть этой работы посвящена исламу и буддизму.

Большое политическое значение имеет выпущенная вне плана Института книга И. Р. Григулевича «Франциско де Миранда и борьба испанских колоний за независимость» (15 п. л.).

Книга Ю. Д. Беневоленской «Проблемы этнической краниологии» (10 п. л.) отражает результаты исследовательской работы антропологов Института этнографии.

Большую работу провела редколлегия журнала «Советская этнография», отметившего в 1976 г. свое пятидесятилетие. На страницах журнала были опубликованы статьи, посвященные XXV съезду КПСС: передовая — «XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов» (№ 3), Ю. В. Бромлей и В. Н. Басилов — «Советская этнографическая наука в девятой пятилетке» (№ 1), Г. Е. Марков — «Советский образ жизни и проблемы этнографии» (№ 2), Ю. В. Арутюнян и Л. М. Дробижева — «Советский образ жизни: общее и национально-особенное» (№ 3).

Важные теоретические вопросы поднимались в статьях Н. Б. Тер-Акопяна «Фридрих Энгельс о проблеме становления человека (к 100-летию работы „Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека“» (№ 6); Ю. В. Бромлей и А. А. Воронова — «Народная медицина как предмет этнографических исследований» (№ 5); серии статей С. И. Брука об этнодемографической ситуации в послевоенном мире (№№ 1—3), С. И. Вайнштейна — «Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии» (№ 4), И. Л. Андреева и Д. Д. Тумаркина — «Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании» (№ 3), З. П. Соколовой — «Проблема рода, фратрии и племени у обских угров» (№ 6).

Завершилась дискуссия по агроэтнографии (№ 3). Начаты новые дискуссии: о роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций (№ 4), о специфике производственных отношений первобытного общества (№ 4), продолжалась дискуссия о происхождении искусства (№ 2, 5, 6).

Как и в предыдущие годы, значительное место в журнале отводилось освещению современной культуры и быта, а также этнических процессов у народов СССР и зарубежных стран.

По-прежнему важное место в работе Института занимали экспедиционные исследования. В 1976 г. полевые работы велись как в рамках постоянных экспедиций Института (Северной, Среднеазиатской, Этносоциологической, а также Хорезмской и Молдавской археолого-этнографических), так и силами отрядов, сформированных из сотрудников ряда отделов и секторов Института. В целом состоялось 47 выездов (23 отряда, 11 групп, 13 индивидуальных поездок).

Экспедиции работали по основным проблемам научно-исследовательского плана Института. Собирались материалы, характеризующие современные этнические, социальные и культурно-бытовые процессы, выявляющие соотношение традиционного и современного в хозяйстве, быту и культуре народов различных регионов СССР. Как и в предыдущие годы, программа работы части отрядов и групп определялась задачами подготовки региональных историко-этнографических атласов. Антропологические отряды собирали материалы для исследования антропогенеза, путей формирования рас и отдельных этнических общностей. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция исследовала памятники первобытности, античности, средневековья. Во время полевого сезона велись этнографические кино съемки в Каракалпакии и на Чукотке.

Результаты полевых исследований сотрудников Института, как и в прежние годы, нашли применение в практике социалистического строительства. По материалам этносоциологических исследований практическим организациям были переданы справки по различным проблемам. Отдел этнографии народов Крайнего Севера и Сибири направил

в государственные органы докладные записки по вопросам современного состояния хозяйства, культуры и быта у малых народов Севера и Сибири.

В Институте продолжалась работа по подготовке научных кадров. В 1976 г. в аспирантуре обучалось 54 человека, в том числе 20 — с отрывом от производства. Тематика их диссертаций связана с разработкой таких кардинальных направлений этнографии, как исследование современных этнических и культурно-бытовых процессов в нашей стране и за рубежом, изучение традиционной культуры народов мира.

* * *

В 1976 г., в связи с реорганизацией ВАК и введением новых инструкций в Институте были созданы три Специализированных ученых совета: один — по защите докторских, два — по защите кандидатских диссертаций (в Москве и Ленинграде). Создано также два Научно-производственных совета по рассмотрению научных проблем и текущих дел (в Москве и Ленинграде).

На заседаниях Специализированных ученых советов Института было поставлено на защиту 2 докторских и 3 кандидатских диссертаций.

На заседаниях Научно-производственных ученых советов Института рассматривались актуальные вопросы исследовательской работы. На одном из первых заседаний как в Москве, так и в Ленинграде обсуждались итоги деятельности Института в 1975 году. В докладе директора Института Ю. В. Бромлея были проанализированы результаты работ и намечены основные задачи дальнейших научных исследований. В течение года на заседаниях советов были заслушаны доклады И. А. Крывелева «Опыт типологии религиозных верований», В. В. Иванова «Проблемы сравнительно-типологического исследования мифологии», И. С. Вдовина «Актуальные проблемы изучения этнографии Сибири и Севера», В. А. Ядова «Проблемы изучения социалистического образа жизни: итоги и дискуссии» и др.

С докладом «Новые исследования в области радиоуглеродного анализа» выступил американский ученый Г. Майкл.

На заседаниях совета в Москве проведена дискуссия по коллективной работе «Этнические процессы в современном мире». С отчетом о проделанной работе выступил заведующий Сектором зарубежной этнологии И. Р. Григулевич. Кроме того, были заслушаны доклады и сообщения о зарубежных поездках сотрудников Института, об их участии в международных совещаниях, в частности об итогах Международной конференции «Место этнографии в системе наук: советская и западная точки зрения» (Ю. В. Бромлей), о совместных советско-вьетнамских антрополого-этнографических исследованиях (М. В. Крюков) и др.

Одно из заседаний совета было посвящено 50-летию журнала «Советская этнография». Как и в предыдущие годы, Научно-производственные советы провели большую работу по обсуждению и утверждению к печати трудов сотрудников Института.

В отчетном году сотрудники Института участвовали более чем в 30 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах, подготовив, в общей сложности, свыше 140 докладов.

В мае 1976 г. Институт этнографии АН СССР совместно с Институт истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР в Душанбе была проведена Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг. В центре внимания участников сессии были проблемы, связанные с развитием советской этнографической науки в свете решений XXV съезда КПСС. Сессия подвела итоги исследований советских этнографов, а также обсудила кардинальные проблемы изучения современности, проблематику и методику исследований, определила дальнейшие перспективы развития этнографии в десятой пятилетке.

На сессии работали 6 секций и 2 подсекции: «Этническая история и этногенез», «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР», «Исследование семейного и общественного быта», «Историко-этнографические атласы (этнографические типологии, культурные связи)», «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни», «Фольклор, народная музыка и искусство». Впервые на Сессии была организована подсекция «Народная музыка и танцы». Около

40 докладов из 176, заслушанных на конференции, были представлены сотрудниками Института этнографии¹.

В апреле 1976 г. в Ленинграде состоялась II научная конференция по этнографии Северо-Запада СССР, организованная Ленинградской частью Института этнографии. На конференции были заслушаны доклады по этнической истории и проблемам этнографии городского населения этого региона².

Институт участвовал в подготовке и проведении Всесоюзной тюркологической конференции, организованной Отделениями литературы и языка АН СССР, Отделением истории АН СССР, Советским комитетом тюркологов при ОЛЯ АН СССР и АН Каз. ССР (сентябрь, г. Алма-Ата). Сотрудники Института представили доклады на историческую секцию этой конференции, посвященную исследованию этнических и историко-культурных связей тюркских народов СССР³.

Институт этнографии участвовал также в организации конференции «Социалистические преобразования в жизни народов Советского Севера и пути дальнейшего развития в свете решений XXV съезда КПСС», проведенной Якутским филиалом СО АН СССР, Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР и Якутским Государственным университетом (июнь, Якутск). На пленарном заседании был прочитан доклад Ю. В. Бромлей и И. С. Гурвича «Основные проблемы современного этнического развития народов Севера и Дальнего Востока и некоторые вопросы переустройства их культуры». С докладами выступили также В. И. Васильев, М. Я. Жорницкая, Ю. Б. Симченко, А. В. Смоляк.

На конференции «Состояние и задачи исследований языков и этнографии малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и перспектива подготовки кадров по североведению», организованной Ленинградской частью Института этнографии совместно с Институтом языкознания АН СССР (Ленинград, февраль 1976 г.), выступили с докладами Ю. В. Бромлей, И. С. Гурвич, И. С. Вдовин, Ч. М. Таксами.

Сотрудники Института активно участвовали в работе конференции «Международные связи и взаимодействие культур народов СССР», организованной Научным Советом по национальным проблемам при секции общественных наук Президиума АН СССР (Таллин, ноябрь — декабрь). На пленарном заседании были заслушаны доклады Ю. В. Бромлей «Этнические аспекты современных национальных процессов в СССР» и Ю. В. Арутюнян «Этносоциологические аспекты изучения взаимодействия культур народов СССР». На конференции выступили также В. К. Гарданов, А. И. Гинзбург, И. С. Гурвич, Л. М. Дробизева, В. П. Кобычев, В. И. Козлов, В. К. Малькова, Я. С. Смирнова, Ч. М. Таксами, Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина.

Совместно с Министерством просвещения РСФСР Институт этнографии участвовал в организации и проведении I-го Всероссийского фестиваля юных этнографов (Орджоникидзе, июнь — июль). Научное руководство работой этнографической секции осуществляли С. Б. Рождественская и Р. Ш. Джарылгасинова⁴.

На VII Всесоюзной конференции по изучению Австралии и Океании (Москва, январь), организованной Институтом востоковедения АН СССР и Советским национальным Тихоокеанским комитетом АН СССР, этнографическая тематика была представлена докладами сотрудников Института этнографии⁵. Институт участвовал в работе II Всесоюзной конференции индологов, созданной Институтом востоковедения АН СССР (Москва, январь). На ней с докладами выступили Б. Я. Волчок, Н. Р. Гусева, А. Д. Дридзо, Ю. В. Кнорозов, А. Н. Седловская, Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов.

Кроме того, сотрудники Института участвовали в работе Всесоюзной научной конференции «Фольклор и историческая действительность» (Махачкала, октябрь), в кон-

¹ Подробнее см. В. Н. Басилов. Всесоюзная конференция этнографов. — «Общественные науки», 1977, № 2; А. Н. Жилина. Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг. — «Сов. этнография», 1976, № 6.

² Подробнее см. Л. С. Гвоздиков. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

³ См. В. Н. Басилов, Т. И. Султанов. Всесоюзная тюркологическая конференция. — «Сов. этнография», 1977, № 3.

⁴ См. Р. Ш. Джарылгасинова, С. Б. Рождественская. Первый Всероссийский фестиваль юных этнографов. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

⁵ Подробнее см. Д. Д. Тумаркин. Седьмая всесоюзная конференция океанистов и австралистов. — «Сов. этнография», 1976, № 5.

ференции «Историзм археологии» (Москва, декабрь), в Межвузовской региональной конференции Западной Сибири по проблемам источниковедения и историографии (Томск, январь — февраль), в VII конференции советских скандинавистов (Ленинград, декабрь), во Всесоюзной конференции Научного Совета по проблемам Каспия и Арала (Москва, декабрь), в конференции историков Дальневосточного Государственного университета (Владивосток, октябрь), во II-ом Поволжско-Уральском совещании археологов и этнографов (Уфа, декабрь), во Всесоюзной научной конференции по католицизму (Вильнюс, апрель), в ежегодной конференции «Чтение памяти П. Г. Богатырева» (Ленинград, октябрь), во Всесоюзной конференции по проблемам народонаселения (Одесса, сентябрь), в конференции Института востоковедения АН СССР «Бартольдские чтения» (Москва, апрель), в научно-практической конференции по развитию письменности на языках народностей Чукотки (Анадырь, январь), в конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Бэра (Тарту, октябрь), в юбилейной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Джавахишвили (Тбилиси, октябрь) и в других научных совещаниях.

В 1976 г. сотрудники Института этнографии участвовали в двух международных конгрессах и 20 конференциях, симпозиумах, рабочих совещаниях и семинарах.

Наиболее значительной международной научной встречей была состоявшаяся в Австрии (июль) первая конференция советских и западных этнографов (этнологов) на тему «Место этнографии среди других наук: советская и западная точки зрения». Цель конференции — обсуждение концепций советской исторической школы и современных западных направлений по актуальным проблемам современной этнографической науки. Делегации Института (Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнов, В. Н. Басилов, Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, А. И. Першиц, Ю. П. Петрова-Аверкиева, Ю. И. Семенов) удалось показать основные достижения советской этнографии. Конференция, несомненно, сыграла важную роль в пропаганде советской науки⁶.

Обсуждению вопросов методологии и основных теоретических проблем этнографической науки был посвящен и организованный в ГДР (Лейпциг, ноябрь) Центральным Институтом истории АН ГДР и Институтом этнографии АН СССР коллоквиум этнографов ГДР и СССР на тему «Борьба с основными современными течениями буржуазной идеологии в области этнографии, в особенности в главных странах империализма». В коллоквиуме приняли участие Ю. В. Бромлей, Л. Е. Куббель, Ю. П. Петрова-Аверкиева, С. А. Токарев. Коллоквиум имел важное значение для ознакомления с главными теоретическими течениями современной буржуазной этнографии, а также для выработки единых позиций этнографов социалистических стран в критике реакционных буржуазных течений.

В Международном совещании ЮНЕСКО по вопросам методологии исследования взаимовлияния культур (СФРЮ, сентябрь) в качестве одного из сопредседателей и основных докладчиков участвовал С. А. Арутюнов.

Обсуждение методологических проблем современной этнографической науки состоялось на международном философско-методологическом семинаре в ЧССР (Словакия, ноябрь) по теме «Этнокартографический метод и его место в современной науке». Институт этнографии представлял С. И. Брук.

Из крупных международных встреч, в которых участвовал Институт, следует отметить IV Всемирный конгресс по сельской социологии (ПНР, август). Советскую делегацию возглавлял Ю. В. Арутюнян, председатель Советского оргкомитета. Конгресс показал возросший интерес зарубежных ученых к опыту этносоциологических исследований села в СССР.

На III Международном конгрессе монголоведов (МНР, сентябрь) Институт был представлен Н. Л. Жуковской.

Сотрудники Института В. К. Соколова и К. В. Чистов участвовали в обсуждении проблем карпатоведения на созывавшихся Международной комиссией по изучению культуры и быта Карпат в ЧССР (Словакия, сентябрь) конференциях ученых социалистических стран: «Актуальные проблемы сотрудничества социалистических стран в области этнографического и фольклористического изучения Карпат и Балкан» и

⁶ Подробнее см. В. И. Козлов, Методологические проблемы этнографии (к итогам международного симпозиума). — «Сов. этнография», 1977, № 2.

«Интерэтнические связи в фольклоре карпатских областей». Конференции имели большое значение для дальнейшего развития сотрудничества ученых социалистических стран в совместных исследованиях культуры и быта народов Карпатского региона.

Вопросам сотрудничества этнографических журналов европейских социалистических стран была посвящена конференция «Этнографические журналы в социалистических странах» (ЧССР, октябрь), на которой журнал «Советская этнография» представляла Н. С. Полишук.

В Международной конференции ЮНЕСКО «Славянские культуры в контексте европейских культур» (ГДР, октябрь) и VIII Международной конференции Исследовательского Центра по изучению культурных связей стран Центральной и Восточной Европы по теме «Общественные носители духовных тенденций эпохи Просвещения» (ФРГ, сентябрь) участвовал А. С. Мыльников.

На Международной конференции «Происхождение и древние связи американцев» (Австрия, сентябрь) выступил В. П. Алексеев, осветивший взгляды советских ученых на решение этой проблемы. Доклад В. В. Пименова на конференции «Проблемы происхождения карел» (Финляндия, июнь — июль) был посвящен вопросам этнокультурных связей вепсов и карел. На Международную конференцию Общества историков-юристов им. Жана Бодена (ПНР, май) с докладами выезжали В. А. Александров и Ю. В. Иванова. Во II Международном симпозиуме «Расселение и миграции фракийцев» (НРБ, октябрь) участвовала Т. Д. Златковская. На VII Международный симпозиум им. Бартоша (ЧССР, декабрь) для обсуждения проблем дерматоглифики выезжала Г. Л. Хитъ.

Ю. В. Арутюнян и И. А. Гришаев приняли участие в рабочей дискуссии, связанной с разработкой темы «Направления и тенденции культурного развития в современном обществе: взаимодействия национальных культур» (ПНР, октябрь), разрабатываемой Институтом этнографии совместно с учеными ряда социалистических и капиталистических стран.

Ю. В. Иванова была командирована на III Международный семинар албанской культуры (СФРЮ, август), во время которого прослушала циклы лекций по различным вопросам албановедения.

Ю. В. Бромлей участвовал в заседании Постоянного Совета и Исполкома Международного Союза антропологических и этнологических наук (Италия, май); С. И. Брук — в IV Международной научной конференции по этнологическому Атласу Европы и сопредельных стран Постоянной Международной комиссии по атласам (Австрия, сентябрь); Ю. В. Арутюнян — в Международном совещании по проекту «Будущее сельских коллективов в индустриально развитом обществе» Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук (Франция, апрель).

В минувшем году состоялись командировки сотрудников Института с целью обсуждения или проведения совместных работ, стоящих в плане сотрудничества АН СССР с Академиями наук и другими исследовательскими учреждениями зарубежных стран. Так, в Югославию выезжал К. В. Чистов, где ознакомился с ходом работ по югославским разделам коллективного международного издания «Этнография славян».

Впервые состоялись полевые антрополого-этнографические исследования в СРВ (И. М. Золотарева, А. Г. Козинцев, М. В. Крюков, А. Н. Лескинен) по теме «Этногенез и этническая история народов Вьетнама», проводившиеся совместно с вьетнамскими учеными среди народов Северного Вьетнама. Получены ценные этнографические и антропологические материалы, имеющие большое значение для решения конкретных проблем этнической истории Вьетнама.

В МНР Н. Л. Жуковская вела полевые исследования в составе этнографического отряда Советско-монгольской историко-культурной комплексной экспедиции.

А. В. Виноградов участвовал в работах Советско-афганской экспедиции Института археологии АН СССР в северном Афганистане, где были обнаружены материалы, важные для изучения древнейших этапов истории народов Средней Азии и сопредельных областей.

В декабре минувшего года начались работы экспедиции 18-го рейса судна «Дмитрий Менделеев», проводившей исследования в государствах Тихого океана (в частности, в Папуа Новой Гвинее и в Тонга). Этнографический отряд состоял из четырех сотруд-

ников Института этнографии АН СССР (Д. Д. Тумаркин, В. Н. Басилов, Е. Н. Кальщиков и В. Н. Шамшуров) и сотрудницы Ин-та востоковедения АН СССР И. М. Меликсетовой.

Н. А. Красновская работала в различных научных центрах юга Италии, М. С. Кашуба — в Югославии, С. И. Вайнштейн — в ГДР, А. А. Зубов, И. С. Гурвич и К. В. Чистов — в Финляндии. Все они собирали разнообразный материал по тематике научно-исследовательского плана Института. Н. М. Гиренко выезжал в США в качестве научного консультанта выставки АН СССР «Сибирь научная». Находясь за рубежом, сотрудники Института (С. И. Вайнштейн, А. А. Зубов, И. С. Гурвич, К. В. Чистов) выступали с лекциями.

В минувшем году продолжали развиваться связи Института с этнографическими учреждениями разных стран. Велась работа с учеными НРБ, ПНР, ЧССР, СФРЮ и ГДР по созданию трехтомника «Этнография славян». Советская сторона в 1976 г. завершила редакторскую работу над текстом первого тома («Введение. Восточные славяне»). В Москве (март — апрель) в Институте прошло совещание директоров и представителей этнографических институтов европейских социалистических стран, на котором было принято решение о совместной разработке темы «Роль культурно-бытовых традиций и их динамика в современной семье в странах социализма». Важным мероприятием явилось привлечение этнографических центров академий наук европейских социалистических стран к участию в разработке проблемы «Направления и тенденции культурного развития современного общества: взаимодействие национальных культур», значащейся в программе Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук. Как и в предыдущие годы, Институт активно сотрудничал с учеными европейских социалистических стран в Международной Комиссии по изучению народной культуры населения Карпат и в реферативном журнале «Демос».

По линии Межправительственной Советско-Финляндской комиссии по сотрудничеству в области науки и техники в рамках рабочей группы по сотрудничеству в области антропологии и этнографии (председатель советской части — Л. Н. Терентьева) продолжалась разработка проблемы «Этногенез и этническая история финноугорских народов». В Финляндии вышла в свет (на финском языке) подготовленная Институтом этнографии АН СССР по просьбе финской стороны книга «Традиционная культура русского населения северных районов Европейской части СССР» (20 п. л.).

В отчетном году Институт участвовал в работе Советско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, осуществляя подготовку к двум советско-индийским симпозиумам. Велась также подготовка к очередному (X) Международному конгрессу антропологических и этнологических наук, который состоится в 1978 г. в Дели.

Работы сотрудников Института переводятся в издательствах зарубежных стран. Книга Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» опубликована в НРБ и ВНР и подготовлена к изданию в ГДР. В ГДР вышел в свет перевод книги Г. П. Снесарева «Под небом Хорезма». В Англии готовится к публикации книга С. И. Вайнштейна «Историческая этнография тувинцев». Переводы ряда статей сотрудников Института опубликованы в периодическом издании «Советская археология и антропология» (США). Способствует пропаганде достижений отечественной науки и публикация работ советских этнографов на иностранных языках, осуществленная советскими издательствами. Так, в отчетном году в серии «Проблемы современного мира» вышел в свет на английском языке сборник работ Ю. В. Бромлея «Советская этнография: основные направления». Подготовлен к изданию на английском языке сборник статей «Этнография и смежные науки» (вышел в свет в 1977 г.).

Значительно активизировалось участие Института в международном журнале «Current Anthropology».

Развитию международных связей способствовала и работа в Институте зарубежных ученых. В минувшем году Институту было принято 128 специалистов из разных стран мира, 105 из них приезжали в СССР в соответствии с соглашениями и планами сотрудничества между АН СССР и учреждениями зарубежных стран.

Как и в прошлые годы, Институт продолжал уделять большое внимание научно-популяризаторской работе в самых различных формах. Сотрудники Института опубликовали ряд статей в журналах «Природа», «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Советская женщина», «Знание — сила» и др.

Э. В. Померанцева выпустила книжку для школьников «Русские сказочники» и подготовила для издания в научно-популярной серии издательства «Наука» книгу «Что такое фольклор». А. Д. Дридзо (в соавторстве с Л. М. Минцем) опубликовал книгу «Люди и обычаи», Р. В. Книжалов — книгу «Воин из Киригуа».

По телевидению выступали В. Н. Басилов, Н. А. Бутинов, Б. И. Вайнберг, И. И. Гохман, И. А. Крывелев, М. В. Крюков, Ю. В. Маретин.

Большую работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний провел Музей антропологии и этнографии, который в 1976 г. посетило около полумиллиона человек.

В. Н. Басилов, И. М. Семашко

ВТОРОЕ ПОВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Проведение Поволжско-Уральских совещаний, каждое из которых знаменует определенный этап в изучении археологии и этнографии Волго-Уральской историко-этнографической области, стало уже традицией. Первое такое совещание состоялось в декабре 1974 г. в Казани. Оно подвело итоги полевых и теоретических исследований предыдущих лет и наметило задачи на ближайшие годы. На нем было принято решение проводить такие совещания раз в два года¹.

Второе Поволжско-Уральское совещание археологов и этнографов, организованное Башкирским филиалом Академии наук СССР (далее БФ АН) и республиканским отделением Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры, состоялось в Уфе 14—16 декабря 1976 г. В нем приняло участие 150 ученых: сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов и работники музеев из автономных республик и областей Поволжья и Приуралья, городов Москвы, Ленинграда, Горького, Куйбышева, Перми, Свердловска, Томска, Волгограда, Кемерово, Элисты, Уральска и др. На совещании было заслушано более 70 докладов и сообщений.

Открывая совещание, заместитель председателя Президиума БФ АН СССР Р. Г. Кузеев подчеркнул значение «Закона об охране памятников истории и культуры», принятого в октябре 1976 г. на сессии Верховного Совета СССР, и отметил, что этот документ способствует новому подъему археологической, этнографической и археографической наук.

Заранее объявленная оргкомитетом проблематика совещания включала наиболее актуальные вопросы волжско-уральской археологии и этнографии, целенаправленное обсуждение которых должно было стимулировать дальнейшие исследования. Содержание докладов в основном было подчинено этой проблематике.

На первом пленарном заседании было заслушано три доклада. В докладе Р. Г. Кузеева (Уфа) «Этнографическая наука в Поволжье и Приуралье и перспективы ее развития» говорилось о необходимости обобщающих и теоретических работ, посвященных комплексному изучению проблем формирования, развития и функционирования такой сложной системы, как Волго-Камско-Приуральская историко-этнографическая область. Для успешного проведения таких исследований необходима унификация приемов и методов фиксации материала, разработки и внедрения во всех этнографических центрах Поволжско-Уральского региона единых или сходных принципов систематизации и хранения материалов. Докладчик подробно остановился на перспективах создания историко-этнографического атласа Урала и Поволжья.

Р. Г. Кузеев отметил заметное расширение исследований современных этнокультурных процессов в Поволжье и Приуралье с применением новых математизированных методов систематизации массового материала. Докладчик подчеркнул необходимость постоянного совершенствования методов и приемов сбора и обобщения материала при этносоциологических исследованиях, с тем чтобы обеспечить не только представительность выборок, но и сопоставимость результатов как по Поволжско-Уральскому региону, так и в целом по стране.

К. Ф. Смирнов (Москва) в докладе «Савроматы и сарматы» охарактеризовал результаты многолетних исследований савроматско-сарматских памятников Южного Урала.

А. Х. Пшеничнюк (Уфа) ознакомил участников совещания с основными принципами организации Музея археологии при БФ АН СССР. Участники совещания осмотрели экспозиционные залы и рабочие помещения музея, ознакомились с материалами, отобранными для экспонирования.

На совещании работало пять секций. На заседаниях двух археологических секций — «Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа» (с подсекциями «Эпоха раннего железа», «Эпоха средневе-

¹ «Резолюция Поволжско-Уральского археолого-этнографического совещания в Казани (24—26 декабря 1974 г.).» — В кн.: «Этнография Башкирии». Уфа, 1976, с. 150—152.

ковья») и «Итоги полевых исследований 1975—1976 г.» было заслушано более 30 докладов и сообщений.

В трех секциях рассматривались этнографические проблемы. Секция «Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья» на трех заседаниях заслушала и обсудила 15 докладов². Р. Г. Мухамедова (Казань), выступившая с докладом «Работа над атласом по этнографии татарского народа», рассказала о методике сбора материала для атласа. С этой целью проводятся сплошные маршрутные экспедиции по сетке атласа. Исследования ведутся и в так называемых «замкнутых» зонах, отличающихся большей сохранностью этнографических традиций. Предложенная Р. Г. Мухамедовой методика работы над атласом оживленно обсуждалась на секции. Докладчику были заданы вопросы о возможности использования историко-этнографического атласа для структурного анализа и моделирования этнокультурных комплексов, о методике картографирования.

Классификации жилых и хозяйственных построек, выявлению их технико-конструктивных и планировочных особенностей по областям были посвящены доклады С. Н. Шитовой (Уфа), Ф. Л. Фаттаховой (Казань), Ю. Г. Мухаметшина (Казань), С. К. Муруговой (Куйбышев). Классификация сооружений земляночного типа у башкир, предложенная С. Н. Шитовой, учитывает степень углубленности построек в землю и их конструктивные особенности. С. Н. Шитова выделяет: 1) ямы-погребя (западная Башкирия); 2) землянки и полуземлянки, наземная и подземная части которых составляют одно целое (горно-лесные и юго-западные районы Башкирии и Восточное Зауралье); 3) постройки, врытые в склон горы (южные отроги Урала по границе с Оренбуржьем). По мнению С. Н. Шитовой, распространение таких построек в регионе имело определенные закономерности.

Ф. Л. Фаттахова остановилась на классификации и выявлении основных факторов развития народного жилища у касимовских татар. Она отметила, что большинство типов жилищ касимовских татар находит аналогии в жилище соседних народов. В то же время ею установлено сохранение у исследуемой группы населения самобытных строительных традиций, в частности своеобразного крестообразного дома.

С. К. Муругова, рассматривая жилые постройки юго-восточных районов Куйбышевской области, пришла к выводу, что в конце XIX — начале XX в. в Среднем Поволжье сложился особый комплекс русского жилища.

Ю. Г. Мухаметшин рассказал о результатах системного исследования хозяйственных сооружений, позволивших ему выделить несколько типологических моделей, характерных для той или другой группы татар.

В прениях по докладом о классификации типов жилища было высказано мнение о необходимости учитывать не только технологические, конструктивные, но и морфологические и иные признаки — декор, планировку, украшение окон, ворот, крыши и пр.

В. Н. Мартынов (Йошкар-Ола) выступил с докладом «Материалы по резному орнаменту мордвы для историко-этнографического атласа». Он выделил семь групп орнаментальных мотивов, высказав мысль, что резной орнамент свидетельствует о тесных связях мордвы с финно-угорскими, славянскими и тюркскими народами.

В докладах Н. В. Бикбулатова (Уфа) и Н. А. Халикова (Казань) рассматривались пахотные орудия башкир и татар в XIX — начале XX в. Изучив различия в распространении типов пахотных орудий у башкир, Н. В. Бикбулатов установил, что для южных и юго-восточных районов Башкирии были характерны орудия плужного типа, в XIX в. — сабаны, а в начале XX в. — плуги. На северо-западе Башкирии были распространены сошное орудия; на северо-востоке — сильно видоизмененные сабаны и плужно-сошное орудия. Центральная Башкирия была зоной бытования разнообразных пахотных орудий: сабана, сохи с перекладной полицей, кунгурки, косули и т. д. По мнению Н. В. Бикбулатова, разнообразие пахотных орудий у башкир и их территориальная «специализация» были обусловлены не только природно-климатическими условиями и культурно-историческими традициями, но и степенью развития товарно-капиталистических отношений в земледелии. Н. А. Халиков относит все пахотные орудия к двум группам: орудиям плужного и сошного типов. Промежуточное положение между ними занимают усовершенствованные пахотные орудия. Докладчик сделал попытку не только очертить ареалы того или иного вида пахотного орудия, но и проследить историю возникновения и развития основных его видов.

Живой интерес слушателей вызвал доклад М. Г. Муллагулова (Уфа) «Башкирские лодки», в котором рассматривались разновидности долбленых лодок у башкир, способы их изготовления. По мнению докладчика, башкирские остроконечные лодки-долбенки обнаруживают сходство с сибирскими лодками (хантов, орочей, шорцев). Посредством терминологического анализа можно выявить их связь и с кожаными челнами народов Северо-Восточной Азии.

В докладе Г. Н. Чагина (Пермь) «Этнографический уклад Верхней Колвы» было показано этническое своеобразие русского населения самой северной части Прикамья. Докладчик установил, что постоянное русское население появилось в Верхней Колве в XVIII в. Анализ материальной и духовной культуры населения Верхней Колвы привел автора к заключению, что культурно-бытовая специфика края восходит к северорусскому комплексу.

² См. «Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья (препринты докладов и сообщений)». Уфа, 1976.

Доклад Н. В. Зорина (Казань) был посвящен картографированию свадебной обрядности русских, проживающих на территории Татарской, Марийской и Чувашской автономных республик. По мнению докладчика, своеобразие средневолжской русской свадьбы обусловлено сочетанием элементов северновеликорусской, средневеликорусской, южновеликорусской свадьбы и отдельных черт свадебного ритуала коренных народов края: татар, чувашей, марийцев.

В. Е. Владыкин (Ижевск) поделился опытом изучения территориально обособленных групп удмуртов Сибири. Он полагает, что исследование таких групп позволяет четче уяснить своеобразие исторического пути народа, специфику и закономерности его формирования. Это имеет важное значение при решении вопросов развития этноса. Этнографические особенности татыштинской группы удмуртов рассматривались в докладе А. В. Гильмаева (с. Татышлы БАССР).

В. Ф. Вавилин (Саранск) предложил метод этнографического картографирования распространенности и бытования синхронных признаков этнокультурного комплекса и взаимного наложения их ареалов. Это, по мнению докладчика, дает возможность не только установить взаимные связи элементов культуры, но также и выявить особенности функционирования этнокультурного комплекса как целостной системы.

На заключительном заседании секции состоялся обмен мнениями о задачах разработки «Историко-этнографического атласа Урала и Поволжья». Выступившие отметили необходимость определения структуры атласа, единой методики и программы сбора материала (Р. Г. Кузеев, В. Ф. Вавилин), создания организационного центра по работе над атласом (А. Г. Митиров, Н. О. Васильев), составления макета атласа с перечнем полного набора карт, с определением их нагрузок и системы условных обозначений (Н. В. Зорин). Была отмечена неравномерность изучения отдельных тем атласа, что объясняется главным образом нехваткой этнографических кадров, особенно ошутимой в Марийской и Удмуртской АССР, Горьковской и Куйбышевской областях.

На секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы» прочитано девять докладов, обобщивших значительный материал, полученный с помощью как традиционных этнографических методик, так и новых математизированных методов выборки и анализа, ныне широко используемых при исследовании современных этнических процессов³.

Заседание секции открылось выступлением Н. Ф. Мокшина (Саранск) «Мордовско-русское этническое сближение». Докладчик охарактеризовал особенности межнациональных контактов в Мордовской республике, масштабы и темпы интеграции мордовской социалистической нации с другими народами, в особенности с русскими.

В. А. Большаков и В. С. Кондратьев (Москва) предложили новый статистический метод изучения среды и межэтнических контактов по материалам Всесоюзных переписей населения.

В докладе А. С. Лузина (Саранск) были рассмотрены культурно-бытовые процессы у русского населения Мордовской АССР. Докладчик показал существенные изменения в типах, внутренней планировке, обстановке сельского жилища русского населения Мордовской АССР за годы Советской власти.

В. А. Балашов и В. Ф. Разживин (Саранск) представили на секцию доклад «Межэтнические браки — один из главных факторов этнодемографических процессов». Доклад был основан на материалах этносоциологической экспедиции, проведенной в 1973—1974 г. под общим руководством В. В. Пименова. Рост числа этнически смешанных браков говорит об изживании национальной ограниченности и национальных преубеждений. Доклад П. М. Мезина (Саранск) «Интенсивность этнических процессов в материальной культуре мордовского сельского населения» также опирался на материал указанной выше этносоциологической экспедиции.

Проблеме межнациональных браков у рабочих Коми АССР посвятила свое выступление Г. П. Белокурова (Ижевск). Судя по результатам сравнительного анализа межнациональных браков у различных возрастных групп рабочих, имеется тенденция к дальнейшему росту их числа, особенно среди малочисленных в республике этнических групп.

Т. А. Крюкова (Ленинград) в докладе «Народные традиции в современной одежде народов Поволжья и Приуралья» отметила, что развитие современного народного костюма идет по линии упрощения сложных частей одежды и замены их новыми, более рациональными.

Новые обряды, связанные со службой в армии, были рассмотрены в докладе Л. С. Христороубовой (Ижевск).

В докладе Г. А. Сепеева (Йошкар-Ола) был затронут вопрос о соотношении традиций и инноваций в материальной культуре марийцев.

На секцию «Народное творчество. Обряды» были представлены семь докладов⁴. А. Г. Янбухтина (Уфа) посвятила свой доклад «Семейно-родовые знаки (тамги)» как один из источников формирования башкирского орнамента доказательству сходства многих орнаментальных мстивов с тамгами.

³ См. «Этническая история народов Урала и Поволжья (препринты докладов и сообщений)». Уфа, 1976.

⁴ Там же.

М. М. Сагитов (Уфа) сообщил новые данные о культе коня в башкирском народном творчестве. Мифический образ волшебного коня докладчик связывает с древними тотемистическими верованиями башкир.

Л. И. Нагаева (Уфа) рассказала о традиционных башкирских плясках и охарактеризовала семантику основных танцевальных движений.

Л. П. Атанова (Уфа) выступила с докладом «О древнетюркской основе башкирских обрядов и эпических напевов», в котором прослежены стилевые особенности раннего пласта башкирской народной музыки.

Ф. А. Надршина (Уфа) в докладе «Башкирские пословицы о семейно-брачных отношениях» показала, как отражаются в афористическом творчестве история, быт, эстетические и социально-этические взгляды народа.

В. П. Тумайкин (Саранск) рассказал о семейных обрядах мордвы Алтайского края. Доклад содержал сведения о свадебной, похоронной, родильной обрядности у мордвы Сибири, характеризующейся сохранением многих архаических элементов.

Выступавшие в прениях отмечали плодотворность совместных встреч ученых таких смежных областей, как этнография, фольклористика, искусствоведение.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина (Казань) «Сельская женщина в семье и обществе» и Х. С. Рафикова (Уфа) «Некоторые итоги популяционно-генетического исследования башкир». В докладе Х. С. Рафикова говорилось об исследовании крови у различных родоплеменных групп башкир. Результаты исследования сопоставлялись с данными антропологического изучения других народов, в частности каракалпаков, узбеков, кумыков.

В резолюции совещания подведены основные итоги археолого-этнографических исследований 1975—1976 гг. и намечены задачи и перспективы дальнейших исследований.

В качестве одной из основных задач этнографов совещание выдвинуло разработку регионального историко-этнографического атласа Поволжья и Урала. Как первый практический шаг к реализации этой задачи предусматривается созыв специального совещания в 1977 г. для выработки программы работ по подготовке атласа.

Совещание рекомендовало более широко развернуть сравнительно-исторические исследования по проблемам межэтнических и межрегиональных контактов и взаимодействий, этногенеза и этнической истории народов. Принято решение провести в ближайшие годы в Казани Всесоюзную конференцию по этногенезу и этнической истории народов Поволжья и Урала.

Резолюция совещания содержит также предложения о создании Поволжско-Уральской секции Научного совета АН СССР по национальным проблемам. В ней выражено также мнение о целесообразности создания в научно-исследовательских учреждениях самостоятельных структурных подразделений по археологии и этнографии, об образовании кафедр археологии и этнографии в Казанском, Уральском, Башкирском и Мордовском университетах.

Следующее, третье совещание планируется провести в 1978 г. в Куйбышеве. Впредь такие совещания, учитывая широкое участие в них ученых других республик и областей и значимость их проблематики, будут именоваться Всесоюзными конференциями по проблемам волго-уральской археологии и этнографии.

Н. В. Бикбулатов, Л. И. Нагаева

V ОБЛАСТНАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «О ЗАДАЧАХ СОБИРАНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ФОЛЬКЛОРА В ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

22—24 марта 1977 г. в Горьком состоялась V областная фольклорная конференция¹, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Конференция была организована Горьковским областным управлением культуры и областным Домом народного творчества (ОДНТ). В ее работе приняли участие сотрудники отдела культуры Горьковского обкома КПСС, областного управления культуры, преподаватели Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Горьковского пединститута им. А. М. Горького, Горьковской государственной консерватории им. М. И. Глинки, Арзамасского пединститута им. А. П. Гайдара, Горьковского музыкального училища, Городецкого педучилища. В работе конференции участвовало более 60 собирателей и исследователей фольклора, а также работников культурно-просвети-

¹ I и II конференции состоялись в 50-х годах, III — в декабре 1970 г., IV — в апреле 1973 г. Сообщения о них публиковались в местной периодической печати.

тельных учреждений из многих районов Горьковской области. На ней было заслушано 20 докладов и сообщений.

Конференция открылась докладом председателя Горьковского областного совета по координации фольклорной работы В. Н. Морохина (Горьковский гос. ун-т). Показав огромное значение устного народно-поэтического творчества для развития многонациональной культуры нашей Родины и отметив богатые фольклорные традиции, которыми издавна славится Горьковская (Нижегородская) земля, докладчик особо остановился на итогах разносторонней деятельности местных собирателей и исследователей народного творчества. Он охарактеризовал работу всех фольклорных экспедиций, которые в годы Советской власти занимались разысканиями, записью и изучением произведений музыкального и словесного народно-поэтического творчества в Горьковском крае. В докладе была показана также и роль писателей, музыковедов и особенно местных собирателей фольклора в фиксации произведений народной поэзии. Большое внимание докладчик уделил вопросам, связанным с современным состоянием собирательской и исследовательской работы в области.

Особое место в докладе было отведено показу связи собирателей народного творчества с фольклорными коллективами, которых в настоящее время в Горьковской области насчитывается более 150. Среди них особенно популярны: лауреат Всероссийского фестиваля художественного творчества трудящихся фольклорный коллектив с. Поздняково Навашинского района, лауреат областного фестиваля 1976 г. фольклорный хор деревни Третье Поле Вачского района, Большеболдинский хор русской народной песни и коллектив деревни Чуфарово Сергачского района.

Докладчик отметил, что за послевоенный период местные фольклористы выпустили семь книг, опубликовали 30 теоретических статей² и составили четыре библиографических указателя.

В докладе обращалось внимание также на необходимость активизации собирательской и исследовательской работы. Была подчеркнута важность собирания и изучения рабочего фольклора и современного народно-поэтического творчества деревни.

Среди задач, стоящих перед местными фольклористами, докладчик назвал и организацию тщательного учета, систематизации и бережного хранения собранных произведений народно-поэтического творчества. Важность этого дела подчеркивается принятым пятой сессией Верховного Совета СССР законом «Об охране памятников истории и культуры».

В докладе К. Е. Кореповой (Горьковский гос. ун-т) «История Нижегородского-Горьковского края в фольклоре» речь шла о фольклорных произведениях, непосредственно связанных с историей местного края. Это прежде всего местные исторические и топонимические предания, песни о родных селениях и о революционных событиях в Нижегородском крае. В современном бытовании такие произведения, как правило, имеют локальный характер.

К. Е. Корепова акцентировала внимание на необходимости ареального изучения фольклорной традиции в Горьковской области. «Данная задача имеет большое научное и практическое значение,— отметила она.— Решение ее позволит значительно пополнить не только фольклорные фонды, но и репертуар местной самодельности. Тогда горьковчане смогут показать на фестивалях все разнообразие нижегородского фольклора».

Собирательской работе, проводимой филологами Арзамасского пединститута им. А. П. Гайдара, посвятив выступление Б. С. Кондратьев (Арзамас), отметивший, что начиная с 1972 г. студенты института систематически выезжают в экспедиции в южные районы области. Ими уже обследованы Вадский, Пильненский, Шатковский и Арзамасский районы. В ходе экспедиций собрано около двух тысяч текстов, среди которых преобладают лирические песни и частушки (более 1300 номеров). Говоря о трудностях, встречающихся в собирательской работе, проводимой на местах, он отметил, что фольклористы не имеют достаточного количества методической литературы, которая могла бы помочь начинающим собирателям фольклора.

Представитель Горьковского отделения Союза советских писателей Н. Г. Бирюков (Горький) рассказал о том, как местные литераторы, свято храня традиции великого земляка А. М. Горького, используют фольклор в своем художественном творчестве. Докладчик подробно остановился на том, как умело используют фольклор писатель Н. И. Кочин и поэты Борис Корнилов и Михаил Шестерников. Он отметил также важность творческого сближения художников слова и фольклористов.

На вопросах собирания бытовой сказки в Горьковской области остановился М. П. Шустов (Горький, гос. ун-т). Он отметил, что бытовая сказка записывалась здесь уже в начале XIX в.

За последние 10—15 лет общее число бытующих сказок не уменьшилось, и поэто-
му, по мнению докладчика, рано еще говорить об умирании данного жанра. Однако

² Часть этих работ названа в библиографическом указателе «Фольклор Нижегородского края», выпущенном Горьковским университетом (Горький, 1971).

Кроме того, следует назвать книги: А. А. Нестеров. Народные песни Горьковской области. М., 1972; В. Н. Морохин. Русская народная сказка в современном бытовании. Горький, 1975; статьи К. Е. Кореповой, С. А. Червяковского, Е. И. Комковой, В. Н. Морохина в сборниках «Горьковские чтения», вышедших в Горьком в 1974—1977 гг., и «Фольклор народов РСФСР», вып. II и III. Уфа, 1975 и 1976.

нельзя не заметить и изменений, которым подвергается этот жанр в настоящее время: уменьшается число сказок о глупом барине, но еще весьма широко распространены сказки на семейно-бытовые темы. Намечается тенденция перехода волшебной сказки в бытовую. Бытовые сказки трансформируются, сокращается их объем. Вместе с тем, иногда можно говорить о появлении новых сюжетов, отличных от традиционных. Многие факты свидетельствуют об активной жизни бытовой сказки в Горьковской области.

Нижегородская земля издавна славилась не только сказками, но и преданиями и легендами. Этим интереснейшим произведениям неказочной прозы были посвящены доклады учительницы Чутеевской школы Янтиковского района Чувашской автономной республики А. П. Шаровой и собирателя фольклора Заволжья слесаря Горьковского автозавода Н. И. Федорова. А. П. Шарова подробно охарактеризовала новые записи преданий и легенд Горьковской области, показала их идейно-художественное своеобразие и остановилась на вопросах их современного бытования. Н. И. Федоров посвятил выступление истории возникновения легенд и преданий о знаменитом озере Светлояре и познакомил участников конференции с некоторыми из своих записей.

Большой интерес вызвал доклад С. А. Червяковского (Горьковский пед. ин-т) об известном собирателе нижегородского фольклора Н. А. Усове. Докладчик познакомил участников конференции с основными этапами деятельности собирателя, подчеркнув, что его работа была своеобразным связующим звеном между дореволюционной и советской фольклористикой. Особое внимание в докладе было уделено анализу изданного Н. А. Усовым в Горьком сборнике «Русские песни» (1940 г.).

Значительное место на конференции было отведено музыкальному фольклору области. Н. М. Благовидова (Горький, музыкальное училище) выступила с докладом «Из наблюдений над музыкальным фольклором Горьковской области», Е. И. Черногоубова (Горький, ОДНТ) — с докладом «Собирание и изучение инструментального фольклора Горьковской области». Т. В. Гусарова (Горький) посвятила доклад бытованию народной лирической песни в наши дни.

Весьма запоминающимся было выступление художественного руководителя Дворца культуры Горьковского автозавода А. П. Леванова, рассказавшего об использовании песенного фольклора в самодеятельных народных хоровых коллективах. Оно сопровождалось многочисленными магнитофонными записями и выступлением руководимого им народного хора.

Известный в области собиратель фольклора Н. М. Галочкин (Городец, пед. училище), записывающий фольклор в течение 40 лет, выступил с докладом «Авторская песня фронтовых лет в народном бытовании». Познакомив слушателей с рядом фронтовых песен, поные активно бытующих во многих селениях, он сообщил, что только в восьми районах области ему удалось зафиксировать 14 вариантов песни «Синий платочек», 11 — «Катюши» и 7 — песни «Раскинулось море широко».

М. С. Коробченко (Богородск) посвятил выступление частушкам периода гражданской войны, собиравшимся им в разных местах в течение 30 лет.

Участники конференции с большим интересом слушали сообщение старейшего собирателя фольклора местного края П. А. Березина (Шахунья) «Традиционные и новые обряды в Шахунском районе Горьковской области».

Как бы продолжая эстафету, рядом с представителями старшего поколения собирателей на конференции выступала молодежь. Так, заведующая библиотекой из с. Клешиариха Сосновского района С. И. Власова говорила об использовании традиционных элементов в современном свадобном обряде, распространенном в южных районах Горьковской области.

Молодая собирательница фольклора из г. Павлова Г. М. Шуллина рассказала о сборе пословиц и поговорок. В настоящее время фонд собранных ею произведений малых жанров превышает семь тысяч единиц.

Доклад Н. Н. Чилиной (г. Павлов, преподаватель СПТУ № 1) был посвящен опыту собирания песен, частушек и преданий. Она привела ряд фактов, характеризующих специфику народно-поэтического творчества одного из промышленных районов Горьковской области.

С огромным вниманием слушали участники конференции и выступление М. А. Тивиковой (Большое Болдино). Она сообщила, что вместе с другими участниками известного в области болдинского хора сочиняет песни и частушки, и исполнила ряд созданных ими произведений.

О своей собирательской работе и публикации фольклора в районной газете «Тоншаевский колхозник» рассказал участникам конференции сотрудник газеты А. Т. Михалицын.

Конференция завершилась принятием резолюции, в которой определены основные задачи фольклористов Горьковской области на ближайшие годы, был также избран Областной совет по координации фольклорной работы.

В. Н. Морохин

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ»

С 25 по 27 октября 1976 г. в Праге проходила конференция «Этнографические журналы в социалистических странах». Конференция была посвящена 85-летию со времени основания журнала «Český lid», 70-летию «Národopisný věstník československý» и 50-летию журнала «Советская этнография». В ее организации и проведении участвовали: Чехословацкое этнографическое общество при ЧСАН, Институт этнографии и фольклористики ЧСАН, Словацкое этнографическое общество при САН, Этнографический институт САН, Центральный кабинет музееведения этнографического отделения Национального музея в Праге, Этнографический институт Моравского музея в Брно, Институт народного искусства в Стражнице, кафедра этнографии философского факультета Карлова университета в Праге, кафедра этнографии философского факультета Университета Коменского в Братиславе, Отделение этнографии кафедры истории и этнографии Университета И. Е. Пуркинье в Брно.

Конференция была приурочена к ежегодному собранию (съезду) Чехословацкого этнографического общества при ЧСАН, выдвинувшего на этот раз в качестве основной задачи рассмотрение издательской деятельности в области этнографии.

В конференции наряду с 60 чешскими и словацкими этнографами участвовали ученые из НРБ, ГДР, ПНР и СССР.

На четырех заседаниях конференции было заслушано около 20 докладов. В центре внимания ее участников находились два вопроса — работа этнографических журналов (ей были посвящены 2 заседания — 25 и 27 октября) и издательская деятельность музеев (тоже 2 заседания, оба 27 октября).

Началась конференция открытым заседанием редколлегии журнала «Český lid». Первым был зачитан доклад А. Робека «„Český lid“ (1891—1976)». Докладчик сделал критический обзор отдельных этапов развития журнала со времени его основания в 1891 г. до наших дней. Он привел ряд интересных, до сих пор неизвестных фактов о борьбе внутри редакции за определение научного направления журнала в период его возникновения, дал оценку его вклада в чешскую этнографию и наметил его ближайшие задачи. Редакция журнала всегда уделяла внимание проблемам словацкой этнографии — в журнале и раньше, и сейчас печатаются как исследовательские статьи словацких этнографов, так и обзоры их работ информационного характера и рецензии. Об этом рассказал в своем докладе Я. Мяртан. О библиографическом разделе журнала говорилось в докладе Л. Кунца.

Доклад Б. Яворской (Польша) был посвящен польским этнографическим журналам и отражению в них чешской этнографии.

Е. Йогнова рассказала о сложном пути развития ежегодника «Národopisný věstník československý» (с 1897 по 1905 гг. он выходил под названием «Národopisný sborník československý») и дала оценку 33 выпусков ежегодника. Ее доклад был дополнен выступлением С. Броучека, подготовившего на основе архивных материалов сообщение о ежегоднике «Věstník Národopisné výstavy československé», выходившем в 1893—1895 гг.

И. Томеш в докладе «Современное состояние и перспективы этнографической периодики» охарактеризовал «Český lid» и «Slovenský národopis» как журналы, представляющие чешскую и словацкую этнографию. Он рассказал далее о ежегоднике «Československá ethnografie», который после выхода 10 выпусков в 1963 г. слился с журналом «Český lid», о новой серии «Národopisný věstník československý», начавшей выходить с 1966 г., и, наконец, о журнале «Národopisné aktuality», который издается с 1964 г. Институтом народного искусства в Стражнице. В этом журнале печатаются как теоретические статьи, так и работы с практическим уклоном. В заключение докладчик сказал о необходимости более тесной связи между редакциями этнографических журналов и уточнения профиля отдельных периодических изданий.

Об издательской деятельности специального центра научной информации, созданного в 1964 г. при Институте этнографии и фольклористики ЧСАН сообщила В. Трковска. Е. Йогнова рассказала о журналах, издаваемых Народным музеем в Праге «Časopis národního muzea», «Sborník národního muzea», «Muzejní a vlastnědná práce» и «Annals of the Naprstek museum».

Н. С. Полищук (СССР) рассказала о роли журнала «Советская этнография» в развитии советской этнографической науки. Пятидесятилетний путь, пройденный журналом, она разделила на три этапа: первый — довоенный, когда журнал был школой овладения историческим материализмом в применении к этнографическим исследованиям. Второй этап (1940—1950 гг.) характеризовался решительным поворотом к изучению проблем современной культуры и быта народов СССР. Отличительная особенность третьего этапа, начавшегося в 1960-е гг. — выдвижение на первый план наиболее фундаментальных теоретических проблем этнографии, таких как общая теория этноса и этнических процессов, этническая специфика материальной и духовной культуры и т. п., а также этнографическое изучение рабочих и всего городского населения, вопросы этнокультурного развития в социалистических странах.

Доклад Р. Вейнхольда (ГДР) был посвящен журналу «Demos», который является координирующим органом среди этнографических журналов социалистических

стран. Докладчик сообщил интересные статистические данные о числе статей, опубликованных в журнале с 1960 г.— времени выхода первого его номера, и наметил стоящие перед журналом наиболее актуальные задачи: 1. Систематическое изучение проблем социалистической деревни и этнографии рабочих; 2. Усиление теоретико-методологических исследований; 3. Выработка дефиниций этнографии и определение ее отношения к родственным дисциплинам; 4. Сотрудничество с учеными западных стран.

Заседание, посвященное издательской деятельности этнографических музеев, было подготовлено Центральным кабинетом музееведения Народного музея совместно с этнографической комиссией этого же музея. Л. Куц рассказал об издательской деятельности чешских музеев, И. Криштек — словацких музеев. Кроме того было сделано 8 сообщений научными сотрудниками музеев Чехии и Моравии. Они содержали информацию об издательской деятельности музеев в отдельных областях республики: среднечешской (В. Матейова), южночешской (С. Малик), западночешской (М. Улчова), северочешской (Й. Схейбал), восточночешской (А. Жидлицка), южноморавской (П. Курфюрст) и североморавской (И. Ноушова и З. Вахова).

Составной частью Пражской конференции было и общее собрание Чехословацкого этнографического общества при ЧСАН, в программе которого был отчет о деятельности общества за прошедший период и план работы на 1977 г. (Е. Йогнова) и сообщение о профиле издания «*Národopisný věstník československý*» (К. Фойтик). В заключение была принята резолюция о деятельности Чехословацкого этнографического общества на ближайший период.

Увеличение числа организаций, принимавших участие в подготовке конференции, отражает возросшую координацию между научными учреждениями. С организационной точки зрения, конференция отразила качественно новый подход к решению важных задач нашей отрасли науки, углубила сотрудничество с учеными социалистических стран и одновременно подтвердила традицию общегосударственных этнографических конференций.

Р. Сук, Й. Варжека

О X МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

10—20 декабря 1978 года состоится X Международный конгресс антропологических и этнологических наук. В настоящее время уточнена программа Конгресса. Как сообщил в шестом циркулярном письме президент Конгресса, большинство симпозиумов будет проведено в Дели с 10 по 17 декабря 1978 г., а постпленарные заседания состоятся в других городах.

В Дели намечается провести следующие симпозиумы:

1. Этнографические аспекты развития в странах третьего мира.
2. Этнография горных районов.
3. Этническая принадлежность и этническое самосознание в индийских общинах за пределами Индии.
4. Традиции в мировой этнографии.
5. Политическая антропология.
6. Экономическая этнография.
7. Этническая музыкология.
8. Этнография традиционного поведения.
9. Процесс этнической интеграции: теоретические и методологические проблемы.
10. Неоэволюционизм и марксизм.
11. Системы родства.
12. Урбанистические и региональные исследования в странах третьего мира.
13. Номадизм.
14. Визуальные средства фиксации этнографического материала (кино- и фотодокументация в этнографическом исследовании).

Постпленарная часть конгресса состоится в следующих антропологических центрах с 18 декабря 1978 г.:

1. Ранчи — Первобытное общество и его трансформация: быт, мировоззрение, ценности.
2. Лакнау — Социальная антропология крестьянства.
3. Бхубанешвар — Этнография переложного земледелия.
4. Хайдерабад — Голод, работа и уровень жизни.
5. Калькутта — Этнографическое изучение фольклора и литературы и Прикладная и практическая этнография.
6. Чандигарх — Происхождение человека.
7. Дели — Экономическая этнография и Генетика человека.

8. Пуна — Доисторическая археология.

9. Майсор — Этнолингвистика.

Кроме того, ряд постпленарных симпозиумов может состояться в Пуне, Гаухати и других городах (этот вопрос еще обсуждается).

Очень небольшие, узко специализированные симпозиумы могут быть проведены во время пленарных и постпленарных заседаний Конгресса. Уже определены два таких симпозиума: 1 — Проблемы методов картографирования в этнографии и антропологии (Дели), 2 — Культура гор. Нильгири (Майсор).

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В июле 1976 г. в пос. Кузьма Кезского района Удмуртской АССР работала фольклорная экспедиция (семь студентов II—IV курсов, руководитель — О. Осокина), организованная кафедрой русской и зарубежной литературы Глазовского государственного педагогического института. Цель экспедиции — собирание и изучение материалов для выяснения особенностей фольклорного репертуара людей разных поколений и соотношения в нем традиционных и современных произведений, тем, мотивов. Кроме того, предстояло установить, в какой мере современное административно-территориальное деление способствует или препятствует «миграции» фольклора и обуславливает его местное своеобразие.

Выбор места работы экспедиции обусловлен тем, что Кезский район граничит с Пермской областью, где и сейчас бытует довольно разнообразный по жанрам и богатый по сохранности фольклор.

За время экспедиции было записано 367 текстов (частично с помощью магнитофона), в том числе: 200 песен (188 не-обрядовых и 12 семейно-обрядовых), 142 частушки, одна историческая песня (записана в четырех вариантах от разных исполнителей), несколько песен литературного происхождения и произведений детского фольклора, а также ряд поздних баллад («Ехали казаки...», «Муж жену губил...», «Лет семнадцать мальчишка...» и др.). Не удалось записать произведений рабочего фольклора, сказок, эпических и драматических жанров, что связано с недостаточным широким распространением их не только в данной местности, но и на территории Удмуртии в целом.

Собранный материал хранится в фольклорном фонде кабинета русской и зарубежной литературы Глазовского государственного педагогического института.

О. Осокина

* * *

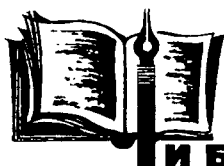
В мае 1977 г. в Узбекистане начал полевые исследования Джизакский отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР. Отряд в составе Т. Н. Смешко (нач. отряда), К. К. Кубакова (преподаватель Самаркандского ун-та), Т. В. Полетика (художник), В. К. Буколова (фотограф) и Н. Н. Дремина (шофер) работал в пяти районах Джизакской области УзССР, ранее входившей в Самаркандскую область.

Цель экспедиции — сбор полевых материалов по теме «Одежда» для «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана». Работа велась по вопроснику и методическим разработкам, подготовленным сотрудниками сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР.

Этнический состав населения в Джизакской области очень сложен. В этом году для обследования были выбраны Галляларальский, Зааминский, Фаришский и Бахмальский районы, где расселены преимущественно потомки узбеков даштикипчакского происхождения (группы *кырк*, *канлы*, *юз*), в традиционной одежде которых до сих пор сохраняются отдельные черты, характерные для одежды конца XIX — первой половины XX в. В тех же районах изучалась одежда узбеков, относившихся в прошлом к группам *турк*, *барлас*, *мугал*. Кроме того, собирался материал по одежде казахов (Фаришский р-н) и киргизов (Зааминский и Бахмальский р-ны). В значительно меньшей степени было обследовано исконно оседлое население области (узбеки *джизакли*, *ташкенли*, *мулькенли*), проживающие в Джизакском районе.

Собранные материалы после обработки будут сданы в архив Института этнографии.

Т. Н. Смешко

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. С. Кон

ПРОБЛЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

(ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕАТРИСЫ И ДЖОНА УАЙТИНГ)

Мир детства всегда представлял громадный интерес для этнографов. Уже самые ранние этнографические исследования обычно содержали в себе описание способов воспитания и обучения детей в данном обществе, характера их взаимоотношений со взрослыми и друг с другом, типов возрастной стратификации, обрядов перехода из одной возрастной стадии в другую и т. д. В дальнейшем эта проблематика дифференцировалась. Одни авторы изучают детство в связи с системой возрастных классов и групп первобытного общества, другие — в связи со структурой семьи, третьи — в связи с принятой в данной культуре периодизацией индивидуального жизненного пути, отраженной в языке (возрастные категории) и специфических обрядах перехода, четвертые — в связи с теорией инициаций, пятые — в связи с проблемой формирования и закрепления этноспецифических черт личности (национального характера), шестые — в связи с процессами взаимодействия различных институтов социализации и межпоколенной трансмиссии культуры.

Эти проблемы существенно отличны друг от друга. Изучение детства и юности как нормативных возрастных категорий, этапов, на которые условно подразделяется жизненный путь, совсем не то же самое, что исследование возрастнo-специфической деятельности (например, детских игр) или принятых в данной культуре способов ухода за младенцами. Однако разные аспекты этнографического изучения детства тесно связаны друг с другом и взаимодополняемы. И, что особенно важно, все они вместе и каждый в отдельности являются по самой сути своей междисциплинарными. Этнографическое изучение возрастных категорий невозможно без помощи лингвистики и семиотики, исследование возрастной стратификации — без участия социологии и демографии, анализ этноспецифических форм социализации — без помощи психологии, социологии и истории. Но и эти дисциплины в свою очередь не могут обойтись без этнографии, дающей им не только необычайно широкий и богатый круг источников, но также методы и критерии сопоставления данных, относящихся к разным культурам. Ведь никто, кроме этнографов, не изучает этнос как целое.

В американской этнографии интерес к проблемам детства и сравнительному изучению процессов социализации первоначально возник под влиянием фрейдистской теории «культуры и личности», пытавшейся вывести специфическую для каждого данного этноса «базовую структуру личности» из характерных для него способов ухода за младенцами. Однако механицизм этой концепции вызвал острую теоретико-методологическую критику, в том числе марксистскую¹. Критика эта шла по двум основным линиям. С одной стороны, возражения вызывала идея о существовании единого «базового типа личности», характерного для всех представителей данной культуры, и тем более воз-

¹ См., в частности: Ю. П. Аверкиева. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США.— «Современная американская этнография». М., 1963; Э. В. Соколов. Современный неопрейдизм и проблема социального характера.— «Философские исследования» («Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 365), Л., 1968; его же. Культура и личность. Л., 1972; И. С. Кон. К проблеме национального характера.— «История и психология». М., 1971; Л. Сэв. Марксизм и теория личности. М., 1972.

возможность его выведения из способов первоначального ухода за младенцем. С другой стороны, сам полевой материал вызывал сомнение: поведение и психологические реакции людей описывались и интерпретировались по субъективным впечатлениям исследователей, а нередко широкие обобщения основывались целиком на вторичном анализе данных, собранных первоначально для других целей и под другим углом зрения. При этом очень трудно разграничить: 1) принятые в культуре нормативно-идеологические представления о ребенке и способах его воспитания, 2) представления и стереотипы бытового, обыденного сознания, которые могут существенно отличаться от культурных норм, и 3) то, что психологи называют «открытым поведением», т. е. поступки, поддающиеся внешнему наблюдению (с кем общается ребенок, кто и как за ним ухаживает и т. п.).

Осознание этих трудностей, расширение тематики и усложнение методов исследования вызвали к жизни массу новых исследований, проводимых параллельно (а в некоторых случаях и совместно) социологами, психологами и этнографами². Крупнейшее из этих исследований — начатый в 1954 г. под руководством профессоров Гарвардского университета Беатрисы и Джона Уайтингов «Проект шести культур». Его результаты отражены в целой серии публикаций, важнейшая из которых, девятая по счету, «Дети шести культур. Психокультурный анализ», появилась в 1975 г.³ (в дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте).

Исследование Уайтингов с самого начала было задумано одновременно как этнографическое и сравнительно-психологическое. Необходимость такого подхода была осознана давно. Общеизвестно, что поведение детей (как и вырастающее из него поведение взрослых людей) зависит, с одной стороны, от особенностей общества, культуры, системы воспитания, а с другой — от пола, возраста и других естественных характеристик индивида. Но каково соотношение этих двух групп переменных?

Джон Уайтинг и Ирвин Чайлд⁴ на широком сравнительном материале проследили связь между способами воспитания ребенка и личностью взрослого человека, представления о свойствах которой своеобразно отражаются в народной медицине соответствующего общества; они исходили из теорий классического психоанализа. В отличие от других работ в русле теории «культуры и личности» Уайтинг и Чайлд строили свое исследование на сравнительном анализе 75 обществ, по которым они располагали сведениями, с одной стороны, о воспитании, а с другой — о болезнях и методах их лечения. Статистически сравнивая эти две группы переменных (строгость в отношении орального, анального, сексуального и т. д. поведения ребенка и характерное для данной культуры объяснение причин различных болезней), исследователи пытались получить связанную картину соотношения «положительных» и «отрицательных» фиксаций. Однако из 10 первоначальных гипотез только 4 статистически подтвердились. Уайтинг позднее объяснял это как теоретическими, так и методическими просчетами: недостаточными и зачастую недостоверными были первичные данные; не была предусмотрена возможность внутрикультурных вариаций; презумпция межпоколенной стабильности не учитывала того, что в ряде случаев отношение человека к болезни может отражать способ социализации, характерный для предыдущего поколения; не было автономного измерения личностных черт, необходимого для проверки суждений, основанных на культурных стереотипах (народная медицина)⁵. Отсюда — поиск новой, более совершенной мето-

² Среди англо-американских работ обзорного характера, с обширной библиографией, наиболее важны: E. Zigler and I. I. Child. Socialization. — «The handbook of social psychology», v. 3, ch. 24, Reading, Mass., 1968; G. A. De Vos and A. E. Hippler. Cultural psychology: comparative studies of human behavior. — Там же, т. 4, гл. 33; A. Inkeles and D. J. Levinson. National character: the study of modal personality and sociocultural systems. — Там же, т. 4, гл. 34; R. A. Le Vine. Culture, personality and socialization: an evolutionary view. — «Handbook of socialization theory and research», Chicago, 1969, ch. 8; ego же. Cross-cultural study in child psychology. — «Carmichael's Manual of Child Psychology», N. Y., 1970, v. 2, ch. 26; R. D. Hess. Social class and ethnic influences upon socialization. — Там же, гл. 25; E. Bourguignon. Psychological anthropology. — «Handbook of social and cultural anthropology», Chicago, 1973, ch. 25; R. H. Robbins. Identity, culture and behavior. — Там же, гл. 27; F. O. Gearing. Anthropology and education. — Там же, гл. 28.

³ B. W. Whiting and J. W. M. Whiting in collaboration with R. Longabaugh. Children of six cultures. A psycho-cultural analysis. Cambridge, Mass., 1975.

⁴ J. W. M. Whiting and I. L. Child. Child training and personality. New Haven, 1953.

⁵ J. W. M. Whiting a. o. Field guide for a study of socialization. — «Six cultures series», vol. 1. N. Y., 1966, p. VII—VIII.

логии и техники сбора первичных данных, в разработке которой наряду с этнологами участвовали крупные психологи (Роберт Сиерс, Элинор Маккоби).

Оригинальность замысла «Проекта шести культур» заключалась в том, что он совмещал внутрикультурный и межкультурный подходы: одни и те же дети сравниваются как с другими детьми той же общины, так и с детьми из других культур. Это имеет принципиальное значение. Психологические исследования в прошлом, как правило, ограничивались фиксацией различий между разными выборками детей в рамках одной и той же культуры. Чаще всего измерялись такие факторы, как пол, возраст, старшинство (порядок рождения) и особенности воспитания, которые, как полагают психологи, влияют на способности, личность и поведение. Сопоставить эти внутрикультурные данные с межкультурными, отражающими особенности детства и воспитания у разных социальных слоев и классов одного и того же общества или в разных обществах, было очень трудно; эти два типа исследований практически не пересекались.

Совмещение внутрикультурного и межкультурного подходов необычайно расширяет перспективы исследования. Но оно создает и большие трудности, поскольку сравниваются одновременно и разные культуры (общества) и дети, поведение которых непосредственно изучается. Это требует учета множества переменных (табл. 1). Первая сле-

Таблица 1

Модель психокультурного исследования *			
Среда	Системы поддержания жизни	Взрослый индивид	Проективные и экспрессивные системы
Климат Флора Фауна Ландшафт ↓ История Миграции Заимствования → Изобретения	Способы добывания средств к существованию Средства производства Тип поселения Социальная структура Системы защиты Право и социальный контроль Разделение труда	Приобретенные свойства Стиль поведения → Навыки и способности Иерархия ценностей Конфликты Защитные механизмы	Религия Магические верования Ритуалы и церемонии Искусство и развлечения Игры Уровень преступности
	Среда обучения ребенка	Врожденные свойства	Уровень самоубийств
	Занимаемые места	Потребности	
	Воспитатели и учителя	Влечения	
	Поставленные задачи	Задатки	
	Трудовая нагрузка матери	Младенец	

* B. W. Whiting and J. W. M. Whiting. Указ. раб., с. XVI.

ва колонка по вертикали описывает природные условия и некоторые элементы истории изучаемого общества, вторая — его материальную жизнь и социальную структуру, третья, расположенная ниже, — характерные для него способы воспитания ребенка, четвертая — некоторые свойства личности, формирующейся в этих условиях, и пятая — символические системы и другие элементы духовной культуры. С первого же взгляда очевидно, что вся эта схема в целом и каждый ее элемент в отдельности не отличаются ни теоретической строгостью, ни полнотой. Но поскольку авторы и сами понимают условность, а отчасти и произвольность своей схемы, не будем тратить времени на ее разбор и перейдем к рассмотрению содержания исследования.

Первая задача, ставшая перед учеными, заключалась в выборе подлежащих исследованию культур (обществ). В конечном итоге Уайтинги остановили свой выбор

на шести общинах⁶ в разных частях земного шара, но так, чтобы все обследованные семьи были крестьянскими (исключение составляет Очед-таун в США). Отдельная группа исследователей обследовала каждую из этих шести общин: 1) Тайра на Окинаве (Япония), 2) Таронг на Филиппинах, 3) Халапур в штате Уттар-Прадеш (Индия), 4) Ньянсонго, скотоводческая община племени гузии (Кения), 5) Хукстла-хуака — индейская деревня в горах Мексики и 6) Очед-таун — городок в Новой Англии (США). Было сделано подробное этнографическое описание этих общин, включая типичный для них образ жизни и способы воспитания детей⁷.

Затем для систематического наблюдения было выбрано от 16 до 24 детей на каждую общину, всего 67 мальчиков и 67 девочек от 3 до 11 лет, которые в ходе анализа были разбиты на четыре половозрастные группы: младшие мальчики (3—6 лет), старшие мальчики (7—11 лет) и две группы девочек тех же возрастов. Объектом изучения было социальное поведение детей в естественных условиях их жизни, т. е. взаимодействия ребенка с другими людьми, детьми или взрослыми. Длительность одного периода наблюдения была заранее ограничена 5 минутами. До начала систематического наблюдения исследователи тщательно изучили и закодировали обстановку и круг общения каждого ребенка. Чтобы ослабить влияние случайных факторов (вроде болезни или смены настроения), поведение ребенка фиксировалось не чаще одного раза в день, а в общей сложности каждого ребенка наблюдали не менее 14 раз (т. е. 70 минут) на протяжении периода от нескольких месяцев до года. В протоколах фиксировалось место действия (дом или двор; прилегающее к дому пространство или сад; школа; другие общественные места); ситуации, в которых присутствовал взрослый (любимый взрослый, мать, отец или бабушка); ситуации, в которых участвовали только дети того же пола, что и наблюдаемый ребенок (члены семьи, соседи-родственники, посторонние, группы детей одного пола); преобладающий вид деятельности (игра, случайное взаимодействие, труд, учение); размеры групп, в которых участвовал наблюдаемый ребенок.

Само собой понятно, что исследователей интересовали не отдельные поведенческие акты-интеракции (их было зафиксировано без малого 20 тысяч — 150 интеракций на ребенка), а то, как в них проявляются такие общие транскультурные свойства и процессы, как заботливость, дружелюбие, доминантность, агрессивность, ответственность, самостоятельность и какие факторы им сопутствуют. Всего удалось закодировать около 10 тысяч интеракций, которые в результате последовательного многоступенчатого анализа и обобщения (с применением ЭВМ) были сведены к 12 основным типам действия. Ребенок: 1) поступает дружелюбно, 2) оскорбляет, 3) предлагает помощь, 4) выговаривает, делает замечание, 5) предлагает поддержку, 6) ищет господства, преобладания, 7) ищет помощи, 8) ищет внимания, 9) ответственно предлагает, советует, 10) дружески, условно нападает (мальчишеская возня в отличие от настоящей драки), 11) дотрагивается до другого, 12) нападает.

При всей условности этой типологии она не является совершенно произвольной; за каждым типом действия стоит определенный набор эмпирических индикаторов, оцененных квалифицированными экспертами. Поэтому сопоставление закодированных таким образом типов поведения с полом, возрастом и культурой представляется весьма интересным как с этнологической, так и с психологической точек зрения.

В отличие от первых работ Уайтингов, базировавшихся в основном на психоанализе, в «Исследовании шести культур» они исходят из нескольких разных теоретических ориентаций (стр. 6—8). Одни положения заимствованы ими из теории научения (learning theory), сформулированной К. Халлом, Н. Миллером и Д. Доллардом: 1. Поведение вызывается стремлениями (импульсами), которые могут быть врожденными,

⁶ Слово «община» (community) употребляется здесь и далее не в историко-этнографическом смысле как определенная форма социальной организации, соответствующая определенному этапу развития общества (первобытная община, сельская община и т. д.), а в формально-социологическом значении, как общность людей, компактно проживающих на определенной ограниченной территории, в пределах которой они удовлетворяют значительную часть своих повседневных нужд, благодаря системе отношений взаимозависимости. В результате совместной жизни и взаимозависимости у них складывается какое-то групповое самосознание. Общиной в этом смысле можно считать и деревню, и маленький город, и городской микрорайон.

⁷ Эти описания опубликованы в кн.: B. B. Whiting (ed.) Six cultures: studies of child rearing. N. Y., 1963.

как голод, жажда или боль. 2. Специфическая реакция ребенка в данной ситуации, будучи вызвана таким импульсом, детерминируется опытом, полученным ребенком прежде в подобной ситуации; реакция, в прошлом способствовавшая удовлетворению импульса (поощрение), возникает с большей вероятностью, чем та, которая была безуспешной. Ослабление импульса в результате его удовлетворения подкрепляет реакцию, неудача способствует ее затуханию. 3. Наказание (причинение боли) побуждает ребенка избегать соответствующей ситуации (в отличие от мнения классического бихевиоризма, считающего наказание просто отрицательным подкреплением). 4. Реакции, которые оказываются успешными иногда, но не всегда, усиливают общее состояние напряжения и, следовательно, расширяют амплитуду потенциально возможных реакций. 5. Сходные ситуации склонны вызывать сходные реакции, поэтому вероятность той или иной реакции зависит от сходства ситуаций; например, ребенок, забота которого о младшем брате или сестре была подкреплена, будет склонен заботиться и о других малышах.

Другие послышки были заимствованы из теории социального научения (social learning theory): 1. Подкрепление может быть внешним, например в виде поощрения или наказания, осуществляемого агентом социализации, воспитателем, или внутренним, коренящимся в природе самого выполняемого действия (слушать детский плач неприятно, поэтому ребенок может успокаивать младенца независимо от того, поощряется ли это старшими). 2. Дети подражают поведению тех, кто их социализирует, и идентифицируются с ними. Степень этой идентификации зависит не только от объективной значимости социализирующего лица, но и от того, как ребенок воспринимает эту значимость и степень своей зависимости от этого лица. В большинстве культур мать воспринимается в этом отношении как более заметная и влиятельная фигура и является поэтому привилегированным кандидатом для идентификации и подражания. Значение и власть отца воспринимаются ребенком в разных культурах по-разному.

Наконец, ряд гипотез был выведен из прошлых межкультурных исследований социализации и ухода за детьми:

1. Дети, воспитываемые в «полигинных домохозяйствах» или домохозяйствах, где мужчины спят отдельно от своих жен, имеют мало контактов со своими отцами в первые два года жизни. Они считают свою мать главным распределителем благ и идентифицируются с нею. В «патриархальных обществах», где главенство принадлежит мужчинам, это порождает у мальчиков определенный конфликт по поводу их половой идентичности и вызывает у них агрессивный «маскулинный протест». Напротив, в моногамных малых семьях, где отец повседневно, органически участвует в домашней жизни, мальчики идентифицируются с отцами в более раннем возрасте и поэтому испытывают меньшую потребность быть агрессивными.

2. Дети, воспитанные в домохозяйствах, где мать имеет мало экономических или церемониальных обязанностей, не подвергаются социализирующему давлению в столь же раннем возрасте, как те, у которых мать имеет много таких обязанностей. Став взрослыми, эти дети будут больше доверять другим людям и станут более общительными.

3. В больших семьях или в семьях, включающих двух взрослых женщин, к младенцам относятся более снисходительно.

4. В обществах, имеющих значительную собственность и избыточный продукт, от детей ожидают большего послушания и ответственности, чем в обществе, где люди имеют меньше собственности.

5. В больших семейных домохозяйствах детей строже наказывают за проявления агрессивности, чем в малых моногамных семьях.

Очевидно, и сами авторы признают, что такой перечень не образует стройной теоретической системы. Часть гипотез дедуцирована из специальных, причем не всегда согласующихся друг с другом, психологических теорий. Другие суть лишь эмпирические обобщения прошлых этнологических исследований. Экстраполяция выводов этих исследований требует доказательства, да и сами термины, в которых они формулируются, не всегда определены. Можно ли, к примеру, обсуждать проблему взаимосвязи между накоплением собственности и формированием чувства дисциплины и ответственности у детей, не учитывая природы этой собственности (общественная, частная, личная), ее происхождения и приписываемого ей символического значения? Кроме того, в классовом обществе всегда имеются разные по богатству семьи.

Неопределенность общих исходных позиций «психологической антропологии» характерна и для «Исследования шести культур» Уайтингов. Сопоставляя поведение детей в разных культурах, они нуждались в двух разных системах типологизации. С одной стороны, это психологическая классификация поступков, интеракций наблюдаемых детей, с другой — социологическая классификация сравниваемых культур.

С первой задачей исследователи справились сравнительно легко. Уже простое сопоставление степени распространенности каждого из закодированных 12 типов поведения показало существенные межкультурные различия. В ходе дальнейшего анализа социальное поведение детей типологизировалось с помощью шкалы по двум независимым осям. Шкала А построена на противопоставлении заботливости (поступки типа «предлагает помощь» и «предлагает поддержку») и ответственности («ответственно советует») на одном полюсе и зависимости («ищет помощи» и «ищет внимания») и доминантности («ищет господства») — на другом. Шкала Б противопоставляет дружелюбно-теплое поведение (преобладание поступков типа «действует дружелюбно», «нападает дружелюбно» и «прикасается») авторитарно-агрессивному («выговаривает» и «нападает»; поведение типа «оскорбляет» оказалось невозможно причислить ни к одному из полюсов, поэтому оно было исключено из дальнейшего анализа).

Сложнее оказалось с типологизацией культур. Уайтинги взяли здесь два принципа деления: степень социальной и культурной сложности общества и структуру домохозяйства. Степень сложности общества складывается у них из нескольких показателей: уровня профессиональной специализации (разделение труда), дифференциации типов поселения, степени политической централизации, социальной стратификации и религиозной специализации. Изученные шесть культур делятся таким образом на два типа: простые, т. е. имеющие низкий средний балл по всем этим измерениям (такowymi оказались Ньянсонго, Хукстла-хуака и Таронг), и сложные (Очед-таун, Халапур и Тайра). Структура домохозяйства определяется тем, лежит ли в его основе малая (нуклеарная) или большая семья; к первому типу принадлежат Очед-таун, Хукстла-хуака и Таронг, ко второму — Тайра, Халапур и Ньянсонго.

Факторный анализ показал, что оба эти измерения — степень сложности социально-экономической системы и структура домохозяйства — значимо коррелируют с социальным поведением детей. Дети, воспитанные в сложных культурах, имеют более высокие показатели по шкале зависимости-доминантности и более низкие — по шкале заботливости-ответственности, нежели дети, воспитанные в простых культурах. В то же время дети, воспитанные в обществах с идеально-нуклеарной структурой домохозяйства, кажутся более дружелюбно-теплыми и менее авторитарно-агрессивными, чем дети, воспитанные там, где малая семья не составляет основы домохозяйства. Этот вывод наглядно представлен на табл. 2.

Но чем определяется и насколько универсальна такая зависимость? Деление обществ на простые и сложные, основанное на механическом усреднении степени дифференцированности разных сфер социальной деятельности, является слишком абстрактным и упрощенным, оно не позволяет понять специфичность данного социального организма в его целостности. В. И. Ленин в полемике с Н. К. Михайловским отмечал, что понятие социальной дифференциации слишком абстрактно и формально, чтобы можно было основать на нем конкретно-историческую типологию обществ⁸. Это относится и к «Исследованию шести культур» Уайтингов. Различия отношений, основанных на конкуренции или на взаимопомощи, с которыми Уайтинги связывают преобладание того или иного типа воспитания, производны не столько от степени формальной простоты или сложности соответствующей социальной структуры, сколько от характера господствующих в этом обществе производственных отношений, составляющих основу его образа жизни.

Очед-таун — это пример не просто «сложной» общины, но общины капиталистической. Сами семьи в нем социально дифференцированы. Непосредственное общение и взаимодействие людей внутри общины во многом определяется характером общественных отношений на макросоциальном, или «социетальном», как выражаются социологи, уровне (т. е. на уровне целостного общества). Это касается и процессов социализации. Можно, вероятно, без большого труда найти советский городок, который был бы по

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 392, 393.

**Схема, располагающая шесть культур по типу культуры
и по двум измерениям социального поведения ***

Структура домохозяйства

Социоэкономическая система			Поведенческое измерение А	
Простая	Ненуклеарная	Нуклеарная	Заботливо-ответственный	Зависимо-доминантный
	Ньянсонго	Таронг Хукстла-хуака		
	Сложная	Халапур Тайра		
Авторитарно-агрессивный		Дружественно-теплый		

Поведенческое измерение Б

* B. W. Whiting and J. W. M. Whiting. Указ. раб., с. 128.

своим экологическим характеристикам, составу населения похож на Очед-таун. Однако различия общественного строя и господствующих ценностных ориентаций, включая представления о целях и задачах воспитания детей, неизбежно будут сказываться и в конкретных взаимоотношениях детей и взрослых. Это необходимо учитывать в любых межкультурных сопоставлениях, в том числе и этнопсихологических.

Недостаточная конкретность и глубина социально-экономического анализа, характерная для работы Уайтингов, как, впрочем, и для других «психокультурных» исследований, несомненно, снижает ее ценность. Тем не менее «Исследование шести культур» содержит очень важную научную информацию. Уайтинги ясно понимают, что общность некоторых черт поведения всех детей определенной культуры не исключает внутрикультурных индивидуальных различий. Несмотря на крайне малую выборку, американские ученые показывают, что такие вариации существуют и, следовательно, тип культуры определяет индивидуальное поведение только через многократное опосредование.

Из универсальных биосоциальных факторов, исследованных Уайтингами, особенно важны возрастные и половые различия. Остановимся только на вторых. Проблема объяснения наблюдаемых различий в поведении мужчин и женщин находится сейчас в центре внимания многих наук. С одной стороны, эти различия связывают с биологически универсальным половым диморфизмом, с другой стороны — с исторически сложившейся и этноспецифической дифференциацией мужских и женских социальных ролей. Однако достоверных фактов на этот счет мало⁹, поэтому данные Уайтингов представляют значительную ценность.

⁹ Критический обзор и обобщение соответствующих исследований см.: E. E. Maccoby (ed.). The development of sex differences. Stanford, California, 1966; E. E. Maccoby and C. N. Jacklin. The psychology of sex differences. Stanford, California, 1974.

При всех различиях между культурами девочки 3—6 лет имеют более высокие показатели, чем мальчики, по таким качествам, как зависимость и эмоциональная теплота отношений. У 7—11-летних детей эта разница исчезает. Что касается «заботливости», то в младшем возрасте половых различий по этой черте не наблюдается, но в 7—11 лет девочки значительно опережают в этом отношении мальчиков. По гнездам «агрессивность» и «доминантность-зависимость» у мальчиков показатели большей частью выше, чем у девочек (только в Ньянсонго девочки 7—11 лет показали более высокий уровень агрессивности). Напротив, дружественное и просоциальное поведение не связано с полом и зависит скорее от возраста — в этом, как и во многих других отношениях, девочки развиваются быстрее мальчиков. В общем девочки кажутся более теплыми и зависимыми, чем мальчики, но эти различия статистически значимы только для 3—6-летних; девочки также более заботливы, особенно в 7—11 лет. Напротив, для мальчиков характерны большая доминантность и особенно большая агрессивность.

Чем объясняются эти различия, Уайтинги не берутся решать. Более высокие показатели у 3—6-летних девочек по поведению типа «ищет помощи» и «прикасается», возможно, связаны с тем, что от них не так настойчиво, как от мальчиков, требуют оставить эти привычки, которые в раннем детстве характерны для всех детей, независимо от их половой принадлежности. Более высокие показатели у мальчиков этого возраста по поступкам типа «добивается господства» и «нападает» отражают меньшее социализирующее давление на них в этом отношении, чем на девочек, или даже поощрение такого поведения, соответствующего транскультурным стереотипам маскулинности. Однако это может быть и следствием врожденных половых различий. Беатриса Уайтинг уже раньше высказывала мысль, что поведение, связанное с прикосновением к другому, у девочек, и силовая игра, возня — у мальчиков, вероятнее всего, являются врожденными альтернативными способами поиска и предложения физического контакта; их половая дифференциация у людей та же, что и у молодых животных¹⁰.

«Поиск помощи», более частый у девочек, а также «поиск внимания» и «поиск господства», более частые у мальчиков, могут быть альтернативными способами заставить других удовлетворить эгоистическую потребность ребенка в опеке, зависимости. Характерно, что у девочек частота такого поведения снижается по мере того, как усиливается их заботливость о других, которая отрицательно коррелирует с эгоистическим поведением типа «ищет помощи», «ищет господства» и «ищет внимания».

В старших возрастах, продолжают Уайтинги, разница между мальчиками и девочками кажется скорее воспитанной, чем врожденной. Трудно сказать, создается ли эта разница с помощью непосредственного обучения или специфического распределения заданий, или путем идентификации ребенка с взрослой мужской и женской ролевой моделью.

Поскольку во всех шести культурах девочкам чаще, чем мальчикам, поручают ухаживать за младшими сиблингами, они совершают больше поступков, оцениваемых как «проявление заботливости». Этому способствует также «ролевое моделирование». Во всех шести общинах девочки проводят с матерями больше времени, чем мальчики. Они значительно больше мальчиков заняты уборкой дома, приготовлением пищи и другими домашними делами, осуществляемыми под присмотром и руководством матерей. Целью этой домашней работы является большей частью благополучие других членов семьи, поэтому, выполняя ее, девочки приучаются предвосхищать и удовлетворять нужды других — поведение, которое исследователи называют «заботливым». То, что это действительно влияет на социальное поведение детей, доказывается и исследованием К. Эмбер в Кении¹¹. Было замечено, что мальчики, не имеющие сестер соответствующего возраста и потому вынужденные выполнять больше домашних обязанностей, были во всех ситуациях менее доминантными и агрессивными, чем их сверстники.

Короче говоря, во всех шести культурах обучающая и социализирующая среда девочек и мальчиков, вытекающая из дифференциации половых ролей, различна, и это сказывается на характере и поведении детей. Довольно интересны и данные о том, как

¹⁰ B. W. Whiting and C. Edwards. A cross-cultural analysis of sex differences in the behavior of children aged three through eleven.— «Journal of social psychology», v. 91, 1973, p. 171—188.

¹¹ См.: C. Ember. Female task assignment and the social behavior of boys.— «Ethos», v. 1, 1973, p. 424—439.

варьирует в разных культурах социальное поведение детей по отношению к равным субъектам: родителям, сверстникам, младшим.

Двойственный — этносоциологический и этнопсихологический — характер исследования Уайтингов делает необходимой и двойную интерпретацию данных. На социологическом уровне анализа социальное поведение детей рассматривается как подготовка к будущим взрослым социальным ролям. Психологические типы и различия в способах социализации сводятся при этом, в последнем счете, к различиям социальных структур.

«Предложение помощи и поддержки», по мнению Уайтингов, особенно существенно для людей, живущих в более простых обществах, основанных на родстве и соседской взаимопомощи; хвастовство и доминантность здесь неуместны, что сказывается и на воспитании детей. В более сложных обществах, где родственники и соседи воспринимаются скорее как конкуренты, чем как люди, которых нужно поддерживать, хвастовство и эгоистическая доминантность проявляются чаще и кажутся более уместными, чем предложение помощи и поддержки.

Не менее важна для формирования характера структура семьи. Чтобы глава патриархальной большой семьи мог осуществлять власть над своими взрослыми сыновьями и их семьями, он должен заблаговременно научиться не стесняться в выражении агрессии, и приобретенное в детстве искусство командования младшими сиблингами будет ему весьма полезно. Конфликтные интересы трех поколений делают неформальные и теплые отношения затруднительными, особенно если все живут в одном домохозяйстве. Независимая малая семья, в которой муж и жена живут вместе со своими детьми, требует гораздо менее авторитарной структуры; теплые и неформальные отношения проявляются здесь, в частности, в том, что родители спят и едят совместно с детьми, при отсутствии за столом или в спальне других взрослых. Правила надлежащего взрослого социального поведения, диктуемые социально-экономическими и семейными структурами, воплощаются, таким образом, в ценностной системе культуры, которая передается детям посредством воспитания (стр. 178).

Но Уайтинги не отказываются и от психологического объяснения фактов. Каковы главные детерминанты поведения ребенка? — спрашивал Джон Уайтинг в 1958 г. Представители генетической психологии Гезелл и Пиаже говорят, что для того чтобы предсказать поведение ребенка, самое важное — знать его возраст или уровень развития. Фрейд и его последователи считают важнейшей детерминантой поведения ребенка его отношения с отцом и матерью. Представители теории научения настаивают, что важнее всего знать, какие поощрения и наказания получал ребенок за подобное поведение раньше. Курт Левин и его школа полагают, что важнее всего знать ситуацию, т. е. обстановку и мотивы поведения. Этнографы же подчеркивают, что поведение ребенка нельзя предсказать, не зная, членом какого общества он является. «Мы подозреваем, что есть доля истины в каждой из этих позиций. Кроме того, мы добавили бы еще один фактор, возможно, имеющий значение, а именно — пол ребенка» (стр. 164).

Многомерность и сложность изучаемых процессов заставляет Уайтингов быть весьма осторожными в своих выводах. «Прежде всего, данные этого исследования подсказывают, что ни одна из традиционных теорий, взятая в отдельности, не объясняет социального поведения детей. То, что мальчики более агрессивны и менее заботливы, чем девочки, не объясняется полностью ни биологической, ни культурной моделью. Дети каждой культуры уникальны в одних и сходны в других отношениях. Различия в средах научения (learning environments) приводят к различиям в социальном поведении детей; несмотря на это, все дети ищут помощи и внимания со стороны взрослых и предлагают помощь и поддержку малышам» (стр. 185).

Как самое крупное и современное междисциплинарное исследование детства, труд Уайтингов высоко ценится этносоциологами и психологами Запада. К числу его достоинств относятся широта постановки задачи, методическая тщательность полевых исследований, высокая культура статистической обработки данных и, разумеется, богатый эмпирический материал. Но нельзя не видеть также ограниченности этого исследования и его методов.

С социологической точки зрения, самое уязвимое место этой работы — абстрактная классификация обществ на простые и сложные, без выделения таких решающих моментов, как тип производства и отношения собственности, а в рамках классового общества — классовой принадлежности и социально-экономического положения изучаемых

семей. Недооценка первого из этих факторов связана с методологической ориентацией Уайтингов, а второго — с количественной незначительностью их выборки (если берется всего 20 детей на «культуру», где уж тут учесть имущественное расслоение и другие особенности отдельной семьи).

Ряд критических замечаний можно высказать и с точки зрения этнографии. Интересующие этнографов этнические различия содержания и способов социализации детей далеко не всегда можно свести к особенностям социальных структур. Например, сравнивая обряды инициации, суммированные в «Этнографическом атласе» Мердока, Э. Бургиньон и Л. Гринбаум¹² нашли, что обрезание и иные способы хирургического воздействия на гениталии 12—15-летних мальчиков зафиксированы в 10% из 815 описанных обществ; однако в Африке эта цифра составляет 25%, а в Южной Америке такая практика неизвестна. Сегрегация мальчиков-подростков как момент инициации отсутствует в 61% из 611 описанных обществ, однако в Африке южнее Сахары эта цифра составляет только 22%, а на островах Тихого океана — 37%.

Отсюда вытекает прежде всего, что при выборке подлежащих сравнению культур следует учитывать региональные особенности и избегать того, чтобы какие-то обычаи были представлены непропорционально их бытованию в обществе, ибо это может привести к ложным обобщениям. Но за этим стоит также более общая методологическая проблема: наличие между сравниваемыми группами статистически значимой разницы в каких-то средних показателях вовсе не обязательно подтверждает гипотезы исследователя относительно того, чем вызываются или с чем связаны эти различия; заключение от различий между выборками к различиям в представленных ими популяциях нельзя механически экстраполировать на природу самого изучаемого социального или психологического явления¹³.

Вторая трудность, которую справедливо подчеркивает Э. Бургиньон, связана с выбором категорий, по которым кодируются данные наблюдения. «Изобретая такие категории, исследователь должен опираться на свое знание этнографической литературы, чтобы как можно полнее предвидеть встречающиеся культурные вариации и предусмотреть для них место в своей схеме. Непредвиденные вариации могут затруднить применение кодировочной системы или повлечь за собой искажение данных в результате попыток втиснуть их в заранее построенное прокрустово ложе»¹⁴. Это относится к психологическим категориям в еще большей степени, чем к этнографическим. Социальное поведение обычно описывается в таких терминах, как агрессивность, доминантность, потребность в достижении цели и т. п. Но эти понятия не имеют в современной психологии однозначного определения, и их соотношение друг с другом представляется поразному. Чрезвычайно сложна и сама проблема взаимосвязи поведенческого акта (поступка), его мотива, социального значения и личностного смысла.

Метод наблюдения, принятый в исследовании Уайтингов, очень трудоемок, поэтому их выборка не могла быть большой. Но малое число охваченных детей ставит под сомнение широкие обобщения психологического порядка, во всяком случае — их строгость.

Сказанное, разумеется, не отменяет высокой научной ценности и информативности труда Уайтингов. Но хотя число сравнительных исследований этого типа постепенно увеличивается, оценивая состояние проблемы в целом, трудно не присоединиться к мнению Р. Ле Вина, высказанному несколько лет назад, что «транскультурное единообразие и вариации в социальных диспозициях и мотивах детей сегодня не поддаются адекватному обобщению»¹⁵. Междисциплинарная кооперация в этой области только еще начинается и нужны работы разных типов. Наряду с целенаправленными полевыми исследованиями, использующими метод непосредственного наблюдения или различные наборы психологических тестов, большую ценность представляют и работы более традиционного характера, основанные на вторичном анализе и обобщении эмпирических данных в свете современных научных представлений о детстве.

¹² См.: E. Bourguignon and L. Greenbaum. Diversity and homogeneity. A comparative analysis of societal characteristics based on the data of the ethnographic atlas.— «Occasional papers in anthropology», № 1. Columbus, Ohio State Univ., 1968 (цит. по: E. Bourguignon. Указ. раб., с. 1108, 1109).

¹³ См. R. Le Vine. Cross-cultural study in child psychology, p. 571.

¹⁴ E. Bourguignon Указ. раб., с. 1107.

¹⁵ R. Le Vine. Cross-cultural study in child psychology. p. 587.

Чаще всего такие работы суммируют межкультурные данные относительно отдельных аспектов или способов социализации и ухода за детьми; например, какую роль в уходе за младшими сиблингами играют старшие дети¹⁶ или как выглядят взаимоотношения детей и подростков в сравнительно-психологической перспективе¹⁷. Однако нужны и более широкие, комплексные исследования мира детства в масштабе одного или нескольких этносов, включающие в себя системное описание: 1) символических представлений о жизненном пути и его этапах (возрастные категории в языке, принципы выделения тех или иных возрастных степеней, их продолжительность и т. п.); 2) взаимодействия основных институтов социализации (семьи, общества сверстников, специализированных институтов социализации, например школы, функционирующих на уровне общины или общества в целом, и неспециализированных форм социализации, например включения детей в общественно-трудовую деятельность взрослых); 3) способов воспитания и ухода за детьми в семье; 4) процессов и структуры возрастной стратификации; 5) форм и методов трудового воспитания; 6) половой социализации, усвоения системы половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности и фемининности; 7) структуры и динамики межпоколенных отношений и способов трансмиссии культуры; 8) взаимодействия традиционных и современных способов социализации и их модификации у разных социальных слоев и групп.

Разумеется, попытка такого целостного описания сразу же наталкивается на лакуны в источниках. Однако это — лишь стимул для новых полевых исследований. Кроме того, этнографы работают не одни. Сравнительные исследования процессов социализации в современных обществах осуществляются также социологами и социальными психологами¹⁸. Очень важна в этом плане и возникшая в последние годы наряду с исторической демографией новая, междисциплинарная по своему духу и методам, история детства¹⁹.

Советская этнография также начала заниматься этими проблемами. Ю. В. Бромлей справедливо считает раскрытие этнической стороны происходящих в семье процессов социализации личности одной из насущных задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи²⁰. В этом плане уже немало сделано²¹. Однако современные процессы социализации нельзя понять без основательного сравнительно-исторического изучения традиционных форм семьи, быта и этнопедагогики, исследования динамики семейных и внесемейных процессов социализации и т. д. Необходимое условие такой работы — тесная координация усилий этнографов, социологов, демографов, психологов и историков.

¹⁶ См., например: *T. S. Weisner and R. Gallimore. My brother's keeper: child and sibling caretaking.* — «Current anthropology», v. 18, № 2. June, 1977.

¹⁷ *M. J. Konner. Relations among infants and juveniles in comparative perspective.* — «Social science information», 1976, v. XV, № 2/3.

¹⁸ См., например: *У. Бронфенбреннер. Два мира детства. Дети в США и СССР.* М., 1976; *D. B. Kandel, G. S. Lesser. Youth in two worlds. United States and Denmark.* San Francisco, 1972; *W. H. Holtzman, R. Diaz-Guerrero, J. D. Swartz. Personality development in two cultures. A cross-cultural longitudinal study of school children in Mexico and the United States.* Austin and London, 1975.

¹⁹ См., например: *L. de Mause (ed.). The history of childhood.* N. Y., 1974.

²⁰ *Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.* — «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 16.

²¹ См., например: «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, гл. X.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Карпатский сборник. М., 1976, 152 стр.

В 1976 г. вышел в свет второй «Карпатский сборник», подготовленный Институтом этнографии АН СССР¹. И первый и второй выпуски этого издания являются по существу началом специальной серии исследований, которая в свою очередь составляет

¹ Первый выпуск «Карпатского сборника» вышел в свет в 1972 г.

часть большого издания трудов Международной комиссии по изучению культуры населения Карпат и прилегающих к ним областей (МККК) — «Ethnographia Carpathica».

Второй выпуск «Карпатского сборника» не только продолжает и развивает проблемы, поставленные в первом выпуске, но и ставит новые. В него включены как локальные исследования, так и большие теоретические статьи. Ряд публикаций подготовлен на основе докладов советских и зарубежных (ВНР, ГДР, СССР) участников конференции «Культура и быт населения украинских Карпат», состоявшейся в Ужгороде в октябре 1972 г.

Структура сборника могла бы быть определена приблизительно так: 1) проблемные статьи, 2) исследования по вопросам материальной культуры, 3) исследования по вопросам духовной культуры, 4) архивные и музейные сообщения и публикации. Такая структура, по-видимому, вполне отвечает замыслу редакционной коллегии (Ю. В. Бромлей — отв. ред., Н. Н. Грацианская, Б. Г. Гершкович), хотя формально она пока еще четко не определена.

Учитывая характер сборника, автор данной рецензии считает, что целесообразно отказаться от последовательного рассмотрения материала. Сначала дается обзор второго, третьего и четвертого отделов; затем автор возвращается к первому отделу, чтобы специально рассмотреть крупные проблемы (решенные или дискуссионные). Это позволяет сравнить постановку проблем в первом отделе с материалами или выводами локальных исследований по соответствующей тематике, которые помещены во втором, третьем и четвертом отделах.

Итак, начнем со второго отдела. Группа статей посвящена проблемам, связанным с карпатским жилищем. В. Фролец (ЧССР) в статье «Западная граница распространения традиционного дома карпатского типа в Чехословакии» указывает на специфические формы этого типа жилища, сохранившего ряд архаичных пережитков, и подчеркивает его особенности, характерные для отдельных областей. Убедительно показано, что в чешских Западных Карпатах (область Моравской Валахии и Тешинской Силезии) проходит самый западный рубеж карпатского типа дома, который здесь имеет некоторые черты, типичные для народной архитектуры сельскохозяйственных равнинных областей бассейна р. Моравы.

Изучению типов венгерского жилища и его межэтническим связям в Карпатах посвящена статья А. Филепа (ВНР). Автор относит венгерское традиционное жилище к восточноевропейскому типу с печью, но внутри него выделяет по системе отопления четыре подтипа и прослеживает их в историческом развитии со времен средневековья до конца XIX в.

Т. В. Космина в статье «Общность архитектурно-художественной традиции украинского народного жилища северо-восточных склонов Карпат и Подолья» объясняет складывание этой общности переселениями крестьян, их побегами из-под власти помещиков. В XVI в. в предгорных и горных районах Прикарпатья и затем в XVII—XVIII вв., как указала Т. В. Космина, в Подолье шел поток миграционных волн беглых крестьян (стр. 41). Это справедливо. В статье между тем имеется еще одна дата переселения крестьян — XIV в. (стр. 40). Однако автор не рассматривает причины этих ранних переселений. Видимо, не только фольварочно-барщинная система и даже не отдельные беготы (они всегда бывали), а совсем другие события вызывали к жизни эту миграционную волну. Речь идет о грандиозных монголо-татарских погромах, и следовательно, не только о XIV в., но и о XIII в. Что же касается главной задачи, поставленной Т. В. Косминой, то ее решение формулируется следующим образом: «...Историческая обусловленная общность архитектурных традиций народного жилища северо-восточных склонов украинских Карпат и Подолья определила в известной степени избирательность в усвоении современных методов и приемов, которые, обогащаясь приемами, характерными для других районов Украины, приобретают общенациональные признаки» (стр. 45).

К рассмотренным выше статьям о жилище примыкают еще две: Т. И. Кишук — «Предметы декоративно-прикладного искусства в народном жилище Закарпатья» и П. М. Федаки — «Некоторые вопросы строительства украинских музеев под открытым небом (по материалам закарпатского скансена)». Т. И. Кишук поставила перед этнографами важную задачу — «изучить и научно охарактеризовать эволюцию локальных разновидностей и внутреннего убранства народного жилища Закарпатья» (стр. 50). Статья П. М. Федаки может стать началом дискуссии по вопросу о характере строительства скансена.

Четыре статьи посвящены одежде населения Карпат. В них по существу публикуются полевые материалы. Две статьи — Е. Матейко «Локальные особенности одежды гуцулов конца XIX — начала XX в.» и И. Карпинец «Кептари украинского населения Карпат» — характеризуют одежду, функционирующую в условиях высокогорья. Новый материал об этнических и локальных особенностях в одежде Карпат содержится в статьях Е. В. Полянской «О сходстве и взаимодействии различных этнических групп Закарпатья» и В. С. Зеленчука «Костюм румынского населения Закарпатской области УССР».

Ценный материал содержит статья Н. А. Демченко «Пахотные орудия румынского населения украинских Карпат в XIX — начале XX в.». Очень интересные новые документы помещены в статьях Ю. Ф. Лащука «Народная керамика украинских Карпат» и Н. И. Моздыра «Деревянная скульптура украинских Карпат», которые, согласно нашей

классификации, также входят во второй отдел. Статья Н. И. Моздыра является как бы зачинном большого исследования или серии статей. К сожалению, отсутствие иллюстраций подчас затрудняет понимание мыслей автора. Следует отметить, что выводы Н. И. Моздыра совпадают с некоторыми выводами моего небольшого сообщения в журнале «Советская этнография»². Вполне отвечает моим размышлениям заключение статьи, в котором автор утверждает, что народная скульптура в Карпатах имеет свои исконные традиции (стр. 91). Живо и ярко написанные, насыщенные интересными деталями, статьи Т. Гонтарь «Народная пища бойков в конце XIX — начале XX в.» и А. Бодника «Народная техника и терминология мукомольного домашнего промысла на Бойковщине» завершают второй раздел.

Переходим к исследованиям вопросов духовной культуры, составляющим третий раздел. В статье Л. Н. Виноградовой «Сравнительный анализ славянских колядных песен карпатского региона (украинские колядки и польские коленды)» была поставлена и удачно решена задача восстановления разрушенных частей прежней польской колядной обрядовой системы с помощью богатого украинского колядного материала в районах Карпат. Статьи Н. Н. Велецкой «Рудименты язычества в похоронных играх карпатских горцев» и Ю. П. Поповича «Обряды с плугом у восточнороманских народов» так или иначе касаются проблем этногенеза славян и восточных романцев. Рассматриваемые обряды были распространены еще в глубокой древности, до выступления славян и восточных романцев на исторической арене. В обеих статьях содержатся ценные наблюдения, а некоторые их выводы являются вкладом в решение больших вопросов о месте древнего субстрата славянского населения в ходе этногенеза.

К третьему разделу относятся также статьи об инструментальной пастушеской музыке: Э. Штокмана (ГДР) — «Изображение труда в инструментальной музыке пастухов» и Ф. Д. Климчука — «О полесском варианте одной карпато-полесской изопрагмы (карпатская трембита — полесская труба)». Э. Штокман, собрав в последние годы значительную часть инструментального пастушеского репертуара, связанного с процессом труда и различными бытовыми ситуациями, характерными для пастухов в Румынии, Албании, Турции, на Украине, показал, что этот вид трудовой музыки «принадлежит к тому жанру изобразительной („программной“) музыки, исполняемой на одном инструменте, которая была известна уже в античной Греции и существует сегодня не только в Восточной и Юго-Восточной Европе, но также на Ближнем Востоке и в Африке. Древнее происхождение этой музыки не вызывает сомнения» (стр. 133).

Как бы продолжая мысль Э. Штокмана, Ф. Д. Климчук приводит новые наблюдения и новые материалы. Его выводы о том, что трудовая пастушеская музыка, как и система пастушеского хозяйства, у славян, видимо, восходит к глубокой древности, подтверждают и мои заключения, которые я сделал на основании письменных источников (античных и средневековых). Я указывал, что не историки и археологи, а лишь этнографы могли бы дать реконструкцию пастушеского хозяйства славян в древности³. Новые работы подтверждают правильность моего заключения.

Переходом от третьего к четвертому отделу в рецензируемом сборнике является статья о трудах Я. Ф. Головацкого по вопросам украинского фольклора (Л. Н. Климова — «Вопросы народной культуры и обрядового фольклора украинцев Карпат в трудах Я. Ф. Головацкого»). В четвертом отделе помещены две статьи, в основе которых лежат документальные источники (П. Арсенич — «Этнографическое изучение Гуцульщины народными учителями (1900—1917 гг.)» и Г. В. Довженок — «Записи фольклора Карпат в трудах Отдела рукописей Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского»).

Вне рамок второго, третьего и четвертого отделов остаются две статьи: Г. П. Клепиковой — «Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах карпатского ареала (на украинском диалектном материале)» и А. Палади-Ковача (ВНР) — «Украинское население северо-восточной части Венгрии в XVIII—XIX вв.». Однако, поскольку в них поднимаются вопросы общего характера, они рассматриваются вместе со статьями первого отдела.

К первому отделу относятся четыре статьи: Ю. В. Вромлей и Н. Н. Грацианской — «Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат», С. Б. Бернштейна — «Взаимодействие языков Карпато-Дунайского ареала», Э. А. Рикмана — «О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тысячелетия н. э.» и В. Л. Гошовского — «Роль мелоеграфии в ареально-комплексных исследованиях Карпат». Правда, работа В. Л. Гошовского — это лишь тезисы доклада. В ней вместе со статьями Э. Штокмана и Ф. Д. Климчука как бы представлено комплексное направление в этнографии — мелоеграфия в районе Карпат. Поэтому статья В. Л. Гошовского отнесена к первому отделу.

Начнем со статьи Ю. В. Вромлей и Н. Н. Грацианской, в которой развиваются положения статьи, помещенной в журнале «Советское славяноведение»⁴. Отталкиваясь от

² В. Д. Королук. К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства. — «Сов. этнография», 1971, № 3.

³ В. Д. Королук. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и волюхи в VI — середине VII в.). — «Советское славяноведение», 1976, № 6, с. 43—54.

⁴ Ю. В. Вромлей, Н. Н. Грацианская. Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры). — «Советское славяноведение», 1973, № 6.

фундаментальных этногеографических исследований (М. Г. Левин, И. Н. Чебоксаров), авторы сделали попытку обобщений по самым кардинальным вопросам карпатоведения. Поставив проблему изучения хозяйственно-культурных типов в ареале Карпат, Ю. В. Бромлей и Н. Н. Грацианская прежде всего рассмотрели земледелие, а затем перешли к пастушеству на Карпатах, причем главное внимание в статье уделяется определению роли отгонно-пастушеского скотоводства периодов развитого и позднего феодализма. «...Несомненно, особенно важную роль в формировании культурной общности интересующего нас региона,— пишут авторы,— сыграло отгонно-пастушеское скотоводство, генетически связанное с так называемой колонизацией Карпат на „валашском праве“» (стр. 9). Далее показана большая роль «валашской колонизации» во всем Карпатском регионе до самых западных его областей в XV—XVII в. «Валашская колонизация» оценивается одновременно как инструмент политики крупных феодальных землевладельцев, заинтересованных в освоении пустовавших ранее земель (стр. 9, 10).

В статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской имеются новые наблюдения, которые позволяют историкам сделать интересные выводы. Правда, о роли пастушества в Карпатах в древности говорится мало. Но оно, разумеется, существовало, хотя авторы отметили овцеводство только в прикарпатских областях (стр. 11). В рецензируемом сборнике опубликованы, как уже говорилось, статьи Э. Штокмана и Ф. Д. Климчука, Е. Матейко, И. Карпинец, касающиеся материальной и духовной культуры пастухов. Концентрация всех этих материалов в рамках одного сборника позволяет говорить о фактическом начале комплексного изучения развития славянского пастушества в Карпатах и в древности и в средневековье. Пастушество и земледелие были распространены в древности во всем Карпатском регионе. Однако с течением времени земледелие либо начинает оттеснять пастушество, либо, вовлекая его в орбиту земледельческого хозяйства, подчиняет пастушество себе, превращая его в подсобную отрасль в общей системе хозяйства. Кочевничество в Карпатском регионе постепенно стало оттесняться на задний план земледелием. Однако в отличие от пастушества кочевничество было полностью уничтожено. Это совпало во времени с развитием городов в Карпато-Дунайском бассейне в период раннего и развитого феодализма. К сожалению, в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской кочевничество в Карпатском регионе не рассматривается. Зато в ней анализируется пастушеский тип хозяйства у коренного населения в периоды развитого и позднего феодализма. Хотелось бы лишь отметить, что уже в период развитого феодализма земледелие подчинило пастушество. Вовлечению славянского пастушества в орбиту земледелия способствовали крупные феодальные поместья и города в районах украинских и западнославянских Карпат. Следующий этап социально-экономического развития — конец развитого, позднего феодализма — приходится на период «валашской колонизации», хорошо охарактеризованной в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской.

Не затрагивая поднятые в статье вопросы о судьбе волохов (валахов) в районе Восточных Карпат и прилегающих областей (Задунавье), тем более, что этот вопрос дискуссионный⁵, хотелось бы остановиться на некоторых теоретических положениях исследования Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской.

Изучая историко-этнографическую область, в данном случае Карпатский регион, авторы подчеркнули, что одна историко-этногеографическая область, как правило, не покрывается одним хозяйственно-культурным типом. Напротив, несколько культурно-хозяйственных типов входят в историко-этнографическую область. Такие области формируются в ходе культурной интерференции соседних народов в результате длительных периодов их общения. «Одно из основных отличий этнографических и этнических общностей как раз и состоит в том, что последние обладают четким самосознанием. Иначе говоря, этнической общностью, или этносом, на наш взгляд, является лишь та совокупность людей, обладающих общей устойчивой культурой, которая имеет единое самосознание и самоназвание» (стр. 8). Следовательно, не культурно-хозяйственный тип, не материальная культура в локальных вариантах, а именно самосознание и самоназвание являются главным признаком этноса. Тезис — важный, ключевой, с которым я вполне согласен.

Большая группа статей в «Карпатском сборнике» (авторы — В. Фролец, А. Филеп, Т. В. Космина, Т. И. Кишук, Н. А. Демченко, Е. Матейко, И. Карпинец, Ю. Ф. Лашук) содержит материал, подтверждающий основные положения статьи Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской, в которой сформулирован основной вывод, вытекающий из совокупности комплексных исследований Карпатского региона: «... Этнические общности — явление иерархичное. В результате один и тот же человек может одновременно находиться в составе нескольких этнических общностей разного таксономического уров-

⁵ Та часть статьи, где идет речь о судьбе волохов, видимо, была сокращена авторами. Круг вопросов дискуссии оказался неполным. Между тем в литературе дискуссия продолжалась, появились новые наблюдения и гипотезы. В своей статье я предложил собственное решение: контакты и конфронтация славян с волохами произошли на территории Дунайского бассейна в VI — начале VII в. н. э. (см. В. Д. Корольюк. Перемещение славян в Подунавье..., с. 52—54). И. А. Рафаилович выдвинул другое предположение, что романизированные гето-даки — отгонные скотоводы остались на землях Карпато-Дунайского региона после эвакуации римских легионов. См. «История народного хозяйства Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1976, с. 36, 37.

ня... Притом на разных этапах этнической истории эта иерархичность не остается неизменной: например, в отдельные моменты утраты общеславянского самосознания славяне представляли собой не этническую, а лингвистическую, точнее, лингво-этнографическую общность. В ходе этнической консолидации нередко исчезает низшее этническое подразделение, так называемая этническая, или этнографическая группа» (стр. 8, 9).

Статья Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской является первым этапом обобщения больших комплексных многолетних исследований по проблематике этнических процессов на всех уровнях в Карпатском регионе.

Статьи и сообщения во втором, третьем и четвертом отделах тяготеют к проблемам, уже поставленным в статье Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской. В своей рецензии я отмечал те локальные материалы, которые продолжили и развили темы и выводы статьи. Думаю, что сообщение А. Палади-Ковача об украинцах Венгрии также связано с общей комплексной проблемой статьи.

К обобщаемому разделу сборника можно отнести также статью С. Б. Бернштейна. Она проблемная и постановочная, причем статья эта прямо адресована карпатооведам. В ней ставится вопрос о необходимости комплексного исследования в карпатоведении.

Кроме того, С. Б. Бернштейн специально сделал акцент на очень важной для историков и этнографов проблеме фракийского и кельтского субстратов во многих языках Карпатского ареала. Он считает, что в течение длительного времени основным населением провинции Норик являлись кельты, которые в первые века новой эры испытали глубокое воздействие римской цивилизации и латинского языка. Именно здесь римляне проводили политику интенсивной урбанизации, в результате которой все местное кельтское население было романизировано (стр. 17). Выводы С. Б. Бернштейна позволяют принять по существу процесс глоттогенеза кельтов в Норике, причем механизм его вполне ясен. Механизм глоттогенеза бесспорно имел большое значение в развитии романизации Карпато-Дунайского региона.

Излагать доклад-тезисы В. Л. Гошовского, видимо, нет нужды (тезисы кратки). Однако хотелось бы отметить свежую мысль автора. Вот она: «Музыкальный язык сохраняет свои специфически национальные черты и тогда, когда данная этническая группа, создавшая этот язык, полностью ассимилировалась в иной этнической среде» (стр. 125, 126).

Наконец, последняя в первом разделе статья Э. А. Рикмана представляет собой опыт размышлений о проблемах крупных этногенетических процессов в древности. По данным письменных источников, эпиграфики, археологических исследований, автор попытался выявить центры романизации населения в Карпато-Дунайском регионе. В результате Э. А. Рикман пришел к следующему выводу: «Как и Паннония, Нижняя Мезия была романизирована больше, чем Дакия» (стр. 29). Думаю, что в данном случае с этим положением можно согласиться. Затем автор обратил внимание главным образом на уровень романизации в Нижней Мезии. Подчеркивая факт незавершенности романизации Нижней Мезии (и Паннонии), он определил следующим образом картину ее развития: «Романизация распространялась из основных римских центров с запада на восток (в Паннонию.— В. К.) и с юга на север (Нижняя Мезия.— В. К.)» (стр. 31).

Поскольку в статье речь идет о Нижней Мезии, я должен остановиться на вопросе о том, в какой мере Нижняя Мезия могла играть роль главного очага романизации в Карпатском регионе в последующее время. В Нижней Мезии, помимо латинского языка, использовался фракийский, что признает и Э. А. Рикман. Причем фракийский язык сохранялся здесь еще до VI в. (см. статью С. Б. Бернштейна — стр. 18). Следовательно, процесс романизации фраков в Римской империи не был завершен, а с уходом римлян он прекратился. Сам механизм глоттогенеза и этногенеза не вполне ясен. Это во-первых. Во-вторых, именно в Мезии в результате переселения славян и подъема Первого Болгарского царства появился главный очаг развития славянской болгарской народности, что, по моему мнению, не только не могло помочь романизации, а наоборот, способствовало прекращению процесса романизации. Итак, выводы Э. А. Рикмана представляются мне спорными. Однако его статья является поисковой, а поиск очень важен во всех больших исследованиях.

Второй выпуск «Карпатского сборника» — крупный ценный труд, представляющий комплексное и целенаправленное исследование, основанное на свежих документах. Связь между статьями и сообщениями очень крепка и очевидна, хотя в оглавлении структура сборника еще не выявлена. Я вполне уверен, что в следующем, третьем, сборнике уже будет достигнуто полное соответствие между формальной структурой и проблемно-тематическим характером включенных в сборник материалов. И, кроме того, я вполне уверен, что в третьем и следующих выпусках сборника помимо лингвистических будут представлены археологические, исторические, ономастические и подобные исследования. Все эти комплексные исследования должны быть ориентированы на изучение этнической истории, а листаж сборника целесообразно увеличить.

В. Д. Королюк

Рецензируемая книга — первое в отечественной и зарубежной литературе фундаментальное исследование, рассматривающее историю кочевничества в Азии на всем протяжении его существования.

Монографию открывает краткое введение, за которым следует большая глава, посвященная причинам и путям возникновения кочевого скотоводства в Азии и ранним этапам его социально-экономической истории. В главах II—V исследуются проблемы истории хозяйства и социальных отношений у монголов, казахов, туркмен и арабов в средние века и в новое время. Автор был несомненно, прав, идя не по пути неизбежно поверхностного описания всех кочевников Азии, а сосредоточившись на детальном исследовании наиболее освещенных источниками народов, о которых к тому же в литературе велись наиболее острые дискуссии. Книга завершается очень важной в теоретическом отношении главой, в которой автор подводит итоги исследования и развивает свои взгляды по основным аспектам хозяйственной и социально-экономической истории кочевничества. Г. Е. Марков привлекает и тщательно исследует в монографии поистине огромный круг источников — археологические и этнографические материалы из различных районов степной и аридной зон Азии, включая весьма ценные собственные полевые материалы, письменные источники, обширнейшую литературу вопроса. Только таким комплексным подходом к исследованию и может решаться столь сложная и многогранная проблема всемирной истории, разработка которой вызывает незатишающие дискуссии как в зарубежной, так и в советской исторической науке. Труд Г. Е. Маркова не только подвел существенный итог разработке, но и значительно продвинул вперед марксистское изучение этой важной проблемы. Вместе с тем монография, как и всякая большая новаторская работа, содержит дискуссионные положения. Позволим себе из-за ограниченного объема рецензии остановиться главным образом на них.

В рецензируемой монографии значительное внимание уделено проблеме генезиса кочевого скотоводства. Автор совершенно прав, возражая против отнесения к кочевникам, как это еще нередко делается, только «чистых», очень подвижных скотоводов с большой амплитудой кочевания, отсутствием земледелия, полуседлых жилищ и т. д., так как ни один хозяйственный тип, в том числе и кочевничество, никогда не существовал в чистом виде. Нельзя не согласиться с Г. Е. Марковым, что кочевниками следует считать всех тех, у кого основу существования составляет экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочетов и что в кочевом хозяйстве могут быть выделены две разновидности — кочевое и полукочевое (стр. 9). Автор дает критический анализ основных точек зрения по проблеме генезиса кочевого скотоводства, останавливаясь на разборе взглядов Э. Гана, В. Шмидта, С. Н. Боголюбского, С. И. Руденко, М. П. Грязнова и др., подчеркивая вклад советских ученых в разработку этой проблемы. Рассматривая ее в целом, Г. Е. Марков приходит к выводу о развитии кочевничества на основе комплексного сельскохозяйственно-скотоводческого хозяйства среди племен «горно-степной бронзы», отмечая, что этот процесс был обусловлен многими причинами, среди которых одной из важнейших было развитие у этих племен разделения труда, социальных отношений и обмена. Становление кочевничества автор рассматривает как моногенетический процесс, развивавшийся на основе комплексного хозяйства у племен горно-степных областей под воздействием общих причин и закономерностей, что не исключает, как пишет Г. Е. Марков, вовлечения в него отдельных групп с иным хозяйственным типом (охотников и т. п.), причем развертываться этот процесс мог конвергентно в различных «критических зонах», т. е. полицентрически (стр. 30).

Развиваемая Г. Е. Марковым точка зрения является наиболее последовательной и логичной среди различных концепций, выводящих кочевое скотоводство из сельскохозяйственно-скотоводческого оседлого хозяйства. Вместе с тем и она не бесспорна. Г. Е. Марков, несомненно, прав, когда он пишет, что старая система хозяйства удерживается до тех пор, пока есть хотя бы малейшая возможность ее удержать, что позднейшая история почти не знает примеров превращения оседлого населения, земледельцев в кочевников, основу существования которых составляло бы главным образом кочевое экстенсивное скотоводство; происходил только обратный процесс оседания кочевников на землю (стр. 30). Но возникает вопрос, имеются ли бесспорные доказательства *самостоятельного* перехода племен «горно-степной бронзы» с их оседлым и полуседлым (яйлажным) комплексным хозяйством к кочевому скотоводству? Существующие концепции исходят из того, что там, где обитали эти племена, позднее появились кочевники, причем в некоторых районах (например, в Казахстане) удается проследить определенную связь между «раннекочевыми» и предшествующими им «оседлыми» культурами эпохи бронзы, а следовательно предполагается, что такой переход имел место. Однако существует ряд факторов, которые не находят удовлетворительного объяснения в рамках указанной концепции. Так, почти на всех изученных территориях одного из основных очагов формирования кочевого скотоводства — в Центральной Азии и Южной Сибири — появление новых «раннекочевых» культур сопровождается существенными сдвигами в этническом составе населения. Обычно «раннекочевые» культуры связаны здесь в большей или меньшей мере с новым населением, проникающим на территории, где до этого жили оседлые племена эпохи бронзы. Не является в этом

отношении исключением и Казахстан, где в составе населения, переходившего к кочеванию, фиксируются новые индотнические компоненты, связанные с Центральной Азией. Многие особенности «раннекочевых» культур Центральной Азии и Южной Сибири нельзя объяснить лишь как результат формирования кочевого хозяйства у живших на этой территории племен эпохи бронзы.

Одному из авторов рецензии уже приходилось выступать с критикой концепции моногенетического пути происхождения кочевого скотоводства в степной зоне Евразии¹. По его мнению, одним из важных путей становления кочевого скотоводства был переход к нему некоторых подвижных племен охотников эпохи бронзы и раннего железа, обитавших по соседству с оседлыми скотоводами и земледельцами, у которых они вначале заимствовали domestцированных к этому времени транспортных животных — лошадей, верблюдов (в степной и аридной зоне), оленя (в горной тайге). Вскоре, по мере расселения и освоения ими новых территорий (в частности, по мере расселения из лесостепи в степь племен охотников-кочеводов), начинается в их среде процесс заимствования и других пригодных для подвижного быта домашних животных и приспособления к новой форме хозяйства — кочевому скотоводству. При этом следует заметить, что подвижным племенам охотников при переходе к кочевому скотоводству не приходилось существенно ломать сложившиеся формы быта, традиционную материальную культуру. Расселяясь, кочевые скотоводы либо вытесняли встречавшиеся им на пути оседлые племена, либо смешивались с ними, втягивая их в новые формы хозяйства и быта. Вовлекались в кочевое скотоводство и охотничьи племена, населявшие сопредельные со степью лесные районы. Процесс этот, начавшись в конце эпохи бронзы и охватив вскоре обширные районы Евразии, продолжался затем еще весьма длительное время. Так, если у хунну формирование кочевого скотоводства можно отнести к I тысячелетию до н. э., то значительная часть лесных, преимущественно охотничьих, племен монголов перешла к кочевому скотоводству, вероятно, лишь в конце I тысячелетия н. э., а охотничьи племена тунгусов в забайкальско-верхнеамурском регионе перешли в степи, заимствовав вначале лошадей, а затем освоив кочевое скотоводство, лишь в начале II тысячелетия н. э. Кочевое оленеводство, возникнув у подвижных охотничьих племен Саян, заимствовавших домашних оленей у своих оседлых соседей еще в I тысячелетии до н. э., распространилось весьма широко в Северной Евразии², однако этот процесс также был весьма длительным. Так, например, северные группы охотников-кетов освоили оленеводство, по всей вероятности, лишь во второй половине II тысячелетия н. э.

Разумеется, окончательное решение сложнейшей проблемы происхождения кочевого скотоводства требует дальнейшего накопления фактических материалов.

Большой интерес представляют разделы рецензируемой работы, посвященные социально-экономическим отношениям у кочевников. На основе обобщения огромного фактического материала Г. Е. Марков делает, на наш взгляд, глубоко аргументированный вывод о несостоятельности концепции «кочевого феодализма» во всех ее вариантах. Он убедительно показывает, что нельзя говорить о социально-экономическом строе кочевников как о феодальном (с. 80—86, 141, 142, 174—190, 224—227, 234, 257—270, 273—276, 290—307). Однако эту, на наш взгляд, совершенно правильную точку зрения автор не во всем проводит последовательно до конца. Так, он, например, пишет о том, что Китай установил в Монголии «военно-феодальный порядок», в результате чего общественные отношения у монголов приобрели «феодальный облик» (с. 133).

Указывая, что в кочевых обществах, как правило, существовало рабство, автор в то же время показывает, что оно никогда не играло в них существенной роли (с. 67, 154, 203, 223, 303, 271). Общество кочевников никогда не было и не могло быть рабовладельческим.

Столь же убедительно автор показывает, что кочевое общество не может быть охарактеризовано как первобытнообщинное (с. 58, 68, 69, 252, 273 и др.). Большой фактический материал приведен им и в пользу положения о том, что у всех кочевых народов в течение почти всей их истории бытовали в сущности одни и те же социально-экономические отношения. Но какие же именно? Насколько можно понять из некоторых мест работы, автор склоняется к взгляду, что в основе общества кочевников лежали особые, только ему присущие производственные отношения (с. 234, 235, 270, 312). Однако характеристика этих отношений не является достаточно четкой.

В одном из мест книги Г. Е. Марков пишет о «специфическом военно-демократическом и патриархальном укладе», лежащем в основе кочевых обществ (с. 273). В другом месте «военная демократия» и «патриархальный уклад» выступают как два разных этапа эволюции социальной структуры кочевничества, причем указывается, что патриархальные отношения утверждаются лишь по мере «разложения кочевых империй, подчинения последних земледельческим государствам, постепенного появления и развития черт оседлости в хозяйстве...» (с. 307, 308). Последняя формулировка не только расходится с первой, но и не содержит никаких указаний на специфику отношений в кочевом обществе. Понятия «военной демократии» и «патриархального укла-

¹ См. С. И. Вайнштейн. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973 (доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).

² См. С. И. Вайнштейн. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. «Сов. этнография», 1970, № 6; 1971, № 5.

да» в равной степени применяются в литературе и для характеристики оседлых земледельческих обществ.

Нельзя также не отметить, что термин «военная демократия» сам по себе характеризует лишь организацию власти, но не социально-экономический строй. Поэтому он не сопоставим с термином «патриархальный уклад». Но «военная демократия» как форма организации власти имеет определенную экономическую основу. И на нее указывает Г. Е. Марков, говоря, что «„военная демократия“ была эпохой, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов» (с. 308). В других местах монографии протекание процесса классообразования он рассматривает как явление, характерное не только для начальной, но для всех вообще стадий эволюции кочевничества (с. 304, 305). Казалось бы, из этого следует вывод, что всех кочевников нужно отнести к стадии перехода от доклассового общества к классовому. Но Г. Е. Марков не только не делает такого вывода, но, наоборот, подвергает критике подобного рода взгляд (с. 273). И в связи с этим нельзя не обратить внимания на тот факт, что, говоря о протекании классообразования у кочевников, автор в то же время ничего не говорит о том, какие же именно классы формировались, складывались в их обществе. И проблема не может быть снята указанием на то, что пока кочевники оставались кочевниками, процесс классообразования в принципе не мог быть у них завершен (с. 305). Ведь становление классов всегда есть формирование определенных классов. Эти неясности, на наш взгляд, не случайны. Они связаны с недостаточной разработанностью в нашей литературе теории становления класса и государства. Все авторы признают существование периода перехода от первобытного общества к классовому. Однако все социальные образования, относящиеся к этому периоду, обычно рассматриваются как формирующиеся классовые общества. Факты, приводимые в книге Г. Е. Маркова, свидетельствуют о том, что социальные образования кочевников в большинстве случаев не могут быть отнесены к числу формирующихся классовых обществ. Именно это обстоятельство и помешало автору отнести кочевые общества к периоду перехода от доклассового общества к классовому. Вместе с тем те же самые факты не позволили ему отнести их и к классовому обществу. Отсюда неизбежна и неопределенность в характеристике кочевого общества, и стремление выделить его в особый тип.

Однако общество, находящееся между доклассовым, с одной стороны, и классовым — с другой, гораздо сложнее и многообразнее, чем обычно думают. В этом обществе, которое лучше всего было бы назвать *предклассовым*, существовали различные социальные структуры. Одни из них действительно представляли собой формирующиеся классовые организмы, являющиеся одновременно и становящимися государствами. Но наряду с ними существовали и такие социальные системы, которые, уже не будучи доклассовыми обществами, в то же время не были и формирующимися классовыми организмами. В них протекал процесс не классообразования в точном смысле этого слова, а вызревания предпосылок классообразования, который выражался в развитии патроната, кабалы, рабства, в появлении имущественного и социального неравенства. Соответственно в этих обществах исчезали первобытные социально-экономические связи³. Такого рода общества зарубежные исследователи чаще всего называют «сегментарными», или «ацефальными». Больше всего их было описано в Африке. Одни из них базировались на земледелии, другие на скотоводстве. Основными хозяйственными ячейками в этих обществах были большие или малые семьи, являвшиеся единицами обособленной собственности. Эти хозяйственные ячейки существовали только в составе хозяйственных организмов — формирующихся соседских общин, которые представляли собой низшие звенья целой иерархии социальных объединений.

Именно к числу такого рода обществ по всем признакам должны быть, на наш взгляд, отнесены и кочевые народы Азии, пока они находились, выражаясь словами Г. Е. Маркова, в «общинно-кочевом» состоянии. Но кроме этого состояния автор выделяет и другое, которое он именует «военно-кочевым» (с. 311, 312). Характерным для последнего было возникновение кочевых империй. Г. Е. Марков характеризует их как временные эфемерные образования, во многом отличающиеся от государств оседло-земледельческих областей (с. 312). Кочевые империи действительно были эфемерными образованиями, однако по всей социально-экономической структуре они мало чем отличались от многих формирующихся государств земледельческих народов. И для тех, и для других обществ было характерно существование двух основных групп, из которых одна эксплуатировала другую. Первую группу составлял господствующий класс, в общем и целом совпадавший с государственным аппаратом, вторую — непосредственные производители материальных благ. Основой эксплуатации была верховная собственность первой группы на личность и имущество представителей второй. Г. Е. Марков приводит характеристику личности рядовых скотоводов, содержащуюся в книге Плано Карпини «История монголов»: «Император и вожди, — писал Карпини, — берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их распорягают они во всем, как им будет угодно» (с. 92). Автор не оспаривает справедливости этого утверждения, он лишь утверждает, что «подобный произвол не составлял

³ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община. — «Становление классов и государства». М., 1976, с. 84—86.

определенной социально-экономической системы» (с. 92). В действительности же мы имеем дело с определенной социально-экономической системой, причем имевшей самое широкое распространение. И совсем не случайно все то, что сказано Г. Е. Марковым о социальной структуре монгольской империи (с. 87—92, 95 и др.), во многом совпадает, например, с описанием общественных отношений в формирующемся классовом обществе земледельческой Буганды⁴. Быстрое превращение «ацефальных» обществ в формирующиеся классовые (протоклассовые), а затем и в раннеклассовые характерно не только для кочевых, но и земледельческих народов. Так, например, буквально за несколько десятков лет «ацефальное» общество галла Эфиопии превратилось в протоклассовое, а затем и раннеклассовое⁵.

Как показывает Г. Е. Марков, возможен был переход не только из «общинно-кочевого» состояния в «военно-кочевое», но и из последнего снова в первое (с. 313). Аналогичное явление наблюдалось и у земледельческих народов. У них зафиксирован случай превращения не только «ацефальных» обществ в протоклассовые, но и протоклассовых в «ацефальные». Но нельзя не отметить, что по крайней мере в ряде случаев и после распада кочевых империй характерные для них социально-экономические отношения долгое время продолжали в какой-то степени сохраняться. Это особенно наглядно видно на примере монголов, у которых эти отношения, не исчезнув полностью после крушения империи, получили вновь развитие после завоевания их Китаем (см. стр. 9, 297, 122—130). Все приведенные выше данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что не существует никаких особых социально-экономических отношений, присущих исключительно кочевникам. В их обществе существовали те же самые производственные отношения, что и в обществе земледельцев, находившихся на стадиях предклассового и отчасти раннеклассового обществ.

Все наши замечания, вполне понятно, не меняют общей весьма высокой оценки этого фундаментального труда. Книга Г. Е. Маркова, как отмечалось выше, во многом носит дискуссионный характер. И в этой дискуссионности, в свежем и оригинальном подходе к огромному материалу, которым располагает наука о кочевниках, на наш взгляд, главное достоинство рецензируемой монографии. Она заставляет по-новому поставить казалось бы давно уже решенные вопросы, будит мысль, требует дальнейших теоретических изысканий в этой области. Очень важны крупные теоретические выводы, сделанные в книге. Безусловно ценен тот огромный фактический материал, который тщательно собран, скрупулезно проанализирован и творчески обобщен автором. Книга Г. Е. Маркова, несомненно представляет собой существенный вклад в советское и мировое кочевниковедение и, шире, в советскую и мировую этнографическую и историческую науки. И очень жаль, что столь ценная работа издана мизерным тиражом.

С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов

⁴ См. Э. С. Годи́нер. Становление государства в Буганде.— «Становление классов и государства».

⁵ См. H. S. Lewis. A Galla monarchy. Jimma Abba Jifar, Ethiopia, 1830—1932. Madison and Milwaukee, 1965.

НАРОДЫ СССР

В. И. Козлов. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М., 1975, 264 с.

Острая нужда в работе, подобной рецензируемой, давно ощущается многими специалистами, изучающими население СССР: экономистами и демографами, географами и историками, этнографами и плановиками.

Несомненно, что в последние два десятилетия в изучении населения страны достигнуты существенные успехи. Однако подавляющее большинство исследований четко делится по «ведомствам»: одни, скажем, географические (и только географические!), другие — сугубо демографические, третьи — исключительно этнографические и т. д. Обычно ощущается весьма слабое знакомство авторов со смежными научными дисциплинами.

Между тем в жизни экономические, демографические, географические, этнические и многие другие процессы столь тесно между собой связаны, что изучение одних без связи с другими заведомо не может дать полноценных результатов, а иной раз приводит и к крупным ошибкам. Автору этой рецензии — специалисту по миграции населения — хорошо известна бесплодность изучения миграции населения (процесса демографического) без учета этнических характеристик населения и этнических процессов.

Первое и бесспорное для меня достоинство книги В. И. Козлова — рассмотрение важных процессов развития населения страны в их естественной взаимосвязи. Книга — практически первый опыт этнодемографического и этногеографического обзора населения страны в совокупности, что также повышает ее ценность. Но это же делает и особо важным учет ее достоинств и недостатков ради развития первых и устранения последних в дальнейших исследованиях.

При изложении результатов исследования В. И. Козлова подстерегали большие трудности. Изложение может быть только «линейным», последовательным, в то время как явления, о которых идет речь в книге, образуют в жизни сложный «синдром», находясь как бы в многомерном пространстве.

На мой взгляд, автор успешно справился с этой трудностью, сделав упор последовательно на разные аспекты исследуемых процессов. Книга состоит из четырех глав, носящих названия: «Историческая», «Географическая», «Демографическая», «Этнографическая». Какие аспекты рассматриваются в каждой главе, видно из их названия. Однако, как справедливо отмечает автор, «названия глав отражают лишь тот факт, что в центре внимания находится определенный аспект изучаемых явлений», но отнюдь не свидетельствуют о том, что, скажем, в географической главе нет исторического подхода к рассматриваемым явлениям.

Книга содержит громадный фактический материал, извлеченный в основном из итогов Всероссийской переписи населения 1897 г. и четырех Всесоюзных переписей — 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. Кроме того, использован значительный материал специальных обследований, особенно в последней (этнографической) главе.

В первой главе рассмотрено формирование национального состава и рост численности населения до 1917 г., этноязыковый состав и размещение народов России, состав ее населения в антропологическом и религиозном отношениях, рост численности населения в советское время, рассказано также о национальной политике царизма и национального вопросе в программе РСДРП до революции и о национальной политике Советской власти. При относительно небольшом размере глава содержит громадный фактический материал по большинству народов СССР. Думаю, что некоторые сведения можно было свести в таблицы (в дополнение к небольшому числу имеющихся), что сделало бы их более обозримыми и облегчило усвоение.

При чтении главы также явно не хватает карты. Словесное описание размещения народов не может быть, вероятно, в принципе выразительным. Данные о размещении трудно запоминаются даже географом. Видимо, автору и редактору словесное описание давалось также нелегко. Именно этим можно объяснить ошибку в описании размещения эвенов: «К эвенкам по происхождению и хозяйственному быту близки эвены, живущие к северо-западу от них (надо — к северо-востоку — В. П.), от Индигирки до центральных районов Камчатки». (стр. 22). Разумеется, на карте такая ошибка (описка) была бы невозможна.

Во второй главе дана общая картина размещения населения, охарактеризован процесс урбанизации и особенно его этнические аспекты, изменения в размещении населения и его национального составе по республикам.

Глава в целом производит очень хорошее впечатление. Стоит специально отметить, что по ряду важных принципиальных вопросов автор стоит на наиболее современных позициях. Так, процесс урбанизации он определяет как сложное явление, включающее, в частности, «распространение образа жизни, „городской“ организации производственной деятельности и т. д. на сельское население» (стр. 76). Нередко до сих пор урбанизацию примитивно понимают только как абсолютный и относительный рост городского населения.

В рамках поставленных В. И. Козловым задач глава содержит практически исчерпывающие сведения. Цифровой материал хорошо организован в таблицы, которых в этой главе много.

На мой взгляд, автор очень удачно выделил те аспекты процессов, которые особенно важны с точки зрения этнического развития, особенно роль больших городов, население которых наиболее пестро в этническом отношении.

Основной недостаток главы тот же, что и предыдущей — отсутствие карт. Многие приведенные в тексте и таблицах данные прямо-таки «просятся» на карту.

В тексте есть ряд мелких неточностей, а иногда и существенных. Так, сальдо миграции населения из сел, правильно названное в таблице на стр. 79, на предыдущей странице называется «числом переселившихся в города». На самом деле — это разница между числом переселений из села в город и из города в село, это чистый прирост горожан за счет миграции. Утверждается, что города притягивают «высвобождающуюся на селе рабочую силу» (стр. 80). На самом деле, как давно показано исследователями миграции, не всегда «свободная» (т. е. лишняя, избыточная с точки зрения потребностей народного хозяйства) рабочая сила «притягивается» городами, в некоторых случаях в города уходят при резком недостатке рабочей силы в селе. Правильно отметив, что «переселение в города местных коренных национальностей шло здесь (в Узбекистане. — В. П.) относительно медленно», В. И. Козлов утверждает, что «они обычно составляли существенный процент лишь среди горожан, занятых в административном аппарате, культуре и просвещении» (стр. 90). Здесь забыты по крайней мере бытовое обслуживание, торговля и общественное питание.

На некоторых страницах (напр. 96—97) так много цифр, что читать их трудно. Между тем эти цифры можно было свести в таблицы. Скорее даже так: таблицы не следовало переводить в текст (такой текст, не имея перед глазами таблиц, написать нельзя). В некоторых случаях текст дублирует таблицы, в чем никакой нужды нет.

Неверно утверждение, что относительный рост городского населения в Средней Азии замедленный (стр. 107). Городское население Средней Азии растет исключительно быстро. Другое дело, что медленно увеличивается его доля во всем населении района.

Довольно много здесь мест, малоудачных скорее стилистически, чем по существу, однако могущих ввести в заблуждение. Вот один пример. «В Украинской ССР украинцы расселены почти по всей территории, кроме некоторых восточных и южных областей, где высок процент русского населения...» (стр. 114). Разумеется, автор знает, что и в этих областях (Донецкая, Одесская, Крымская — они перечислены автором) живут украинцы.

В третьей главе, написанной при участии Г. А. Бондарской, детально рассмотрена динамика естественного движения населения и этнодемографическая ситуация 1926 и 1970 гг. Глава в целом производит очень хорошее впечатление, несомненно, она написана на самом высоком для настоящего времени уровне демографических знаний. К сожалению, здесь тоже встречаются неточные формулировки. Авторы утверждают, например, что «городское население в это время (60-е годы — В. П.) увеличивалось примерно на 1% каждый год, из сельских местностей в города ежегодно переселялось свыше 1 млн. человек...» (стр. 182). В одной фразе здесь три ошибочных утверждения. Городское население увеличивалось на 2—3% в год (на 1% увеличивалась доля горожан в населении страны); речь здесь явно идет не о числе переселенцев из села в город, а о сальдо миграции (потому что переселялось ежегодно более трех миллионов), прирост горожан за счет миграции составлял, конечно, больше миллиона, но не лучше ли назвать более точную цифру — от полутора до двух миллионов?

К счастью, таких мест немного.

Думаю, что авторы несколько односторонне объясняют увеличение доли ранних браков в конце 60-х годов акселерацией (стр. 186). Это, по-нашему мнению, правильно лишь отчасти. По-видимому, большое значение имело возвращение со срочной службы из Армии в 20 лет, а не в 22 года, как было раньше. Эта причина в демографической литературе уже неоднократно называлась.

В этой главе удачно использованы графики.

Думаю, что глава выиграла бы, если бы более широко были использованы относительно точные показатели воспроизводства населения, особенно нетто-коэффициенты по союзным республикам.

Наилучшее впечатление в книге производит заключительная, четвертая, глава. Основная не только на переписных данных, но и на результатах многих этнографических исследований, проведенных в разных районах страны, она отличается исключительной тщательностью формулировок. Здесь рассмотрены виды этнических процессов вообще и в СССР; этноязыковые процессы и национально-смешанные браки в СССР. Дана четкая классификация этнических процессов, которые делются на процессы этнического разделения и этнического объединения. В настоящее время для этнического развития народов СССР характерны последние. Они подразделяются на консолидацию, ассимиляцию и межэтническую интеграцию.

Как правильно пишет автор, «многие... характеризую этнические процессы в СССР, избегают употреблять термин „ассимиляция“» (стр. 197). Опираясь на труды В. И. Ленина, В. И. Козлов убедительно доказывает, что надо четко различать насильственную ассимиляцию и естественную. В антагонистических общественных формациях ассимиляционные процессы были противоречивы, в настоящее время в СССР они прежнюю свою противоречивость, по мнению автора, потеряли (стр. 198). В данное время «ассимилируемые группы сами стремятся к слиянию с окружающим их народом» (стр. 198).

В статистических материалах находят отражение лишь процессы этнической консолидации и этнической ассимиляции.

По данным переписей подробно рассмотрены этноязыковые процессы в СССР. Для населения страны характерно широчайшее развитие двуязычия и сильное расхождение между национальным самосознанием и родным языком. Это расхождение свидетельствует об интенсивности этнических процессов, поскольку родной язык — менее устойчивый признак национальной принадлежности, нежели национальное самосознание.

В. И. Козлов отмечает, что за 11 лет, прошедших между переписями населения 1959 и 1970 гг., «национально-языковая ситуация в стране изменилась сравнительно мало» (стр. 220). Доля считающих родным язык не своей национальности увеличилась всего с 5,7 до 6,1% (до 14,8 миллиона человек). Однако автор справедливо считает, что введение в программу переписи 1970 г. нового для переписей СССР вопроса о свободном владении вторым языком народов СССР могло приблизить ответы на вопросы о языке к ответам на вопрос о национальности (стр. 220, 221). Значительно шире распространено двуязычие. Общая численность свободно владеющих родным языком составила в 1970 г. 52,2 млн. человек, или 21,6% населения страны. Из 14,8 млн. человек, у которых родной язык не совпал с национальностью, толь-

ко 4,0 млн. свободно владели языком своей национальности. Из этого видно, что почти 3/4 тех, у кого язык и национальность не совпали, не знали языка своей национальности. Автор считает, что «перемена родного языка... означает обычно не двуязычие, а именно языковую ассимиляцию» (стр. 226). Против этого трудно возразить. Однако расхождение между национальностью и родным языком совсем не обязательно означает «перемену родного языка». Как показано самим В. И. Козловым в следующем параграфе, в республиках Средней Азии, Казахстана и на Кавказе дети от национально-смешанных браков при получении паспорта в подавляющем большинстве случаев принимают национальность отца. Однако многие из них, как показывают первичные данные переписей, не знали языка отца, т. е. родной язык у них с самого начала обычно был иным, чем национальность. В. И. Козлов ничего об этом не говорит. Он основывается на проведенных этнографами работах, однако этнографы при изучении национальности детей от смешанных в национальном отношении браков до сих пор почему-то ограничиваются данными паспортных столов о выборе юными гражданами национальности при получении паспорта. Однако из этих данных (а соответственно и из основанных на них работах) ничего нельзя узнать о соотношении национальности и родного языка граждан, получающих паспорт. При получении паспорта возможности выбора национальности ограничены национальностью родителей. Между тем, первичные данные переписей населения говорят о том, что национальность многих детей отличается от национальности родителей (при переписях запись о национальности основывается на самосознании взрослых; для детей она записывается по указанию родителей; при спорах родителей или их сомнениях записывается национальность матери). Несомненно, что порядок регистрации этнической (национальной) принадлежности при переписях точнее отражает фактическое положение дела и предпочтительнее при изучении этнических процессов. Отличие национальности детей от национальности родителей имеет массовый характер. Оно обычно встречается в двух случаях: когда национальность родителей различна, и семья живет в инонациональном окружении; когда национальная принадлежность членов брачной пары одинакова, однако они существенно затронуты ассимиляцией, например, перешли на другой язык. Так, например, нам известны случаи, когда русскими считали себя дети от браков украинца и белоруски, чуваша и мордовки, мордвина и украинки и т. д. (русскими считали их и родители), когда они проживали преимущественно в русском окружении (Сибирь, Казахстан). Очень много «русских» детей у однопациональных украинских и белорусских брачных пар, проживающих в Казахстане.

По этим причинам представляется не вполне точным следующее утверждение автора: «Кроме языковой ассимиляции, важной составной частью этнических процессов, мощным фактором и одним из важнейших показателей их развития являются смешанные в этническом отношении браки» (стр. 227). Фактически языковая ассимиляция и смешанные браки в громадной степени перекрываются: затронутые языковой ассимиляцией чаще вступают в смешанные браки; у детей, рожденных от этих браков, национальное самосознание и родной язык часто расходятся.

Национально-смешанные браки «обычно ломают прежний этнический быт по крайней мере одного из супругов, ведут к взаимопроникновению языка и культуры: в национально-смешанных семьях нередко один из супругов переходит на другой язык, иногда бытуют оба языка, и, наконец, бывают случаи, когда супруги пользуются главным образом третьим языком — посредником межнационального общения» (стр. 229). Как справедливо отмечает автор, правила определения национальности при получении паспорта «огрубляют действительную этническую ориентацию многих граждан СССР, а в ряде случаев и искажают ее, сильно затемняя тем самым реальное развитие этнических процессов...» (стр. 231).

Дети из смешанных семей в определенной степени интегрируют этнические культуры родителей, однако статистически «второе поколение в таких семьях как бы обрывает этническую линию по крайней мере одного из родителей, исключая его тем самым из процесса воспроизводства коренной для него этнической общности» (стр. 321). А это ведет к тому, что численность одних народов растет быстрее, чем это было бы без смешанных браков, других медленнее (или даже уменьшается), поскольку дети распределяются по национальности существенно иначе, чем родители.

Смешанных в национальном отношении семей в СССР очень много, их число и доля среди всех семей быстро растут. Если в 1959 г. из 1000 семей смешанными были 102, то в 1970 — уже 135 (стр. 235 и 246). Следовало отметить, что «смешанные в национальном отношении семьи» — это не совсем то, что смешанные брачные пары: если национальность ребенка иная, чем родителей, при однопациональном браке (например, ребенок украинцев — русский), то семья — смешанная. Для этнографа это различие не очевидно, между тем оно важно. В местах массовой этнической трансформации (например, украинцы на Северном Кавказе, в Курской и Воронежской областях, в Западной Сибири и Северном Казахстане, на Дальнем Востоке) различие между этнически смешанными браками и этнически смешанными семьями особенно важно.

Автор прекрасно показал повсеместное (в принятом масштабе) распространение смешанных браков и повсеместный их абсолютный и относительный рост. Наиболее характерны такие семьи для городов, где в целом по стране из 1000 семей в 1970 г. 175 было смешанных, а в Молдавии — даже 344. Меньше всего их в Армении — 45.

из тысячи, что объясняется высокой степенью однопациональности населения Армении; относительно мало их также в городах России (125, причина — та же) и Азербайджане (128). Очень много смешанных браков в городах Украины (296 из тысячи), Белоруссии (292), Латвии (254), Казахстана (237). В сельской местности по стране в целом смешанных семей значительно меньше — 79 из 1000; самая высокая их цифра — в Казахстане — 170 из 1000 (стр. 246).

Очень быстрый рост доли смешанных в национальном отношении семей более всего остального ставит под сомнение сравнимость данных о доле лиц с родным языком другой национальности по переписи 1959 и 1970 гг. — 5,7 и 6,1% соответственно. К сожалению, это не отмечено автором.

В книге приведены также интересные данные о выборе национальности при получении паспорта детьми из смешанных семей. Однако с точки зрения изучения действительных этнических процессов значительно большую ценность имели бы соответствующие данные переписей. Их отсутствие в книге — недостаток не столько этой книги, поскольку это работа сводная, обобщающая, сколько советской демографии в целом, которая почему-то не учитывает ценнейшие для освещения этнических процессов первичные материалы переписей (опросные листы). Очень жаль, что советские этнографы не провели пока также полевых исследований самого процесса этнических изменений, ограничившись констатацией его результатов. Отдельные наблюдения в смешанных семьях показывают резкое усиление этнических сдвигов в таких семьях от поколения к поколению.

Книга В. И. Козлова завершается очень интересным, обширным и насыщенным фактами заключением, где, в частности, рассмотрена динамика численности национальностей СССР по данным четырех Всесоюзных переписей. Различия в темпах прироста в значительной мере объясняются именно этническими процессами. Так, сокращение численности украинцев между переписями 1926 и 1939 гг. «вызвано тем, что значительные группы населения на юге и в других районах Европейской части РСФСР, показавшие себя при переписи 1926 года украинцами, фактически находились в этнически переходном состоянии и по переписи 1939 года отнесли себя к русским...» (стр. 251). Думаю, что это справедливо и по отношению к относительно многочисленному ранее украинскому населению Западной Сибири и Северного Казахстана. Видимо, относительно низкий прирост украинцев между переписями 1959 и 1970 гг. (на 9,4%) также следует объяснить этническими процессами.

Снижение численности мордвы, карелов и ряда других народов за эти 11 лет В. И. Козлов справедливо считает результатом продолжающейся ассимиляции этих народов, главным образом русскими.

В. И. Козлов отмечает, что «постепенно размываются границы между отдельными народами», что «имеется много людей с нечетким национальным самосознанием» (стр. 260). Следует полностью присоединиться к мнению В. И. Козлова, что «этническая статистика неточно отражает реальность», а также к выражаемой им надежде, что «важный процесс сближения и слияния наций, или, как мы его называем, процесс межнациональной интеграции, найдет свое отражение в новых переписях населения СССР» (стр. 261). В книге нет четко сформулированных конкретных предложений по этому вопросу, однако из сказанного в последней ее части однозначно следует, что при переписях нужно выделять группу «национально неопределенных».

Подведем краткие итоги.

Советский читатель получил ценную книгу, созданную в самом точном смысле слова «на грани наук». Необходимость интеграции наук очень часто провозглашается, но практически для этого делается мало. Здесь мы имеем очень удачный пример такой интеграции. Книга принесет много пользы всем, кто изучает население СССР. Полезна она будет каждому, кто интересуется развитием населения не профессионально. Правда, освоение книги читателем-неспециалистом затруднено некоторыми недостатками изложения, прежде всего отсутствием карт и избытком цифр в тексте, часть которых, вероятно, можно было вынести в таблицы. Пользование книгой было бы существенно облегчено, если бы в ней был предметный указатель.

Все отмеченные в рецензии недостатки имеют частный характер.

Появление этой ценной книги дает основание надеяться на развитие междисциплинарных исследований и появление новых трудов такого же рода. Представляется желательным и переиздание данной книги после проведения в СССР новой переписи населения в 1979 г.

В. И. Переведенцев

Исследование этнических процессов, как протекавших в прошлом, так и происходящих в наши дни, давно составляет одно из основных направлений советской этнографической науки. Советскими учеными уже создана серия работ, освещающих разные аспекты этой проблематики. Новая книга Б. Х. Кармышевой, органично примыкая к циклу изданных трудов, выделяется среди других книг, ибо в ней с особой полнотой и последовательностью применен комплексный подход, столь необходимый в исследовании этнических процессов.

Интерес автора к выбранному району исследования оправдан хотя бы тем, что этнический состав населения этой части Средней Азии до сих пор по существу не был изучен. В связи с этим следует подчеркнуть огромный вклад автора в создание фактической основы исследования. Книга написана на базе этнографических сведений, собранных Б. Х. Кармышевой в ходе многолетних полевых работ. Один только изложенный в ней фактический материал, собрать который под силу лишь опытному полевому этнографу, в совершенстве знающему местные языки, представляет собой несомненную научную ценность. Вместе с тем исследование Б. Х. Кармышевой не просто заполняет еще одно белое пятно этнографии Средней Азии. Особенности южных районов Таджикистана и Узбекистана — смешанное население при мозаичности расселения отдельных групп, своеобразие природных условий, созданное чересполосицей степей и оазисов, — позволили автору выяснить сложную картину совместной жизни разных этнических групп, в течение многих веков оказывавших влияние друг на друга. В этих районах население формировалось под воздействием постоянного притока кочевых и полукочевых племен, которые неизбежно вступали в разного рода контакты с оседлыми жителями края, как сохранявшими таджикский язык, так и воспринявшими различные диалекты узбекского языка. Таким образом, в центре наблюдений автора — история взаимоотношений двух важнейших этнических сред — ираноязычной и тюркоязычной. Нет нужды разъяснять, что именно эти проблемы, предусматривающие изучение численности разных групп населения, экономических, культурных и межэтнических связей, а также процессов ассимиляции, являются ключевыми для выяснения важнейших вопросов этнической истории узбеков и таджиков.

Уникальные полевые материалы, лежащие в основе книги, дополнены сводом данных, извлеченных из самых разнообразных источников — письменных, археологических, лингвистических, антропологических. Автор широко привлекает и этнографические сведения, собранные другими исследователями Средней Азии. Во введении дается полный и содержательный обзор работ, посвященных этнической истории южных групп таджиков и узбеков, а также сочинений, из которых можно почерпнуть материалы, имеющие отношение к теме. Такого рода обзор является самостоятельным историографическим исследованием.

В книге широко использованы все доступные материалы, и все же основным источником для Б. Х. Кармышевой служит этнографический материал. Это отразилось и на структуре работы. Б. Х. Кармышева начинает свою книгу с периода, который может быть наиболее полно охарактеризован при помощи этнографических данных. Первая глава называется «Этнический состав населения и расселение отдельных его групп в конце XIX — начале XX в.». Лишь во второй главе излагается история формирования населения региона. Такая композиция книги объясняется стремлением автора по возможности освободиться от известной доли неопределенности, которая обычно присутствует во всех историко-этнографических работах, посвященных реконструкции событий далекого прошлого, ибо в этих случаях исследователь всегда имеет в своем распоряжении недостаточно полный и достоверный материал. Автор начинает первую главу с определения границ восточных бекств Бухарского ханства, так как до сих пор они были неясны. Итогом изучения разнообразных данных явилась карта, которая дает представление о границах восточных бекств в конце XIX — начале XX в. (стр. 34, 35). Автор установила также численность и этническую принадлежность населения отдельных местностей в первые десятилетия XX в. Общая численность и данные о плотности населения в отдельных районах сопоставлены с ландшафтными зонами и преобладающими типами хозяйства.

Первая глава, посвященная реконструкции этнического состава, отличается исключительной детализацией сведений о расселении разных этнических групп. Трудно указать на другую работу по данной проблеме, в которой материал был бы изложен столь подробно и обстоятельно. В результате составлена еще одна оригинальная карта, показывающая этнический состав края в конце XIX — начале XX в. (стр. 42, 43), необходимая для уяснения специфики протекавших здесь этнических процессов. Кропотливо собранные и проанализированные сведения позволили автору в итоге воссоздать столь конкретную картину размещения отдельных групп, что на карте удалось показать даже локализацию ранних и поздних узбекских племен (стр. 74, 75, 88, 89). Располагая этими данными, мы гораздо полнее можем представить себе процесс ранней дифференциации узбекского и таджикского народов и этапы их позднейшей консолидации. Б. Х. Кармышева выяснила также специфику расселения арабов, цыган, ирани, индусов, афганцев, о присутствии которых на бывшей территории восточных бекств Бухарского

ханства раньше имела лишь разрозненная информация. Теперь же известно, какие кишлаки в каждом бекстве они населяли. Важное значение имеет и заключение автора о том, что в городах Бухарского ханства таджики и узбеки были представлены примерно поровну. Это объясняет ситуацию, в которой часть городских узбеков переходила на таджикский язык, сохраняя свое самосознание.

Излагая данные о расселении отдельных этнических групп, Б. Х. Кармышева дает краткую характеристику внутренней структуры так называемых племен, сохранивших традиционное членение на различные подразделения и ветви. Для исследователей социальной организации кочевых и полукочевых обществ немаловажны наблюдения Б. Х. Кармышевой о характере родо-племенной (она предпочитает термин «генеалогической») структуры поздних племен. Так, рассматривая иерархию подразделений племени конграт, Б. Х. Кармышева приходит к выводу, что генеалогическая структура «была весьма подвижной, особенно в ее низших звеньях» (стр. 94).

Вторая глава, посвященная истории формирования этнического состава, представляет собой основную и наиболее интересную часть книги. Автор показывает, что традиционные языковые и культурные характеристики коренных народов далеко не во всех случаях восходят к давним временам. Неразрывность исторических судеб узбеков и таджиков вела в течение веков к тесному сближению обеих этнических сред. «По мере оседания тюрков в культурных оазисах это сближение перерастало в слияние тюркоязычного и ираноязычного населения. В зависимости от численности и политической роли указанных двух компонентов в том или ином районе побеждал язык аборигенного населения или тюркский», — пишет Б. Х. Кармышева (стр. 162). Процесс интенсивного взаимовлияния и поглощения инородных по происхождению групп прослеживается автором при рассмотрении всех этнических групп, отмеченных в регионе. Так, часть узбеков-тюрк, вобравших в себя и другие узбекские племена, и таджикские группы, перешла на таджикскую речь.

Сложность этнической истории края особенно отчетливо видна на примере группы чагатай, часть которой причисляет себя к таджикам, а часть — к узбекам. Сам этноним, возникший как наименование государственно-административной общности, уже в ранний период охватывал разные племена узбеков, а позднее распространялся и на таджикское население бывшего Чагатаева улуса. Узбеки-чагатай перешли к оседлости и в значительной степени восприняли местные культурные традиции. Б. Х. Кармышева убедительно показывает, что даже в тех случаях, когда местные предания связывают отдельные группы чагатай с кочевыми тюркскими племенами, в действительности оседлый ираноязычный субстрат, как правило, является преобладающим.

Рассматривая происхождение отдельных узбекских племен, автор вскрывает и процесс глубокого этнического взаимопроникновения не только таджиков и узбеков, но и других народов Средней Азии, в частности процесс узбекизации различных групп, принадлежащих к другим тюркоязычным народам. Таким, в частности, представляется происхождение группы туркмен-джуз, которых Б. Х. Кармышева считает возможным генетически увязать с узбеками-туркман Нуратинских гор. Что касается туркман Нураты, Б. Х. Кармышева аргументированно выступает против высказанной в литературе крайней точки зрения об отсутствии преемственности между туркманами и предками нынешних туркмен. В доказательство она ссылается на результаты проведенного В. Г. Мошковой сравнительного изучения туркман Нураты и закаспийских туркмен, а также на антропологическое исследование В. Я. Зезенковой, обнаружившей сходство морфологических особенностей нуратинской группы с закаспийскими туркманами. Отрицание связей узбеков-туркман с туркманами аргументируется преимущественно диалектологическим материалом (особенности говоров туркман Нураты соответствуют особенностям языка других узбеков даштикипчакского происхождения, а огузские элементы в них почти отсутствуют). Однако убедительные указания на связи с туркманами обнаруживаются и в диалектологических данных. Один из авторов рецензии (В. Н. Басилов) работал вместе с Б. Х. Кармышевой в Нуратинском районе в 1976 г.; материалы этого сезона уже не могли войти в книгу, между тем они подкрепляют позицию Б. Х. Кармышевой. Например, один из информаторов при перечислении своих предков имя одного из них, включающее слово «пришел» (келди), произносил по-туркменски (гелди), хотя во всех других случаях и при назывании современных имен это слово говорилось по-узбекски.

Большой интерес представляет раздел, посвященный группам ходжа и сейид, которые автор классифицирует как сословно-этнические (стр. 123) или «не этнические, а скорее сословные группы» (стр. 148). Эти группы известны и другим народам Средней Азии; в литературе долго господствовало мнение, что они являются потомками арабов, и лишь сравнительно недавно эта гипотеза была подвергнута критике¹. Исследование своеобразных привилегированных сословий ходжа и сейид до сих пор затруднено скудостью фактического материала, и появление новых сведений весьма своевременно. Ходжи и сейид, как свидетельствует автор, были широко расселены среди таджиков и узбеков, причем в одних случаях они фактически являлись частью таджикского, в других — узбекского народа.

Проследивая историю отдельных групп населения, Б. Х. Кармышева освещает сам механизм этнических процессов, показывая, какими конкретными путями осуще-

¹ Подробнее см.: С. М. Демидов. Туркменские овляды. Ашхабад, 1976.

ствлялись контакты тюркоязычных скотоводов с оседлыми земледельцами. В книге ясно вскрыта роль географического фактора, обуславливающего экономические взаимосвязи,— чередование оазисов и степных пространств в среднеазиатском междуречье. Автор рассматривает брачные связи между представителями разных народов и локальных (племенных) групп, раскрывая, таким образом, сам механизм процессов консолидации и ассимиляции. Очень интересен в этом плане, например, установленный Б. Х. Кармышевой факт, что ранние группы узбеков (тюрк и др.) были гораздо теснее связаны с таджиками, чем с появившимися в крае позднее дештикипчаками узбеками.

Содержание и значение книги Б. Х. Кармышевой гораздо шире, чем проблема, сформулированная в заглавии. В Восточной Бухаре в конце XIX — начале XX в. в силу ее общей экономической отсталости этнические консолидационные процессы проходили не столь быстро, как в других районах древнего смежного проживания тюркоязычного и ираноязычного населения. Поэтому помимо массивов сложившегося таджикского и узбекского населения здесь сохранились многочисленные этнографические группы обоих народов — и тюркоязычные, и таджикоязычные, и двуязычные. В связи с этим проанализированный Б. Х. Кармышевой материал позволяет понять типичные черты многовекового процесса формирования узбекской и таджикской народностей, этногенез которых проходил на сопредельных территориях и был обусловлен глубокими этнокультурными взаимосвязями. Хорошо известно, что взаимоотношения «Ирана и Турана» определяли процесс формирования этнических особенностей и других народов Средней Азии. Работами А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, Б. Г. Гафурова в советской науке уже создана прочная теоретическая база для изучения этнической истории среднеазиатских народов как единого процесса, протекавшего в активном смешении ираноязычного и тюркоязычного населения. Исследование Б. Х. Кармышевой значительно продвинуло разработку данной концепции на основе нового, не привлекавшегося прежде к анализу материала.

В работе Б. Х. Кармышевой дается конкретное освещение и такой важной проблемы, как взаимодействие оседлого и кочевого населения, которое обусловило специфику исторических судеб всей Средней Азии в целом. Детально раскрывая разнообразные связи кочевого и полукочевого населения с оседлым, автор вносит значительный вклад в разработку проблемы номадизма.

Книга Б. Х. Кармышевой — исследование, в котором суммирован лучший опыт методики изучения проблем этнической истории, накопленный в нашей науке. Мы уже говорили о широком комплексном подходе автора к использованию источников. Автор стремится к синтезу самых разнообразных сведений, способных пролить свет на исторический процесс. Насколько далеко выходит Б. Х. Кармышева за пределы привычного для этнографов и историков круга данных, показывает ее обращение к зоотехнической литературе².

Собственно этнографические материалы также используются Б. Х. Кармышевой во всем комплексе. Она судит о происхождении той или иной группы, анализируя не только предания и этнонимы, но и особенности традиционной культуры. Однако главное достоинство книги в том, что в отличие от многих авторов Б. Х. Кармышева избрала объектом изучения не отдельный народ или его этнографические группы, а все население края. Книга демонстрирует, таким образом, отход от изолированного, выборочного изучения в многонациональном районе этнических групп лишь одного какого-либо этноса. Такая ориентация исследования дала возможность Б. Х. Кармышевой показать различные этнические группы во взаимодействии, выявить давние этнические связи таджиков с узбеками и другими народами.

В заключение остается сказать, что в ряде мест возможны небольшие дополнения или уточнения. В частности, термин «тат» (стр. 147) использовался и туркменами западных районов, называвшими так население приамударьинских районов Туркменистана; не все туркменские шихи возводили свою родословную к Абу-Бекру (стр. 118). В книге нет четко сформулированного ответа на поставленный самим автором вопрос, почему в конце XIX — начале XX в. таджики жили преимущественно в горах (стр. 11). Лишь из отдельных разделов текста (стр. 126—148, 159, 160 и др.) читатель понимает, что Б. Х. Кармышева придерживается общепризнанного в советской науке взгляда: расселение таджиков преимущественно в горных районах было следствием не отеснения их кочевниками из оазисов, а постепенного слияния их с тюркоязычным населением, особенно интенсивно оседавшим в оазисах. Однако эти частные замечания не могут сказаться на высокой оценке серьезной и превосходно выполненной работы.

Б. Х. Кармышева всюду, где требуется, использует этнографические сведения, свидетельствующие о культурном своеобразии отдельных групп. Систематического обзора этих особенностей в книге нет, поскольку такая задача перед автором не стояла, да и объем книги был бы чрезмерно увеличен. В то же время ясно, что Б. Х. Кар-

² Г. Г. Хитенков. Локайская лошадь.— «Конские породы Средней Азии». М., 1937. В другой работе того же автора (Локайская лошадь.— «Конские породы СССР». М., 1939) опубликованы более полные данные об особенностях локайской породы, свидетельствующие об ее генетической связи с казахскими лошадьми, что косвенно подтверждает защищаемую Б. Х. Кармышевой гипотезу даштикипчацкого происхождения локайцев.

мышева обладает богатым материалом, позволяющим создать детальную этнографическую характеристику рассмотренных групп. Выразим надежду, что она сделает это в одном из своих последующих исследований.

В. П. Алексеев, В. Н. Басилов

Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976, 302 с.

Важной характерной чертой советской этнографической школы является формирование и развитие этнографической науки в союзных и автономных республиках, появление новых этнографических научных центров, в которых плодотворно работают подготовленные за годы Советской власти национальные кадры. Одним из таких центров стал Советский Таджикистан, где наряду с этнографами старшего поколения А. К. Писарчик, Н. Н. Ершовым успешно работают представители среднего и молодого поколения М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова, Л. Бахтоваршоева, А. Давыдов, И. Мухиддинов и др., опубликовавшие ряд значительных работ по этнографии таджиков¹.

Автор рецензируемой монографии ленинабадский ученый Н. О. Турсунов под руководством О. А. Сухаревой ведет свыше 10 лет историко-этнографическое изучение Северного Таджикистана. Его монография по истории городского ремесла Северного Таджикистана получила положительную оценку в советской научной печати².

В своих работах, в том числе в рецензируемой монографии, посвященной проблемам сложения и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана в XIX — начале XX в. Н. О. Турсунов опирается прежде всего на достижения русских и советских исследователей. Как известно, русские востоковеды, начиная с XVIII в., занимались Таджикистаном и внесли несомненный вклад в его этнографическое исследование. Имеется довольно обширная литература, в которой затрагиваются проблемы этнографии таджиков. И к слову сказать, некоторые работы не утратили своего научного значения до сих пор. Однако можно согласиться с автором, что хотя в дореволюционной литературе содержится ценный фактический материал, ей был присущ ряд общих недостатков, в первую очередь методологического характера. Дореволюционная историко-этнографическая литература по Северному Таджикистану в целом носила описательный статистико-обзорный, нередко компилятивный характер. Зачастую, как отмечает Н. О. Турсунов, эти работы написаны по данным случайных наблюдений авторов, не являвшихся специалистами, и не носят исследовательский характер. Подлинное научное изучение таджикских городов и селений началось только в послереволюционный период. Здесь в первую очередь должны быть названы работы М. С. Андреева, А. А. Семенова, М. Е. Массона, З. Ш. Раджабова, А. Е. Маджи. Особо следует выделить исследование этнографов О. А. Сухаревой, А. К. Писарчик, Е. М. Пещеревой, А. Л. Троицкой, Н. Н. Ершова, Н. А. Кислякова, а также историков Средней Азии Б. Г. Гафурова, Н. Н. Негматова, М. Бабаханова и др.; археологов А. М. Беленицкого, В. М. Массона, О. Г. Большакова и др.³.

Книга Н. О. Турсунова весьма удачно продолжает проводившиеся в этом направлении исследования и вместе с тем подводит итог изучению городов, процессов сложения и путей развития городского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Весьма богата источниковедческая база монографии. Автор вводит в науку новый уникальный материал, собранный им за 10 лет в городах и селениях Северного Таджикистана и населенной таджиками узбекской части Ферганской долины.

Н. О. Турсунов провел весьма плодотворную работу по уточнению понятий, которыми он оперирует: город, городок, торговое селение, ремесленное поселение, загородный квартал (стр. 22—24). Это дало возможность более четко классифицировать материал.

¹ См. например, новые работы: М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974 (рецензия Ф. Д. Люшкевич на эту книгу помещена в журн. «Сов. этнография», 1976, № 6); И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. Историко-этнографический очерк. М., 1975; З. А. Широкова. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976.

² Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Душанбе, 1974 (рецензию Е. М. Пещеревой и Р. Р. Рахимова на эту книгу см. «Сов. этнография», 1976, № 4).

³ Подробно см. библиографический очерк в рецензируемой книге (с. 6—25).

В первой главе «Краткий очерк Северного Таджикистана XIX — начала XX в.» анализируется ситуация в Северном Таджикистане накануне присоединения Средней Азии к России. Здесь же обосновывается исторически сложившееся этно-культурное районирование субрегиона, которое легло в основу изложения всего материала монографии (главы II—VII).

На солидных материалах о жителях города Ходжента и его сельского района, о городском и сельском населении Ура-Тюбинского, Канибадамского, Исфаринского, Аштского, Пенджикентского районов, Н. О. Турсунов убедительно и теоретически обоснованно выявляет исторически сложившиеся локальные подразделения основного этноса субрегиона — таджиков. Сформировавшиеся в пределах своих территорий, эти локальные подразделения обладали определенными языковыми особенностями (диалектами), спецификой хозяйственной деятельности, культуры и быта, что в конечном итоге привело к ступенчатому (по крайней мере, двойственному) самосознанию: общетаджикскому и локальному, региональному. Попытка Н. О. Турсунова выявить в пространственно-временной системе наличие иерархии локальных этнографических общностей в целом заслуживает одобрения. Типологизация районов, так скрупулезно проведенная автором во II—VII главах способствовала выявлению особенностей этно-культурных локальных подразделений таджиков и других народностей Северного Таджикистана. Автор подробно фиксирует мозаичную пестроту этнического состава населения этого небольшого региона: оказывается, в городах и поселках помимо разных локальных групп таджиков, жило немало различных подразделений узбеков — например, курама, найман, тюрк, кирк, юз и др.; туркмен — например, эрсари; киргизов — например, баявут, а также арабов, иранцев, русских, татар, евреев, армян, уйгуров и др. Автор совершенно справедливо отмечает, что «появление несреднеазиатских этнических групп в конце XIX — начале XX в. усилило пестроту состава населения..., их межнациональные хозяйственные и культурные связи» (стр. 87). Воссозданная впервые с такой исключительной тщательностью картина этнического состава населения Северного Таджикистана помогает глубже понять характер протекавших там в XIX — начале XX в. этнических процессов.

Итоги исследования подводятся в VIII главе. Здесь не просто пересказываются частные и общие выводы, данные в конце каждой из предшествующих глав, заключение базируется на всем материале монографии в целом и содержит выводы общего порядка. Автор справедливо отмечает, что в результате роста экономических связей в конце XIX — начале XX в. между исторически сложившимися группами таджиков, на основе процессов консолидации и ассимиляции таджики стали формироваться как буржуазная нация. Автор отмечает важные изменения, которые произошли в характере межнациональных связей в изучаемом регионе после присоединения Средней Азии к России. В результате возросших, прежде всего хозяйственных, связей возникли многонациональные поселения, например, нефтепромысловые и горняцкие поселки в Канибадамском и Исфаринском районах.

К книге приложены указатель литературы (стр. 271—283), указатель архивов (стр. 283), список информаторов (стр. 284, 285), перечень жилых кварталов, городков и селений (стр. 286—290), указатель названий городков, городов, селений, кишлаков, дачных мест и урочищ (стр. 291—296), указатель терминов (стр. 296—300), указатель этнических названий (стр. 300—301). Все эти материалы облегчают пользование монографией.

К сожалению, книга Н. О. Турсунова не свободна и от недостатков. Нам представляется, что она перегружена сведениями о хозяйственной деятельности населения. Серьезным недостатком является и отсутствие четкого описания социальной структуры каждой из этнических групп. Пожалуй, следовало бы более четко показать специфику культуры городского и сельского населения.

В монографии довольно много мелких погрешностей. Например, в указателе этнических названий названы литовцы и немцы и утверждается, что сведения о них содержатся на стр. 87. В действительности, эти народы упоминаются на стр. 86. Кстати, там же автор пишет, что после присоединения Средней Азии к России в составе населения Ходжента появились русские, литовцы, армяне, поляки, немцы. Он подкрепляет свои слова статистическими сведениями об этническом составе населения города, но в таблице не упоминает большинство из названных выше народов (литовцев, поляков, немцев). Не всегда уместно употребление термина «индус». Например, на стр. 142 он противопоставлен термину «индиец», хотя совершенно очевидно, что они употребляются в одном и том же смысле — для обозначения выходцев из Индии. Иногда встречаются нечеткие формулировки.

Однако эти замечания несколько не снижают самой высокой оценки рецензируемой монографии. Перед нами фундаментальное исследование, мимо которого не пройдет ни один этнограф и историк Средней Азии и Казахстана.

С. Р. Аврутин, А. М. Решетов

Трудами дореволюционных и советских авторов создана значительная литература по этнографии народов Кавказа, в частности по Северной Осетии. В ней исследованы многие общие и частные проблемы, связанные главным образом с этнической историей, хозяйством, материальной и духовной культурой, семьей и семейно-брачными отношениями, обрядами, обычаями и т. д. Среди публикаций недавнего времени, тесно связанных с указанной проблематикой, следует назвать книгу Б. А. Калоева «Осетины» (М., 1963), а также работы А. Х. Магометова «Культура и быт осетинского народа» (Орджоникидзе, 1968) и Л. А. Чибирова «Осетинское народное жилище» (Цхинвали, 1970). Однако ряд проблем, такие, например, как формы и структура поселений, типы жилища, социальные отношения, патронимическая организация, культурно-исторические связи между народами горного Кавказа, все еще недостаточно изучены в историко-этнографическом плане. Поэтому рецензируемую работу А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори следует считать важным вкладом в историко-этнографическую науку. Эта работа базируется на большом, главным образом полевым, материале, собранном этнографической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР в 1968—1970 гг.

Работа состоит из двух глав: «Формы жилища» и «Структура поселения». Иллюстративный материал — фотографии и схемы — сведен в XXXIX таблиц в отдельном приложении. Авторы подчеркивают, что их основной задачей было изучение реального историко-этнографического содержания культурно-исторических и этнических связей между народами Кавказа.

Из большого числа поднятых в работе вопросов в данной рецензии остановимся лишь на наиболее важных.

Вполне убедительно аргументировано положение авторов о том, что поселения в горной Осетии в досоветский период носили патронимический характер (стр. 96, 104—106, 192 и др.). Интересные соображения высказаны о дочерних поселениях, возникавших в результате выдела семьи из отчего дома (стр. 103, 128 и др.), о процессе формирования феодального общества на базе разложения общинного быта (стр. 80, 192 и др.), о формировании поселений с одно- и многофамильным населением (стр. 131, 132, 153 и др.), о формах собственности на пахотные земли, сенокосные угодья и зональные пастбища (стр. 91—93, 134 и др.), о патронимической собственности на пастбища, выгоны и лес (стр. 109, 129 и др.).

Можно согласиться и с мнением А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори о том, что «социально-экономическая и идеологическая общность патронимии не могла возникнуть в процессе сегментации индивидуальной семьи с частной собственностью в основе и что формирование патронимической организации происходило в процессе сегментации семейной общины или ее пережиточной формы, которая характеризовалась семейно-общинной собственностью...» (стр. 142). Интересно описаны строительные материалы (стр. 29—33), строительная техника (стр. 34—40), народные приметы, поверья и обряды (стр. 24—29, 31, 32, 37, 95, 145 и др.).

Авторы сделали весьма ценные обобщения, касающиеся этнокультурных связей осетин с ингушами, чеченцами, этнографическими или локальными группами грузин.

Благоприятное впечатление оставляет вторая часть работы, посвященная структуре поселений и влиянию патронимической организации на образование сел и патронимических кварталов.

На наш взгляд, однако, авторы не уделили должного внимания такому важному вопросу, как классификация осетинских сел и выселок. Недостаточны данные с различных типов и разновидностях жилища. Отмечая неудачную классификацию типов жилища Северной Осетии в работах Е. Г. Пчелиной, В. К. Тотрова, Б. А. Калоева, Л. А. Чибирова, А. Х. Магометова (стр. 17—23), авторы сами, к сожалению, не дали достаточно аргументированной классификации общесетинских и горноосетинских форм поселений, а также жилых комплексов, отдельных типов жилища и их разновидностей. Думается, что авторы могли бы извлечь из собранных полевых этнографических материалов немало данных, необходимых для характеристики современных форм поселений и типов жилища. Это было бы весьма полезно как для подготовки регионального выпуска историко-этнографического атласа народов Северного Кавказа, так и для составления сводного общекавказского атласа.

Не совсем ясна структура сборника. В своей статье А. И. Робакидзе и В. П. Кобычев рекомендовали подавать материал в другой последовательности¹.

Недостатком рецензируемого труда является отсутствие в нем четкого определения хронологии исторических рубежей. В связи с этим трудно проследить историческую последовательность возникновения и развития форм поселений, жилых и оборонительных комплексов, отдельных типов жилища и их подтипов (разновидностей), характерных для отдельных этнических или локальных групп населения. Авторы лишь

¹ В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа.— «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 41, 42.

упоминают о том, что в исследуемом регионе они установили два основных типа жилого комплекса, не исключаяющих наличия локальных особенностей. Этого явно недостаточно для того, чтобы широкий круг читателей и специалисты могли получить представление о типологии осетинского жилища и поселений.

Интересны выводы авторов относительно типологических аналогий в жилище осетинского, грузинского, ингушского, чеченского народов. Четко выделены ими социально-исторические и культурные факторы, стимулировавшие взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур. К сожалению, эти выводы недостаточно подтверждены конкретным материалом. Важное значение имела бы аргументация положений авторов о том, что «патронимическая организация в Канском ущелье именовалась грузинским термином *комоба*...» (стр. 130).

В работе встречаются досадные опечатки, например вместо «поселение» ошибочно напечатано «население» (стр. 161). Немало погрешностей можно найти и в принятых в работе сокращениях.

И последнее: рецензируемую работу безусловно нельзя назвать сборником. Это монографическое исследование двух авторов, посвященное культурно-историческим и этническим связям северных осетин (по материалам поселений и типов жилища).

Отмеченные выше погрешности и недостатки работы тем более досадны, что в целом сборник «Формы жилища и структура поселения горной Осетии» является большим вкладом в советское кавказоведение.

Я. Р. Винников

Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975, 133 с.

Работа Н. М. Ведерниковой о сказке отражает как основные достижения, так и те не до конца проясненные вопросы, которые есть в нашей науке. Естественно, Н. М. Ведерникова не ставила перед собой цель решить их, но она четко наметила основные направления, по которым должна продолжаться работа над сказкой: изучение ее жанрового своеобразия, исторического развития, поэтики, классификации и т. п.

Н. М. Ведерниковой тщательно проработан, отобран и введен в научный оборот тот большой аналитический материал, который в основном и составляет научный багаж советского сказковедения. И в этом смысле работа может считаться итоговой на современном этапе изучения сказки.

Это попытка широко, хотя и с явно недостаточным привлечением материала (вследствие ограниченности листаж), представить историю жанра русской сказки, начиная от первых упоминаний сказочных мотивов или сюжетов в древнерусской литературе до интенсивного собирания и изучения в XIX и начале XX в. Исторический материал в работе — своеобразный фон, на котором решаются вопросы поэтического своеобразия сказки XIX в., исследуется ее судьба в наше время. Задача охватить в целом круг интересов науки о сказке определила естественное членение работы, состоящей из историографического введения и четырех глав («Волшебные сказки», «Сказки о животных», «Бытовые сказки», «Сказка и современность»).

В последней главе, отмечая затухание сказочной традиции и на Севере, Н. Ведерникова выделяет те признаки, которые свидетельствуют о разрушении жанра (сокращение сюжета, забвение некоторых сюжетов или мотивов, стремление к реалистичности, подчас к социальности, появление психологизма, стремление мотивировать фантастическое, обновление языка), указывает и на причины как общего культурного плана, так и на своеобразии современного бытования жанра (изменение состава слушателей, переход сказки в детскую аудиторию). В работе ощущается опыт собирательской деятельности исследовательницы и ее собственные наблюдения над жизнью сказки сегодня.

Однако хорошее владение материалом поздних записей иногда заставляет исследовательницу распространять некоторые из закономерностей на сказку в целом. Так, говоря о женских образах в волшебной сказке, в частности об образе матери, которая тревожится за сына, Н. Ведерникова пишет: «Эта передача внутреннего состояния может разрастаться в целую психологическую картину» (стр. 50). И далее приводится отрывок из сказки в поздней (1973 г.) записи.

Психологические переживания героя сказки даются весьма своеобразно, часто через чувство голода и жажды, как отметил П. Богатырев¹. В этом смысле «Белая утка» в том виде, в каком она приведена в сборнике Афанасьева, не типична для сказки и обнаруживает явное влияние лирической народной поэзии (не случайно плач утки напоминает причитание).

В последние десятилетия в литературоведении и фольклористике возник ряд новых проблем, которые не обошли и повествовательную стихию сказки. Думается, примени-

¹ П. Г. Богатырев. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной волшебной сказке. — «Фольклор как искусство слова», вып. 2. М., 1969.

тельно к сказке проблема художественного времени и пространства² («хронотипа» по М. М. Бахтину) может быть осмыслена как узловая в поэтике сказки и в особом мирозерцании, особом взаимодействии героя с внешней средой.

Дуализм сказки, антитеза, лежащая в основе ее, контрастность, «эффекты неожиданности» (термин А. П. Скафтымова), отмеченные Н. М. Ведерниковой, ощущаются в своеобразном членении внешнего мира на лоскуты — пространства. Предложенное исследовательницей деление сказочного времени на время пути и время события поможет и по-разному охарактеризовать пространства (пути и события). Первые — неопределенные, бесплотные, нематериальные, вторые — фантастические.

В 30-е годы, в пору господства вульгарно-социологического направления, народная сказка нередко рассматривалась как поэтический шифр, ребус, за которым угадывались только социальные намеки и характеристики. Отголоски такого анализа можно найти и до сих пор в попытках трактовать сказки о животных как социальные аллегории³.

В таких случаях особенно заметны отрицательные последствия методики прямого перенесения литературоведческих приемов анализа на фольклорный текст, что приводит к неверному пониманию, «к однозначности толкования образов» (стр. 79), к сближению народной сказки с литературной, иногда заведомо аллегоричной. В этом случае учет функций произведения, аудитория, для которой они исполняются, помогают избежать ошибок.

Но предположение исследовательницы, что одна и та же сказка о животных может восприниматься неодинаково в разной аудитории, вызывает сомнения. Н. Ведерникова пишет: «Можно даже предположить, что иносказательность сказки — отвлечение ее от конкретного содержания — будет тем большей, чем развитей аудитория» (стр. 78). Предположение исторически неконкретно. Устойчивая и давняя тенденция перехода сказки в детскую аудиторию снимает это предположение. Но дело не только в этом. Русский сказочный репертуар, как известно, изобилует сатирическими сюжетами. Будь сказка о животных столь склонна к социальным иносказаниям, она была бы приспособлена в качестве сатирической притчи. Наконец, современная классическая африканская сказка (которая, конечно, содержит материал для предположительных общих законов жизни сказки) лишена аллегории и сатиры⁴. Она дает происхождения своеобразных образов трикстеров-животных и вся пронизана стихией комического. Народные сказки о животных формируют нравственный облик человека, но не ставят и не могут ставить задачу дать социальную картину общества. Там, где сказка о животных стала сатирой на общественные пороки (скажем, в немецкое средневековье), она подверглась литературной обработке и переосмыслению, т. е. утратила народный характер.

Работа Н. М. Ведерниковой создана в лучших традициях советской фольклористической науки. Ее отличает внимательное отношение к тексту, анализ его не в отвлечении, а в сложном взаимодействии со средой, интерес к непосредственным исполнителям и хранителям сказки, попытки изучать сказку исторически. Монографию характеризует хорошее знание предшествующей исследовательской литературы, которая вводится в оборот не в целях полемики, а с задачей оценить ее как своеобразный на данном этапе итог советской науки о сказке.

² Впервые в фольклоре поставленная Д. С. Лихачевым.

³ Некоторые страницы недавно вышедшей работы С. С. Бардахановой «Бурятские сказки о животных» (Улан-Удэ, 1974) дают примеры подобного подхода.

⁴ См.: Е. С. Котляр. Африканская сказка о животных и архаические формы повествовательного фольклора. — «Ранние формы искусства». М., 1972.

В. А. Бахтина

Фольклор русского населения Прибалтики. М., 1976, 248 с.

Давние и многогранные связи литовцев, латышей и эстонцев с русским народом в области духовной культуры привлекают к себе постоянное внимание этнографов, филологов, представителей других наук. Неуклонное расширение и углубление этих исследований открывает перед учеными новые аспекты взаимодействия и взаимообогащения культур братских народов. Одним из наиболее интересных и перспективных направлений является изучение фольклора русских старожилов в республиках Советской Прибалтики, заметно активизировавшееся в последнее время. Недавно в Латвии и Литве один за другим вышли в свет довольно крупные фольклорные сборники, подготовленные И. Д. Фридрихом и Н. К. Митропольской¹; произведения разных жанров, записанные от русского старожильского населения Прибалтики, периодически печатаются в других местных изданиях. Сборник «Фольклор русского населения Прибалтики», публикация которого предпринята по инициативе сотрудников Института этнографии имени

¹ «Русский фольклор в Латвии». Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972; «Русский фольклор в Литве». Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975.

Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, представляет собой значительный вклад в изучение духовной культуры народов нашей страны.

Рецензируемая книга — серьезное и очень нужное сейчас научное издание, ценность которого не исчерпывается введением в научный оборот значительного количества фольклорных текстов. Песни и сказки русских старожилов Литвы, Латвии и Эстонии впервые публикуются в одной книге, что способствует сравнительному анализу особенностей и современного состояния русской фольклорной традиции в данном регионе, а также теоретическому обобщению некоторых закономерностей взаимодействия фольклора разных народов. Интересные суждения по этим вопросам содержатся во вступительной статье ответственного редактора книги Э. В. Померанцевой. Опираясь на богатый опыт советской фольклористики и этнографии, автор освещает многообразные процессы обмена духовными ценностями между народами, исторические судьбы которых издавна тесно переплетаются.

В сборнике опубликовано более 300 фольклорных произведений, в том числе 50 текстов народной прозы. Каждый из разделов предваряется обстоятельной вступительной статьей автора-составителя — Н. К. Митропольской, Т. С. Макашиной и А. Ф. Белоусова. Помимо общей характеристики публикуемых материалов, наблюдений над некоторыми специфическими особенностями бытования разных жанров среди русского старожильского населения Прибалтики, над эволюцией фольклорной традиции, в статьях приводятся необходимые для издания такого рода сведения об истории русских поселений в каждой из Прибалтийских республик, о характере отношений русских старожилов с соседями, освещается социальная сторона их жизни в иноязычном окружении.

Во вступительных статьях к разделам и в комментариях к текстам нередко содержатся ценные ссылки на весь собранный в этой республике материал по русскому фольклору (последовательнее других делает это Н. К. Митропольская). Такие данные позволяют судить о том, что скрывается за опубликованными образцами, о различиях в репертуаре песен и сказок русских старожилов каждого района.

Стремление дать общую картину бытования русского фольклора в трех Прибалтийских республиках вызвало дополнительные трудности. Прежде всего они связаны с тем, что степень изученности русской фольклорной традиции не везде одинакова, методика собирания и точность записи не всегда соответствуют современным требованиям науки. Если в Латвии опубликованные материалы записывались преимущественно профессиональными фольклористами, имеющими большой опыт полевой работы, то в Эстонии, наряду с опытными местными корреспондентами, песни и сказки собирали студенты, а раздел фольклора русских старожилов Литвы составлен почти исключительно из текстов, записанных студентами-практикантами. Сопоставительный анализ фольклорных произведений осложняется также тем обстоятельством, что записи их производились в разное время (в Латвии и Литве — в 60—70-е годы, а в Эстонии почти весь представленный в книге материал собран двумя-тремя десятилетиями ранее).

Из-за разобщенности авторского коллектива не всегда соблюдается единство в принципах отбора текстов. Следовало бы специально их оговорить, так как подчас не совсем ясно, каким песням и сказкам составители отдавали предпочтение: наиболее типичным для русского фольклора или же тем, в которых заметнее следы взаимодействия с фольклором соседних народов.

Степень близости произведений, записанных от русских старожилов в Прибалтике, к аналогичным произведениям литовского, латышского, эстонского и белорусского фольклора можно установить лишь при специальном сопоставительном анализе. Начало этой кропотливой работе положено составителями сборника. В ряде случаев они указывают на близость конкретных произведений в фольклоре разных народов, убедительно аргументируя свои предположения. Ценными являются сведения о географическом распространении сказок. Однако некоторые утверждения о заимствованиях у соседей необоснованно категоричны. Например, песня № 22 объявлена близкой к литовскому фольклору только потому, что в ней развивается тема, отмеченная и в литовской традиции. Но эта тема (на свадьбе девушки-сироты не хватает ее матери) известна песенному фольклору многих народов. Про песню № 19 сказано еще категоричнее: «Восходит к литовской песенной традиции», ибо в ней есть символ руты. Но этот символический образ столь же характерен и для белорусских песен (кстати, опубликованный вариант записан на границе с Белорусской ССР). В то же время почти дословное совпадение песни № 7 (она отнесена к свадебным песням) с литовской календарной игровой песней осталось незамеченным.

При комментировании текстов народной прозы составители сборника заведомо ограничили свои возможности тем, что придерживались устоявшейся в русской фольклористике традиции определять номера типов сказок по указателю А. Аарне — Н. Андреева, а не по международному каталогу А. Аарне — С. Томпсона. На сей раз традицию нарушить было просто необходимо: в международном каталоге учтены данные опубликованных до 1960 г. национальных каталогов литовских, латышских и эстонских сказок. Например, там можно найти сведения о том, что сказка № 201 имеет параллели не только в славянском, но и в литовском и латышском фольклоре (АТ 47, 119 *), а № 209 — в фольклоре многих народов (АТ 1791). Полезно было бы обратиться к имеющимся во всех трех республиках каталогам национального фольклора (в рукописях и картотеках): сведения о том, что сказки, записанные от русских старожилов, бытуют и среди их соседей, зачастую в тех же районах, были бы весьма кстати.

Разумеется, не эти частные упущения и неточности определяют рецензируемую книгу, в целом выполненную на современном научном уровне и вместе с другими публикациями по Прибалтике открывающую новый ареал бытования русского фольклора. Представленный в сборнике материал, несомненно, будет способствовать дальнейшему изучению взаимодействия фольклора разных народов.

Б. Кербелите, Ю. А. Новиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

A. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. *Sociale problemer i Grønland*. København, 1975. 401 s., karter, tabeller.

Крупнейшая из эскимосских групп¹, гренландская, издавна привлекала внимание этнографов и антропологов ряда стран, в том числе и СССР. При этом исследователи уделяли основное внимание происхождению гренландцев, развитию их культуры на протяжении веков и т. д. Что касается современных этнических процессов, в частности гренландско-датской аккультурации, то они рассматривались, на наш взгляд, несколько односторонне. Ученые больше стремились зафиксировать быстро меняющиеся или исчезающие этнические особенности гренландцев во всем их многообразии (задача, безусловно, очень актуальная), нежели подвергнуть глубоко, комплексному анализу основную причину этих изменений — новые социально-экономические условия, в которых гренландцы очутились в 1950—1970 гг. И даже в тех случаях, когда попытки такого рода анализа предпринимались (например, исследования канадца Д. Дженнесса, датчан Б. Иенсена, Н. Хойлунда и др., советских ученых Л. Файнберга, Г. Аграната, В. Похлебкина), они основывались в лучшем случае на статистическом материале по экономике и демографии и не могли из-за отсутствия более подробных статистических данных сколько-нибудь полно осветить насущные проблемы эскимосского общества. Показательно, что отсутствие комплексной информации по социологии эскимосов, являющихся гражданами Дании, обеспокоило не крупнейший научный центр по изучению этнографии гренландцев — копенгагенский Институт эскимосологии, а датское министерство по делам Гренландии, и притом по причинам, как будет показано ниже, далеким от «чистой» этнографии.

Консультативный социологический комитет этого министерства предложил Копенгагенскому институту социальных исследований провести анализ гренландского общества, чтобы определить социальную адаптацию эскимосов к новым условиям труда и быта, а также факторы, на эту способность влияющие (повышение благосостояния, распространение образования, билингвизма и т. п.). Исследования были проведены в 1972—1973 гг. в основном регионе расселения — в Западной Гренландии. В них приняли участие датские и гренландские ученые — социологи, юристы, педагоги и др. Собранный на основе главным образом опроса населения материал, сделанный в результате его обработки выводы и обобщения, прогнозы и рекомендации — информация, представляющая огромный интерес для этнографии, — является содержанием рецензируемой книги.

В ее первой главе, посвященной истории этноса, дается наряду с традиционной для книг о Гренландии информацией и некоторая новая, касающаяся развития эскимосского общества в последние годы. Выработанный датской администрацией к 1950 г. план «Г-50», по которому экономика Гренландии должна была быть доведена до такого уровня, чтобы страна могла далее существовать и развиваться без помощи Дании, не был осуществлен, несмотря на очень большие датские субсидии. Были достигнуты отличные результаты в жилищном, школьном, больничном, транспортном строительстве, резко возрос уровень материального благосостояния, были решены и иные частные задачи. Однако Гренландия и по сей день не может обходиться без субсидий (они возросли с тех пор), специалистов, технической помощи Дании. Причиной этой неудачи авторы считают трудности адаптации этноса к крайне быстрому социально-экономическому развитию (стр. 54). Этим они, на наш взгляд, несколько упрощают ситуацию. Известно, что быстрый рост населения замедляет социально-экономическое развитие, как правило, отстающих стран. Другой «продукт прогресса» — загрязнение окружающей среды — поражает в основном развитые державы. Гренландия, пожалуй, единственное место на Земле, где эти два явления наблюдаются одновременно. Рост населения в 1960-х гг. достиг рекордного уровня — 4,8% в год, а пищевая база резко ухудшилась в результате ухода морского зверя, потом рыбы, отравления прибрежных вод солями свинца, цинка, кадмия и другими рудничными отходами. И если до сих пор доходы отдель-

¹ Из 50-тысячного населения Гренландии 42 тысячи составляют эскимосы.

ных семей эскимосов, как и всего острова, неуклонно (хотя и медленнее, чем в 1950-х годах) растут, то причина здесь не в уменьшении остроты подобных проблем, а в энергичности, с какой гренландцы и датчане стремятся преодолеть экономические трудности.

Не менее сложны социальные проблемы. Очевидно, с самого начала действия «Плана Г-50» социологическим исследованиям уделялось непропорционально мало внимания. Как отмечают авторы, в 1960-х годах был проведен ряд ограниченных, частных анализов на основе общей статистики; к концу десятилетия прекратилась и эта работа (стр. 58). С скромными результатами ее не позволили выработать реальных планов социального и культурного строительства. Поэтому, в частности, информация об окружающем мире стала поступать к эскимосам (при помощи школы, кино, телевидения и т. д.) бесконтрольно и отнюдь не постепенно. Обновленное сознание эскимосов, переселившихся из стойбищ в города, расставшихся с традиционными профессиями, образом жизни, моралью, впитывало самое зримо-материальное и заманчивое из набора ценностей современной западной цивилизации. Неизбежно наступает момент, когда рост потребностей обгоняет рост материальной базы. И здесь деформированная возбужденными извне потребностями психика гренландцев нередко толкает их на преступления. Это — одна из причин проявившегося в начале 1950-х годов и прогрессирующего в дальнейшем роста правонарушений, алкоголизма и т. д. Однако эти аномалии, очевидно, результат не только психосоматических сдвигов, но и осознания гренландцами низшего по сравнению с датским социально-экономического положения, образования, недостаточной (согласно новым критериям) престижности их занятий и т. д. К сожалению, авторы не сопроводили даже таким схематичным и далеко не полным объяснением свои действительно ценные и впервые собранные данные по этой теме (стр. 210—244). Не новы, но интересно иллюстрированы местным материалом выводы об обратной зависимости между уровнем благосостояния, образования и распространением подобных социальных аномалий (стр. 245—250).

Некоторые исследователи связывают это явление с дискриминацией эскимосов в оплате труда по сравнению с датчанами. Проводить здесь параллель не всегда возможно, так как трудно учесть массу приводящих факторов (различия в квалификации, опыте, организованности и пр.). Авторы отказываются от такого сравнения, давая лишь цифры об общем распределении доходов между эскимосской и датской группами населения (стр. 94).

В главе, посвященной проблемам труда и занятости эскимосов, авторы приводят сведения об их профессиональном образовании, участии в традиционных и современных отраслях экономики. Богатейший материал позволил авторам сделать ряд совершенно новых выводов, например о росте профессиональных стабильности и организованности эскимосских трудящихся, горизонтальной и вертикальной динамике контингента рабочей силы и т. д. (стр. 177, 178).

Столь же актуально, сколь и трудно исследование эскимосской безработицы. Оно необходимо еще и потому, что датские социологи дают этому пороку гренландского общества (около 17% трудоспособных — без работы) самые различные толкования — от нежелания белых предпринимателей пользоваться местной рабочей силой² до отказа эскимосов, получающих пособие по безработице, работать³. Ресцензируемый труд содержит вывод о трех основных истоках безработицы: а) интенсификации производства, б) застое рыбодобычи, в) демографическом взрыве 1940—1970 гг. (стр. 161). Все три фактора хорошо аргументированы, их влияние сомнений не вызывает, хотя они, по нашему мнению, не единственные. Исследование таких явлений, как сезонная безработица (многие оставляют работу в сезон охоты), нередкая еще профессиональная непригодность, элементы психологической неподготовленности гренландцев к некоторым видам деятельности и т. д., заслуживают, конечно, большего внимания. Мало разработана в книге и проблема маргиналов, доля которых в обществе растет. Медленно разлагающийся традиционный сектор экономики еще не скоро прекратит выбрасывание их в города и поселки; с другой стороны, датские субсидии гарантируют всем прожиточный минимум, не дают этим «лишним людям» умереть с голоду. Надломленная слишком резким скачком из первобытного общества в современное, психика эскимосов часто не в состоянии противиться соблазнам тунейства, маргиналы превращаются в люмпенов. Проблема эта занимает в комплексе нерешенных этносоциальных проблем острова центральное место, ибо, во-первых, фокусирует весь этот комплекс, что затрудняет, если не делает невозможным ее отдельное решение, а во-вторых, она разрастается, втягивает в свою орбиту или порождает новые проблемы (молодежи, преступности, эмиграции и др.).

Интересны данные об эскимосском быте (гл. VII). Некоторые из них наилучшим, на наш взгляд, образом характеризуют глубокие изменения, связанные с аккультурацией этноса. Недавно в большинстве своем неграмотные охотники любимым занятием в свободное время в первую очередь называют чтение, затем художественные промыслы, посещение кинотеатров и т. д. Охота и рыбная ловля (в качестве развлечения) стоят на одном из последних мест (стр. 180). Большое внимание эскимосы уделяют различным видам вечернего образования — им охвачен каждый четвертый (стр. 189).

² I. Wilken. Saelskinsbukser er uønskede.— «Land og folk», 20—21 sept. 1975.

³ H. Jacobi. Triste tanker om Grønland.— «Grønland», 1971, № 4, s. 109—112.

Еще одна сложная проблема — школьное образование. И здесь трудность заключается не в недостатке средств, школ или учителей⁴, но в выборе основного направления образования — «европейским» оно должно быть или «гренландским». Известно, что активисты движения «Гренландский путь развития» требуют нацелить школьную программу на формирование традиционных навыков (которых дети уже не могут получить от родителей-горожан), изучение родного, а не датского языка и т. д.⁵ Сторонники национально-экономического развития острова, форсированной подготовки собственных кадров настаивают на углублении изучения датского языка как основы в дальнейшей учебе и работе⁶. Совместить эти два требования, очевидно, невозможно, так как датская школа не менее чем основательной подготовкой известна и высокими нагрузками (в последнем ее превосходит, кажется, только западногерманская). Дальнейшее усложнение программы рядом «гренландских» предметов вряд ли возможно. Усечение же с этой целью школьного курса неминуемо поставит гренландских выпускников в неравное с их датскими сверстниками положение при учебе в вузах⁷. Авторы книги не только дают четкую картину состояния вопроса в период исследования, но и делают весьма неожиданное открытие: перевода школы на эскимосский язык обучения требует та самая элита, которая, как считалось⁸, всецело стоит за «данизацию» своих отпрысков (стр. 200, 201). Мы можем только предположить, что и тут начал сказываться рост национально-го самосознания местной буржуазии.

Остановимся на некоторых общих выводах исследования. Авторы считают, что социальные проблемы Гренландии в существенной своей части — проблемы всего западного мира, т. е. что объяснять возникновение их только столкновением «примитивной» и развитой культур неправомерно (стр. 37). Тезис этот, весьма глубокий и верный, подкрепляется заслуживающим доверия, но слишком частным выводом: наибольшей сбалансированностью (в том числе и социально-психологической) характеризуются именно те индивиды, которые далее всего отошли от традиций в смысле образования, воспитания, профессии. И наоборот, психические заболевания, алкоголизм, преступность более распространены среди менее развитых их соотечественников, что авторы справедливо связывают прежде всего с шаткой экономической и социальной позицией последних (стр. 39). Отсюда, как мы видим, один шаг до анализа классовых противоречий, единственно способного указать общие истоки для большинства пороков общества потребления, но шаг этот авторами не сделан. По этой причине они не могут подвести классовую базу под другое свое замечание: «Поставленные «Планом Г-50» цели не были достигнуты не потому, что генеральное направление гренландской политики было неверным, а оттого, что она не была доведена до конца» (стр. 41), т. е. не удалось создать современную социально-экономическую базу. С этим выводом нельзя не согласиться: действительно, давно уже вступившая на путь капиталистического развития Гренландия страдает пока не столько от пороков этого пути, сколько от замедленного, недостаточного по нему продвижения. Добавим лишь, что отстающая в своем развитии даже от этого невысокого темпа и весьма немногочисленная эскимосская буржуазия целиком зависит от датской, не способна к гегемонии. И, что еще более важно для нашего анализа, эта неспособность ее не компенсируется исторически закономерным процессом превращения малочисленных и слабо осознающих себя как класс рабочих острова в класс-гегемон промышленного пролетариата. Так создается вакуум в области социально-политической гегемонии. Его пытаются заполнить, мешая друг другу, с одной стороны, представители датского и иностранного частного капитала, с другой — чиновники датских государственных предприятий и администрации. Ни первые, ни вторые до сих пор особых успехов не добились, вряд ли ожидают их в будущем и действуют поэтому вяло и нерешительно. Они держатся наверху лишь благодаря разобщенности и сравнительной немногочисленности гренландской политически активной оппозиции.

Выход из трудностей сегодняшней Гренландии (в рецензии затронута лишь часть этих проблем) авторы видят прежде всего в предоставлении гренландскому самоуправлению более широких полномочий и свободы самостоятельно определять путь социально-экономического развития эскимосского общества (стр. 41). С другой стороны, они не мыслят иного политического (и экономического) статуса Гренландии, кроме как части Дании. И дело здесь, очевидно, не только в датских субсидиях, но и в реальной опасности закабаления экономически и политически пока слабой Гренландии мощными соседними империалистическими державами. Отдают себе в этом отчет и сами гренландцы, у которых перед глазами постоянно имеется пример американских и канадских индейцев и

⁴ В среднем в классе занимается 16 учеников; каждый 50-й человек на острове — школьный учитель.

⁵ А. Møller. Skibet er ladet med... — «Grønland», 1975, № 1—2, s. 46.

⁶ «Fangerdistrikterne fremtid». — «Grønland», 1973, № 6, s. 212, 213.

⁷ В датских вузах нет отделений типа факультета народов Крайнего Севера в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена. Единственная привилегия эскимосских студентов — бесплатное обучение и солидная стипендия на протяжении учебы в любом учебном заведении Дании.

⁸ Н. Henriksen. Skole og kulturmøde i Grønland. — «Grønland», 1971, № 3, s. 90.

эскимосов, живущих в условиях жестокой нужды, национального угнетения, дискриминации⁹.

Примененный авторами структурный метод исследования, очевидно, наиболее оправданный в подобной работе сам по себе, но предполагающий совершенную деперсонализацию, мог быть, на наш взгляд, обогащен элементами конкретной информации о политических, партийных, культурных, национальных деятелях, о вкладе, который они внесли в дело развития этноса. Недостаточно, на наш взгляд, раскрыта конкретная социально-экономическая «гренландская политика» Дании в рассматриваемый период.

К недостаткам книги следует также отнести полное отсутствие какого-либо материала о социальных и политических движениях эскимосов, развернувшихся в последние 10—15 лет. Метод сплошного опроса, избранный датскими социологами, мог бы дать интересную и нужную информацию об отношении трудящихся к постоянно дебатированному в ландсроде Гренландии политическим и экономическим вопросам. Возможно, это пролило бы свет на причины недостаточной поддержки массами партий, в программах которых значилась борьба за независимость острова¹⁰.

Перечисленные недостатки несколько не умаляют достоинств книги. Это не ошибки, а именно недостатки, следствие чрезвычайной сложности предмета, объективной невозможности осветить все его многочисленные грани в первом же исследовании такого рода. Достоинства этого труда — обилие и точность информации, наглядность изложения, методологическая четкость и многие другие — таковы, что он, вне всякого сомнения, будет еще многие годы интенсивно использоваться наукой (и не в последнюю очередь этнографией).

Выпукло и добросовестно созданная картина гренландского общества, но показанная пока лишь в статике, заслуживает, уже в силу крайней своей своеобразности (а во многих отношениях — и уникальности), показа в динамике. Поэтому основное пожелание, которое мы можем высказать авторам, — продолжить работу, столь удачно и многообещающе начатую.

В. Е. Возгрин

⁹ Характерно, что за отделение Гренландии стоит реакционная Консервативная партия Дании. Напротив, гренландская социалистическая партия Суйумут борется за более полное и органичное вхождение острова в состав датского государства (*I. Wiken. Vi vil ikke ræfle om Grønlands fremtid.* — «Land og folk», 6—7 november 1976; *его же. Grønland tvinges væk fra Danmark.* — «Land og folk», 3 november 1976).

¹⁰ О распавшихся недавно партиях Инуит и Сукак. а также пришедшей им на смену партии Суйумут см.: «Hvem, Hvad, Hvor — 1977». København, 1976.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Я. В. Чеснов. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976, 298 стр.

Рецензируемая книга — результат многолетних исследований. В наше время, когда политическая активность народов Индокитая так явно влияет на положение во всем мире, появление такой книги особенно необходимо. Длительная антиимпериалистическая борьба народов этих стран, которая увенчалась достижением независимости, а также воссоединение Вьетнама, идущего по пути социализма, — все это объясняет растущий интерес к странам Индокитая.

В научном плане рецензируемая книга не менее актуальна, потому что труд Я. В. Чеснова — первая в мировой литературе книга по исторической этнографии всего Индокитая, в которой с равным вниманием рассмотрены хозяйство, материальная и духовная культура больших и малых народов.

Работы крупного австрийского исследователя этих проблем Р. Хейне-Гельдерна относятся в основном к 1930—1940 гг. и в силу реакционных европоцентристских концепций их автора неприемлемы для советской науки.

Я. В. Чеснов избрал предметом исследования Индокитай как историко-этнографическую область. Для анализа этапов ее формирования он привлек огромный археологический, этнографический, лингвистический материал, а также данные письменных источников, антропологии, этноботаники. О проделанной работе говорит библиография, насчитывающая более 800 названий. Следует отметить широкое использование не только старой, но и новейшей этнографической литературы, среди которой достойное место заняли публикации вьетнамских этнографов. Обилие привлеченного автором фактического материала позволило ему шаг за шагом раскрыть исторические судьбы народов столь сложной области, как Индокитай.

Автор широко пользуется сравнительно-историческим методом, выдвигая в данном исследовании на первый план его сравнительно-типологический аспект. Нужно сказать, что этот подход требует знания огромной массы материалов по самым различным народам не только Индокитая, но и соседних историко-этнографических областей: Восточной и Южной Азии, островной части Юго-Восточной Азии, Океании. Для проверки своих выводов автор обращается и к более отдаленным районам Центральной и Передней Азии, Европы и Кавказа.

Но для Я. В. Чеснова широкие сопоставления — лишь одна сторона сравнительно-исторического метода. Другая принципиальная черта этого метода заключается в установлении уровня социально-экономического развития тех обществ, культура которых анализируется. При этом автор подчеркивает необходимость критического отношения к используемым данным. Если обратиться к старым трудам по этнографии и истории первобытного общества, таким, как исследование Э. Тэйлора¹ и Дж. Фрэзера², то в них можно найти довольно частое использование этнографических данных по народам Юго-Восточной Азии, в том числе и по Индокитаю. Однако у этих авторов материалы о лесных собирателях — семагах могут стоять рядом с материалами о таких создателях древнейших цивилизаций, как тямы или бирманцы. Автор, безусловно, прав, относясь осторожно к таким сопоставлениям. С другой стороны, как показывает исследование Я. В. Чеснова, большинство «горцев» Индокитая не стояло в стороне от истории классового общества. В книге приведены доказательства существования у «горцев» в прошлом своих очагов государственности. Поэтому к фактам этнографии как источнику всегда следует, по справедливому мнению автора, относиться критически. Необходимо научно объяснить происхождение того или иного факта, рассмотреть его бытование в определенных социальных условиях, увидеть его значение в исторической перспективе.

Приведем два примера: специфической чертой архитектуры сельского жилища в Юго-Восточной Азии является преобладание там свайной конструкции. Наземные дома встречаются реже и в более поздние периоды, а вот жилище типа землянки для этого региона совершенно нехарактерно. Однако Я. В. Чеснову удалось найти у хедроггов, одной из этнографических групп джараев, бытование в начале века землянки в качестве так называемого мужского дома (стр. 119). Архаичность самого этого института позволяет автору рассматривать землянку как реминисценцию древнего жилища, существовавшего у австронезийских (индонезийских) народов, и гипотетически связать это с влиянием северной береговой культуры (стр. 119).

В качестве другого примера можно сослаться на рассматривание автором обычая воздвигать мегалиты. Возникновение его хронологически относится к эпохе бронзы и раннего железа и связано с разложением первобытной общины, выделением из нее социальной верхушки, которая использует мегалитические культы в своих целях. Однако при всей социальной обусловленности мегалитов как явления сама практика их воздвижения оказалась связанной конкретно с упоминавшимися австронезийскими народами, в приморских культурах которых развился этот обычай (стр. 201—247).

Итак, автор рассматриваемого труда, обращаясь к сравнительно-историческому методу, исходил прежде всего из марксистского понимания законов общественного развития, из учения о прогрессивно сменяющихся социально-экономических формациях. Это позволило ему критически рассмотреть локальные этнические культуры, проблемы заимствования культурных черт, социального и культурного регресса и другие сложные вопросы этнографии.

Книга состоит из четырех глав, Введения, Заключения, списка литературы и подробного предметного указателя.

В первой главе «Исторические предпосылки культурного развития» автор касается становления производящего хозяйства в Юго-Восточной Азии, узловых моментов этногенеза в эпохи бронзы и раннего железа, а также рассматривает образование этнокультурных систем в период развитого классового общества в Индокитае. Этнокультурные системы Индокитая, в которых важнейшим звеном является историческое соотношение обитателей равнин и горцев, позволили автору конкретно представить сложение и функционирование основных хозяйственно-культурных типов. Следует сказать, что аналогичная ситуация вскрывается не только в Индокитае, но и в Индонезии и на Филиппинах.

Вторая глава озаглавлена «Агроэтнография и этноботаника». Здесь автор подробно осветил историю рисосеяния в странах Юго-Восточной Азии. Историю отдельных этапов распространения рисоводческих культур ему удалось связать с теми или иными большими этническими общностями. Так, он считает, что появление риса в Индии было связано не только с народами мунда, как считалось раньше, но и с гималайскими и тибето-бирманскими народами. По его мнению, рисоводство орошаемого типа развилось первоначально среди тайских и индонезийских по языку народов, расселившихся в материковой Юго-Восточной Азии первоначально в приморских районах. В тех же районах, по мысли автора, были введены в культуру просынные растения. Последние, как известно, составляли основу земледелия у создателей археологической культуры яншао, и это роднит яншао с приморскими культурами.

¹ Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939.

² Дж. Фрэзер. Золотая ветвь, вып. 1—4. М., 1928; «Фольклор в Ветхом завете». М.—Л., 1931.

По нашему мнению, Я. В. Чеснову следует в будущем ответить на вопрос о причинах почти полного отсутствия риса в Океании, поскольку он в настоящее время больше, чем другие советские исследователи, использует данные этноботаники для историко-этнографических реконструкций³.

Третья глава «Местные традиции и внешние связи по данным материальной культуры» состоит из двух разделов, посвященных жилищу и костюму. В первом из них разносторонне изучен вопрос о генезисе различных форм свайных построек. Во втором подробно исследованы распространение и история одежды, головных уборов и украшений (в украшения включены спиливание зубов и татуировка).

Для специалистов по этнографии Юго-Восточной Азии довольно любопытными окажутся собранные автором сведения о проникновении сюда с севера элементов костюма центральноазиатских народов.

Последняя глава посвящена ареальным проблемам духовной культуры. Здесь рассмотрены пищевая табуация собаки и мифы об этом животном, мифические образы змеи и дракона, различные этногонимические мифы; большой раздел посвящен мегалитическим культам. В последнем разделе этой главы справедливо критикуется английский исследователь Х. Дж. Уэйлз (стр. 207), игнорирующий доказательства самостоятельного возникновения в Юго-Восточной Азии обычая сооружения мегалитов. Как видим, из сферы духовной культуры Юго-Восточной Азии для исследования выбраны наиболее важные и сложные сюжеты, что является несомненной заслугой автора.

В Заключении Я. В. Чеснов дает основные выводы, которые характеризуют этапы формирования историко-этнографической области Индокитая (т. е. материковой части Юго-Восточной Азии). Убедительно звучит здесь положение автора о двух путях меридиональных связей в древней Юго-Восточной Азии, из которых западный — континентальный — шел к Центральной Азии, а восточный — приморский — в течение тысячелетий служил магистралью культурных связей и миграций от северной до южной части приморского и островного тихоокеанского мира. По мнению автора, в Юго-Восточной Азии с эпохи бронзы развернулось интенсивное взаимопроникновение культур народов, исторически связанных с одним из этих путей. Огромное значение для таких процессов имел длительный период существования рабовладельческого и феодального строя. Автор, следуя концепции советских и вьетнамских специалистов, убедительно показывает основные черты этого общества, которое в период поздней бронзы и раннего железа было рабовладельческим (общество лак-вьетов), а в первые века нашей эры стало феодальным. Автор показал, что «горцы» Индокитая, подвергшиеся неблагоприятному воздействию развитых соседей в период позднего феодализма, играли особую, а порой и ведущую роль в более ранние этапы истории этого региона.

Отметим некоторые неточности. По нашему мнению, Я. В. Чеснов дает слишком рационалистическое объяснение обряду вторичного захоронения, предположив, что в его возникновении мог сказаться подвижный быт обществ, занимавшихся морскими промыслами (стр. 234). Между тем сам автор указывает на то, что, по верованиям некоторых народов, душа продолжает жить какое-то время после смерти, и это вызвало потребность двукратного захоронения и воздвижения мегалитов. Подобного рода объяснение представляется более вероятным. На последней странице книги (стр. 269) допущена явная описка, где говорится о миграционных потоках в широтных направлениях. На самом деле речь идет о меридиональных направлениях миграции с севера на юг и с юга на север.

В заключение следует сказать, что одна из важных научных тем книги — связи Индокитая с окружающими его, а также отдаленными ареалами. Проведенное исследование показало особую роль Индокитая для всей Юго-Восточной Азии. Оно дает право автору назвать Индокитай центром формирования того культурного синтеза, который определил все культурно-историческое своеобразие Юго-Восточной Азии.

Рецензируемая книга — этап в изучении истории и этнографии Индокитая. Она убедительно показывает своеобразие данного региона, самостоятельный ход его основных социально-исторических процессов, большой вклад народов Индокитая в сокровищницу мировой культуры и в то же время их плодотворный культурный обмен с соседями.

К. Ю. Мешков

³ Некоторые соображения приведены им в работе: Я. В. Чеснов. Особенности земледелия в Океании. — «Проблемы изучения Австралии и Океании (история, экономика, этнография)». М., 1976.

Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975, 190 стр.

Издательство «Наука» в последнее время выпустило несколько книг о культуре и истории Перу, страны, где в настоящее время проводятся большие социальные преобразования.

Рецензируемая книга рассчитана на широкий круг читателей; она не перегружена специальной терминологией и читается легко.

Во введении (стр. 3—15) кратко характеризуются источники и определяется задача книги — осветить некоторые важнейшие проблемы развития кечуа.

В первой главе «Современные теории и концепции по проблемам историко-этнического развития народа кечуа» (стр. 16—62) подробно излагаются основные направления зарубежной историографии об инках. Хорошо представлены взгляды основателя компартии Перу Хосе Карлоса Мариатеги на эти вопросы. Здесь же изложена противоречивая сущность латиноамериканского и перуанского индееанализа, критикуется культурно-политическое движение «латинидад», деятельность миссионеров и пр. Нам представляется, что в этой главе нужно было специально представить работы советских историков и этнографов на исследуемую тему. Здесь целесообразно было показать, что сделано В. К. Никольским и А. М. Золотаревым в довоенное время, Б. И. Шаревской и самим Ю. А. Зубрицким в 50-е годы. Несколько работ по изучаемой Ю. А. Зубрицким или близким темам увидели свет в 60-е и 70-е годы.

Во второй главе «Народ кечуа до испанского завоевания» (стр. 63—91) большое место (стр. 63—80) уделено социальной иерархии инкского общества, которое автор определяет как общество, переживающее переходный период от первобытнообщинного строя к рабовладельческому (этот вопрос уже анализировался Ю. А. Зубрицким и Б. И. Шаревской). Однако восприятие этого положения затрудняется, поскольку ниже (стр. 80) автор говорит, что полная победа рабовладельческого строя у инков не смогла бы произойти без еще одного «нового революционного переходного периода».

Несколько меньшее место (стр. 80—89) занимает изложение этнических процессов в древнем Перу. Видимо, автор правильно ставит на первое место в этих процессах создание обширного инкского государства, сопровождавшееся распространением кечуанской культуры и языка и восприятием инками ряда культурных достижений от соседей. В этом разделе показано, как разные социальные слои подчиненных народов и племен в разной степени поддавались кечуанизации. Автор считает инкскую экспансию прогрессивной на том основании, что она «несла с собой более высокий тип производственных отношений (либо более высокий уровень отношений того же типа) по сравнению с теми отношениями, которые существовали среди соседних племен и народов» (стр. 80—81). Это несколько упрощенный взгляд на сущность прогресса. Не следует забывать также, что «просветительской» миссией часто прикрывались колониальные захваты в прошлом, а сейчас в некоторых странах Южной Америки необходимостью «цивилизовать» индейцев оправдывается захват их земель. В этой главе можно было бы подробнее рассказать об этнической карте инкского государства, в частности, о кечуанских группах того времени.

В третьей главе «Народ кечуа в колониальный период» (стр. 91—134) описаны войны индейцев против конкистадоров, особенности феодализма в Андах и его влияние на этнические процессы. Интересно, хотя и дискуссионно замечание Ю. А. Зубрицкого о том, что в этот период у индейцев проявляется «общининдейское» самосознание, сущность которого заключалась в осознании общности происхождения, общности бесправного положения и общности коренных интересов, отличных от положения и интересов колонизаторов и групп креольского населения (стр. 120). По мнению автора, это самосознание могло стать при определенных исторических условиях базой для проявления национального самосознания (стр. 121). В этой же главе описаны освободительные движения кечуа в XVIII в.; они, как полагает Ю. А. Зубрицкий, «явились завершающим фактором консолидации племенных групп в единую народность» (стр. 132).

Четвертая и последняя глава — «Проблемы историко-этнического развития народа кечуа от войны за независимость до наших дней» (стр. 135—178). Автор справедливо отмечает, что образование самостоятельных государств на месте бывших испанских колоний не принесло заметного улучшения социально-экономических условий индейцев. В главе описаны явления и процессы, которые ведут к уменьшению кечуанской народности. Вместе с тем Ю. А. Зубрицкий выделяет ряд признаков, которые, как он полагает, способствуют сложению единой кечуанской нации: растущая численность кечуа (их сейчас около 9 миллионов человек в разных странах), появление кечуанской буржуазии, общность языка и культуры у кечуа разных стран. Думается, что здесь можно было хотя бы поставить вопрос о возможности сложения кечуанских наций в пределах отдельных существующих государств. Очень бегло описана политическая история андских стран с середины XIX до середины XX в., не сказано о конфликтах между разными странами этого района, об отношении к ним индейского населения и о влиянии политических противоречий между разными странами на предполагаемое формирование

кечуанской нации. Раздел о национально-революционном движении кечуа в эпоху империализма и в современную эпоху (стр. 163—175) завершает главу. Современный этап в этом движении начинается с 30-х годов нашего века. Для него характерно постепенное слияние национального индейского движения с пролетарским и общедемократическим движением (стр. 169). Автор раскрывает роль компартий андских стран в этом процессе.

В заключение можно сказать, что Ю. А. Зубрицкий выполнил намеченную им цель — показал основные этапы истории кечуа и осветил некоторые важнейшие проблемы этой истории. В приведенной библиографии представлена цитированная литература, а также произведения, которые помогут читателю в дальнейшем изучении теоретических и конкретно-исторических проблем национальных отношений в андских странах.

Э. Г. Александренков

НАРОДЫ АФРИКИ

Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. М., 1975, 244 стр.

Пестрый, причудливый мир африканской сказки уже знаком советскому читателю. В нем действуют животные-герои, духи лесов и вод, могущественные колдуны, смелые охотники, мифические вожди и прародители племен. На первый взгляд, перед нами еще одно доказательство всеобщности одних и тех же «интернациональных» сюжетов, которые мы находим в фольклоре Индии и Ирана, у индейцев Америки, в казахской или в русской сказке, разнящихся от остальных лишь именами героев, своеобразием места действия, атрибутами и т. п. Но так ли это?

Вышедшая в издательстве «Наука» книга Е. С. Котляр показывает нам фольклор африканских народов (южнее Сахары) совсем с иной стороны. Последовательно, начиная с самых низших ступеней культуры, с фольклора бушменов, автор ведет читателя вверх по сложной лестнице мифологических и религиозных представлений различных африканских народов, отмечающих их развитие как в области общественных институтов, так и в познании причинно-следственных связей окружающего их мира. И по мере того как совершалось это внутреннее и «внешнее» развитие, наряду с ним, отражая его этапы, происходила незаметная эволюция устного творчества, представляя мифы далекого прошлого то в виде сказки, то — на более высоких ступенях — в виде героического эпоса, где на место личностного сознания выступает уже сознание общественное (стр. 157).

Проникновение за «внешнюю», литературную оболочку сказки (мифа) дало автору возможность систематизировать огромный практически неразработанный материал, представляющий воочию сложные онтологические процессы, протекавшие и сходно и различно у разных народов Африканского континента. Удачно совмещая в своем исследовании методику школы В. Я. Проппа, вскрывавшего в волшебной сказке и героическом эпосе пласты архаических представлений, и Е. М. Мелетинского, подходящего к мифу (и фольклору в более широком понимании) с позиций системного исследования, Е. С. Котляр на материале африканского фольклора удалось восстановить своего рода «иерархию культов», поскольку «архаические пласты мифологии (тотемические представления.— А. Н.) включаются в системы верований уже более высокого порядка — культы антропоморфных предков, обожествленных вождей и царей, политеистические пантеоны» (стр. 34, 35). Эта особенность африканского фольклора, столь же разнообразного, как язык, культура, быт и история племен, создавших его, сказывается совершенно исключительной для задач исторического литературоведения. Иными словами, перед нами одновременно проходят различные стадии одного и того же исторического процесса, который исследователями современного европейского фольклора может быть только постулирован. Так, если в фольклоре развитых народов, имеющих достаточно давние, многовековые государственные традиции, обычный герой животной сказки оказывается всего лишь трикстером, не выдающим своего тотемического происхождения, то «на африканском материале эта генетическая внутрижанровая связь, общая для мирового фольклора, прослеживается очень четко и конкретно благодаря стадийной многослойности африканского фольклора и наличию множества переходных форм — от архаических к более поздним» (стр. 126).

Однако возможно ли просто рассматривать эволюцию жанров в виде постепенного перехода сюжета с низшей стадии на высшую, в результате чего сам сюжет трансформируется, меняя свою окраску, направленность, теряя прежнее и приобретая иное смысловое содержание? Если говорить о чисто литературном процессе, как по большей части его рассматривает автор, подобное допущение правомочно. Так, если сказки бушменов рисуют нам образ жизни, организацию, этические представления охотников и собирателей, причем тотемические представления выступают здесь в неприкрытом виде, то уже у народов веда, шона, дион, догонов те или иные животные (прежние тотемы?)

оказываются только посредниками в широко развитом культе предков, а прежние мифы призваны всего лишь объяснить тот или иной ритуал (стр. 65 и сл.). Именно здесь, на стыке исторических эпох, отмеченных разными формами сознания, рождается волшебная сказка, приводящая, с одной стороны, к обожествлению и персонификации стихий, появлению типичного демиурга — «громовника» (стр. 81—85), а с другой — к возрастанию в сюжете этического элемента как неперемennого атрибута зарождающейся «литературности». Правда, подобное наблюдение, как правило, относится к сказкам народов, испытавших достаточно сильное воздействие «арабского фольклора, пришедшего вместе с мусульманской культурой» (стр. 145), что характерно в первую очередь для Западной Африки. Но возникающий литературный процесс, приводящий к созданию героического эпоса, характеризуется здесь не только усилением этического момента.

Центральный герой волшебной сказки — культурный герой — демиург, защитник, изобретатель ремесел, похититель божественного огня и родоначальник, в возникающем эпосе уступает место тому или иному божеству, которое становится теперь родоначальником царствующей династии как некоей персонификации племени или союза племен. Происходит не обожествление героя, как можно было бы предположить, а наоборот, «создание» героев и предков из богов (стр. 107, 108). Наряду с этим действительные герои исторического эпоса, цари (Фаран у сонгаи, Сундьята у мандини), приобретая сверхъестественные черты, обращают свои силы уже не на внутреннюю организацию быта своего народа, а на укрепление его границ, на отражение врагов, на расширение территории. Соответственно с этим изменяется и задача фольклора: он становится «государственным делом», целиком отходя к профессиональным придворным сказителям, гриотам, проходящим специальное обучение, получающим свое знание от отцов и передающих его своим детям (стр. 154). Один из гриотов так характеризует свое назначение: «Мы — мешки слов, мы — мешки, в которых лежат многовековые тайны. Искусство говорить открыто нам; без нас имена царей остались бы в забвении, мы — память людей. Своим словом мы возвращаем жизнь былым делам и поступкам перед лицом новых поколений» (стр. 158). Не преувеличивая, можно утверждать, что в этом случае перед нами уже как бы продукт готовой литературы, ждущей только изобретения письменности, чтобы сделать последний и окончательный шаг от творчества устного к письменному, влившись в общемировую литературный процесс. Характерно, что при этом, как отмечает автор, прежние «тотемические имена Сундьяты переходят в разряд эпитетов» (стр. 38).

Книга Е. С. Котляр написана талантливо и интересно. Историк литературы найдет в ней множество примеров, показывающих эволюцию фольклора от наиболее ранних его стадий до завершающих; фольклорист обнаружит огромный упорядоченный материал для системных исследований, этнограф — ключ ко многим явлениям материальной и духовной культуры. В частности, можно указать на разительное совпадение одной из линий сюжета «чудесный супруг» в волшебной сказке Африки (связываемой автором с остатками тотемических представлений: тотемическая супруга приносит мужу богатство, а «чудесный» супруг — несчастье) с аналогичным сюжетом в фольклоре Северо-Восточной Азии (чукчи, эскимосы, коряки): «чудесный супруг» угрожает жизни девушки; от опасности быть съеденной мужем (животным, чудовищем) девушку спасает брат, младшая сестра или охотник, который затем берет ее в жены (стр. 144). Наконец, читатель найдет в этой книге новый, практически неизвестный нам мир космогонических и этнологических представлений африканцев. Но об этом следует сказать подробнее.

Сказка, пусть даже ранняя африканская, все-таки не сам миф, а всего лишь «хранилище мифа», хранилище множество различных представлений того или иного народа: этических, этнологических, тотемических и философских. Неспециалисту трудно увидеть их в «чистом» тексте или даже заподозрить их существование. Но когда эти сказки одна за другой анализируются последовательно и систематично, перед читателем возникают системы представлений о мире и человеке, отложившиеся в их текстах. Выше я уже коснулся эволюции и формирования некоторых мифологических представлений, о которых подробно говорит на страницах своей книги Е. С. Котляр. Но совершенно исключительный интерес вызывают космологические системы бамбара и догонов — сложные, многоступенчатые системы взаимодействующих элементов (боги), трансформирующихся и преобразующихся от этапа к этапу. Остается впечатление, что «творение» мира еще продолжается. Особенный интерес, на мой взгляд, в этих системах вызывает утверждение, что в основе мироздания и творения лежит «вибрация и спиралеобразное движение» (стр. 87, 102, 122). Насколько эта сложная для понимания европейца «мифология» (система представлений) проникает все и вся в жизни данных народов, можно видеть по следующему примеру.

В понимании догонов «человек — это Номмо (дух воды, предок. — А. Н.) в становлении: новорожденный — это голова духа; ребенок, достигший половой зрелости, — это его грудь; в момент обручения человек уподобляется ногам Номмо, во время свадьбы — его рукам. Взрослый человек — это тело Номмо. В старости человек — это весь Номмо, представляющий человечество и всю вселенную» (стр. 120). При этом следует помнить, что Номмо — это и вода (морей, потоков, дождей), и свет (солнечные лучи), и вся «божественная сущность, которая является жизненной силой мира» (стр. 95). Еще более сложные представления заключены в мифологической символике жилища моси, тесно связанных с догонами, где каждый элемент жилища — дверь, порог, брусья остова, запор, ключ — являет собой определенный символ, имеющий соответствие в структуре те-

ла мужчины и женщины, в их физиологических отправлениях, в окружающей природе и в самой вселенной (стр. 120). Этим символам соответствуют стихии, они выражаются в числах, определяют частную жизнь человека, его быт и быт его народа. И хотя автор прямо не говорит об этом, можно понять, почему теория «негритюда», опирающаяся в первую очередь на «исконный» мистицизм и символизм сознания африканского «психотипа», возникает именно в 30-е годы нашего века, одновременно с работами М. Гриоля и его последователей (стр. 12), впервые открывших европейскому миру эти сложные «рафинированные» мифологические системы, имеющие так мало общего с традиционными представлениями о «примитивности» мышления негроидной расы.

Критиковать книгу Е. С. Котляр и просто, и сложно. Просто, потому что можно упрекнуть автора в недостаточно широком охвате материала различных народов, обитающих в Африке южнее Сахары, в ограниченном использовании эпоса, в отказе от сопоставления мифологических систем контактирующих ареалов. Но будут ли справедливы подобные упреки? Кроме того, что вопросы эти выходят за пределы четко очерченных автором границ работы, следует помнить, что исследователи африканского фольклора имеют дело с отрывочным, почти совсем не систематизированным материалом, представляющим ничтожную часть действительного его объема. Работа Е. С. Котляр, несомненно, выиграла бы при попытке совместить мифологический анализ той или иной реконструируемой системы (идеологический ряд) с анализом орнаментальных систем тех же народов (идеографический ряд), чтобы попытаться отыскать соответствие между идеей и ее преломлением в искусстве. Ощущается и чисто географический разрыв при переходе от фольклора бушменов (Южная Африка) к фольклору народов Межозерья, тем более резкий, что уровни социального развития тех и других несоизмеримы. С другой стороны, уникальный характер сведений, сообщаемых М. Гриолем и его школой, не всегда подтвержденных позднейшими собирателями, заставляет не только с большой осторожностью пользоваться этим материалом, но и требует его проверки со стороны возможных внешних влияний, почти не затронутых данной работой. Так, автор лишь вскользь упоминает о влиянии христианства и ислама на ряд мифологических представлений, но совершенно игнорирует чрезвычайно мощное и продолжительное культурное воздействие Южной и Юго-Восточной Азии на восточные области Центральной и Южной Африки. Влияние это, хорошо прослеживаемое на историческом и археологическом материале, не могло не затронуть сферу идеологии обитателей Африканского континента в зоне контакта, наиболее ярко проявившись именно в фольклоре данных районов. Вопросы эти чрезвычайно существенны, и хочется надеяться, что они не будут обойдены вниманием исследователя в его дальнейшей работе над сложной, только еще открываемой областью африканской мифологии.

Заканчивая эту, по необходимости краткую рецензию, я хочу выразить уверенность, что нужная и интересная книга Е. С. Котляр «Миф и сказка Африки», изданная безукоризненно как со стороны научного аппарата, так и ее оформления, но слишком ограниченным тиражом, явится важным вкладом в советскую африканистику и будет тепло встречена самыми широкими кругами читателей.

А. Л. Никитин

СОДЕРЖАНИЕ

1917—1977

Великая Октябрьская социалистическая революция и торжество пролетарского интернационализма	3
Ю. В. Бромлей (Москва). Интернациональное и национальное в строительстве социализма	11
И. С. Гурвич (Москва). Этнокультурное сближение народов СССР	23
И. А. Крывелев (Москва). Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении	36
М. Н. Губогло (Москва). К изучению двуязычия в истории народов мира	46
С. Талбот (Хельсинки). «Свободный Алькатрас»	60

Сообщения

В. К. Малькова (Москва). Применение контент-анализа для изучения сотрудничества советских народов (по материалам республиканских газет)	71
Я. С. Смирнова (Москва). Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа)	81
В. М. Мельник (Чернигов). Украинско-венгерские отношения в украинском фольклоре Карпатского региона	93
С. И. Вайнштейн (Москва), Д. Трайде (Лейпциг). Научная работа этнографов университета им. Карла Маркса (ГДР)	106

Поиски, факты, гипотезы

В. Е. Гусев (Ленинград). Пути песен народно-освободительной борьбы	111
--	-----

Хроника

В. Н. Басилов, И. М. Семашко (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1976 году	129
--	-----

Научная жизнь

Н. В. Бикбулатов, Л. И. Нагаева (Уфа). Второе Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание	139
В. Н. Морохин (Горький). V областная фольклорная конференция «О задачах собирания и пропаганды фольклора в Горьковской области»	142
Р. Сук, И. Варжека (Прага). Конференция «Этнографические журналы в социалистических странах»	145
О X Международном конгрессе антропологических и этнологических наук	146
Коротко об экспедициях	147

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

И. С. Кон (Ленинград). Проблема детства в современной американской этнопсихологии (Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинга)	148
--	-----

Общая этнография

В. Д. Корольюк (Москва). <i>Карпатский сборник</i>	158
С. И. Вайнштейн, Ю. И. Семенов (Москва). Г. Е. Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации	163

Народы СССР

В. И. Переведенцев (Москва). В. И. Козлов. Национальности СССР (Этнодемографический обзор)	166
В. П. Алексеев, В. Н. Басилов (Москва). Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)	171
С. Р. Аврутин, А. М. Решетов (Ленинград). Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX в. (историко-этнографические очерки)	174
Я. Р. Винников (Москва). А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. «Кавказский этнографический сборник», V, I	176
В. А. Бахтина (Саратов). Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка	177
Б. Кербелите, Ю. А. Новиков (Вильнюс). Фольклор русского населения Прибалтики	178

Народы зарубежной Европы

В. Е. Возгрин (Ленинград). А. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. Sociale problemer i Grønland	180
--	-----

Народы зарубежной Азии

К. Ю. Мешков (Москва). Я. В. Чеснов. Историческая этнография стран Индокитая	183
--	-----

Народы Америки

Э. Г. Александренков (Москва). Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа	186
---	-----

Народы Африки

А. Л. Никитин (Москва). Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки	187
---	-----

SOMMAIRE

1917—1977

La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et le triomphe de l'internationalisme prolétarien	3
Yu. V. Bromley (Moscou). L'international et le national à l'édification du socialisme	11
collaboration des peuples soviétiques (d'après les matériaux des journaux de l'U. R. S. S.)	23
I. A. Kryvéliov (Moscou). Les rites modernes et le rôle de la science ethnographique à leur étude, constitution et implantation	36
M. N. Gouboglo (Moscou). Contribution à l'étude du bilinguisme dans l'histoire des peuples du monde	46
S. Talbot (Helsinki). L'«Alcatraz Libre»	60

Communications

V. K. Malkova (Moscou). L'application de la content-analysis à l'étude de la collaboration des peuples soviétiques (d'après les matériaux des journaux de Républiques)	71
Ya. S. Smirnova (Moscou). L'interaction culturelle et la famille (d'après les matériaux du Caucase du Nord)	81
V. M. Mielnik (Tchérnigov). Des rapports ukraino-hongrois reflétés dans le folklore ukrainien de la région Carpatique	93
S. I. Vaïnchteïn (Moscou), D. Treide (Leipzig). Le travail scientifique des ethnographes de l'Université Carl Marx (R. D. A.)	106

Recherches, faits, hypothèses

V. Ye. Goussiev (Léningrad). Par des voies des chansons de la lutte libératrice populaire	111
	191

Chroniques

- V. N. Bassilov, I. M. Siemachko (Moscou). Activités de l'Institut d'Ethnographie, Académie des Sciences de l'U. R. S. S., en 1976 129

Vie académique

- N. V. Bikhoulatov, L. I. Nagaïeva (Oufa). Deuxième Conférence archéologo-ethnographique de la région de Volga et d'Oural 139
V. N. Morokhine (Gorki). «Sur les tâches de la collecte et de la propagande du folklore dans la région de Gorki» — Vème Conférence folklorique régionale 142
R. Suk, J. Vařeka (Prague). Une Conférence dite «Revue ethnographiques dans les pays socialistes» 145
Sur le Xème Congrès International des Sciences anthropologiques et ethnologiques 146
Missions en bref 147

Critiques et bibliographie

Articles de critique et revues

- I. S. Kohn (Léningrad). Le problème de l'enfance dans l'ethnopsychologie américaine moderne (sur les études de Béatrice et John Whiting) 148

Ethnographie générale

- V. D. Koroliuk (Moscou). Le «Recueil Carpatique» 158
S. I. Vaïnchteïn, Yu. I. Sémionov (Moscou). G. Ye. Markov. Nomades de l'Asie. Structure de l'économie et de l'organisation sociale 163

Peuples de l'U.R.S.S.

- V. I. Pieréviedéntsev (Moscou). V. I. Kozlov. Les nationalités de l'U. R. S. S. (Aperçu ethnodémographique) 166
V. P. Aléxéïev, V. N. Bassilov (Moscou). B. Kh. Karmychéva. Essais sur l'histoire ethnique des régions méridionales de Tadjikistan et d'Ouzbékistan (d'après les données ethnographiques) 171
S. A. Avroutine, A. M. Riechéto (Léningrad). N. O. Toursounov. Constitution et voies d'évolution de la population urbaine et rurale du Tadjikistan du Nord, XIXe-début XXe siècles (essais historico-ethnographiques) 174
Ya. R. Vinnikov (Moscou). A. I. Robakidzé, G. G. Ghéghétchkori. Formes d'habitat et structure des établissements de l'Ossétie de montagne 176
V. I. Bakhtina (Saratov). N. M. Viediernikova. Le conte populaire russe 177
B. Kerbelite, Yu. A. Novikov (Vilnius). Le folklore de la population russe des régions Baltiques 178

Peuples de l'Europe hors l'U.R.S.S.

- V. Ye. Vozgrine (Léningrad). A. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. Sociale problemer i Grønland 180

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

- K. Yu. Miechkov (Moscou). Ya. V. Tchiesnov. Ethnographie historique des pays de l'Indochine 183

Peuples de l'Amérique

- E. G. Aléxandrienkov (Moscou). Yu. A. Zoubritski. Incas-Ketchua. Etapes principales de l'histoire d'un peuple 186

Peuples de l'Afrique

- A. L. Nikitine (Moscou). Ye. S. Kotliar. Mythe et conte de l'Afrique 187

Технический редактор Т. И. Сироткина

Сдано в набор 11/VII-1977 г. Т-16820. Подписано к печати 28/IX-1977 г. Тираж 2680 экз.
Зак. 4650. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. л. 19,2.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10